

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 1 2022 Январь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Стариков, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт государства и права РАН, 2022
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2022

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

№ 1 2022 January

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2022

О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть <i>М.И. Клеандров</i>	7
Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты <i>И.А. Кравец</i>	19
Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции <i>А.Г. Головин</i>	34

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Государство и порядок: из опыта теории и философии права <i>Е.А. Фролова</i>	46
Право, правоприменение и юридическая герменевтика <i>В.Н. Корнев, В.И. Кононенко</i>	54
Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований <i>Р.Ф. Степаненко</i>	64

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

Суицид в парадигме социальной аддикции и психологии права <i>В.И. Жуков</i>	75
--	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Формирование правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации <i>Е.В. Виноградова, Е.В. Михайлова</i>	83
Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы <i>М.А. Малина</i>	91

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина <i>А.Д. Керимов</i>	98
Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент <i>В.М. Баранов, А.Р. Лаврентьев, Н.А. Трусов</i>	110

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов <i>Г.Н. Чеботарев</i>	120
---	-----

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений

С.Ю. Чуча 130

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения

Х.Д. Аликперов 143

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Документы стратегического планирования как источники финансового права

С.О. Шохин, Е.В. Кудряшова 158

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach

V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov, T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev 168

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA

А.А. Дементьев 179

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя (1917 – вторая половина 1930-х годов): обзор исследований

Л.Г. Берлявский 188

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Россия – единая и неделимая

Г.М. Вельяминов 203

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование

В.М. Корякин 207

НЕКРОЛОГ

Институт государства и права РАН с глубоким прискорбием сообщает о кончине выдающегося советского и российского ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата Государственной премии Российской Федерации Виктора Васильевича Лунева

А.Н. Савенков 211

Ушел из жизни выдающийся советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Виктор Дмитриевич Перевалов

А.Н. Савенков 213

CONTENTS

Number 1, 2022

On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in her <i>M.I. Kleandrov</i>	7
Digital constitutionalism: methodological and legal aspects <i>I.A. Kravets</i>	19
Constitutional principles of the delegation of power by the people in the Russian Federation: the search for a concept <i>A.G. Golovin</i>	34

PHILOSOPHY OF LAW

State and order: from the experience of theory and Philosophy of Law <i>E.A. Frolova</i>	46
Law, law enforcement and legal hermeneutics <i>V.N. Kornev, V.I. Kononenko</i>	54
Culturological approach in law: problems of interdisciplinary research <i>R.F. Stepanenko</i>	64

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF LAW

Suicide in the paradigm of social addiction and Psychology of Law <i>V.I. Zhukov</i>	75
---	----

COURT, PROCURATOR'S OFFICE, THE BAR

Formation of the legal status of the arbitration court in the jurisdictional system of the Russian Federation <i>E.V. Vinogradova, E.V. Mikhailova</i>	83
The use of artificial intelligence in the administration of criminal justice: problems and prospects <i>M.A. Malina</i>	91

DISCUSSIONS AND DEBATES

Morality, state, capitalism: reflections on the theory of the moral state of S.N. Baburin <i>A.D. Kerimov</i>	98
Independent anti-corruption expertise in Russia: an unsuccessful experiment <i>V.M. Baranov, A.R. Lavrentiev, N.A. Trusov</i>	110

SELECTIVE LAW AND THE DEVELOPMENT OF DEMOCRACY

Public observation as a tool of election legitimacy <i>G.N. Chebotarev</i>	120
---	-----

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Social partnership in the regulation of labor and other relationship directly related to them <i>S. Yu. Chucha</i>	130
---	-----

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Binary singularity of the causes of individual criminal behavior

H. D. Alikperov

143

BUDGET, TAXES, BANKS

Strategic planning documents as sources of Financial Law

S. O. Shokhin, E. V. Kudryashova

158

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach

V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov, T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev

168

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Rebirth of integration: from NAFTA to USMCA

A. A. Dementev

179

PAGES OF HISTORY

Formation of state-legal bases the Soviet agrarian system (1917 – the second half of the 1930^s):
a review of research

L. G. Berlyavsky

188

SCIENTIFIC REPORTS

Russia – one and indivisible

G. M. Velyaminov

203

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

The current state of Military Law: a new fundamental scientific study

V. M. Koryakin

207

OBITUARY

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences is deeply saddened to announce the death of an outstanding Soviet and Russian scientist, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the State Prize of the Russian Federation Viktor V. Luneev

A. N. Savenkov

211

An outstanding Soviet and Russian legal scientist has passed away, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Viktor D. Perevalov

A. N. Savenkov

213

О НЕИЗБЕЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧТО В НЕЙ ДОЛЖНО БЫТЬ

© 2022 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021 г.

Аннотация. На основе скрупулезного анализа хронологии и существенных характеристик изменений Конституции РФ 1993 г. автор пришел к выводу о четкой периодизации этих изменений (2008 г. – 2014 г. – 2020 г.), и через шесть лет усматривается закономерность проецирования неизбежности принятия новой Конституции РФ – ориентировочно в 2026 г. Подтверждением объективной потребности в новой Конституции служат также: изначальная дефектность ряда конституционных положений, содержащихся в гл. 1 и 2 Конституции РФ 1993 г., изменить которые без принятия новой Конституции РФ невозможно; образовавшиеся противоречия (явные и подспудные) между конституционными положениями, содержащимися в гл. 1 и 2 Конституции РФ, с одной стороны, и гл. 3–8, с другой стороны; дефектность ряда нововведений в Конституцию РФ, произведенных в 2020 г. (прежде всего относящихся к конституционным основам механизма правосудия); а главное – возможность новую Конституцию РФ 2026 г. сконструировать на качественно иной базе с ориентацией на будущее, со счастливым обществом, высокоэффективным государственным устройством, сильной экономикой и проч., в основе чего должна лежать национальная идея, ядром которой будет сакральная для нашего общества справедливость. Вносятся конкретные предложения, в том числе о том, что должна содержать новая Конституция РФ.

Ключевые слова: изменяемость Конституции РФ 1993 г., неизбежность принятия новой Конституции РФ в 2026 г., основные идеи будущей Конституции РФ.

Цитирование: Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.

DOI: 10.31857/S102694520018267-4

ON THE INEVITABILITY OF THE DEVELOPMENT AND ADOPTION OF A NEW CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WHAT SHOULD BE IN HER

© 2022 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 01.11.2021

Abstract. Based on a scrupulous analysis of the chronology and essential characteristics of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 1993, the author came to the conclusion about a clear periodization of these changes (2008–2014–2020), and after six years, a pattern of projecting the inevitability of the adoption of a new Constitution of the Russian Federation is seen – approximately in 2026. Confirmation of the objective need for a new Constitution are also: the initial defect of a number of constitutional provisions

contained in chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation in 1993, which cannot be changed without the adoption of a new Constitution of the Russian Federation; the resulting contradictions (explicit and implicit) between the constitutional provisions contained in chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation, on the one hand, and chapters 3–8, on the other hand; the defectiveness of a number of innovations to the Constitution of the Russian Federation made in 2020 (primarily related to the constitutional foundations of the justice mechanism); and most importantly, it is possible to construct the new Constitution of the Russian Federation in 2026 on a qualitatively different basis with a focus on the future, with a happy society, a highly efficient state structure, a strong economy, etc., which should be based on a national idea, the core of which will be justice sacred to our society. Specific proposals are being made, including what the new Constitution of the Russian Federation should contain.

Key words: changeability of the Constitution of the Russian Federation of 1993, the inevitability of the adoption of a new Constitution of the Russian Federation in 2026, the main ideas of the future Constitution of the Russian Federation.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in her // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1. pp. 7–18.

Как известно, в мире нет государств, имеющих конституцию, в которых последняя периодически не изменялась бы и не дополнялась. Государственные институты развиваются, общество развивается, наконец, человеческая цивилизация развивается, и все это – разноректорно и разнотемпорально. И если наша Конституция не будет развиваться путем изменений, дополнений ее положений (и при крайней необходимости ее заменой на новую), она неизбежно станет тормозом в развитии страны. Но целиком меняться конституция должна только тогда, когда ее уже нельзя не менять.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция РФ претерпела следующие изменения, и их динамика – хронологическая и сущностная – представляется определяющей в плане рассматриваемой в настоящей статье проблемы.

Первоначально изменения были вызваны исключительно новыми наименованиями субъектов Российской Федерации в 1996 г.¹ Позже этот процесс продолжился в том же формате и при наличии тех же оснований посредством переименований субъектов Российской Федерации в 2001 г.² По сути, перечисленные изменения конституционных

положений носили скорее реакционный характер, на конституционный статус переименованных субъектов Российской Федерации они никак не отразились. Тем не менее Конституция РФ 1993 г. была ими «распечатана», и эти изменения ее положений можно считать первым, самым малозначительным этапом конституционных изменений.

К тому же инициатива данных изменений исходила от самих субъектов Российской Федерации, конституционно уполномоченных на это. «В силу ст. 73 Конституции решение вопроса об определении своего наименования относится к исключительному ведению субъектов Российской Федерации. Это обстоятельство подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 ноября 1995 г. № 15-П³. <...>. Новое наименование субъекта Российской Федерации включается в ст. 65 Конституции РФ на основании решения субъекта Российской Федерации, принятого в установленном им порядке»⁴.

Более серьезные изменения ст. 65 Конституции РФ были вызваны объединением и иным преобразованием субъектов Российской Федерации⁵.

¹ Республика Ингушетия (см.: Указ Президента РФ от 09.01.1996 г. № 20 «О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 152; Республика Северная Осетия – Алания (см.: там же); Республика Калмыкия (см.: Указ Президента РФ от 10.02.1996 г. № 173 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 7, ст. 676).

² Чувашская Республика – Чувашия (см.: Указ Президента РФ от 09.06.2001 г. № 679 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 24, ст. 2421); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (см.: Указ Президента РФ от 25.07.2003 г. № 841 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 30, ст. 3051).

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 49, ст. 4868.

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М., 2013. С. 541 (автор комментария к ст. 65 Конституции РФ – В.А. Витушкин).

⁵ Это относится к Пермскому краю (с 01.12.2005 г.) (см.: Федеральный конституционный закон от 25.03.2004 г. № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» // СЗ РФ. 2004. № 13, ст. 1110); Красноярскому краю (с 01.01.2007 г.) (см.: Федеральный конституционный закон от 14.10.2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // СЗ РФ. 2005. № 42, ст. 4212); Камчатскому краю (с 01.07.2007 г.) (см.: Федеральный конституционный закон от

Очевидно, что изменения ст. 65 Конституции РФ на этом этапе существенно значимее предыдущих изменений, хотя они затронули лишь сферу федеративного устройства государства. Еще более серьезным (причем качественно более серьезным в этом формате) является изменение, вызванное вхождением в состав Российского государства двух новых субъектов, до этого находившихся за пределами границ Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя (2014 г.)⁶.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что обозначенный процесс формирования структуры федеративного устройства нашего государства не только далек от совершенства и завершения, – эта структура изначально была в одном из важных сегментов дефектна. Речь идет о т.н. сложноустроенных (сложноставных) субъектах Российской Федерации, когда один субъект входит в состав другого, и оба конституционно равноправны. Логике такая «матрешка» не поддается, а возможностью воспользоваться в решении проблемы посредством принятия отдельного федерального закона, представленной ч. 3 ст. 66 Конституции РФ, никто не воспользовался (насколько автору известно), даже как попытки в форме внесения соответствующего законопроекта. От нерешенности же этой проблемы (нововведениями в Конституцию РФ (2020 г.) она была полностью обойдена) возникает немало отрицательных последствий. Например, в сфере правосудия: суд какого субъекта будет рассматривать дело в рамках правила о территориальной подсудности, если совершено преступление, образовался имущественный спор и т.д., – суд этого «малого» субъекта Российской Федерации или суд «большого» субъекта Российской Федерации, в который входит данный «малый субъект» Российской Федерации? Автор данных строк впервые эту проблему поднял в 1999 г. на Всероссийском

совещании, посвященном проблематике образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации⁷. Но ведь указанная проблема не только проблема конституционного правосудия – не менее (даже более) она в практической сфере остра и для уголовного, и для гражданского, и для административного, и для экономического судопроизводства. И она не решается с 1993 г.

Кроме того, многие политики, особенно в период избирательных кампаний, задают вопрос: не слишком ли много у нас субъектов Российской Федерации, среди которых львиная доля – дотационные (а некоторые – откровенно депрессивные)? – и предлагают их число резко сократить путем объединения нескольких небольших субъектов Российской Федерации в один большой с неизменным включением в него недотационного субъекта.

Очевидно, что подлежат изменению конституционные основы федеративного устройства нашего государства. Помимо реформирования сложноустроенных субъектов Федерации и сокращения общего числа субъектов дотационных необходимо на конституционном уровне закрепить их конституционное равенство.

Сегодня же такие субъекты Российской Федерации, как республики, являются в силу ч. 2 ст. 5 Конституции РФ государствами (т.е. субъектами Российской Федерации со своими конституциями, правом устанавливать в соответствии с ч. 2 ст. 68 Конституции РФ свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком, и проч.), но может ли быть государство, по большому счету, не суверенным? А государство, пусть федеративное, в состав которого входят иные государства, – все-таки не федерация, а скорее конфедерация⁸.

12.07.2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // СЗ РФ. 2006. № 29, ст. 3119; Забайкальскому краю (с 01.03.2008 г.) (см.: Федеральный конституционный закон от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. 2007. № 30, ст. 3745); Иркутской области (с 01.01.2008 г.) (см.: Федеральный конституционный закон от 30.12.2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. 2007. № 1, ст. 1).

⁶ См.: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 12, ст. 1201.

⁷ См.: Клеандров М.И. О модели единого уставного суда для сложноустроенного субъекта Федерации // Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации: материалы Всеросс. совещания (Москва, 24 декабря 1999 г.) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Заславского: сб. ст. М., 2000. С. 151–160.

⁸ См.: «**КОНФЕДЕРАЦИЯ** (лат. *confederato*) – 1) в отличие от *федерации* союз государств, сохраняющих свою самостоятельность, суверенитет и продолжающих раздельно оставаться членами ООН (конфедерация Сенегамбия в Африке в 1981–88). К. имеет некоторые высшие органы, которые принимают решения, относящиеся ко всей К., но эти решения подлежат ратификации государствами-членами, имеющими право *нуллификации*, т.е. не согласиться с принятым решением. В современную эпоху К. в мире нет. 2) Название некоторых международных и национальных организаций» (см.: Чиркин В.Е. // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 457).

Впрочем, это уже больше политика, чем право, и решающее слово за политиками, за наукой политологией.

Конституционные изменения, не относящиеся к сфере федеративного устройства нашего государства (и намного в силу этого значимее), начались в 2008 г. Так, был конституционно изменен срок, на который избирается Президент РФ. Сейчас, после этого изменения, данный срок был увеличен с четырех до шести лет⁹. В этот же день также был конституционно изменен срок полномочий депутатов Государственной Думы (тем же Законом РФ) — с четырех до пяти лет.

30 декабря 2008 г. были расширены контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства РФ. К ведению Государственной Думы в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 103 относится заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности, в т.ч. по вопросам, поставленным Государственной Думой¹⁰.

Соответственно, этим же Законом 30 декабря 2008 г. было произведено конституционное изменение п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ о полномочиях Правительства РФ, — теперь Правительство РФ разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение; представляет Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета; представляет Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в т.ч. по вопросам, поставленным Государственной Думой¹¹.

Все четыре названных изменения и дополнения Конституции РФ, произведенные в 2008 г., хотя и не были связаны друг с другом, но произошли в один год, а главное — были серьезными, поскольку затрагивали статусные характеристики и / или полномочия Президента РФ, Государственной Думы и Правительства РФ. Поэтому их можно

⁹ Редакция ч. 1 ст. 81 Конституции РФ была изменена Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы», вступившим в силу со дня его официального опубликования 31.12.2008 г. (см.: Росс. газ. 2008. 31 дек.). Применяется в отношении Президента РФ, избранного после вступления в силу названного Закона.

¹⁰ Редакция п. «в» ч. 1 ст. 103 приведена в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 31.12.2008 г. (см.: там же).

¹¹ Редакция п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ была приведена в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ (см.: там же).

считать первыми фундаментальными изменениями Конституции РФ 1993 г.

Существенно более значимое место имели изменения Конституции РФ в 2014 г., затронувшие две ветви государственной власти — законодательную и судебную.

Конституционные изменения, относящиеся к законодательной ветви государственной власти, выразились в наделении п. «е.2» ч. 1 ст. 83 Конституции РФ Президента РФ полномочиями назначать и освобождать представителей Российской Федерации в Совете Федерации¹².

Тем же Законом 21 июля 2014 г. была в новой редакции закреплена ст. 95 Конституции РФ — о Совете Федерации (ч. 2–4) и о Государственной Думе (ч. 5).

Несопоставимо более значимы были конституционные изменения 2014 г., относящиеся к судебной ветви государственной власти. Настолько значимы, что их (без преувеличения) можно назвать реформой экономического правосудия.

Центральным конституционным нововведением 2014 г. было упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ (ВАС РФ) с соответствующим исключением из Конституции РФ ст. 127¹³; этим же Законом название гл. 7 Конституции РФ было изменено на «Судебная власть и прокуратура», притом что до этого с самого момента принятия Конституции РФ в 1993 г. указанная глава именовалась «Судебная власть», несмотря на то что в ней находилась ст. 129 о прокуратуре, состоявшая из пяти частей.

В свою очередь, были откорректированы этим же Законом следующие положения Конституции РФ — в форме исключения из них упоминания о ВАС РФ: 1) п. «е» ст. 83 — о представлении Президентом РФ Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного и Верховного судов РФ (но уже не судей ВАС РФ) и о назначении судей других федеральных судов; 2) п. «ж» ч. 1 ст. 102 — о назначении Советом Федерации на должность судей Конституционного и Верховного судов РФ (также без упоминания судей ВАС

¹² Статья 83 Конституции РФ была дополнена п. «е.2» в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 22.07.2014 г. (см.: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 22.07.2014 г. № 0001201407220002).

¹³ Статья 127 была исключена из Конституции РФ в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 06.02.2014 г. (см.: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 06.02.2014 г. № 0001201402060001).

РФ); ч. 1 ст. 104 – о том, что право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному и Верховному судам РФ (без упоминания ВАС РФ); ч. 2 ст. 125, уточнившая полномочия Конституционного Суда РФ, разрешающего дела о соответствии Конституции РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации (без упоминания ВАС РФ); ст. 126 Конституции РФ, уточняющая полномочия Верховного Суда РФ; ст. 128, провозглашающая порядок назначения судей Конституционного и Верховного судов РФ (ч. 1) и других федеральных судов (ч. 2), а также то, что полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного, Верховного и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом (без упоминания, естественно, ВАС РФ); редакция п. «о» ст. 71 Конституции РФ в части, относящейся к процессуальному законодательству, – ранее провозглашалось, что в ведении Российской Федерации находится гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, теперь же была провозглашена общая формула – процессуальное законодательство. Этим же Законом была изменена редакция ст. 129 Конституции РФ, состоящая из пяти частей, посвященная Прокуратуре РФ.

Приведенная выше подборка конституционных изменений 2014 г. свидетельствует: имела место реформа конституционных основ судебной власти, т.е. малая конституционная реформа, потребовавшая изменений редакции отдельных положений 11 статей Конституции РФ. Это серьезно, ибо была ликвидирована одна из трех опорных конструкций судебной ветви государственной власти.

По мнению автора этих строк, упразднение ВАС РФ было ошибочным решением. Официально, с высоких трибун ликвидация ВАС РФ объяснялась просто: предприниматель, не получив защиты своих прав в арбитражном суде, шел в суд общей юрисдикции, где его требования удовлетворялись, и наоборот. Значит, у этих судов имело место различное правопонимание по одному вопросу, что недопустимо.

Но, во-первых, еще в 1992 г. было принято совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам». И в нем шестью пунктами подробно были урегулированы все вопросы разграничения подведомственности дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции. Автор этих строк, семь

с половиной лет (с 1995 по 2003 г.) проработавший Председателем Арбитражного суда Тюменской области и 20 лет (с 1996 по 2016 г.) являвшийся членом Совета судей РФ, не встречался ни с одним случаем, когда предприниматель обращался сначала в суд одной юрисдикции, и не получив защиты, обращался в другой, с успешным для него результатом. В конце концов любой судья не приветствовал бы такого истца, ибо он напоминает им матроса Железняка из известной в прошлом песни, который «шел на Одессу, а вышел к Херсону». А если бы возникла реальная коллизия, не решенная законодательно о подведомственности той или иной категории дел или даже отдельного дела, достаточно было бы в названное выше совместное Постановление Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ внести еще одно дополнение, а не ликвидировать по этой причине ВАС РФ. Да и вообще проблемы применения арбитражными судами, к примеру, норм трудового права (а это компетенция судов общей юрисдикции) успешно разрешались и разрешаются в судебной практике¹⁴.

Поэтому, во-вторых, похоже, что для ликвидации ВАС РФ имелась причина иного порядка, – наверняка любой арбитражный судья на вопрос: а был ли ликвидирован ВАС РФ, если бы им в 2014 г. по-прежнему руководил В.Ф. Яковлев? – ответил бы отрицательно, причем в категорической форме.

И наконец, в-третьих, самое главное – об отрицательных последствиях ликвидации ВАС РФ. Внешне она выглядит не критично, ведь вся арбитражно-судебная система, состоявшая тогда из 82 арбитражных судов субъектов Российской Федерации, 20 арбитражных апелляционных судов и 10 арбитражных кассационных судов, сохранилась в неприкосновенности, как и около 4 тыс. арбитражных судей. А место ВАС РФ заняла Коллегия по экономическим делам Верховного Суда РФ. Но при этом вся арбитражно-судебная система превратилась из самостоятельной, возглавляемой ВАС РФ, в автономную, входящую в судебную систему, возглавляемую Верховным Судом РФ. Соответственно, надзорной инстанцией – высшей по конкретным экономическим спорам, подведомственным ранее Президиуму ВАС РФ, стал Президиум Верховного Суда РФ, а в нем судей Судебной коллегии по экономическим спорам малая доля. И получается, что после ликвидации ВАС РФ дела по экономическим спорам в надзорной инстанции стали рассматривать и решать в основном не специалисты в сфере экономического

¹⁴ См. подр.: Губенко М. И. Разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по спорам с участием руководителя организации // Росс. правосудие. 2021. № 7. С. 23–34.

правосудия (как и в отношении уголовных, гражданских, административных дел, но об этом — ниже). То же и о Пленуме ВАС РФ, теперь доля судей-арбитражников в составе Пленума Верховного Суда РФ также незначительна, а ведь этот Пленум обобщает и анализирует в т.ч. арбитражно-судебную практику и дает судам соответствующие разъяснения в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации. Нет сомнений, что лучше, эффективнее это делал бы — по экономическим спорам — Пленум ВАС РФ.

Так что не всякое изменение Конституции РФ, касающееся судебной власти, было и будет во благо. В научной юридической литературе высказано мнение, что выстраивание вертикали судебной власти таким образом, на фоне общего ухудшения экономической ситуации в стране, может быть расценено общественностью и деловым сообществом как построение управляемого правосудия, что, в свою очередь, может привести к следующим негативным последствиям: потере веры в справедливое правосудие, массовому оттоку предпринимателей и капитала из страны, к утрате государством своей экономической базы — плательщиков налогов¹⁵.

По прошествии семи лет очевидно — сей мрачный прогноз не сбился (во всяком случае в значительной части). Но, во-первых, семилетний срок не столь уж велик, экономическое положение нашей страны в целом продолжает ухудшаться (при этом бедные беднеют, а богатые богатеют, и количество долларовых миллионеров у нас растет), а во-вторых, любая экономическая статистика на фоне коронавирусной пандемии «смазывается» и заведомо не может адекватно отражать реальное состояние экономики. Впрочем, это уже политика, а автор данной статьи стремится всячески отдалиться от нее.

И наконец, о последних по времени изменениях Конституции РФ, произошедших в 2020 г. Их, без всякого преувеличения, можно считать полнокровной конституционной реформой. А началась она с выступления Президента РФ В.В. Путина 15 января 2020 г. с ежегодным посланием Федеральному Собранию РФ¹⁶, где он назвал семь на-

правлений, по которым должны быть произведены конституционные поправки¹⁷.

Буквально через пять дней с письмом от 20 января 2020 г. № Пр.-73 Президентом РФ был внесен в Государственную Думу в соответствии с п. «г» ст. 84 Конституции РФ проект Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», состоящий из 22 пунктов, с соответствующей пояснительной запиской к нему и перечнем федеральных законодательных актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием этого Закона, состоящим из 34 позиций, и иными сопутствующими документами.

Удивляет скорость разработки данного законопроекта (какой-то ультрастахановский ударный труд), если, конечно, он не был разработан (кем?) до названного послания Президента РФ.

Еще больше удивляют некоторые несоответствия между положениями послания и положениями текста этого законопроекта. Например, в седьмом направлении послания Президента РФ указывалось: «И наконец, седьмое. Ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система — Конституционный и Верховный суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной Закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение

¹⁵ См.: *Чупилкина А.Ф.* Объединение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: законодательные улучшения или новые проблемы? // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8.

¹⁶ «Ряд политических, общественных объединений ставят вопрос о принятии новой Конституции. Сразу же хочу ответить — считаю, что такой необходимости нет. (Аплодисменты). Потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, прав и свобод человека, надеюсь, еще многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества.

Вместе с тем высказывания на тему изменения Конституции уже прозвучали. И полагаю возможным обозначить здесь и свою позицию, вынести на обсуждение ряд конституционных поправок, которые считаю вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие» (см.: *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства)*. М., 2020 (Отдельное издание). С. 35, 36).

¹⁷ См.: там же. С. 36–44.

делается, исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает. (Аплодисменты)¹⁸.

Но в вышеназванном законопроекте в части, относящейся к п. «е.4» ст. 83 Конституции РФ, полномочия Президента РФ излагались в иной редакции, и разница здесь представляется существенной: «е-4) вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий судей Конституционного Суда Российской Федерации, судей Верховного Суда Российской Федерации, судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий...».

И эту разницу следует посчитать принципиальной. Ведь в послании Президента РФ названы судьи только Конституционного Суда РФ (их 11) и Верховного Суда РФ (их по штату 170), а в законопроекте (и в окончательной принятой редакции это положение не изменилось) названы были судьи также кассационных и апелляционных судов. А этих судов: общей юрисдикции – 9 кассационных и 5 апелляционных, а арбитражных – 10 кассационных, 21 апелляционный и один – по интеллектуальным правам, а есть еще и военные суды, и если в каждом из этих судов в среднем по 40–50 судей, то общее их число составляет приблизительно 2.5 тыс.

И если судьи Конституционного и Верховного судов РФ «эксклюзивны» при любом подходе, то о названных 2.5 тыс. судей кассационных и апелляционных судов этого не скажешь. И вообще, почему образовалось такое принципиальное различие? Причем не соответствующее предложению Президента РФ, высказанному им в императивной форме в своем ежегодном послании 15 января 2020 г.

Как бы то ни было, процесс превращения этих предложений Президента РФ в окончательные изменения Конституции РФ был стремительным и разноплановым¹⁹. От реформы конституционных основ судебной власти 2014 г. он отличался важной чертой – в качестве проекта он широко обсуждался в обществе, была создана в немалом количестве членов Рабочая группа по подготовке предложений

о внесении поправок в Конституцию РФ. А сблизало эти две реформы то, что обе возникли изначально внезапно, и практически ничто не предвещало их появления.

Но конституционная реформа 2020 г. была в отличие от реформы 2014 г. намного шире, глубже, значительнее, захватывала – фундаментально – все три ветви государственной власти. Отличало ее и то, что по поправкам 2020 г. к Конституции РФ дал свое заключение Конституционный Суд РФ²⁰, 1 июля 2020 г. прошло общероссийское голосование за эти поправки с результатом: «за» – 77.92% от числа граждан, принявших участие в этом голосовании²¹, имелся и ряд иных процедурных моментов, а о грандиозности нововведений свидетельствует то, что общее число поправок в Конституцию РФ насчитывалось уже 206.

Сам же текст Конституции РФ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., был в соответствии с Указом Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками»²² опубликован в «Российской газете» 4 июля 2020 г. При этом п. 1 названного Указа Президента РФ было установлено, что поправки в Конституцию РФ, предусмотренные ст. 1 Закона РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», вступают в силу 4 июля 2020 г.

Такой детальный экскурс в историю всех изменений Конституции РФ с 1996 г. по настоящее время автор данных строк осуществил с единственной, но важной, с его точки зрения, целью: выявить наличие тех или иных закономерностей в этих изменениях. Проведенный анализ этих изменений показал:

²⁰ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1–3 // Росс. газ. 2020. 17 марта. Сам же названный здесь Закон был опубликован в «Российской газете» 16.03.2020 г., в «Парламентской газете» – 13–19.03.2020 г. и в др.

²¹ См.: постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 03.07.2020 г. № 256/1888-7 «О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // Росс. газ. 2020. 4 июля.

²² См.: Росс. газ. 2020. 4 июля.

¹⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации... С. 43, 44.

¹⁹ При этом сам проект конституционных изменений 2020 г. успел подвергнуться определенной критике в юридической литературе (см., в частности: *Джавахан Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 1018; *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex russica. 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 41–52).

изменения — фундаментальные — были бурно нарастающими по охвату конституционным регулированием — четыре, 11 и 206;

изменения были неожиданными и исходили от федерального центра;

изменения были нарастающими по глубине, по охвату фундаментальных основ, опорных конструкций Российского государства;

серьезные, основательные, фундаментальные изменения происходили с явно выраженной периодичностью: в 2008 г. (изменение сроков полномочий Президента РФ и депутатов Госдумы; расширение контрольных полномочий Госдумы в отношении Правительства РФ и др.); в 2014 г. (малая конституционная реформа судебной ветви государственной власти и иные, не связанные с этим нововведения); в 2020 г. — крупномасштабная конституционная реформа.

Взгляд на эту периодичность (через шесть лет каждая) позволяет с большой степенью вероятности предположить: следующая, еще большая, чем в 2020 г., конституционная реформа будет иметь место в 2026 г. (плюс-минус незначительный срок). И эта наличествующая закономерность позволяет сказать: в указанное время осуществление большой конституционной реформы будет неизбежным объективно.

Следует при этом отметить: здесь мы имеем дело не со стохастическим — случайным или вероятностным процессом, характер изменения которого предсказать невозможно. Наоборот, характер будущих изменений вполне предсказуемо виден со всей очевидностью.

Кроме статистического довода о сравнительно скорой большой конституционной реформе есть и иные.

Так, все реформы, включая последнюю, не затрагивали гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ 1993 г. А ситуация, при которой объективная потребность в многочисленных вышеперечисленных изменениях в гл. 3–8 была, а в гл. 1, 2 и 9 — не была, просто не имеет право на существование в силу элементарной логики. А менять положения, содержащиеся в них, без принятия новой Конституции РФ невозможно.

Далее: невозможно, чтобы некоторые конституционные нововведения 1996–2020 гг. в гл. 3–8 не вошли в противоречие с гл. 1, 2 и 9 или по форме, или по своей глубинной сущности.

Наша страна, как и весь мир, стремительно развивается и в плане научно-технического прогресса и, что еще более важно, в сфере общественных отношений. Уже сейчас некоторые конституционные положения, включая нововведения 2020 г.,

либо несколько устарели, либо даже тормозят развитие. Сюда также надо включить те конституционные положения, которые нужны объективно, но их нет. А ведь сама Конституция РФ должна быть нацелена также и на будущее, чтобы не стать буквально через несколько лет тормозом для развития нашего общества и государства.

И наконец, пожалуй, самое главное — новая Конституция РФ может стать принципиально иной, базирующейся на иных политических, идеологических, юридических, экономических и т.п. началах, без попыток улучшить старое, не оправдавшее себя. К тому же в юридической литературе в предложениях по принятию новой Конституции РФ недостатка нет. Через 10 лет после принятия Конституции РФ 1993 г. член-корр. РАН Д.А. Керимов сказал: «Я солидарен с теми, кто настаивает на принятии новой Конституции, поскольку действующая принята на переходный период. Принята наспех, небрежно, под известное лицо и при его непрофессиональном, но, увы, непосредственном и решающем участии. Если мы с удовольствием избавились от тоталитаризма, то почему бы нам также не поступить с ельцинским наследием?»²³.

Да и после конституционной реформы 2020 г. подобные предложения вносились, причем в жесткой форме. Например, известный политик и ученый С.Н. Бабурин отметил: «Реформа 2020 г. не сняла с повестки дня вопрос о необходимости новой Конституции России. Напротив, обнажив ущербность ряда норм “неизменяемой” части Основного Закона, она выступила лишь началом фундаментальных конституционных перемен.

Благополучие и надежность будущего требуют, во-первых, конституирования всего комплекса традиционных духовно-нравственных ценностей, во-вторых, нравственного характера самой власти. Так что работы впереди — непочатый край. Вперед, к нравственному государству!»²⁴.

Разумеется, разработка проекта новой Конституции РФ и процедуры ее принятия не будут простыми, не сопоставимыми даже с конституционной реформой 2020 г. И в то же время не будут сопоставимыми (хочется надеяться) с разработкой проекта (ряда проектов!) и принятия Конституции РФ 1993 г., что детально описано в соответствующей научной юридической литературе²⁵ и в пре-

²³ Конституции России 10 лет: опыт реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 12.

²⁴ Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 6.

²⁵ См., напр.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007–2010 (ряд томов состоял из нескольких книг).

дельно насыщенном фактурой труде М.А. Митюкова, находящегося в тот период в самой гуще событий²⁶. Опубликован также по «горячим следам» 20-томник соответствующих материалов²⁷ локального отрезка времени.

Не будут потому, что необходимость разработки и принятия Конституции РФ 1993 г., сменившей Конституцию РСФСР 1978 г., с ее огромным количеством поправок²⁸ была обусловлена «ломкой эпох», сменой парадигмы в сознании наших граждан, изменением государственного и политического устройств, трансформацией экономических основ государства и проч. То есть к 1993 г. уже произошли столь очевидные тектонические сдвиги в России, что и потребовалась качественно, принципиально новая Конституция РФ. Как, впрочем, и в 1918 г., правда, та Конституция вообще «не приходила» на смену прежней, коей «в царские времена» не было вообще.

Сегодня же положение дел принципиально иное — ни о каком «сломе эпох» и чего-либо похожего речи нет. Более того, вряд ли нам необходима Конституция, «создающая» совсем иную форму государственного устройства, например, конституционную монархию. Поэтому общеизвестная «Бритва Оккама» о том, что нельзя плодить ненужные сущности, здесь никак не подходит. Новые (конституционные) сущности у нас крайне нужны: и потому, что если в гл. 3–8 Конституции РФ 1993 г. внесены сотни изменений и дополнений, то считать изначально безупречными положения гл. 1, 2 и 9 никак невозможно; и потому, что образовались противоречия и несостыковки между этими

²⁶ См.: Митюков М.А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М., 2021.

²⁷ См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 20 апреля — 10 ноября 1993 г.: в 20 т. М., 1995–1996.

²⁸ С.М. Шахрай отметил: «Так было в России начала 1990-х годов, когда Верховный Совет Российской Федерации только в период с ноября 1991-го по декабрь 1992 года внес в текст Конституции РСФСР более 400 зачастую противоречащих друг другу поправок. И тем самым безнадежно сломал баланс полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти, запрограммировал их дальнейшую конфронтацию. Новые изменения и дополнения, вносимые в текст Основного Закона, уже не снимали объективно возникшие политические противоречия, а лишь усиливали их. Конституция РСФСР, как я уже говорил, все более напоминала латанный-перелатанный “тришкин кафтан”. Весной 1993 года представители и Президента, и Верховного Совета уже могли, опираясь на действующие конституционные нормы, одинаково убедительно обосновать прямо противоположные позиции. Возникла дефектная правовая реальность: Основной Закон не содержал в себе способов преодоления кризисов, это подталкивало политических игроков не к конституционным, а к силовым методам разрешения противоречий» (см.: Шахрай С.М. Незвестная Конституция. М., 2013. С. 293).

частями Конституции РФ; и потому, что конституционные изменения 2014 и 2020 гг. были в ряде случаев неверными; и потому, что жизнь стремительно идет вперед... Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин верно заметил: «Мир переходит в эпоху постчеловеческих по своей направленности технологий или стоит уже на грани такого перехода к новой техногенной цивилизации. А право с этим не справляется — оно само является продуктом прежней техногенной эпохи»²⁹.

К тому же образовались несоответствия друг другу конституционных положений в результате корректировки положений. Одним из таких несоответствий является хорошо известный вопрос: какие нормативные положения для нас важнее — национальные или международные? Долгие годы, с 1993 г., положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» представлялось непоколебимым, хотя и явно не соответствовало суверенитету нашего государства, да и менталитету нашего общества.

Позже, как отмечается в юридической литературе, в результате ряда «конфликтов» между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ по поводу толкования содержания общепризнанных прав появился наделавший много шума Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ. Этот Закон предоставил Конституционному Суду РФ полномочие проверять возможность исполнения решений межгосударственных органов по правам человека в том случае, если имеется сомнение о соответствии Конституции РФ того толкования положений международного договора, которое содержится в данном решении³⁰. Согласно ч. 2 ст. 104.4 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде РФ в случае, если Конституционный Суд РФ приходит к выводу о невозможности исполнения решения межгосударственного органа, никакие действия или решения, направленные на исполнение его решения, не допускаются³¹.

А конституционными нововведениями 2020 г. эта норма была поднята на конституционный уровень: второе предложение ст. 79 Конституции РФ

²⁹ Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона // Росс. газ. 2021. 28 окт.

³⁰ См. подр.: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 20.

³¹ См.: там же. С. 21.

(в ред. Закона РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) провозгласило: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

На уровне федерального законодательства вопрос решается проще, например: Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 428-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части недопущения применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации» были дополнены новыми частями соответствующих статей, закрепляющие, что не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом³².

Ответ же на вопрос: кто будет осуществлять это истолкование? – содержится также в конституционном нововведении 2020 г., расширившем здесь полномочия Конституционного Суда РФ: п/п. «б» п. 5.1 ч. 5 ст. 125 Конституции РФ (введенной Законом РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) о полномочиях Конституционного Суда РФ провозглашено, что он «в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Вроде бы все сложилось счастливо – примат отечественного регулирования над международным правосудием налицо. И это правильно – наш государственный суверенитет должен быть надежно защищен. Но ведь выше процитированная ч. 4 ст. 15 Конституции РФ никуда не делась, и мы имеем противоречие между двумя нормами Конституции РФ – ч. 4 ст. 15, с одной стороны, и ст. 79 (в связке

с п/п. «б») ч. 5 ст. 125 Конституции РФ, с другой стороны. И нет сомнений в том, что между этими сторонами не следует искать сближения, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ подлежит безоговорочной отмене полностью. А нельзя, она вмонтирована в гл. 1 Конституции РФ.

Другое несоответствие усматривается в ст. 9 (неизменяемой!) Конституции РФ между ее ч. 1 и 2. Здесь можно увидеть несоответствие – изначально! В ч. 1 провозглашено: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях». Сам по себе этот текст не определен: о каких народах и о какой территории идет речь? Если о коренных малочисленных и в основном кочующих по территории, например, Ханты-Мансийского автономного округа – Югре, то получается – пока они становились у нефтедобывающей вышки, то названная конституционная норма на них распространялась, а откочевали на десяток – другой километр – нет, вернулись – опять распространяется. И вообще, почему она не распространяется на весь российский народ, а соответствующая территория – это не вся территория нашей страны?

Но – далее: ч. 2 этой статьи провозглашает: «Земля и другие природные ресурсы могут (! – М.К.) находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Здесь также есть неопределенности: во-первых, что означает «могут»? То лишь, что до 12 декабря 1993 г. природные ресурсы императивно находились в исключительно государственной (общенародной) собственности (как и по всем конституциям РСФСР до того), а утром 13 декабря 1993 г. эта императивность исчезла? И почему частная собственность на природные ресурсы названа первой, впереди государственной и иных форм, да еще подкрепленное ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, в силу которой «право частной собственности охраняется законом»? Разве иные формы собственности законом не охраняются?

И наконец, главное о противоречиях: если природные ресурсы (например, углеводородное сырье) используются как основа жизни и деятельности народов (ч. 1 ст. 9), то как это совместить с положением, согласно которому эти природные ресурсы (то же углеводородное сырье) могут находиться в частной собственности? Сама природа частной (не личной!) собственности на имущество (на природные ресурсы) требует от его собственника осуществления предпринимательской деятельности с целью извлечения, причем максимальной, прибыли. А использование этого имущества в целях обеспечения, причем как основы, жизни

³² См.: Росс. газ. 2020. 11 дек.

и деятельности народов, проживающих..., в эту парадигму никак не вписывается.

И это не схоластическое теоретизирование. Если природные ресурсы – государственная собственность, то и доходы от нее (добычи и реализации) – собственность всего российского народа, за вычетом платы предпринимательским структурам за геологоразведку и добычу в соответствии с заключенными с ними контрактами. А если природные ресурсы – частная собственность, то государству (народу) достаются лишь налоги на добычу полезных ископаемых, тарифы и некоторые иные обязательные платежи.

Разница не просто существенная, а принципиальная³³.

(Окончание в номере 3)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.Н.* Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 6.
2. *Велиева Д.С., Пресняков М.В.* Реформа Конституционного Суда РФ: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 20, 21.
3. *Губенко М.И.* Разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по спорам с участием руководителя организации // Росс. правосудие. 2021. № 7. С. 23–34.
4. *Джавахан Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 1018.
5. *Зорькин В.Д.* Под знаком Основного Закона // Росс. газ. 2021. 28 окт.
6. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007–2010.
7. *Клеандров М.И.* О модели единого уставного суда для сложноустроенного субъекта Федерации // Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации: материалы Всеросс. совещания (Москва, 24 декабря 1999 г.) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Заславского: сб. ст. М., 2000. С. 151–160.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М., 2013. С. 541 (автор комментария к ст. 65 Конституции РФ – В.А. Витушкин).
9. Конституции России 10 лет: опыт реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 12.
10. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 20 апреля – 10 ноября 1993 г.: в 20 т. М., 1995–1996.
11. *Митюков М.А.* В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М., 2021. С. 358–360.
12. Организация советской науки в 1926–1932 гг.: сб. документов. Л., 1974. С. 294.
13. *Симчера В.* Этот стон у нас «деньги» зовется // Аргументы недели. 2019. 20 нояб.
14. *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex russica. 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 41–52.
15. *Чиркин В.Е.* // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 457.
16. *Чупилкина А.Ф.* Объединение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: законодательные улучшения или новые проблемы? // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8.
17. *Шахрай С.М.* Неизвестная Конституция. М., 2013. С. 293.

REFERENCES

1. *Baburin S. N.* Constitutional reform 2020 in the Russian Federation as a way to strengthen the nation // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 1. P. 6 (in Russ.).
2. *Veliyeva D. S., Presnyakov M. V.* Reform of the constitutional Court of the Russian Federation: “who will guard the watchmen” // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 1. P. 20, 21 (in Russ.).
3. *Gubenko M. I.* Differentiation of competence between courts of general jurisdiction and arbitration

³³ Бывший директор НИИ статистики Росстата В. Симчера писал: «Мы с коллегой примерно, основываясь только на открытых данных, посчитали, что если бы нефть и газ добывались по схеме сервисных контрактов, оставаясь собственностью государства Российского, то наш бюджет каждый год пополнялся бы примерно **на восемь с лишним триллионов рублей**. Например, в 2018 году консолидированный бюджет был бы “толще” на **23%**, а федеральный – на **43,5%**. При этом без каких-либо серьезных усилий. Просто одним постановлением правительства вместо лицензий ввести систему контрактов. Всё! Извлекаемые богатства и все доходы от них будут однозначно принадлежать только государству. Но никаких движений в эту сторону даже не планируется» (см.: *Симчера В.* Этот стон у нас «деньги» зовется // Аргументы недели. 2019. 20 нояб.).

- courts on disputes involving the head of the organization // *Russ. Justice*. 2021. No. 7. P. 23–34 (in Russ.).
4. *Javakhyan R.M.* Judicial power: in search of constitutional balance // *Modern Law*. 2020. No. 3. P. 1018 (in Russ.).
 5. *Zorkin V.D.* Under the sign of the Basic Law // *Ross. gas*. 2021. 28 Oct. (in Russ.).
 6. From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols. / ed. by O.G. Rumyantsev. M., 2007–2010 (in Russ.).
 7. *Kleandrov M.I.* On the model of a single statutory court for a complex subject of the Federation // Problems of formation and activity of constitutional (statutory) courts of the Russian Federation: materials of the All-Russian meetings (Moscow, December 24, 1999) / ed. by M.A. Mityukov, S.V. Kabyshev, V.K. Bobrova and S.E. Zaslavsky: collection of art. M., 2000. P. 151–160 (in Russ.).
 8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by V.D. Zorkin. 3rd ed., rev. M., 2013. P. 541 (the author of the commentary to Article 65 of the Constitution of the Russian Federation – V.A. Vitushkin) (in Russ.).
 9. The Constitution of Russia 10 years: implementation experience: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen, 2003. P. 12 (in Russ.).
 10. Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents. April 20 – November 10, 1993: in 20 vols. M., 1995–1996 (in Russ.).
 11. *Mityukov M.A.* In search of finding the Constitution: The Constitution of the RSFSR in 1978 by the Constitution of the Russian Federation of 1993: the documentary a monographic study. M., 2021. P. 358–360 (in Russ.).
 12. Organization of Soviet science in 1926–1932: collection of documents. L., 1974. P. 294 (in Russ.).
 13. *Simchera V.* This moan we have “money” is called // *Arguments of the week*. 2019. 20 Nov. (in Russ.).
 14. *Stenichkin N.G.* Ensuring the independence and independence of the judiciary in the context of the constitutional reform of 2020 // *Lex russica*. 2020. Vol. 73. No. 5 (162). P. 41–52 (in Russ.).
 15. *Chirkin V.E.* // *Legal Encyclopedia* / ed. B.N. Topornin. M., 2001. P. 457 (in Russ.).
 16. *Chupilkina A.F.* Unification of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation: legislative improvements or new problems? // *Arbitration and civil procedure*. 2014. No. 8 (in Russ.).
 17. *Shakhray S.M.* The Unknown Constitution incognita. M., 2013. P. 293 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.41; 340.5

ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2022 г. И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила в редакцию 31.08.2020 г.

Аннотация. В статье сформулировано и обосновано методологическое понимание цифрового конституционализма. В ней рассматриваются теоретические основы конституционализма в цифровую эпоху, обсуждаются проблемы идентификации цифрового конституционализма, соотношение информационного общества и конституционализма в Российской Федерации, понятие и виды конституционных общественных инициатив, их значение и роль в условиях цифрового конституционализма. Раскрываются факторы влияния на конституционализм (цифровизация, глобализация, демократическое участие, противодействие либеральным и демократическим формам конституционной демократии). В статье используются методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительно-правового и комплексного анализа правовых актов, государственно-правовой практики, методы конституционного проектирования и юридической герменевтики для интерпретации нормативных основ и перспектив совершенствования российского конституционализма. Новизна исследования заключается в осмыслении природы цифрового конституционализма в отечественной и компаративной юриспруденции, в разработке теоретических основ делиберативных и императивных конституционных общественных инициатив.

Ключевые слова: цифровой конституционализм, информационное общество, конституционные общественные инициативы, конституционные цифровые права, конституционализация, цифровизация, глобализация, конституционная демократия.

Цитирование: Кравец И.А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19–33.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

DOI: 10.31857/S102694520018430-4

DIGITAL CONSTITUTIONALISM: METHODOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

© 2022 I. A. Kravets

Novosibirsk State University

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 31.08.2020

Abstract. The article discusses the problems of identifying digital and informational constitutionalism, the relationship between the informational society and constitutionalism in Russia, the concept of constitutional public initiatives, the nature of digital constitutional rights and digital rights in public law. The scientific work reveals the factors of influence on constitutionalism (digitalization, globalization, democratic participation,

opposition to liberal and democratic forms of constitutional democracy). The author used general and specific scientific methods, formal legal, specific historical, comparative legal and complex analysis of legal acts, state-legal practice, methods of constitutional design and legal hermeneutics for interpreting the normative foundations and prospects for improving Russian constitutionalism. Research novelty and conclusions: the nature of digital constitutionalism is a symbiosis of constitutional principles of government, constituent power and digital forms of their implementation, digital constitutionalism arises in domestic and international jurisprudence, the article develops the theoretical foundations of deliberative and imperative constitutional public initiatives.

Key words: digital constitutionalism, informational society, constitutional public initiatives, constitutional digital rights, constitutionalization, digitalization, globalization, constitutional democracy.

For citation: *Kravets, I.A. (2022). Digital constitutionalism: methodological and legal aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 19–33.*

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 A.

Цифровизация, право и конституция

Отечественная юриспруденция пополнилась новыми конституционными понятиями, содержание которых, впрочем, не очень точно определено: «цифровая конституция», «цифровые конституционные права», «цифровой конституционализм». Очевидно, что появляется и цифровое конституционное право не как самостоятельная отрасль правового регулирования, скорее в качестве цифровой формы работы конституционно-правовых институтов, конституционных прав, свобод, обязанностей личности, полномочий органов государства, местного самоуправления, их должностных лиц. Однако вопрос о правовой природе и характере правового образования, когда мы говорим о цифровом конституционализме и цифровом конституционном праве, находится в *поле непрекращающейся и открытой дискуссии*. Цифровые и информационные технологии используются в различных сферах публично-правового регулирования и работы публично-правовых институтов. Ученые-конституционалисты предлагают активнее использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере законотворчества, прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов, оценки их регулирующего воздействия, правового мониторинга¹. Несомненно, что эти вопросы могут приобретать конституционный характер (даже учредительный) при определенных обстоятельствах; они заслуживают включения в предметную область цифрового конституционализма.

В данной статье предпринят научный анализ существующих подходов и изложен авторский взгляд на цифровой конституционализм и взаимосвязанные с ним понятия; систематически излагаются и развиваются концептуальные основы

¹ См.: *Василевич Г.А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32.

цифрового конституционализма, намеченные ранее², раскрывается соотношение понятий «конституционализм» и «информационное общество», формулируются предметная область и «территория» цифрового конституционализма, исходя из активного участия конституционной юриспруденции в освоении и осмыслении информационно-цифрового пространства. При обращении к древним или средневековым правовым актам или первым конституциям мы видим их бумажный, папирусный вариант или иным образом зафиксированный текст. Эти прежние тексты во многих случаях переведены в цифровой формат (оцифрованы) с визуальными особенностями написанного текста; они являются правовыми и конституционными артефактами. Если текст отделяется от своей первоначальной бумажной формы, он теряет оригинальное графическое изображение, хотя и сохраняет свое содержание. Современные конституции и правовые акты сразу появляются в цифровой форме, и их «рукотворный» характер не имеет текстуально-графических особенностей; цифровизация как бы снимает «рукотворность» с текста конституций и правовых актов, делает их максимально анонимными произведениями юридического искусства (хотя и не всегда искусства).

Следовательно, современные конституции как нормативные системы и текстуальные документы уже переведены в цифровой формат, имеют электронные версии распространения и хранения как в официальных источниках информации (портал

² См.: *Кравец И.А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9; *Его же.* Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сб. докладов. М., 2019. С. 107–111.

правовой информации)³, так и в иных депозитариях, какими являются справочные, информационные системы «Гарант», «КонсультантПлюс» и др. Цифровые формы распространения и хранения правовых актов положили начало цифровизации права. Однако, когда речь идет о цифровом конституционализме, вряд ли цифровые формы правовых актов отражают представление о данном понятии, хотя без цифровых форм невозможно было бы говорить о цифровизации права и конституции. Цифровизация как процесс, полагают ученые, способствует трансформации права, выступает важнейшим фактором такой трансформации⁴. Цифровизация оказывает воздействие не только на способ хранения и распространения правовой информации (на принципах двоичного кода), но и меняет нормативные, институциональные и организационные требования к гарантиям реализации прав в цифровой среде, к самому каталогу прав и свобод, к способам выражения общественного мнения, учета способов и форм участия граждан в управлении делами государства, к формам прямой и обратной связи между теми, кто оказывает и потребляет государственные и муниципальные услуги. Этот перечень в условиях цифрового и информационного пространства всегда остается открытым для новаций и инноваций технического и правового характера.

XX столетие воспринимается как век конституционализма⁵, несмотря на две мировые войны, катаклизмы государственных режимов, ужасы человеческих потерь в концлагерях и на полях сражений, прежде всего потому, что конституционные идеи и принципы правления оказывались восприимчивыми к нуждам и чаяниям народов и целых континентов. Если это так, то XXI столетие претендует на то, чтобы стать *веком цифрового и информационного конституционализма*. Хотя у этой перспективы есть многообещающее начало, будущее пока точно не определено, т.к. цифровая среда может быть использована в различных целях государственными органами, в т.ч. и для «цифровой кабалы», а не «цифровой свободы». В значительной степени пока не определена и *территория цифрового конституционализма* с ее границами и бесконечными возможностями. Ныне идет трудный поиск территории и границ цифрового конституционализма, который подвергает переосмыслению

³ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

⁴ См.: Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.

⁵ Merhof K. Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>

традиционных представлений о конституционализме как о правовом явлении.

Не только право в целом (его публичное и частное воплощение), но и конституционализм подвергается цифровизации. Наряду с *конституционной идентичностью* появляется *цифровая идентичность*; обе идентичности образуют *симбиоз в цифровом конституционализме*. Понятие «идентичность» широко используется в современных исследованиях, как и для идентификации личности в различных публичных и частных контекстах. Идентификация цифрового конституционализма происходит на наших глазах, хотя точно не определены его признаки, как и само понятие «цифровой конституционализм». Идентичность цифрового конституционализма отличается как от конституционной идентичности, так и от цифровой идентичности. Цифровая идентичность исследуется в первую очередь с позиций ее правовой природы и роли в коммерческих сделках⁶. Исследователи отмечают, анализируя Закон Соединенного Королевства об удостоверениях личности (United Kingdom Identity Cards Act) и Билль об австралийских картах доступа (Australian Access Card Bill), что появляется «отдельная правовая концепция индивидуальной идентичности», которая включает «новую концепцию транзакционной идентичности». По мнению К. Салливан, «хотя концепция транзакционной идентичности, состоящая из определенного набора информации, использовалась в коммерческой практике в течение многих лет, ее присутствие в законодательстве, устанавливающем национальную схему идентификации, которая будет использоваться организациями государственного и частного секторов для ряда транзакций, подтверждает его появление в качестве отдельной правовой концепции»⁷. Цифровая идентичность – следствие широко используемой цифровой идентификации, которая применяется во многих секторах (банковском, торгово-коммерческом и др.) деятельности, на портале государственных услуг и др.

Обращаясь к понятию «цифровой конституционализм», очевидно, необходимо идентифицировать в «цифровом ключе» личность, которая будет использовать свои конституционные права или юридические процедуры участия в конституционной сфере. Следовательно, необходимо ввести понятие «цифровая идентификация личности в конституционных коммуникациях»; ныне цифровая идентификация личности в основном осуществляется (для использования избирательных прав, мобильный избиратель) через портал

⁶ См.: Sullivan C. Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011.

⁷ Ibid. P. 5, 6.

государственных услуг. Представляется важным иметь единое легальное (а не только доктринальное) понятие и технические средства для цифровой идентификации личности в конституционных коммуникациях. Размышления приводят нас к двум основным вариантам: 1) возможно создание специального портала конституционных коммуникаций и конституционных инициатив с цифровой идентификацией граждан; 2) портал государственных услуг может иметь специальную опцию о конституционных коммуникациях и конституционных инициативах. Оба варианта допустимы, в первом из них автономность работы портала соответствует целевым и техническим возможностям; во втором варианте аккумулируются на едином портале различные виды государственных услуг, в т.ч. в сфере конституционной коммуникации и конституционных инициатив.

Фактическое использование цифровой идентичности значительно шире в информационном и цифровом пространстве, чем то внимание, которое ей уделяется в научных исследованиях авторов. Конституционное право и конституционализм стали обращать внимание на цифровую идентичность личности и цифровизацию конституционно-правовых институтов сравнительно недавно. Цифровая идентичность предполагает создание виртуальной личности в сетевом пространстве. Такая личность становится идентификатором для входа в систему (user name, login), прозвище или псевдоним (nickname), заменитель имени человека (идентификационный номер), разные типы компьютерных программ, моделирующих личность и разумное поведение, собственно вымышленная личность (virtual character, virtual persona) или даже образ личности, как она воспринимается или моделируется другими⁸. Различные формы участия личности в процедурах реализации конституционных прав в цифровом и информационном пространстве выдвигают на первый план проблему создания единого идентификационного номера для каждого гражданина или единого портала (сегмента существующего портала государственных услуг) для целей идентификации и осуществления различных конституционных коммуникаций. Очевидно, мы должны говорить о понятии «цифровая конституционная идентификация личности».

Цифровая идентификация личности для целей реализации конституционных прав и свобод, конституционных инициатив в цифровом пространстве потенциально содержит угрозу тотального контроля за политико-правовыми проявлениями намерений и действиями граждан. Поэтому

⁸ См.: *Конева А. В.* «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 58.

цифровой конституционализм предполагает значительное внимание нормативным и институциональным гарантиям реализации прав; он должен предусматривать специальные правовые и процедурные средства защиты граждан от тотального контроля за конституционным и политическим волеизъявлением.

Меняется ли конституционализм в цифровую эпоху и в информационном обществе?

Конституционализм как правовое явление находится под воздействием нескольких значимых факторов: 1) фактор цифровизации и создания баз Больших данных (англ. *Big Data*), влияющий на формирование цифровой идентичности; 2) фактор глобализации, в котором присутствуют разнонаправленные тенденции, влияющие на создание различных моделей конституционной идентичности, а также на выработку предложений по формированию глобальной конституционной идентичности; 3) фактор демократического участия в различных формах deliberative демократии; 4) фактор авторитарного противодействия либеральным и демократическим формам конституционной демократии. Российский конституционализм в ходе осуществления конституционной реформы 2020 г.⁹ оказывается на перекрестке сразу четырех факторов.

Фактор цифровизации повлиял, хотя и в ограниченном масштабе, на разработку Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г., на его обсуждение в социальных сетях и через официальные каналы, на выбор удобного участка для общероссийского голосования. Однако *потенциал цифрового конституционализма* оказался в значительной степени не востребованным: не был создан специальный сайт конституционной реформы или конституционной модернизации, невозможно было использовать социальные сети для предложения поправок к Конституции РФ, в субъектах Российской Федерации при обсуждении Закона РФ о поправке не были доступны для научной и юридической общестственности цифровые и информационные средства для формирования собственных предложений. Для будущего цифрового конституционализма необходимо работать над созданием новых цифровых и информационных каналов и форм реализации права на конституционную модернизацию¹⁰.

⁹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 14.08.2020).

¹⁰ См.: *Кравец И. А.* Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 5.

Фактор глобализации «сработал» скорее в негативном, чем в позитивном ключе. В текст Конституции РФ 1993 г. благодаря конституционной реформе 2020 г. были внесены нормы, которые отражают тенденцию к *защитной конституционной модернизации*, противодействуют в ограниченном масштабе принципу верховенства международного права, создают условия для новых форм диалога между европейской конвенционной и российской конституционной идентичностью. Между тем каких-либо новых конституционных форм имплементации международных договоров, конституционализации европейских и международных отношений, интернационализации Конституции РФ для целей содействия интеграционным процессам в сферах и границах национальных интересов Российской Федерации не появилось в ходе реализации конституционной реформы.

Фактор демократического участия стал важным стимулом для применения новых конституционных технологий, формально не предусмотренных Конституцией РФ 1993 г. и конституционным законодательством. Соединение форм демократического участия и цифровизации конституционализма потенциально направлено на создание эффективных и пока еще недостаточно проработанных форм и способов конституционной коммуникации в цифровой среде. В частности, Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г. предусмотрел общероссийское голосование по поправке (поправкам) после одобрения Закона законодательными органами субъектов Российской Федерации. Именно такое голосование не было предусмотрено Конституцией РФ и законодательством и открыло двери «конституционному популизму» учредительно-совещательного характера. Вместе с тем предложенная форма конституционного популизма не была ориентирована на использование цифровых и информационных технологий в полной мере. Конституционный мобильный избиратель пока скорее пожелание, чем реальность. Особенно это ясно ощущалось в ходе «прокрутки» на каналах ТВ заготовленных роликов в поддержку предложенных поправок; реального обсуждения с участием общественности и использования информационных технологий на ТВ не происходило, что подрывает информационную легитимность поправок с позиций дискуссии позитивных и негативных последствий и юридического прогнозирования их «работы» в конституционно-правовом поле.

Фактор авторитарного противодействия оказался сам на стыке колоссальной исторической традиции и попыток заручиться неким личным согласием и формализованной просьбой «остаться во власти». По мнению исследователей, конституционная реформа приводит к появлению в Российской

Федерации «коронованной демократии»¹¹ или «конституционной диктатуры»¹². На наш взгляд, режим президентского конституционализма¹³ после принятых в 2020 г. поправок к Конституции РФ стал эволюционировать в сторону пожизненного президентского правления; однако вопрос о конституционных процедурах определения преемника на посту главы государства не решен ни в духе принципов конституционной демократии, ни в духе советской политической традиции преемственности поста Генерального секретаря ЦК КПСС, ни в духе более поздней российской действительности, когда действующий Президент РФ указывал на преемника, который становился «политическим и административным фаворитом» на конституционно-избирательном поле. Президентский конституционализм стал приобретать формы цифрового участия, широкого социального одобрения через процедуру общероссийского голосования, символическую роль «долгого» главы государства в условиях консолидации политической элиты и конституционных органов государственной власти для целей политического господства. В Российской Федерации президентский конституционализм символизирует устойчивую государственно-правовую традицию персонализации власти в новых президентско-монархических одеждах, а также гипертрофированную роль участия главы государства в развитии и реформировании правовой системы в целом; в формировании целей и задач конституционного развития и конституционной модернизации страны¹⁴.

Таким образом, переходя в цифровую эпоху, российский конституционализм оказывается на перекрестке четырех факторов влияния внешнего и внутреннего характера, которые не могут не «работать» и на перспективу развития и использования цифрового конституционализма и цифровых конституционных прав и свобод.

В международном плане можно отметить, что современный конституционализм испытывает

¹¹ Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // *Общественные науки и современность*. 2020. № 1. С. 39–60.

¹² Медушевский А. Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 3 (136). С. 33–50.

¹³ См.: Кравец И. А. Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // *NB: Вопросы права и политики*. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_12780.html

¹⁴ См.: Кравец И. А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // *Право и политика*. 2019. № 10. С. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293

трудности глобального роста и находится под влиянием сочетающихся, но разновекторных тенденций: 1) *конституционной глобализации*, которая усиливает влияние конституционных принципов и институтов на национальное конституционное право, на международный правопорядок, на разработку стратегии развития международного публичного права и глобального управления; 2) *конституционной автономизации* государств, которая претендует на нормативное и институциональное поддержание и культивирование исключительности, самобытности в конституционной сфере.

Обе тенденции не являются автономными и независимыми друг от друга; они взаимодействуют, в результате чего появляется феномен «*конституционного глокализма*», который вмещает и локализацию конституционного глобализма, и некоторую глобализацию отдельных национальных конституционных принципов и институтов, их транспонирование от национального и государственного уровня на наднациональный и международный уровни. Отмеченные тенденции влияют и на конституционную идентичность, и определяют в значительной степени параметры цифрового конституционализма. Если одни исследователи говорят о появлении моделей конституционной идентичности в различных государствах под влиянием процессов глобализации¹⁵; то другие выявляют определенное соперничество и взаимное влияние таких явлений, как глобализм и локализм на идентичность; констатируют эффект «локализации глобализации» / “local globe”; или «глокализации»¹⁶. Во всяком случае стоит прислушаться к мнению тех, кто отмечает определенный процесс конвергенции моделей конституционной идентичности: наличие «систематических закономерностей глобальной конституционной идентичности», которые не исключают, а наоборот, соединяют разнонаправленные процессы: конвергенцию, дивергенцию, или поляризацию конституционно наблюдаемых моделей, которые «могут становиться все более схожими или разнородными»¹⁷.

Следовательно, формирование концепта, а также теории цифрового конституционализма находятся под воздействием процессов *конституционной глобализации* (и в частности, попыток создать конституцию Интернета) и процессов *конституционной автономизации*, которые связаны с сохранением и обеспечением государственного

суверенитета в цифровой и информационной среде, ограничением использования цифровых технологий для целей конституционных коммуникаций.

Исследователи обращают внимание на проблемы современного конституционализма в контексте осмысления таких тенденций, как глобализация, приватизация, мировые сети (digitalization, privatization, and global networks)¹⁸. Конституционализм активно вторгается в новые сферы регулирования общественной и государственной жизни, в новые территориальные пространства, которые ранее не были предметом для осмысления конституционной теории. Этот вектор проникновения конституционализма в новые области регулирования и концептуального осмысления получил название процесс конституционализации правового пространства, права и политики как на внутрисубъективном уровне, так и за его пределами с выходом на наднациональный и глобальный уровень. *Конституционализируется цифровое и информационное пространство, на которое распространяются некоторые конституционные принципы и конституционные права, с одной стороны; происходит цифровизация конституционной коммуникации и конституционных прав и свобод, их техническое оснащение посредством цифровых технологий, с другой стороны*. Цифровое и информационное пространство значительно расширяют традиционные представления о конституционализме; можно предположить, что постепенно в понимании *конституционализма как мегапарадигмы* включается и *цифровой конституционализм*. Цифровой конституционализм — это не простое соединение двух понятий «конституционализм» и «цифра», а точнее «цифровое пространство»; скорее в данном концепте заключено представление о новом качестве конституционной цифровой и информационной среды, которая используется как для решения традиционных для конституционализма вопросов и проблем, так и принципиально новых, характерных для информационного общества и цифрового правового пространства.

В дискуссиях о расширении (или развитии) предмета конституционного права имплицитно присутствуют представления о границах и областях регулирования конституционализма. Конституционализм и конституционализация права и правовой системы через конституционное правосудие — важные реальные факторы превращения государственного права в право конституционное¹⁹. Ученые-конституционалисты, говоря

¹⁵ См.: Bui Son N. Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.

¹⁶ O’Riordan T. (ed.) Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.

¹⁷ Law D.S., Versteeg M. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.

¹⁸ См.: Schwöbel Ch. E.J. Situating the debate on global constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.

¹⁹ См.: Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 25.

о естественной динамике предмета конституционного права, долгое время не видели потребность расширения конституционного лексикона через обращение к цифровым формам конституционного права и конституционализма. Одни отмечали мнимое расширение «по горизонтали» предмета конституционного права и сомневались (для чего есть свои основания) в обоснованности введения новых терминов («электронная демократия», в частности)²⁰. Другие видели насущную потребность применять конституционное измерение для информационно-цифрового пространства, что подвигает нас к пониманию предметной сферы цифрового конституционализма²¹.

Конституционализм как сфера правового регулирования тесно связан с предметом конституционного права, однако не равнозначен ему как по объему правового регулирования, так и по значимости и целям. Обсуждая границы цифрового конституционализма, следует напомнить о тех пределах современного конституционализма, который стал преобладать в контексте развития конституционных демократий и в перспективе сотрудничества (а порой и противостояния) западных и не-западных форм конституционализма. Конституционализм уже не рассматривается только как ограниченное государственное правление; функция ограничения государственной власти – важная, но далеко не единственная, даже не наиболее важная среди других целей конституционализма для цифрового и информационного пространства.

Развитие информационного общества неразрывно связано с использованием сети Интернет, в которой могут пропагандироваться различные виды правовых, политических и культурных ценностей. Исследователи отмечают, что либеральная платформа Интернет может служить развитию и распространению нелиберальной электронной демократии; нелиберальные электронные процедуры совещательного и пропагандистского характера активно используются авторитарными режимами; *закрытые и открытые анонратии* поддерживаются в том числе и электоральным авторитаризмом. Как утверждает К. Фрост, демократия опирается на авторитет коллективного голоса, воспринимаемого как конституирующая власть (или *vox populi*), но новые технологии, имитирующие участие человека, могут отвлекать общественные дебаты, создавая угрозу аутентичности и ответственности.

²⁰ См.: Комарова В. В. Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 14, 20.

²¹ См.: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

Коллективный голос подвержен манипулированию; возникает дилемма: стоит ли его чрезмерно ограничивать или усекать? Такой подход может игнорировать силу коллективного голоса («народного чревоушения»), открывающую для политики новые голоса, и сводить к минимуму ответственность слушателей. Таким образом, усилия по устранению этой практики не могут следовать модели, основанной на простом замалчивании, без приоритета умиротворения перед преобразованием²².

Помимо этого террористические и экстремистские движения давно используют технологии массовых коммуникаций для достижения своих политических целей. Появление Интернета открыло для них новые возможности. В ответ государственные контрмеры направлены на сдерживание воздействия крайних идеологий с помощью ряда тактик. Исследователи отмечают позитивные и негативные меры противодействия террористическим и экстремистским движениям в электронной (цифровой) среде. «Позитивные» меры относятся к тем онлайн-инициативам, которые стремятся оказать влияние посредством цифрового взаимодействия и обучения, а также предоставления контрнарративов. «Негативные» меры описывают те подходы, которые пропагандируют или приводят к удалению или ограничению онлайн-контента насильственного экстремизма и / или к юридическим санкциям в отношении его онлайн-поставщиков или пользователей²³.

Цифровой конституционализм не может игнорировать угрозы безопасности граждан и государства, связанные с использованием цифровых технологий для распространения террористических и экстремистских взглядов. В такой же степени конституционализм в цифровом формате стремится отстаивать формы самовыражения граждан и их объединений, свободу пользования Интернетом в разумных целях.

Методология и предполагаемая территория цифрового конституционализма

Методология – важная научная и познавательная предпосылка для понимания природы цифрового конституционализма. Является ли понятие «цифровой конституционализм» дескриптивным или прескриптивным? Содержит ли определение «цифровой конституционализм» описательные элементы, признаки, характеризующие основные содержательные компоненты понятия? Возможно ли рассматривать этот концепт в качестве

²² См.: Frost C. The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // Journal of Political Power. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831

²³ См.: Walker C. & Conway M. Online terrorism and online laws // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078

нормативного и программного понятия? *Дилемма цифрового конституционализма* заключается в том, что цифровые технологии уже существуют и работают в конституционно-правовом пространстве; перечень форм и средств цифровизации конституционализма и конституционно-правовых институтов постоянно расширяется. И мы вынуждены осмысливать и интегрировать наши знания о новых сферах цифровизации и конституционализации права и правовой системы. Это, с одной стороны. С другой – государства и их органы обладают невиданной прежде монополией на внедрение и использование цифровых и информационных технологий в различных сферах государственной и общественной деятельности, поэтому такие понятия, как «цифровой конституционализм», не могут обойтись без нормативного и программного содержания. Без нормативности и программного характера цифрового конституционализма граждане и общество могут быть полностью поглощены цифровыми формами реализации государственной и шире публичной власти и поставлены под государственный контроль. Следовательно, *нормативность и программный характер* конституционализма должны быть обращены и к цифровой среде, и к цифровым технологиям, сохраняя и поддерживая ценности, разделяемые в обществе и в государстве как с позиций демократического правления, так и для целей реализации господства права и эффективного государственного управления. *Прескрипция* содержится в нормативных структурах *цифрового конституционализма*, хотя такие структуры только формируются, они потенциально содержат и цели развития цифрового конституционализма, и средства защиты от электронного тотального контроля в цифровую и информационную эпоху. Доктрина цифрового конституционализма предполагает нормативные требования для организации и функционирования государства и его органов в конституционно-правовой сфере, к формам и способам реализации основных прав и свобод в цифровой среде, к юридическим процедурам конституционного волеобразования и волеизъявления с использованием цифровых технологий и информационного пространства и многим другим вопросам.

Что такое территория цифрового конституционализма? На этот вопрос нет однозначного ответа, т.к. научное сообщество находится в постоянном поиске такой территории; она только определяется, но, очевидно, она не может быть ограничена только одной юрисдикцией. Следует учитывать, что будущее цифрового конституционализма имеет глобальную перспективу, его использование на наднациональном, международном и в конечном итоге на глобальном уровне будет связано с созданием универсальных и региональных международных и наднациональных

актов, регулирующих цифровые права в публичной сфере и предоставляющие правомочия человеку (гражданину) на участие в публичном управлении на различных территориальных уровнях. Такая перспектива не является ближайшей; поэтому большее внимание следует уделять развитию форм цифрового конституционализма на отечественном (внутригосударственном) уровне.

Цифровизация конституционализма и конституционного права вводит в дискуссию еще один методологический вопрос. Повышается востребованность и расширяется сфера использования цифровых конституционных коммуникаций. Следовательно, методология цифрового конституционализма находится в поисках новых цифровых форм конституционной коммуникации на различных территориальных уровнях: 1) на внутригосударственном уровне, который включает а) общенациональный (общероссийский) уровень; б) региональный или субфедеральный уровень; в) муниципальный уровень (и уровень отдельных административно-территориальных единиц); 2) на наднациональном или интеграционном уровне (на уровне межгосударственных объединений, региональных международных организаций); 3) на международном уровне (в процессе интернационализации конституционного права и конституционализации международного публичного права).

Концепт «цифровой конституционализм» и его перспективы

Современный конституционализм ставит проблему *цифрового солидаризма*. Формы личного и публичного согласия существуют в конституционных системах для различных целей: 1) они могут использоваться для социального признания существующих конституционно-правовых институтов; 2) или служить целям мониторинга и повышения легитимности «работы» конституционных норм, институтов и конкретных органов публичной власти; 3) или формировать институты делиберативной демократии, в т.ч. и через институты общественного контроля. Формы выражения и способы оформления согласия могут иметь конституционное или законодательное регулирование и обеспечивать работы конституционных органов государства, содействовать выполнению их государственных функций, выступать индикаторами степени удовлетворенности населения, граждан получаемыми государственными и муниципальными услугами.

В информационном цифровом пространстве продолжает существовать проблема формирования и поддержания *публичного солидаризма* или, говоря на языке конституционализма, *конституционной солидарности*, которая не может быть ограничена только юрисдикцией отдельно взятого государства.

В теории английской школы предполагаемый переход от международного сообщества государств к мировому сообществу индивидов обычно ассоциируется с распространением мягкой формы космополитизма и нормативной программы солидаризма. Следовательно, представление о том, что мировое общество может позволить альтернативные выражения транснациональной политики, независимые от международного сообщества, остаются недостаточно развитым²⁴.

В России научная юриспруденция пока не ставит вопрос о способах и формах достижения конституционной солидарности с использованием цифровых и информационных технологий. Формирование доктрины электронного государства и реализация практики электронного правительства, в т.ч. через портал государственных услуг, создаёт предпосылки для обсуждения вопросов взаимодействия конституционализма и цифрового пространства (в т.ч. и для целей *формирования конституционной солидарности*). Цифровизация общественных отношений — явление неизбежное в информационном обществе. Однако означает ли процесс цифровизации права и правовых отношений в различных сферах государственной и общественной деятельности, что «гражданское общество становится электронным обществом, а его члены — электронным населением; органы государственной власти и органы местного самоуправления — электронным правительством и электронными муниципалитетами»? По мнению одних исследователей, — да²⁵; по мнению других, цифровизация заставляет право и конституционализм вырабатывать новые гарантии, процедуры и средства защиты правовых и конституционных ценностей индивидов, общества и государства.

В настоящее время исследования конституционализма уже не ограничиваются традиционной сферой; предметная область регулирования постепенно расширяется и области, в которые ранее конституционализм проникал осторожно, если не робко, оглядываясь на доктрину минимального государства, становятся предметом научных дискуссий и государственно-правовых (в т.ч. юридических) практик. Следует признать, что современное понимание конституционализма предполагает существование двух дилемм. *Первая дилемма* — это дилемма о цифровом и информационном пространстве, которое

воздействует на доктрину и практику конституционализма, на формирование внутригосударственных и международных моделей и стандартов конституционализма. *Вторая дилемма* — это дилемма о конституции как юридической основе внутригосударственного (национального) конституционализма. Необходимо ли расширять перечень и гарантии реализации конституционных прав и свобод в цифровую эпоху? Нуждается ли правовая система государства в новых цифровых и информационных гарантиях реализации конституционных прав и свобод? При создании конституции Интернета или цифровой конституции в какой степени национальная публичная власть должна определять стандарты и правила пользования интернет-ресурсами? Должны ли быть универсальные международные правовые акты в области глобального цифрового пространства и глобального конституционализма? Нередко авторы отмечают проблему сохранения самой конституции в условиях усиливающейся глобализации²⁶. Представляется важным констатировать роль конституционализма и конституционной теории в развитии не только глобального правового пространства, но и цифрового правового пространства. Доктрина конституции и конституционализма при определенном пересмотре может быть продуктивно использована и для создания цифрового конституционного права и для цифрового конституционализма. Цифровое и информационное пространство охватывает многие сферы публичной и частной деятельности. Цифра и конституция — на первый взгляд плохо сочетаемые явления: цифра максимизирует виртуальность любого пространства, в т.ч. политического, финансового, правового, а конституция в значительной степени является нормативной системой, которая создает правила и стандарты для различных областей государственной и общественной жизнедеятельности, личности и общества.

«Цифровой конституционализм» — это привлекательная концепция, объясняющая недавнее появление конституционного противодействия вызовам, связанным с цифровыми технологиями. Цифровой конституционализм затрагивает вопросы гарантирования цифровой конфиденциальности и цифровых прав, реализуемых в публично-правовом и информационном пространстве. Постепенно формируется представление о сфере целевого предназначения цифрового конституционализма в условиях обсуждения потребностей создания и применения цифровых форм и способов конституционного волеобразования и конституционного волеизъявления при реализации основных прав

²⁴ См.: Lemke T., Habegger M.W. A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // International Relations. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>

²⁵ См.: Головин Е.Г., Большакова В.М. Электронная идентификация личности гражданина: за и против // Власть. 2014. № 8. С. 36.

²⁶ См.: Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное развитие: к вопросу о пределах в контексте доктрин «ликвидации конституции» и глобального конституционализма // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). С. 75–79.

и свобод, развития и совершенствования правопорядка в стране, в т.ч. обсуждения и принятия поправок к Конституции РФ или разработки и принятия новой Конституции (в свете общенародного голосования в отношении Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г.).

Развитие информационного общества и реализация доктрины электронного государства охватывает различные сегменты правовой системы страны и отрасли национального права. Формируется государственная политика обеспечения и реализации прав и свобод в информационном пространстве и в цифровой среде. Происходит научное осмысление границ правового регулирования информационного пространства и предметной области правовой цифровой среды. Конституционное право, доктрина конституционализма и прав человека активно вовлекаются в обсуждение таких явлений, как цифровые права, «суверенный интернет», реализация отдельных конституционных прав (избирательных прав, право на участие в иных голосованиях, обращений граждан), посредством использования портала государственных услуг, информационного пространства для выявления мнений граждан, оценки удовлетворенности качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг, которые влияют на эффективность и легитимность деятельности органов публичной власти. Российская юриспруденция осваивает международный опыт и предлагает свое видение (в концептуальном и нормативном ключе) таких правовых образований, как цифровое право, цифровые права. Вместе с тем существует «эффект консервативности» юридической и конституционной терминологии. В новых условиях многие отрасли права, в их числе, конечно, и конституционное право (ведущая отрасль или даже метаотрасль, по мнению ученых), по справедливому замечанию С.А. Авакьяна, «зачастую не спешат менять своей терминологии, понятийного аппарата, основных концепций»²⁷.

Отечественная конституционная юриспруденция стоит на пороге разработки правовых основ цифрового и информационного конституционализма, цифровых конституционных прав и свобод. В исследованиях отмечаются опасности цифрового развития права, среди которых появление «скрытого цифрового наблюдения» и, как следствие, «ненадлежащее обеспечение конфиденциальности», невысокий уровень электронной грамотности российских граждан и ряд других²⁸. Осмыслиется процесс конституционализации информационного и цифрового пространства,

²⁷ Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23, 24.

²⁸ См.: Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 41–45.

его практико-прикладные проблемы с позиций влияния решений Конституционного Суда РФ. По мнению Н.С. Бондаря, к острым вопросам текущей повестки дня относятся цифровая идентификация личности, формирование информационно-цифрового статуса человека и гражданина, конституционная обоснованность «права на забвение как института гарантирования тайны частной жизни и личной свободы» в условиях информационной среды²⁹.

В дискуссиях обсуждается проблема формирования в планетарном масштабе конституции Интернета как ведущего направления информационной коммуникации в глобальной перспективе³⁰. Подобная конституция выступает в виде свода принципов интернет-сообщества с закреплением прав и обязанностей его участников. В дискуссии вовлекаются важные вопросы соотношения национального регулирования отдельными государствами подобных правил, соблюдение границ электронного суверенитета (или «информационного суверенитета»), возможности введения суверенного интернета и перспективы международно-правового регулирования планетарной коммуникации в рамках интернет-пространства. Однако без концептуального понимания, что такое цифровой конституционализм, какие его модификации формируются в национальных юрисдикциях, сложно представить себе, каким должен быть цифровой планетарный конституционализм, нормативным ядром которого, очевидно, претендует стать конституция Интернета. Другие исследователи заявляют требования о необходимости принятия цифровой конституции и о появлении особой разновидности прав – цифровых конституционных прав в современных реалиях информационного развития государства и общества в контексте планетарных перспектив изменений в конституционно-правовой сфере. По мнению исследователей, цифровая конституция способна дать «основу согласия, творческий импульс и эффективные механизмы для становления нового социального порядка» в киберпространстве³¹. Такие понятия, как «конституция Интернета», «цифровая конституция», несомненно, связаны с формированием представлений не только о правилах глобальной коммуникационной среды, но и о содержании и смысле глобального конституционализма. На наш взгляд, информационный и цифровой

²⁹ См.: Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. С. 25–42.

³⁰ См.: Медушевский А.Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.

³¹ См.: Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076–1077.

конституционализм в контексте развития правовых, информационных и организационных основ в границах национальной юрисдикции подготавливает почву для формирования информационных и цифровых гарантий глобального конституционализма, хотя и существует скептицизм об успешной возможности такого проекта.

С точки зрения некоторых исследователей, «цифровой конституционализм» — это привлекательная концепция, объясняющая недавнее появление конституционного противодействия вызовам, связанным с цифровыми технологиями³². Цифровой конституционализм затрагивает вопросы гарантирования цифровой конфиденциальности и цифровых прав, реализуемых в публично-правовом и информационном пространстве. Право на цифровую конфиденциальность оказалось в значительной степени под угрозой с позиций либерального конституционализма; оказалось, что оно не гарантируется. Раскрытие Э. Сноуденом возможности доступа к конфиденциальной информации привели к всплеску законодательной активности отдельных стран, в которых предложено и принято новое законодательство. Не только отдельные государства, но и международные организации проявляют интерес к созданию гарантий информационной безопасности и защите персональных данных в цифровой среде³³.

Конституционные общественные инициативы и цифровые конституционные права

Информационное общество оказывает воздействие на сферу регламентации и последующей реализации институтов конституционного права, основных прав и свобод личности с использованием цифровых технологий и портала государственных услуг (в частности, в 2018 г. технологии «мобильный избиратель» и др.). В научном плане «работа» конституционно-правовых институтов в информационном обществе подводит нас к мысли о необходимости создания *информационных и цифровых гарантий российского конституционализма*, о перспективах правового регулирования и возможной *кодификации* информационных и цифровых гарантий нормирования и реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Цифровой конституционализм меняет представление о формах выражения конституционных общественных инициатив и вследствие этого появляются цифровые конституционные права. С позиций современной теории конституционной демократии

можно говорить о существовании двух форм (видов) конституционных общественных инициатив. *Первое. Это делиберативные конституционные общественные инициативы*, которые выполняют совещательную функцию и приводят к принятию решений с совещательным значением. Данная форма конституционных общественных инициатив основана на доктринальных положениях делиберативной модели демократии³⁴. *Второе. Это императивные конституционные общественные инициативы*, которые применяются в обязательном порядке и приводят к принятию обязательных решений конституционного характера. Цифровой конституционализм в границах Российской Федерации может осуществляться с применением обоих форм (видов) конституционных общественных инициатив.

Конституция РФ 1993 г. даже с учетом поправок 2020 г. мало приспособлена для регулирования различных форм конституционных общественных инициатив. Развитие Конституции РФ может иметь вектор внедрения в конституционную ткань юриспруденции как *делиберативных*, так и *императивных* форм конституционных общественных инициатив. На федеральном уровне применительно к вопросам совершенствования Конституции РФ и федерального законодательства в отношении всего федеративного государства могут использоваться с определенной градацией *делиберативная форма конституционных общественных инициатив* (например, для инициативы и обсуждения желательности поправок к Конституции РФ, а также в отношении проектов или изменений федеральных конституционных законов) и *императивная форма конституционных общественных инициатив* (обращения граждан, их объединений к органам государственной власти, обладающих учредительными полномочиями, с инициативой о необходимости изменения Конституции РФ и федеральных конституционных законов, затрагивающих права и свободы, обязанности человека и гражданина или устанавливающие ограничения на федеральном уровне).

На региональном уровне (применительно к территории субъектов Российской Федерации) также могут использоваться обе формы конституционных общественных инициатив, гарантии которых лучше предусмотреть в федеральном конституционном законе об учредительной власти в Российской Федерации и формах ее реализации. *Делиберативная форма* конституционных общественных инициатив в региональном аспекте тяготеет для целей выявления мнения населения, а также для инициативы и обсуждения проектов конституций (уставов) субъектов Федерации, желательности изменений

³² См.: Celeste E. Digital constitutionalism: a new systematic theorization // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604

³³ См.: Талалина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.

³⁴ См.: Беляев М.А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95.

и дополнений к ним, когда они затрагивают базовые элементы конституционно-правового статуса субъектов Федерации. *Императивная форма* конституционных общественных инициатив для субъектов Российской Федерации может использоваться для обращений граждан, их объединений к региональным органам государственной власти с инициативой о необходимости изменений конституций (уставов) субъектов Федерации, а также базовых законов субъектов Федерации, затрагивающих или вводящих (отменяющих) региональные гарантии прав и свобод личности. Региональный аспект использования делиберативных и императивных форм конституционных общественных инициатив требует учета многих факторов: исторических и местных традиций, культуры, территориальных особенностей того или иного субъекта Российской Федерации. Гарантии реализации таких форм конституционных общественных инициатив потребуют правового регулирования на федеральном уровне в комплексе правовых актов (в т.ч. в Федеральном законе от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Однако ключевую и лидирующую роль может сыграть новый федеральный конституционный закон об учредительной власти в Российской Федерации.

Муниципальный уровень организации публичной власти и деятельности граждан не стоит исключать из сферы реализации конституционных общественных инициатив. Федеральный закон от 6 октября 2003 № 131-ФЗ (в ред. от 20.07.2020 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит формы прямой, представительной и совещательной демократии, в т.ч. и для целей совершенствования статуса или преобразований муниципального образования. Среди них: местный референдум, муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; публичные слушания, общественные обсуждения; правотворческая инициатива граждан.

Формы делиберативной и императивной конституционной общественной инициативы могут быть применимы и для муниципальных образований с особенностями и в определенных пропорциях. Особенно важно их использование для обсуждения проектов уставов муниципальных образований. *Делиберативная форма* конституционных общественных инициатив на муниципальном уровне может быть использована для целей выявления мнения населения, а также для инициативы и обсуждения проектов уставов муниципальных образований, желательности

изменений и дополнений к ним, когда они затрагивают основные элементы правового статуса муниципального образования. *Императивная форма* конституционных общественных инициатив в муниципальных образованиях может использоваться для обращений граждан, их объединений к органам местного самоуправления с инициативой о необходимости изменений уставов муниципальных образований, а также важнейших муниципальных правовых актов, затрагивающих права и свободы личности в муниципальном территориальном аспекте (муниципальные права и свободы). Важно, чтобы на всех территориальных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) гарантировались конституционным законодательством *цифровые (электронные) формы реализации делиберативных и императивных конституционных общественных инициатив.*

* * *

Цифровой конституционализм — это перспективная и развивающаяся, устремленная в будущее форма не только национального, но и глобального конституционализма. Эта доктрина содействует выработке новых научных представлений о цифровых правовых явлениях, о цифровой конституции, о цифровых основных правах и свободах, о цифровых гарантиях реализации конституционных прав и свобод, о цифровых формах конституционного волеобозначения и конституционного волеизъявления. В исследованиях закономерно ставится вопрос о сущности и природе, даже единстве цифровых прав и обязанностей человека³⁵. Под влиянием информационных и цифровых технологий расширяется предметное поле конституционного права³⁶.

Цифровой конституционализм нуждается в дальнейшем научном осмыслении, но уже сейчас ясно, какие угрозы, с одной стороны, и возможности, с другой, он предоставляет гражданам и государствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23, 24.
2. *Алешкова И.А., Молокаева О.Х.* Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 41–45.

³⁵ См.: *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

³⁶ См., напр.: *Масловская Т.С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.

3. *Беляев М. А.* Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95.
4. *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2
5. *Бондарь Н. С.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 25.
6. *Василевич Г. А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32.
7. *Комарова В. В.* Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 14, 20.
8. *Головин Е. Г., Большакова В. М.* Электронная идентификация личности гражданина: за и против // Власть. 2014. № 8. С. 36.
9. *Конева А. В.* «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 58.
10. *Кравец И. А.* Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293
11. *Кравец И. А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.
12. *Кравец И. А.* Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сб. докладов. М., 2019. С. 107–111.
13. *Кравец И. А.* Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 5.
14. *Кравец И. А.* Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_12780.html
15. *Масловская Т. С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.
16. *Медушевский А.* Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 33–50.
17. *Медушевский А. Н.* Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.
18. *Медушевский А. Н.* Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.
19. *Невинский В. В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.
20. *Саурин А. А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
21. *Талапина Э. В.* Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.
22. *Умнова (Конюхова) И. А.* Конституционное развитие: к вопросу о пределах в контексте доктрин «ликвидации конституции» и глобального конституционализма // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). С. 75–79.
23. *Шахрай С. М.* Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076–1077.
24. *Bui Son N.* Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.
25. *Celeste E.* Digital constitutionalism: a new systematic theorization // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13660869.2019.1562604
26. *Frost C.* The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // Journal of Political Power. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831
27. *Law D. S., Versteeg M.* The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.
28. *Lemke T., Habegger M. W.* A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // International Relations. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>
29. *Merhof K.* Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International

- Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>
30. *O’Riordan T. (ed.)* Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.
 31. *Schwöbel Ch. E.J.* Situating the debate on global constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.
 32. *Sullivan C.* Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011. P. 5, 6.
 33. *Walker C. & Conway M.* Online terrorism and online laws // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078
- ### REFERENCES
1. *Avakyan S.A.* Information space of knowledge, digital world and Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 7. P. 23, 24 (in Russ.).
 2. *Aleshkova I.A., Molokaeva O. Kh.* The dangers of digital development of law: obvious, hidden, imaginary // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 41–45 (in Russ.).
 3. *Belyaev M.A.* The deliberative model of democracy: basic principles and problems of implementation // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 79–95 (in Russ.).
 4. *Bondar N.S.* Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2019. No. 11. P. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2 (in Russ.).
 5. *Bondar N.S.* The subject of constitutional law in the context of the practice of constitutional justice: stability and dynamism // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10 (95). P. 25 (in Russ.).
 6. *Vasilevich G.A.* Digitalization of law as a means of increasing its effectiveness // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 32 (in Russ.).
 7. *Komarova V.V.* Real and imaginary expansion of the subject of Constitutional Law // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10 (95). P. 14, 20 (in Russ.).
 8. *Golovin E.G., Bolshakova V.M.* Electronic identification of a citizen’s identity: pros and cons // Power. 2014. No. 8. P. 36 (in Russ.).
 9. *Koneva A.V.* “Digital identity”: processes of identification and representation in network communication // Herald of Pushkin LSU. 2018. No. 1. P. 58 (in Russ.).
 10. *Kravets I.A.* Global and domestic constitutionalism in the conditions of the formation of integration law: constitutional teleology, futurism and the structure of modern constitutions // Law and Politics. 2019. No. 10. P. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293 (in Russ.).
 11. *Kravets I.A.* Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the conditions of the Russian legal space // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 9 (in Russ.).
 12. *Kravets I.A.* Informational, digital constitutionalism and digital constitutional rights: methodological issues of understanding and legal regulation // Institute of Human Rights Commissioners in the system of constitutional guarantees: collection of reports. M., 2019. P. 107–111 (in Russ.).
 13. *Kravets I.A.* Constitutional modernization and conservative protection (Russian constitutionalism and the theory of constituent power) // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 5 (in Russ.).
 14. *Kravets I.A.* Judicial guarantee of the constitution and presidential constitutionalism // NB: Questions of law and politics. 2014. No. 8. P. 1–35. DOI: 10.7256/2305–9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_12780.html (in Russ.).
 15. *Maslovskaya T.S.* Digital sphere and constitutional law: facets of interaction // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 9. P. 18–22 (in Russ.).
 16. *Medushevsky A.* Russia’s Transition to constitutional dictatorship: Reflections on the significance of the 2020 reform // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 3 (136). P. 33–50 (in Russ.).
 17. *Medushevsky A.N.* Constitutional reform in Russia: content, directions and methods of implementation // Social sciences and modernity. 2020. No. 1. P. 39–60 (in Russ.).
 18. *Medushevsky A.N.* The Constitution of the Internet: idea, projects and prospects // Social Sciences and modernity. 2019. No. 1. P. 71–86 (in Russ.).
 19. *Nevinsky V.V.* “Digital rights” of a person: essence, system, meaning // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 10. P. 26–32 (in Russ.).
 20. *Saurin A.A.* Digitalization as a factor of transformation of law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 26–31 (in Russ.).
 21. *Talapina E.V.* Protection of personal data in the digital age: the Russian law in the European context // Proceedings of the ISL of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 117–150 (in Russ.).
 22. *Umnova (Konyukhova) I.A.* Constitutional development: the question of the limits in the context of the doctrines of the “liquidation of the Constitution” and global constitutionalism // Law and state: theory and practice. 2017. No. 9 (153). P. 75–79 (in Russ.).
 23. *Shakhray S.M.* Digital Constitution. Basic rights and freedoms of the individual in a total information society // Herald of the RAS. 2018. Vol. 88. No. 12. P. 1076–1077 (in Russ.).

24. *Bui Son N.* Globalization of Constitutional Identity // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.
25. *Celeste E.* Digital constitutionalism: a new systematic theorization // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604
26. *Frost C.* The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // *Journal of Political Power*. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831
27. *Law D.S., Versteeg M.* The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // *California Law Review*. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.
28. *Lemke T., Habegger M.W.* A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // *International Relations*. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>
29. *Merhof K.* Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>
30. *O’Riordan T. (ed.)* Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.
31. *Schwöbel Ch. E.J.* Situating the debate on global constitutionalism // *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.
32. *Sullivan C.* Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011. P. 5, 6.
33. *Walker C. & Conway M.* Online terrorism and online laws // *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078

Сведения об авторе

КРАВЕЦ Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета; 630090 Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Authors’ information

KRAVETS Igor A. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of the Novosibirsk National Research State University; 1 Pirogova str., 630090 Novosibirsk region, Novosibirsk, Russia

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАЧАЛА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ НАРОДОМ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОИСК КОНЦЕПЦИИ

© 2022 г. А. Г. Головин

Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

E-mail: aggolovin@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные начала делегирования народом власти, источником которой он является. Излагается авторское методологическое видение подхода к исследованию основ конституционно-правовой концепции делегирования власти, проводится анализ существенных взаимосвязей ключевых понятий, составляющих её терминологическую базу: воли народа, народного суверенитета, власти и процесса делегирования. В контексте исследуемой темы рассматриваются формы непосредственного выражения власти народа и перспективы их развития. Предлагается для дальнейшего исследования и научной дискуссии авторская концепция ответственного делегирования власти, включающая социально-психологические аспекты личного отношения граждан к выстраиванию системы публичной власти на всех её уровнях и предполагающая постоянный конструктивный диалог властных институтов и общества.

Ключевые слова: народовластие, воля народа, народный суверенитет, власть, делегирование власти, непосредственное выражение власти народа, концепция делегирования власти народом, ответственное делегирование, выборы, участие в управлении делами государства.

Цитирование: Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1. С. 34–45.

DOI: 10.31857/S102694520018268-5

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF THE DELEGATION OF POWER BY THE PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE SEARCH FOR A CONCEPT

© 2022 A. G. Golovin

Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

E-mail: aggolovin@mail.ru

Received 14.04.2021

Abstract. The article examines the constitutional principles of the delegation of power by the people, the source of which it is. The author's methodological vision of the approach to the study of the foundations of the constitutional and legal concept of delegation of power is presented, the analysis of the essential interrelations of the key concepts that make up its terminological base: the will of the people, people's sovereignty, power and the process of delegation is carried out. In the context of the topic under study, the forms of direct expression of the power of the people and the prospects for their development are considered. The author's concept of responsible delegation of power is proposed for further research and scientific discussion, which includes socio-psychological aspects of the personal attitude of citizens to building a system of public power at all its levels and assumes a constant constructive dialogue between government institutions and society.

Key words: democracy, the will of the people, people's sovereignty, power, delegation of power, direct expression of the power of the people, the concept of delegation of power by the people, responsible delegation, elections, participation in the management of state affairs.

For citation: Golovin, A.G. (2022). Constitutional principles of the delegation of power by the people in the Russian Federation: the search for a concept // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 34–45.

Вопросы генезиса и реализации власти народа, форм и механизмов народовластия, конституирования народом системы публичной власти в государстве являются без преувеличения одними из основных в науке конституционного права. Акценты и фокус внимания смещаются от одного аспекта этой обширной проблематики к другому, но неизменным остаётся огромный исследовательский интерес к поиску сбалансированных подходов к пониманию и выстраиванию соотношения и взаимовлияния власти, воли народа и институтов, на постоянной профессиональной основе реализующих публично-властные функции, обеспечивающие жизнедеятельность государства и общества.

Народ в государстве, которое мыслится как демократическое, выступает изначальным источником любой публичной власти. Для описания и объяснения процесса, посредством которого власть из этого источника приобретает свойство и функции публичной, в т.ч. государственной власти, на наш взгляд, наилучшим образом подходит **концепция делегирования народом своей власти** институтам (органам и должностным лицам), конституируемым для постоянной реализации функций государства.

Подчеркнём, что как таковое осмысление теории делегирования (или делегации) власти народом не является исключительной новацией конституционно-правовой науки. Её корни можно проследить как минимум до творческого наследия мыслителей XVIII в. Ж.-Ж. Руссо рассуждал об этом в известном трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права», где, в частности, утверждая, что масса людей посредством общественного договора объединяется в политический организм или суверен, писал, «что суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля»¹.

В разные исторические периоды отношение к концепции делегирования власти народа не

было единообразным. Б.С. Эбзеев, приводя высказывание видного французского государственоведа М. Ориу о том, что теория делегации учредительной власти в начале XX в. была «совершенно дискредитирована», отмечает: «Тем не менее после Второй мировой войны данная доктрина получила более широкое признание. Конституционная практика ряда государств вновь вернулась к ней и с теми или иными модификациями закрепила ее в текстах основных законов»². Теория делегирования власти в некоторой степени отражена в конституционных актах многих демократических государств, и Конституция РФ в этом смысле не является исключением (анализ соответствующих её норм приведён ниже).

Вместе с тем нынешний этап развития общества и государства в их неразрывной взаимосвязи, на наш взгляд, диктует необходимость поиска актуальных подходов к осмыслению конституционно-правовой концепции делегирования народом власти, источником которой он является, с позиций конституционализма XXI в.

Поиск рационального содержания названной концепции предполагает анализ многогранных взаимосвязей основных понятий, составляющих её терминологическую базу: воли народа, народного суверенитета, власти и, собственно, делегирования власти. Не претендуя на полноту такого анализа в рамках ограниченного объёма настоящей статьи, сконцентрируем внимание на ключевых, имеющих существенное значение штрихах указанных понятий в их системной взаимосвязи, а также на конституционных началах делегирования власти народа, заложенных в Конституции РФ и реализуемых уже без малого три десятилетия после её принятия всенародным голосованием.

О.Е. Кутафин писал: «Народовластие есть принадлежность всей власти народу, а также свободное осуществление народом этой власти в полном соответствии с его суверенной волей и коренными интересами... Представление о народе как исходном и конечном пункте демократической легитимации является базовым в понимании демократии»³. Нельзя не согласиться с таким

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX века: хрестоматия / авт. проекта: Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, Л.В. Поляков; отв. ред. А.А. Вешняков. Калуга, 2003. С. 235, 237.

² Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 192.

³ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 211.

подходом, дающим ключ к пониманию построения всей системы государственной власти и местного самоуправления от исходной точки делегирования народом власти – непосредственно через формы прямой демократии, или опосредовано, когда сформированные по результатам народного волеизъявления на выборах органы, в свою очередь, в рамках установленных процедур формируют остальные органы публичной власти. Считаем, что понимаемое таким образом народовластие представляет собой, по сути, длящееся комплексное правоотношение, в котором участвует народ как коллективный субъект, правовое состояние, не сводимое к «одноразовым акциям» участия, например, избирателей в конкретном голосовании на выборах или референдуме.

Народ суверенен, самостоятелен в формировании своей воли, которая и направляет указанный многоэтапный процесс выстраивания системы публичной власти. Понятие воли народа в этом смысле выступает одним из ключевых, выражая целенаправленное действующее начало перехода из условно «пассивного», «статичного» состояния власти в её источнике в «активное», «динамичное» состояние её воплощения и реализации самим народом и конкретными властными институтами в определённом русле.

Всеобщая декларация прав человека⁴ – один из «краеугольных камней» во всей архитектуре общепризнанных принципов и норм международного права – провозглашает как незыблемое правило: воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования (ч. 3 ст. 21).

В отечественной науке конституционного права взаимосвязанным категориям воли народа и народного суверенитета уделено особое внимание. Как одну из центральных, основополагающих категорий народовластия волю народа в своих многочисленных трудах всегда рассматривала Е. И. Козлова⁵. В. И. Фадеев отмечал: «Принцип народного суверенитета означает также, что народ является единственным источником власти в государстве. Именно суверенная воля народа, выраженная на референдуме, выборах, определяет в конечном счете легитимность властных полномочий органов публичной власти в государстве. Легитимация власти

исходит либо непосредственно от народа, который избирает органы публичной власти, либо восходит к нему, когда органы, избранные народом, формируют иные публично-властные структуры, необходимые для осуществления государственной власти и местного самоуправления. При этом все органы публичной власти должны осуществлять свою деятельность в соответствии с волей народа, выражаемой через формы непосредственной демократии, и в интересах народа»⁶.

Народ, обладая полнотой собственного суверенитета и имманентным статусом источника власти, формируя и формулируя свою волю⁷, выражая её через свободные выборы и иные формы непосредственной демократии, изначально учреждает, а затем и придаёт периодический импульс выстраиванию «многоэтажного здания» (как правило, от двух «этажей» в унитарном государстве до трёх и более «этажей» в федеративном государстве с развитой системой местного самоуправления) властных институтов. В этом процессе и осуществляется делегирование власти народа.

Отметим позицию В. А. Черепанова, включившего в вышеописанную схему понятие делегирования: «Формирование всей системы власти начинается с исходного делегирования народом своей власти путем прямых выборов. Создание остальных органов является производным от этого первичного делегирования, основывается на нем и исходит из его результатов»⁸.

Власть – базовая категория, без которой не могут функционировать государство и любое сколь-нибудь упорядоченное общество. Понятие власти является ключевым для понимания одного из системообразующих признаков государства; в равной степени оно важно и для местных сообществ, реализующих местное самоуправление как уровень и форму публичной власти.

⁶ Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина / под ред. Е. И. Козловой. 3-е изд., доп., перераб. и уточн. М., 2009. С. 20.

⁷ Отметим, что действующее законодательство оперирует также понятием «политическая воля», увязывая таким образом волю народа с его участием в политических процессах и формировании властных институтов. Например, согласно определению, закреплённому в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (см.: Росс. газ. 2021. 14 июля), политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

⁸ Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал рос. права. 2020. № 11. С. 30–44.

⁴ См.: Росс. газ. 1995. 5 апр.

⁵ См. подробно о воззрениях Е. И. Козловой на понятие «воля народа» в работе: Комарова В. В. Современные механизмы формирования, выявления и защиты воли народа // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 3. С. 74–80.

Согласимся с Т.Я. Хабриевой и А.А. Клишасом, что «именно власть придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и порядка. Это системообразующий элемент, обеспечивающий социальную жизнеспособность. Под воздействием власти общественные отношения становятся целенаправленными, приобретают характер управляемых и контролируемых связей»⁹.

Причем народ, делегируя свою власть, должен стремиться к тому, чтобы выстраиваемая в государстве система публичной власти была эффективной, в том числе достаточно сильной для выполнения всех публичных функций таким образом, чтобы обеспечить и гарантировать защиту прав и свобод человека, жизнедеятельность общества, целостность и безопасность государства. Понимаемый именно таким образом «общественный договор» способен обеспечить стабильность функционирования всей системы «личность – общество – государство», создать условия для свободного развития и процветания самого народа, делегирующего свою власть. Особенно это справедливо в отношении Российской Федерации с её огромной территорией, геополитическими, демографическими, природно-климатическими особенностями, многообразием культур народов. Трудно не согласиться с Б.С. Эбзеевым в том, что «сильная и дееспособная власть, покрывающая всю территорию страны и мгновенно реагирующая на требующие ее внимания события, – неперемное условие единства и целостности России и ее благополучия»¹⁰.

Рассматривая феномен власти в контексте её делегирования народом, нельзя не отметить важность психологических аспектов, поскольку как формирование и формулирование воли народа, так и признание действующей власти народом взаимосвязаны с общественной психологией, с отражением соответствующих явлений и процессов в общественном сознании, правосознании.

С.А. Авакьян пишет: «Конституционное право – это нормы. Их можно идеально сформулировать, что само по себе тоже неплохо. Но ясно то, что конституционное право-исполнение опирается на то, что можно назвать **конституционной психологией**. А в ее основе глубинные процессы в человеке и его сознании»¹¹. По мнению В.Т. Кабышева,

«социально-психологический механизм власти способствует мотивации поведения граждан к органам власти, выработке у них таких социально-психологических черт, как доверие или недоверие, поддержка или пассивность, заинтересованность и активное участие в общих делах всего народа или инертность, равнодушие к тем или иным государственно-властным велениям»¹².

Именно активное и заинтересованное участие максимального числа граждан в процессе устроения публичной власти на всех её уровнях – федеральном, региональном, местном (при двухуровневой схеме местного самоуправления – на обоих уровнях, например, в муниципальном районе и поселении) создаёт наибольшую эффективность процесса делегирования власти народа. Полагаем исключительно важным аспект личного отношения каждого члена общества к делегированию власти, к выстраиванию системы властных институтов, их функций и полномочий. Значим момент осознания и принятия человеком собственной взаимосвязи с властными институтами и качеством их деятельности, собственной постоянной вовлечённости в динамично функционирующую систему «личность – общество – государство» (то явление, которое в социологии описывают как «интернализацию» – включение человеком чего-либо в круг своих внутренних установок, ценностей, образов, имеющих для него значение). Личное отношение должно проявляться не просто в заинтересованности в самом процессе (включая участие в выборах в качестве избирателя и (или) кандидата), но и в осознании некой меры собственной ответственности за принимаемые в процессе делегирования власти решения, влияющие на возможную конфигурацию конкретных властных институтов и последующее содержание их практической деятельности. В этом контексте предлагаем рассматривать концепцию **ответственного** делегирования народом своей власти.

Наконец, необходимым для осмысленного научного поиска концепции делегирования власти народом является корректное понимание самого термина «делегирование». Это понятие является многоаспектным, применимым к различным сферам отношений.

Встречаются различные трактовки вариантов и направлений делегирования властных полномочий. Некоторые авторы исследуют, например, делегирование, опосредующее «внедрение в систему организации государственной власти коммерческих принципов», отмечая при этом, что «продолжением такой политики является передача (делегирование)

⁹ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020.

¹⁰ Борис Эбзеев: «Конституция определяет жизнь каждого из нас» [Интервью с Б.С. Эбзеевым] // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.

¹¹ Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7.

¹² Кабышев В.Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2. С. 11.

отдельных государственно-властных полномочий субъектам частного права»¹³. В научных работах рассматривается также делегирование в системе исполнительной власти как «инструмент перераспределения управленческого воздействия на различные сферы общественной жизни в целях децентрализации государственной власти путем передачи полномочий для компетентного решения задач на основе принципа субсидиарности»¹⁴.

А.В. Шиндина, рассматривая в комплексе делегирование как конституционно-правовой институт, предлагает следующее его определение: «совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих процесс передачи народом принадлежащей ему власти, а также процесс передачи властных полномочий от одних органов государственной власти другим, органам местного самоуправления, институтам гражданского общества, а в случаях, предусмотренных международным договором, — надгосударственным образованиям в целях развития демократических процедур, совершенствования государственного (межгосударственного) и муниципального управления»¹⁵.

Полагаем, что, несмотря на отсутствие в тексте Конституции РФ термина «делегирование», сущность этого процесса применительно к делегированию народом своей власти имплицитно отражена в ряде конституционных положений в их системной взаимосвязи.

Уже в преамбуле Конституции РФ аксиоматически выражена учредительная власть народа. На наш взгляд, общность судьбы, стремление к согласию, утверждение незыблемости демократии, стремление к обеспечению процветания страны и осознание собственной ответственности в совокупности наилучшим образом выражают ценностно-волевую установку народа, на основе которой он, используя собственную учредительную власть, ответственно

¹³ Романовская О. В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. 2017. Вып. 36. С. 145.

¹⁴ Шиндина А. В. Институт делегирования в конституционной системе власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017. С. 3. При этом там же отмечается, что «политико-правовые преобразования в российской системе исполнительной власти, попытки имплементации зарубежного опыта «приватизированного государства» в целях повышения эффективности государственного управления оставляют научный дискурс о делегировании в системе исполнительной власти актуальным». Исследуются также концепции делегированного законодательства, делегирования полномочий государства надгосударственным образованиям, делегирования государственных и муниципальных полномочий общественным институтам (см. подр.: там же).

¹⁵ Шиндина А. В. Указ. соч. С. 8.

делегировать властные полномочия определенным в Конституции РФ институтам публичной власти.

Комментируя преамбулу Конституции РФ, Б.С. Эбзеев указывает, что в ней народ понимается «как общность, образуемая всей совокупностью граждан независимо от их гражданской активности (например, участия в выборах)» и «выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых народ обладает всей полнотой учредительной власти», при этом «народ передает учреждаемым Конституцией органам, формируемым в соответствии с установленным ею порядком, не саму власть, а право на власть, причем только на определенный срок»¹⁶.

Доктринальная трактовка ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», также включает аспект делегирования власти от народа государству. Отмечается, что «во взаимоотношениях между человеком и государством ведущая роль признается за человеком. Государство рассматривается как представитель интересов общества и несет обязанность соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина»¹⁷.

Часть 1 ст. 3 Конституции РФ называет многонациональный народ России носителем суверенитета и единственным источником власти в стране. Согласимся с В.Т. Кабышевым, обращающим внимание на нюансы соотношения понятий: «когда мы употребляем понятия “народовластие” и “суверенитет народа”, то надо иметь в виду следующее. Это близкие понятия, но не тождественные. Народовластие — власть народа, демократия — это верховенство и полномочие народа. Суверенитет народа — это конституционный принцип организации и функционирования власти народа. Народ, выступая сувереном во всех областях жизни, сам определяет, как ему организовать свою власть. Это он и делает при помощи Конституции»¹⁸.

Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ). «Осуществление» в данном случае выступает, на наш взгляд, как термин с очень широким содержанием, охватывающий

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 40.

¹⁷ Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина / под ред. Е.И. Козловой. С. 17.

¹⁸ Кабышев В. Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Конституционное право и политика: сб. материалов Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.

и делегирование властных полномочий избираемым на свободных выборах представителям, и непосредственное решение государственно значимых (или значимых для муниципального образования) вопросов на референдуме, и репрезентативную реализацию публичной власти в процессе деятельности легитимно сформированных органов, и ряд иных аспектов. Делегирование здесь представляется элементом понятия осуществления власти.

Как представляется, важно подчеркнуть, что делегирование не тождественно понятию передачи власти — народ не «расстаётся» с изначально присущей ему властью, делегируя её учреждаемым публичным институтам. Базовая сущность этой власти — её учредительная сущность — остаётся за самим народом, сохраняя потенциал осуществления власти в непосредственных формах, а также давая прочные основания для контроля со стороны народа за деятельностью органов публичной власти. Согласимся с Б.С. Эбзеевым, который именно с таких позиций формулирует общую посылку теории делегации власти: «учредительная власть отлична от власти законодательной» и подчёркивает: «учредительная власть сохраняется за народом»; «законодательная, исполнительная и судебная власть есть не учредительная, но учреждаемая власть. Ее пределы установлены суверенной волей народа, выраженной в Конституции, особенно в тех ее положениях, которые составляют фундаментальные основы конституционного строя и выражают сущность и природу политической и правовой организации народа»¹⁹.

В ч. 3 ст. 3 Конституции РФ закреплено, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. О значимости этих форм народовластия сказано и написано много, позволим себе не останавливаться на очевидном факте их фундаментального характера для демократического государства с республиканской формой правления. Обратим внимание на следующий аспект: Конституция РФ именуется их *высшим* непосредственным выражением власти народа, но отнюдь не провозглашает *единственным*. Это приводит к пониманию, что непосредственное выражение власти народа не является статичным в своих формах, раз и навсегда заданным, оно эволюционирует сообразно развитию общества. Помимо разного рода голосований, предусмотренных, например, законодательством об общих принципах организации местного самоуправления²⁰, возможно (и происходит в правотвор-

ческой практике) возникновение новых форм непосредственного выражения власти народа. Так и появилась, например, форма, применённая в 2020 г., — общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ²¹. Не исключаем появление в дальнейшем иных форм (и соответствующих им инструментов, в т.ч. опирающихся на перспективные информационно-коммуникационные технологии) непосредственного выражения власти народа.

По сути, это не просто возникновение ранее не обозначенных в правовом поле видов непосредственного волеизъявления граждан, но и развитие новых форм конструктивного (и конституирующего новые нормы и институты) диалога народа и органов публичной власти. О важности двусторонней коммуникации, стимулирующей созидательную гражданскую активность, высказался С.А. Авакьян: «Ответственной задачей становится выработка и реализация всеми субъектами государственно-политического бытия единой политики межличностного общения, основанной на свободе слова и мнений, но вместе с тем и создание оправдываемых временем и поддерживаемых гражданами и организациями путей, средств формирования органов публичной власти, особенно избирательных систем, которые “рождают” новые

члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования (ст. 24), в ходе которых местным населением принимаются юридически значимые решения.

²¹ Указанное общероссийское голосование было предусмотрено ст. 2 Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», т.е. рассматриваемая новая форма непосредственного выражения власти народа была введена актом очень высокой юридической силы, и какие-либо сомнения в её легитимности представляются беспочвенными.

Конституционный Суд РФ в своём Заключении от 16.03.2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855) признал, что указанное общероссийское голосование имеет особую юридическую природу; оно представляет собой форму непосредственного народного волеизъявления; конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях конституционной легитимации своего решения был вправе обратиться к общероссийскому голосованию, прямо не предусмотренному действующим правовым регулированием для принятия конституционной поправки; проведение общероссийского голосования отвечает принципу народовластия, составляющему одну из важнейших основ конституционного строя, является конституционно оправданным.

¹⁹ Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 194, 195.

²⁰ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822) предусматривает голосование по отзыву депутата,

составы органов власти и при этом призваны быть средствами «выпуска» общественной энергии, выявления настроения людей, а также их самореализации в качестве кандидатов, общественных организаторов, ораторов, критиков и т.п.»²². Н.А. Михалева, констатируя, что «для демократической России характерна конституционная система власти народа», подчёркивала, что «народовластие требует гражданственности, т.е. политической активности, достаточно высокой общей и правовой культуры населения, его диалога с властью»²³.

Конституционные начала делегирования народом власти также выражены в положениях гл. 2 Конституции РФ, закрепляющих как основы правового статуса личности, так и конкретные права граждан. Важнейший естественно-правовой принцип неотчуждаемости прав и свобод человека (ч. 2 ст. 17), их природа как непосредственно действующих и определяющих деятельность публичной власти (ст. 18) входят в ценностный базис концепции делегирования власти. В свою очередь, политические права, прежде всего право участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32) составляют фундамент для определения и конструирования в текущем законодательстве конкретных механизмов, инструментов, используемых для обеспечения процесса такого делегирования.

По нашему убеждению, право участвовать в управлении делами государства имеет комплексный характер, являясь родовым по отношению к группе прав, посредством реализации которых оно и может быть осуществлено как таковое. Анализ формулировки ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, а также фактических моделей участия граждан в управлении делами государства показывает, что такое участие возможно в двух формах — непосредственной и репрезентативной (через представителей), в рамках которых существует ряд конкретных способов соответствующего участия²⁴.

Ключевые формы непосредственного участия — реализация прав граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ).

²² Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.

²³ Михалева Н.А. Конституция 1993 г. — юридическая модель настоящего и будущего России // Lex russica. 2013. № 12. С. 1311.

²⁴ См.: Головин А.Г. Политические партии как один из институтов, обеспечивающих реализацию права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 8. С. 2; Его же. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: курс лекций. М., 2016. С. 67, 68.

Выборы — это тот универсальный организационно-правовой механизм, который первым приходит в голову при попытке осознать и объективировать практический процесс, оформляющий периодическое делегирование народом своей власти. При этом выборы как таковые изначально содержат в себе потенциальный «заряд» воли народа, способный направлять, конфигурировать развитие государственно-властных институтов и их деятельность. Г.Д. Садовникова справедливо отмечает, что «выборы — один из факторов политической трансформации общества: от состава избираемых органов зачастую зависят глобальные политические решения, могущие привести к серьезным трансформационным последствиям»²⁵.

При этом формы непосредственного участия в управлении делами государства в рамках концепции делегирования власти тесно смыкаются с институтами представительной демократии. «Путем прямой демократии, — пишет В.Т. Кабышев, — представительная форма получает юридические полномочия от народа на осуществление государственной власти, т.е. она конституируется. Эффективное осуществление власти народа возможно только при сочетании прямой и представительной демократии»²⁶.

Важно подчеркнуть, что делегирование власти не «заканчивается» с установлением итогов голосования и определением результатов выборов — подобная трактовка принижала бы роль народа, сводя его к формальному электорату. Прямое и репрезентативное народовластие органично сочетаются при формировании органов публичной власти по результатам выборов и в процессе их дальнейшего функционирования. Как отмечает Б.С. Эбзеев, «Конституция не приемлет противопоставления непосредственной и представительной демократии. Вопреки распространенному мнению обе формы демократии одинаково ценны и не могут использоваться для подмены друг друга»²⁷.

Народ не является **пассивным** носителем суверенитета и источником власти. Положение ч. 1 ст. 3 Конституции РФ не означает сведение роли многонационального народа России только лишь к субъекту, обладающему указанными свойствами (хотя они, безусловно, имманентно ему присущи). Напротив, данная основа конституционного строя Российской Федерации означает, что **российский народ обладает активной ролью в реализации функции носителя суверенитета и единственного**

²⁵ Садовникова Г.Д. Проблемы оптимизации порядка формирования представительных органов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14.

²⁶ Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционно-го строя России: конституционно-политическое измерение.

²⁷ Борис Эбзеев: «Конституция определяет жизнь каждого из нас» [Интервью с Б.С. Эбзеевым].

источника власти; этот источник постоянно даёт основания легитимной публичной власти посредством делегирования властных функций и полномочий её институтам, формируемым народом непосредственно и, в свою очередь, опосредованно — уже через своих избранных представителей.

По выражению В.И. Фадеева, «демократия — это и форма общественной жизни, охватывающая многообразные социальные связи индивида, его правосознание, его нравственный, духовный мир. Люди раскрываются в демократии не только как граждане, но и как индивиды, личности»²⁸. Делегирование власти естественным образом взаимосвязано с правосознанием гражданина, уровнем его правовой и политической культуры, степенью его вовлечённости в жизнь социума и личным отношением к происходящим в обществе и государстве процессам (в диапазоне от активного участия до полного абсентеизма). В этом отношении концепция делегирования действительно затрагивает нравственные, духовные аспекты жизни личности.

Важно подчеркнуть, что мы исходим из следующей идеи: делегирование власти осуществляется народом не какому-либо внешнему по отношению к себе самому субъекту (как в том случае, например, когда государство делегирует часть своих полномочий межгосударственному объединению или международной организации), а **внутри самого себя** — то есть части самого себя как коллективного субъекта — конкретным гражданам, входящим в сам этот народ. При таком подходе изначально не порождается некий разрыв между народом, делегирующим свою власть, и теми его представителями, которым такая власть делегируется. Считаем умозрительное постулирование наличия разрыва между народом и государственно-властными институтами опасным явлением.

На наш взгляд, важно преодоление во многом «традиционных» для отечественного правосознания дихотомий (и даже нередко противопоставлений) «государство — гражданское общество», «государственная власть — народ», «народ — государство». Нельзя допускать индоктринации идеи какой-либо непреодолимой отделённости указанных категорий. Мы стоим на позициях их органичного единства, базируемого на конституционно-правовых нормах и самой природе государственно организованного общества.

Народ и государство взаимосвязаны неразрывно, их исторические судьбы неизменно сплетены и влияют друг на друга. О.Е. Кутафин писал, что «народ образует физический субстрат

государства»²⁹. «Человек в его развитом состоянии — существо правовое и, следовательно, государственное»³⁰, — подчёркивает В.Д. Зорькин. Можно дискутировать о конкретных вариантах соотношения народа и государства как понятий, элементов в рамках единой системы, их признаков³¹, однако следует, на наш взгляд, признать, что народ и государство образуют динамичную систему, и одним из важных факторов её функционирования как раз выступает делегирование народом власти государственным институтам. Взаимное дистанцирование государства и народа, государства и гражданского общества порождает искусственный вакуум в системе, в котором теряется суть единства субъекта, делегирующего власть, с субъектом, которому она делегируется.

В воззрениях С.А. Авакьяна, например, встречается идея некоторой отделённости государства и общества, однако высказываемые им при этом мысли весьма глубоки и не должны, на наш взгляд, восприниматься односторонне — исключительно как проповедующие вышеуказанную дихотомию. Учёный пишет: «Как отделить общество от государства, если оно, общество, и есть среда существования государства? И тем не менее это надо делать! Мы не выступаем за параллельное существование общества и государства. Они во многом переплетаются. Но все-таки очевидно, что очень многие сферы самоорганизации общества самостоятельны, следовательно, ему нужны свои, тоже самостоятельные механизмы, средства, органы осуществления общественной власти как разновидности публичной власти»³². Признавая ценность такого подхода, всё же позволим себе выразить сомнение в тезисе о том, что обязательно нужно отделять общество от государства — хотя бы в теоретических конструкциях. Думается, что определённая (достаточно свободная) самоорганизация общества возможна и в единстве с государством, которое не только упорядочивает посредством правового регулирования соответствующие общественные отношения, но и создаёт гарантии реализации прав и свобод, в т.ч. и прав на общественную самоорганизацию в допустимых (правомерных) пределах, конституционно обоснованных рамках.

²⁹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 320.

³⁰ Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал рос. права. 2008. № 12.

³¹ Значительный интерес в этом плане представляет исследование: Черепанов В.А. Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 129–141.

³² Авакян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5–11.

²⁸ Фадеев В.И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 11.

Точно таким же образом, по нашему мнению, не стоит провозглашать наличие разрыва между свободой личности и обществом, отношения в котором регламентированы принимаемыми государством строгими правовыми нормами. Напротив, как отмечает Б.С. Эбзеев, «развитая демократия отличается совпадением интересов личности и общества в обретении свободы. Старое понимание прав человека только как способа самоопределения личности в ее противостоянии с чуждыми ему обществом и государством давно устарело. Речь сегодня идет о том, что права человека есть одновременно способ его социализации. Непременным условием такой социализации выступает законопослушание, базирующееся не на равенстве в бесправии, а на равенстве в правах и равенстве в обязанностях и свободе»³³.

С учетом изложенного представляется, что в системе «личность — общество — государство», в рамках которой и происходит делегирование власти народа (поскольку, как было отмечено ранее, этот процесс в своей многогранности имеет определенное «преломление» и относительно каждого гражданина), должны поддерживаться органичное единство и динамичный баланс прав, свобод, интересов, мнений, но не допускаться «системные разрывы», которые угрожали бы самому функционированию государства и жизнедеятельности общества в его рамках и под его защитой.

При этом развитие гражданского общества, безусловно, даёт импульс совершенствованию государства как такового. М.Н. Марченко, например, подчеркивает первичный характер общества и вторичный — государства и отмечает, что «гражданское общество в отличие от традиционного общества, согласно сложившемуся о нем представлению, должно иметь несравнимо большее влияние на государство в целом, а также на его различные органы и организации»³⁴. Наличие развитого гражданского общества, взаимодействующего с государством, означает и большую степень личной ответственности членов такого общества за функционирование институтов публичной власти.

Итак, предлагаем исследовать концепцию **ответственного делегирования**, в рамках которой процесс делегирования народом своей власти учреждённым институтам (органам, должностным лицам) не сводится к простой совокупности формальных последовательных стадий (неких «ритуальных действий», в частности, в рамках избирательного, референдумного процессов), в которых участвуют

граждане, а наполнен интеллектуальными, психологическими, волевыми, моральными компонентами — ответственным, осозанным, продуманным, ценностно-ориентированным отношением ко всем аспектам такого делегирования, самостоятельным анализом возможных последствий конкретного выбора (включая, например, выбор собственных ролей в избирательном процессе с точки зрения реализации либо только активного, либо также и пассивного избирательного права).

Н.В. Витрук подчёркивал, что «проблема личности — это проблема человека, включенного в систему общественных отношений, в социальную структуру общества»³⁵. В контексте исследуемой концепции мы ведём речь о **социально ответственной личности**³⁶, понимание которой сопряжено с одним из важнейших конституционных положений — о человеке, его правах и свободах как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). И здесь важен ещё один аспект: человек, **гармонично** включённый в социальную структуру общества и не воспринимающий государство как некое враждебное начало (пресловутую безликую систему, с которой нужно непременно бороться), более ответственно подходит к своему участию в управлении делами государства, в процессах, объективирующих делегирование власти народа, в т.ч. в выборах.

Концепция ответственного делегирования народом власти противоположна подходам, в той или иной степени допускающим и оправдывающим необоснованное противостояние неких сил, ищущих поддержку в обществе, государству, его конституционному строю и правопорядку. Делегирование власти народом — это конституционный механизм организации публичной власти в государстве, и в его рамках должны существовать определённые конституционные пределы демократии. Мы солидарны с Б.С. Эбзеевым в том, что «поводом демократии, как раз выражаемой фразой “Народ в правовой сфере может все”, способное

³⁵ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.

³⁶ Отметим, что понятие социально ответственной личности предметно используется в настоящее время в нормативных правовых актах, в частности в Указе Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где речь идёт в т.ч. о создании условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; в Указе Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», где одним из показателей названы «условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности».

³³ Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 14–23.

³⁴ Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал рос. права. 2008. № 10.

угрожать самому существованию общества, усмиряется гранитными берегами конституционализма. Речь в том числе идет о стабильном функционировании государства путем создания органов, осуществляющих его функции и действующих независимо от периодической смены политических элит, приходящих к власти в результате свободных выборов»³⁷. П.А. Астафичев столь же справедливо отмечает: «Абсолютная политическая свобода предполагала бы право народов на революции, восстания, бунты, мятежи и кровопролитие. Доктрине конституционализма чужды подобные формы участия граждан в политической деятельности. Поэтому в контексте доктрины конституционализма речь может идти лишь о **достаточно высокой степени политической свободы**, которая не просто связана правом и моралью, но прочно гарантирована конституционно-правовыми институтами»³⁸.

«Логика общественно-экономического развития России, — пишет В.Т. Кабышев, — объективно требует такого властвования, которое выступает гарантом прав человека, стабильности, прочности, уверенности в обществе. В правовом государстве это можно осуществить прежде всего конституционным путем»³⁹.

Считаем важным аспектом исследуемой концепции **стабилизационную и балансирующую функцию ответственного делегирования** народом своей власти. Во-первых, при осуществлении делегирования в конституированных формах народ как коллективный субъект в нормальных условиях стремится стабилизировать общественно-политическую обстановку и не допустить ухудшения достигнутого уровня социально-экономического развития государства и общества, качества жизни граждан и степени гарантированности прав и свобод. Во-вторых, в рамках делегирования власти должна осуществляться попытка соблюдения и поддержания баланса интересов коллективных и индивидуальных субъектов, вовлечённых в процесс — отдельных граждан (интересов личности, прежде всего в аспекте права на её свободное развитие), общества в целом, государства.

* * *

Не претендуя на полноту рассмотрения в рамках настоящей статьи всех ключевых аспектов концепции делегирования народом власти

³⁷ *Эбзеев Б.С.* Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма.

³⁸ *Астафичев П.А.* Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19.

³⁹ *Кабышев В.Т.* Психология власти в традиции русского конституционализма. С. 10.

в Российской Федерации, полагаем, что изложенное задаёт определённый вектор научного поиска сущности этой концепции и её не только теоретической, но и практической полезности для дальнейшего государственно-правового развития Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5–11.
2. *Авакьян С.А.* Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.
3. *Авакьян С.А.* Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7.
4. *Астафичев П.А.* Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19.
5. Борис Эбзеев: «Конституция определяет жизнь каждого из нас» [Интервью с Б.С. Эбзеевым] // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.
6. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.
7. *Головин А.Г.* Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: курс лекций. М., 2016. С. 67, 68.
8. *Головин А.Г.* Политические партии как один из институтов, обеспечивающих реализацию права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 8. С. 2.
9. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал рос. права. 2008. № 12.
10. *Кабышев В.Т.* Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Конституционное право и политика: сб. материалов Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.
11. *Кабышев В.Т.* Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2. С. 10, 11.
12. *Комарова В.В.* Современные механизмы формирования, выявления и защиты воли наро-

- да // Актуальные проблемы росс. права. 2020. № 3. С. 74–80.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 40.
 14. Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина / под ред. Е.И. Козловой. 3-е изд., доп., перераб. и уточн. М., 2009. С. 17, 20.
 15. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 320.
 16. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008. С. 211.
 17. *Марченко М.Н.* Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал росс. права. 2008. № 10.
 18. *Михалева Н.А.* Конституция 1993 г. – юридическая модель настоящего и будущего России // Lex russica. 2013. № 12. С. 1311.
 19. *Романовская О.В.* Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. 2017. Вып. 36. С. 145.
 20. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX века: хрестоматия / авт. проекта: Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, Л.В. Поляков; отв. ред. А.А. Вешняков. Калуга, 2003. С. 235, 237.
 21. *Садовникова Г.Д.* Проблемы оптимизации порядка формирования представительных органов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14.
 22. *Фадеев В.И.* О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 11.
 23. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020.
 24. *Черепанов В.А.* Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал росс. права. 2019. № 1. С. 129–141.
 25. *Черепанов В.А.* О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал росс. права. 2020. № 11. С. 30–44.
 26. *Шиндина А.В.* Институт делегирования в конституционной системе власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017. С. 3, 8.
 27. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 192, 194, 195.
 28. *Эбзеев Б.С.* Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 14–23.

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* Constitutional theory and practice of public power: regularities and deviations // Constitutional and Municipal Law. 2015. No. 10. P. 5–11 (in Russ.).
2. *Avakian S.A.* Modernization of public-political relations and constitutional reform: problems and prospects // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 9. P. 3–6 (in Russ.).
3. *Avakian S.A.* The main trends in the modern development of Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 4. P. 3–7 (in Russ.).
4. *Astafichev P.A.* Democracy as the basis of the doctrine of constitutionalism and the constitutional system of the modern state // Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 7. P. 19 (in Russ.).
5. Boris Ebzeev: “The Constitution determines the life of each of us” [Interview with B.S. Ebzeev] // Lawyer. 2020. No. 2. P. 2–9 (in Russ.).
6. *Vitruk N.V.* The General theory of the legal status of the individual. M., 2008 (in Russ.).
7. *Golovin A.G.* Suffrage and electoral process in the Russian Federation: a course of lectures. M., 2016. P. 67, 68 (in Russ.).
8. *Golovin A.G.* Political parties as one of the institutions that ensure the realization of the right of citizens of the Russian Federation to participate in managing state Affairs // Constitutional and Municipal Law. 2008. No. 8. P. 2 (in Russ.).
9. *Zorkin V.D.* Value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms // Journal of Russ. law. 2008. No. 12 (in Russ.).
10. *Kabyshev V.T.* Democracy in the system of the constitutional system of Russia: constitutional and political dimension // Constitutional Law and politics: collection of materials of the International Scientific Conference. Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University, March 28–30, 2012 / S.A. Avakian, D.S. Agapov, N.I. Akuev et al.; res. ed. S.A. Avakian. M., 2012 (in Russ.).
11. *Kabyshev V.T.* Psychology of power in the tradition of Russian constitutionalism // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 2. P. 10, 11 (in Russ.).

12. *Komarova V.V.* Modern mechanisms of formation, identification and protection of the will of the people // Actual problems of Russ. law. 2020. No. 3. P. 74–80 (in Russ.).
13. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by V.D. Zorkin, L.V. Lazarev. M., 2009. P. 40 (in Russ.).
14. Constitution of the Russian Federation. Article-by-article scientific and practical commentary of the team of scientists of Kutafin Moscow State Law Academy / ed. by E.I. Kozlova. 3rd ed., supplement, reprint. and clarified. M., 2009. P. 17, 20 (in Russ.).
15. *Kutafin O.E.* The subject of Constitutional Law. M., 2001. P. 320 (in Russ.).
16. *Kutafin O.E.* Russian constitutionalism. M., 2008. P. 211 (in Russ.).
17. *Marchenko M.N.* Correlation of civil society and the state: questions of theory // Journal of Russ. law. 2008. No. 10 (in Russ.).
18. *Mikhaleva N.A.* The Constitution of 1993 – the legal model of the present and future of Russia // Lex russica. 2013. No. 12. P. 1311 (in Russ.).
19. *Romanovskaya O.V.* Delegation of state authority in the system of public law regulation // Herald of the Perm State University. Legal sciences. 2017. Issue 36. P. 145 (in Russ.).
20. *Rousseau J.-J.* On the social contract, or principles of Political Law // Political institutions, Electoral Law and the process in the works of Western European thinkers of the XVII – early XX century: a textbook / author of the project: Yu. A. Vedeneev, I.V. Zaitsev, L.V. Polyakov; ed. by A.A. Veshnyakov. Kaluga, 2003. P. 235, 237 (in Russ.).
21. *Sadovnikova G.D.* Problems of optimization of the order of formation of representative bodies in the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2008. No. 14 (in Russ.).
22. *Fadeev V.I.* On the spiritual and moral foundations of the people’s representation in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 3. P. 11 (in Russ.).
23. *Khabrieva T. Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, № 1-FCL “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority”. M., 2020 (in Russ.).
24. *Cherepanov V.A.* The people and the state: the doctrinal interpretation of the constitutional model // Journal of Russ. law. 2019. No. 1. P. 129–141 (in Russ.).
25. *Cherepanov V.A.* On legal issues of the succession of power // Journal of Russ. law. 2020. No. 11. P. 30–44 (in Russ.).
26. *Shindina A.V.* Institute of delegation in the constitutional system of power of the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. Penza, 2017. P. 3, 8 (in Russ.).
27. *Ebzeev B.S.* Constitution, power and freedom in Russia: experience of synthetic research. M., 2014. P. 192, 194, 195 (in Russ.).
28. *Ebzeev B.S.* Constitution, state and personality in Russia: philosophy of Russian constitutionalism // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 11. P. 14–23 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 1 класса, заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; 107031 г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26

Authors’ information

GOLOVIN Alexey G. – PhD in Law, State Councilor of the Russian Federation, 1st class, Deputy Head of the Staff of the Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Self-Government and Northern Affairs, Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; 26 B. Dmitrovka str., 107031 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПОРЯДОК: ИЗ ОПЫТА ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

© 2022 г. Е. А. Фролова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Юго-Западный университет политологии и права, г. Чунцин, Китай*

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Поступила в редакцию 07.07.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются философско-теоретические проблемы соотношения государства и права. Показано, что проблема связанности государства правом имеет метаюридический характер. Предсказуемость правового порядка состоит в следовании государства своим обещаниям, — верховная власть проявляет свою власть в нормах, которые она не только установила, изменяет, но и соблюдает.

Ключевые слова: теоретико-правовые науки, государство, право, ограничение государственной власти, теория правового государства.

Цитирование: Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2021. № 1. С. 46–53.

DOI: 10.31857/S102694520018269-6

STATE AND ORDER: FROM THE EXPERIENCE OF THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

© 2022 E. A. Frolova

*Lomonosov Moscow State University;
Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China*

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Received 07.07.2021

Abstract. The article deals with the philosophical and theoretical problems of the relationship between state and law. It is shown that the problem of the state's being bound by law is of a meta-legal nature. The predictability of the legal order consists in the state's adherence to its promises — the supreme power manifests its power in the norms that it not only established, changes, but also observes.

Key words: theoretical and legal sciences, state, law, limitation of state power, theory of the Rule of Law.

For citation: Frolova, E.A. (2022). State and order: from the experience of theory and Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 46–53.

Право и принуждение

Одним из отличительных признаков права является его связь с государством. Государство с помощью права поддерживает существующие отношения и устанавливает порядок в обществе, охраняя одни отношения, ограничивая развитие других и пресекая возникновение третьих, нежелательных

для тех социальных сил, которые способны определять содержание права.

Государство устанавливает меры воздействия для нарушителей правовых норм. Норма права всегда рассчитана на жизненные обстоятельства, при которых у лица существует выбор вариантов поведения.

Норма не имеет смысла, если ее невозможно нарушить¹. В отличие от нормативных правовых актов в научном смысле (которые необходимы и потому не могут нарушаться) право нарушается даже теми, кто знает и признает его. Право устанавливает в обществе обязательный порядок, однако он качественным образом отличается от необходимого — обязанности мы хотя и должны не нарушать, но все же можем нарушить². Нормы указывают участникам общественных отношений (в случаях, когда можно поступить различным образом) должный вариант. Этот вариант поведения предписывается под угрозой государственного принуждения, применяемого для восстановления нарушенных прав (где это возможно) и (или) для наказания нарушителя обязательств / запрета. Смысл существования права заключается в поддержании определенного порядка, в предупреждении и разрешении индивидуальных и социальных конфликтов, в т.ч. в упорядочении процесса государственного принуждения, применяемого в этих целях³.

Принуждение, обеспечивающее правовой порядок, имеет несколько особенностей. Прежде всего это — организованное принуждение, осуществляемое уполномоченными государственными органами. Монопольное право государства на применение насилия⁴ есть необходимое условие прочности социального порядка. Далее, государственное принуждение, охраняющее право от нарушений, облечено в правовые формы (содержится в санкции правовой нормы) и имеет процессуальный порядок применения. Осуществление принуждения вне

права (даже для защиты права) означает нарушение стабильности в обществе, которая является целью любого права. Стихийное принуждение для установления порядка только лишь в одной области социальных отношений усиливает беспорядок в других сферах. Возводимое в систему самоуправство порождает противостоящую ему самозащиту. Любое государство не заинтересовано в дестабилизации общественных отношений — законодатель рассчитывает на то, что послушание граждан будет обеспечиваться не только принуждением, но и угрозой его применения, которая доводится до всеобщего сведения вместе с содержанием самого предписания.

Ряд правоведов оспаривали принуждение как сущностное качество права. Так, Л.И. Петражицкий считал, что с точки зрения принуждения правовые нормы или образуют бесконечный процесс норм, или оказываются непринудительными⁵. По убеждению Н.М. Коркунова, принудительность не является ни основным, ни даже общим свойством правовых явлений. При соблюдении права, рассуждал он, люди довольствуются вероятностью его соблюдения в большинстве случаев. Будет ли право иметь принудительную санкцию или нет, уверенности в его соблюдении во всех случаях не может быть. Вероятность же соблюдения закона не обусловлена принуждением. Кроме этого, правовед отмечал, что ряд норм права не предполагает их принудительного осуществления⁶.

Действительно, содержание многих правовых предписаний опосредованно связано с государственным принуждением (нормы, определяющие виды субъектов права, юридические факты, порядок совершения действий, порождающих юридические последствия и др.). Все эти нормы имеют большое значение для регулирования общественных отношений, создания правопорядка, решения возникающих споров и конфликтов, но не обладают принудительным характером.

Соотношение права и государственного принуждения — не только предмет научных исследований. На уровне обыденного правового сознания право часто ассоциируется не с правопорядком⁷, а с принуждением. Обостренное восприятие

¹ Без правонарушителей право не имело бы смысла и цели. Согласно Дель Векино, понятие права и противоправности взаимодополняемы. «Хотя это и покажется на первый взгляд странным, право в точном смысле нарушаемо по своей сущности, и оно является правом благодаря своей нарушаемости. Если бы отсутствовала возможность противоправности, не имело бы смысла утверждения права...» (см.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. III. Европа, Америка. XVII—XX вв. / отв. ред. О.А. Жидков. С. 722).

² См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 75. На различие законов природы и законов права обращал внимание Гегель: законы природы абсолютны и не допускают ограничений, законы права имеют относительный характер. Правовые законы — это законы, идущие от людей. Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, либо согласиться с ними. Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы. Этим обусловлены в праве коллизии между тем, что есть, и тем, что должно быть (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 57).

³ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 59, 60.

⁴ О понимании насилия в философии права см.: Жуков В.Н. Насилие // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 427–429.

⁵ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. С. 273, 274; см. также: Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. СПб., 1910. С. 16.

⁶ По мысли Н.М. Коркунова, требования, относящиеся к содержанию, особенно, к личным услугам, не могут быть осуществлены посредством принуждения. Нельзя человека силой заставить выполнять какой-то труд. Его можно подвергнуть наказанию, но наказать не значит заставить. Могут быть случаи, когда человек скорее пойдет на виселицу, нежели исполнит то, что требуется (см. об этом подр.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 96–102).

⁷ Содержание правопорядка в теоретико-правовых науках см.: Корнев В.Н. Правопорядок // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 559, 560.

населением этого вопроса связано с многочисленными случаями произвольного применения насилия со стороны государства. В случаях, когда принуждение направлено на защиту несправедливого права или вопреки праву (меры государственного принуждения могут быть несоразмерны содеянному), вопрос соотношения права и принуждения становится острой социальной проблемой. Без отлаженного механизма применения санкций за нарушения запретов право становится бессильным, а права членов общества превращаются в декларации, поскольку власть не способна организовать полноценное восстановление нарушенных прав, принуждение к исполнению обязанностей, наказание нарушителей запретов в праве⁸.

В советской литературе теме принуждения в праве придавалось особое значение. Некоторые авторы даже утверждали, что право в целом обладает общепринудительным характером⁹. Такой подход был связан с политико-правовыми установками и особенностями жизнедеятельности советского общества, в котором общественные отношения были огосударствлены. В 90-е годы XX в. в условиях разгосударствления и деидеологизации общества отношение к назначению права меняется: несмотря на то, что санкции по-прежнему считаются важным компонентом правовой системы каждого общества, за правом признается широкий спектр задач, его функции как социального регулятора значительно расширяются.

В целом можно заметить, что прогресс правопорядка означает воспрещение частного насилия. На развитой степени общественности осуществление принуждения допускается только уполномоченными государственными органами, которые должны пользоваться принуждением лишь для осуществления правомерных требований. При таком порядке принуждение служит исключительно праву. Таким образом, монополия государства на применение насилия обеспечивает условия стабильности в обществе, сообщая большую твердость тем правилам, которые могут быть принудительно осуществлены. Согласно метафоре Р. Иеринга, правосудие в одной руке держит весы, которыми оно взвешивает право, а в другой руке меч, которым утверждается право. Меч без весов есть голое насилие, весы без меча — бессилие права. Оба связаны друг с другом, и совершенный правовой порядок господствует только там, где сила,

с которой правосудие держит меч, равняется искусству, с которым оно владеет весами¹⁰.

Еще раз подчеркнем — угроза применения насилия не исчерпывает содержание права. В цивилизованном обществе присутствует убежденность, что главный ориентир права — это предупреждение конфликтов, упорядочение решения споров, восстановление нарушенных прав. Этими юридическими способами создается не только политическая стабильность, но и формируется правовое государство, главная ценность которого — права и свободы личности.

Государство и право: проблемы соотношения

Правом становятся не любые предписания, а только те нормы и отношения, которые официально признаны, охраняются и поддерживаются государством. В конечном счете именно от государства зависит, какие действия запрещать, какие отношения регулировать и охранять, каким обстоятельствам придавать юридическое значение. Тем самым государство берет на себя ответственность за порядок в обществе. Если это сделать не удастся — сначала в государстве меняется верховная власть, а затем изменяется содержание права или способы его осуществления.

Возникает вопрос: чем руководствуется государство, создавая / санкционируя те или иные нормы права? В правовой науке распространена точка зрения, согласно которой государственная власть есть основанная на силе воля властвующих, выражающая прежде всего интересы самих властвующих; с помощью норм права поведение подвластных приспосабливается к интересам властвующих. Поэтому государство, этот Левиафан, во все исторические времена вызывало у народа желание ограничить его деятельность, установив пределы государственного всемогущества.

Действительно, если государство стоит выше права, не санкционируется ли таким образом властный произвол? Чем государство отличается от «шайки разбойников» (термин Августина Блаженного), и насколько оно само способно подчиняться правовому порядку?

В теоретико-правовой науке однозначного ответа на эти вопросы нет. Хорошо известно, что государственный порядок может не соответствовать тем требованиям, которые ему предъявляет общество в качестве необходимых на данном этапе своего развития. Логически, исторически, практически возможно не только расхождение, но и противостояние между правом, которое поддерживает государство, и правом желательным, исходящим от членов общества.

⁸ См.: *Лейст О. Э.* Указ. соч. С. 62, 63.

⁹ По утверждению А. Я. Вышинского, право представляет собой нормы, осуществляемые в принудительном порядке при помощи государственного аппарата (см.: *Вышинский А. Я.* Вопросы права и государства у К. Маркса // Сов. государство. 1938. № 3. С. 40).

¹⁰ См.: *Иеринг Р.* Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 24.

Преодолеть политическое отчуждение в разные времена предлагалось с помощью: естественного права, имеющего надгосударственный характер, мудрой политики просвещенного монарха, установления неотчуждаемых прав и свобод человека, механизма разделения властей, демократического устройства государства, при котором оно фактически сливается с народом, социальной революции и др. Радикальный вариант преобразований не порождает стабильность в обществе — социальной революцией можно свергнуть власть тирана, однако нельзя установить твердый правопорядок. В революции повинна тупость правительства, медлящего с проведением назревших в обществе реформ (Кант), революция — «отрицательная свобода», «свобода пустоты», «фурия разрушения» (Гегель), за революцией неминуемо следует контрреволюция (Герцен). Задача мудрого правителя во все эпохи — своевременно разрешить это противоречие, не допуская разрушительных процессов в социуме. Мирный переход к новому обществу, безусловно, предпочтителен, однако он происходит только там, где властвующие лица отличаются дальновидностью, или где внешняя опасность требует напряжения всех общественных сил (Шершеневич).

Всякий, обладающий властью, способен ею злоупотребить. Для устранения произвола или сведения его к минимуму теоретики и философы права предлагали разные способы. Одно из известных средств сдерживания произвола властителей — теория разделения властей в различных вариациях¹¹.

Связанность государства правом

Логическим ограничением верховной власти признают связанность государства правом — считается, что таким образом устанавливаются пределы всемогущества государства, прежде всего в области законотворчества. Вместе с тем, решая этот вопрос формально-юридически, можно утверждать, что государство само себе ничего предписать не

¹¹ В этой связи интересны теоретические опыты Б. Константа и Г.В.Ф. Гегеля по корректировке теории Ш.Л. Монтескье. Согласно Константу, органом исполнительной власти являются только министры, а король — орган особой умеряющей власти. Король не имеет другого интереса, кроме как поддерживать порядок и свободу, он парит над человеческими тревогами. Верх совершенства политической организации заключается в том, что таким образом создается сфера твердости, величия, безопасности, позволяющая обществу спокойно развиваться. В случае раздоров, выходящих за известные пределы, король принимает действенные меры. Гегель также выделяет власть короля как особую объединяющую власть, считая, что судебная и исполнительные власти должны рассматриваться как подразделения одной власти. Кроме королевской власти он выделял законодательную власть (власть определять общее) и правительственную, действующую как суд и как администрация (власть подведения частных случаев под общее правило) (см.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 311; см. также: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 324).

может. Выступая источником права, оно не может быть само обусловлено правом: если нормы права выражают требования, обращенные государственной властью к подчиненным, то правила, определяющие устройство и деятельность самой государственной власти, не могут иметь правового характера. Г.Ф. Шершеневич был во многом прав, утверждая, что государственная власть не подчинена праву: «требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения»¹². Добавим — не имеет *юридического* значения (в греческой философии получила распространение мысль о зависимости действий правителя от принимаемых им законов с точки зрения морали. В XII в. Грациан считал, что с позиции естественного права князья связаны своими законами и должны по ним жить. В Новое время Спиноза отстаивал положение, согласно которому верховная власть имеет нравственные ограничения и не должна своими действиями вызывать раздражение у граждан).

Проблема связанности государства правом имеет метаюридический характер, силами только лишь юридического позитивизма этот вопрос решить нельзя. Так, с позиции естественного права вопрос различения права и произвола нашел теоретическое разрешение в концепции представителя марбургской школы неокантианства Р. Штаммлера. Право, утверждал он, есть правило поведения, которое должно быть соблюдаемо властью, его устанавливающей, пока оно не будет заменено новым правилом. Если же власть, установившая правило, не считает нужным его соблюдать, а действует в каждом конкретном случае по своему усмотрению, то право сменяется произволом. Более категоричен немецкий государствовед Г. Еллинек, считавший, что эта проблема не имеет общетеоретического решения. Согласно его подходу, тема соответствия деятельности государства праву может рассматриваться лишь конкретно-исторически — применительно к отдельному народу и определенному периоду его развития¹³.

Вопрос взаимозависимости государства и права — один из центральных для фундаментальной юриспруденции. В той или иной степени, все юристы сходятся во мнении, что готовность населения подчиняться верховной власти имеет свои границы и, если государственная власть перейдет за пределы того, с чем могут примириться подвластные ей лица, она должна ожидать выражения недовольства со стороны населения. Формы недовольства народа в каждом конкретном случае могут быть различны: от глухого ропота населения и его

¹² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. I. С. 251.

¹³ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 362.

пассивного сопротивления верховной власти (например, отказ платить налоги) до мятежей и вооруженных восстаний.

В концептуальном плане существует два варианта решения вопроса ограничения государственной власти. Во-первых, *теория самоограничения государства*. Согласно этой позиции, эгоизм властвующих лиц подталкивает их к умеренности в правовом творчестве: они могут охранять правом свои интересы только тесно сплетая их с интересами подвластных. Подвластные, в свою очередь, также заинтересованы в правовом порядке, поскольку наличие какого-либо порядка лучше его отсутствия¹⁴. Эти идеи отражают подход Р. Иеринга: «право есть хорошо понимаемая политика силы», благоразумие принуждает властвующих к самоограничению. Во-вторых, *теория ограничения государства правом*. Суть этой концепции заключается в том, что государство сдерживает свои интересы в созданных им самим рамках, поскольку нарушению этих границ мешает право. Данный подход в разных модификациях отстаивали представители доктрины классического и «возрожденного» естественного права. Так, Дж. Локк, доказывая необходимость верховенства права, настаивал на постоянном и едином для всех законе: как для фаворита при дворе, так и для крестьянина за плугом. В конце XIX – начале XX в. идеи правовой связанности государства развивали многие русские юристы и философы права (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.М. Гессен, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, И.А. Покровский, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк и др.).

Возникает вопрос: если самоограничение государства имеет правовой характер, то где найти эту высшую волю, которая была бы для него обязательной? Если государство само ставит себе границы, то что ему мешает переставить их с учетом собственных интересов? Каким образом, при неясности природы властвования, государство может выступать гарантом прав и свобод человека? (Еще в XVII в. теоретики естественного права заявляли, что меч государства быстро заставит замолчать всех с ним несогласных.)

Фактически государственную власть, как было отмечено, ограничивают два обстоятельства: нравственное сознание и / или благоразумие властвующих¹⁵

¹⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 261.

¹⁵ Так, например, Б. Констан считал, что, если человек, находящийся у власти, разумен, он никогда не перейдет границ опасности (см.: Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. М., 1995. С. 221). Согласно Г.Ф. Шершеневичу, чувству совести в области нравственности соответствует чувство законности в области права. Как чувство совести представляет лучшее обеспечение нравственного порядка, так чувство законности является лучшей гарантией правового порядка. Если лица, стоящие во главе управления государством, усвоили себе чувство законности,

и возможность противодействия со стороны граждан. Мудрый законодатель не начинает с установления законов, он выступает в роли архитектора, зондирующего, вынесет ли народ предлагаемые ему законы (дух законодателя есть «дух умеренности», который рождает право (Монтескье)). В свою очередь, подвластные также заинтересованы в устойчивом правовом порядке – он дает гражданам уверенность в обеспеченности их прав и свобод. При этом форма правления не оказывает решающего воздействия ни на декларирование прав и свобод, ни на механизм их реализации. Так, например, сторонник абсолютной монархии Т. Гоббс считал, что гарантировать индивидуальные права и свободы способен только авторитарный правитель (в начале английской революции Гоббс обосновывал правомерность власти Карла I, а после его казни – протекторат О. Кромвеля). Согласно Б. Констану, республика не гарантирует общественного спокойствия, а монархия – свободы. Какое спокойствие было в Риме при Нероне, Домициане? В Сиракузах при Дионисии? Во Франции при Людовике XI или Карле IX? Была ли свобода при децемвирах, Длинном Парламенте, Конвенте или Директории? В отношении монархии Констан риторически замечал: «Кто будет отрицать, что в Англии за последние 120 лет люди пользовались гораздо большей личной безопасностью и большими правами, чем во Франции, где несовершенство и уродливость республиканских институтов порождали произвол и множили тиранов?»¹⁶.

Начиная с середины XIX в. в наибольшей степени стабильность и справедливый общественный порядок юристы либерального направления связывают с деятельностью правового государства. В исторической ретроспективе правовое государство пришло на смену полицейскому государству с его тотальной регламентацией частной жизни, – на место полицейских мер, легко переходивших в произвол, была установлена система объективного права, как гарантия законности и правопорядка¹⁷. Таким образом, правовое государство ограничивалось в своей деятельности охраной субъективных прав, предоставляло свободу борьбе частных интересов, оставаясь, по меткому выражению Ф. Лассаля, в роли «ночного сторожа».

В теоретическом плане правовое государство – это идея, философско-правовое понятие, программное

то они будут держаться законных форм в силу привычки и потому, что они предвидят силу оппозиции в случае отступления. Напротив, лица, пропитанные духом произвола, став у власти, легко будут нарушать закон (см.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 246, 247).

¹⁶ Констан Б. Об узурпации. С. 198.

¹⁷ Полицейское государство имеет тенденцию к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писанных законов, характеризуется формализмом и бюрократизмом. Этим оно качественно отличается от правового государства (см.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 371).

положение, предполагающее длительную и широко-масштабную работу. (Как подчеркивал Шершеневич, правовое государство — это проблема, поставленная государству временем.) Государство должно быть устроено таким образом, чтобы оно стало правовым. В этом заключается суть разделения властей как системы сдержек и противовесов в общем механизме органов государственной власти, создающей гарантии правомерности деятельности каждой из них. Практикой и наукой выработаны различные модели полномочий и соотношения государственных органов, главное в этой системе — создание государственной структуры, соблюдающей и охраняющей правовую систему гражданского общества. Кроме этого правовое государство — это не только (и не столько) способ организации государства, сколько состояние государственной власти на всех ее уровнях.

Часто отличительной чертой правового государства называют верховенство закона. Однако, как известно, законы бывают разные: проекты, в которых детальным образом регламентируются семейные, трудовые, бытовые отношения (какую одежду носить, как отдыхать, как развлекаться, как питаться и т.д.) не относятся к правовому государству. Такие властные предписания характеризуют сословно-рабовладельческое общество («Законы» Платона) или казарменно-коммунистическое («Город Солнца» Кампанеллы, «Закон свободы» Уинстенли, «Кодекс природы» Морелли, «Истинная система» Дешана, «Путешествие в Икарию» Кабе).

Основу гражданского общества образуют качественно иные законы — законы свободы и равенства. Поэтому устройство правового государства есть не самоцель, а средство обеспечения прав и свобод человека.

Узурпация власти: теоретический аспект

Отдельный вопрос теоретико-правовых наук — понимание, оценки и отношение граждан к произволу государственной власти. Большой вклад в теоретическое осмысление системы узурпации внес Б. Констан. В отличие от монархии, считал он, узурпация есть сила, ничем не измененная и ничем не смягченная; она несет на себе отпечаток личности узурпатора, который находится в постоянном состоянии недоверия и враждебности. К порокам, сопутствующим факту узурпации, добавляются пороки его личности. «Сколько хитрости, сколько насилия, сколько вероломства узурпация с необходимостью привносит в жизнь общества! Ведь нужно ссылаться на принципы, которые собираешься поправить, брать обязательства, которые собираешься нарушить, играть на доверчивости одних, пользоваться слабостью других, пробуждать дремлющую жадность, поощрять таящуюся

несправедливость, разврат»¹⁸. Узурпатор — всегда беспокоен и мятежен, он не верит в права, которые себе присвоил, хотя и принуждает всех признавать их. Беззаконие преследует его как фантом. Он издает законы — и изменяет их; основывает империи — и разрушает их. Его никогда не удовлетворяет собственный замок, построенный на песке. Узурпация создает униженную систему — узурпатор может опереться только на вооруженную силу. По мысли Констан, узурпация есть более страшное зло, чем абсолютный деспотизм. Деспотизм — это «правление, при котором воля господина признается единственным законом; где объединения и корпорации, если таковые вообще существуют, суть лишь органы властителя; где правитель рассматривает себя единоличным собственником своей империи, а в своих подданных видит только пользователей доходами; где свобода может быть отнята у граждан без объяснения властями каких-либо причин; где суды подчинены капризам власти, и их приговоры могут быть отменены; где оправданных могут поставить перед новым судом, которому вменено в обязанность лишь осуждать. <...>. Принцип такого государства — произвол»¹⁹. Если при деспотизме под запрет попадают все дискуссии и от членов общества требуется лишь подчинение, то узурпатор более коварен. Дело в том, что последний, имитируя свободу, объединяет в себе «все зло анархии и рабства»: именно узурпаторы изобрели обращения и монотонные поздравления — «обычная дань, которую во все времена расточают одни и те же люди в тех же словах и при помощи мер, противоположных ожидаемому результату... Кто не понимает, что чем большей степени напуганные граждане поспешат воздать ему хвалу за его энтузиазм командования! (...) Узурпатор накапливает все эти приветствия и воззвания — ведь будущее будет судить о нем по этим памятникам, воздвигнутым им самим»²⁰. Если народ поработен, но не унижен окончательно, у него есть надежда на лучшее будущее — деспотизм не отнимает этого последнего шанса. Узурпатор же не только угнетает народ, но и унижает его; он вынуждает людей попирать то, что они уважали, восхвалять то, что презирали, и презирать самих себя.

Освободиться от политического гнета узурпатора можно различными способами, однако положительный долговременный результат окажется в обществе с развитым самосознанием граждан. Многие философы права подчеркивают активность личности и ее способность не только отстоять свои субъективные права, но и деятельно противостоять произволу со стороны верховной власти. Так, и в XXI в. не потерял значения подход немецкого юриста второй половины

¹⁸ Констан Б. Об узурпации. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 202, 221.

²⁰ Там же. С. 206.

XIX столетия Р. Иеринга. Деспотизм, полагал он, всегда начинал с посягательства на частное право, с насилия над отдельными лицами. В этих условиях «каждый призван и обязан подавлять гидру произвола и беззакония, где только она осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благодеянием права, должен в свой черед так же поддерживать по мере сил могущество и авторитет закона — словом, каждый есть борец за право в интересах общества»²¹. В случае, когда действия государственных органов и должностных лиц утрачивают свою безусловность, правосудие начинает осуществляться не по закону, а как-то иначе, такое государство деградирует. При этом для его низвержения не обязателен политический переворот: оно само себя постепенно изживает.

* * *

Ныне в ряде государств состояние законности вызывает опасения: принятие многочисленных и не всегда продуманных нормативных актов, их скорая отмена / замена другими, не менее спорными нормативными актами, — все это не только не порождает социальную стабильность, но, напротив, создает устойчивое убеждение большинства граждан в некомпетентности должностных лиц и их нежелании / невозможности своевременно решать насущные жизненные проблемы населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. III. Европа, Америка. XVII—XX вв. / отв. ред. О.А. Жидков. С. 722.
2. Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса // Сов. государство. 1938. № 3. С. 40.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 57, 311.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 362.
5. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 37, 38.
6. Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 24.
7. Жуков В.Н. Насилие // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 427—429.
8. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 371.
9. Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. М., 1995. С. 198, 201, 202, 206, 221.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 75, 96—102, 324.
11. Корнев В.Н. Правопорядок // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 559, 560.
12. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 59, 60, 62, 63.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. С. 273, 274.
14. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. СПб., 1910. С. 16.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. I. С. 246, 247, 251, 261.

REFERENCES

1. Anthology of World legal thought: in 5 vols. M., 1999. Vol. III. Europe, America. XVII—XX centuries. / rev. ed. O.A. Zhidkov. P. 722 (in Russ.).
2. Vyshinsky A. Ya. Questions of law and state in K. Marx // Soviet State. 1938. No. 3. P. 40 (in Russ.).
3. Hegel G. V.F. Philosophy of Law. M., 1990. P. 57, 311 (in Russ.).
4. Jellinek G. The General doctrine of the state. SPb., 2004. P. 362 (in Russ.).
5. Iering R. Struggle for the law. M., 1991. P. 37, 38 (in Russ.).
6. Iering R. Selected works: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. 1. P. 24 (in Russ.).
7. Zhukov V.N. Violence // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and additional / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 427—429 (in Russ.).
8. Kistyakovskiy B.A. Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1998. P. 371 (in Russ.).
9. Constant B. On usurpation // On freedom. Anthology of Western European classical liberal thought / comp. M.A. Abramov, etc.; res. ed. by M.A. Abramov. M., 1995. P. 198, 201, 202, 206, 221 (in Russ.).
10. Korunkov N.M. Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 75, 96—102, 324 (in Russ.).
11. Kornev V.N. Law and order // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and additional / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 559, 560 (in Russ.).
12. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and Philosophy of Law. M., 2002. P. 59, 60, 62, 63 (in Russ.).
13. Petrazhitzky L.I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 1909. P. 273, 274 (in Russ.).
14. Trubetskoy E.N. Lectures on the Encyclopedia of Law. SPb., 1910. P. 16 (in Russ.).
15. Shershenevich G.F. General theory of law: textbook: in 2 vols. M., 1995. Vol. I. P. 246, 247, 251, 261 (in Russ.).

²¹ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 37, 38.

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); приглашенный профессор Юго-Западного университета политологии и права; 401120 Китай, г. Чунцин, 301, проспект Баошэнг, район Юйбэй

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. – Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 Leninskie Gory (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Visiting Professor, Southwest University of Political Science and Law; 301, Baosheng Ave Huixing str. Yubei Distric, 401120 China, Chongqing

УДК 34.01

ПРАВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

© 2022 г. В. Н. Корнев*, В. И. Кононенко**

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

*E-mail: prorector_nauka@rsuj.ru

**E-mail: kfk@rsuj.ru

Поступила в редакцию 09.06.2021 г.

Аннотация. Право находит свое выражение и существование в языке. Взаимосвязь между правом и языком определяет его интерпретативную природу. В процессе применения нормативных правовых актов они всегда нуждаются в интерпретации правоприменителем с целью выяснения смысла и выраженной в них воли правотворца, интенционально направленной на установление определенного поведения и регулирование значимых общественных отношений. Проблема понимания нормативных правовых актов, достигаемая в процессе их толкования (интерпретации), составляет одну из важнейших задач субъектов, уполномоченных применять право. В статье с привлечением примеров из судебной практики рассматриваются проблемы толкования, понимания и применения права как единого процесса. Исследуются сущность и содержание основных направлений в герменевтике как теории интерпретационной практики и философии понимания, ее основные каноны. В этой связи предметом анализа стали труды Г. Гадамера, Э. Бетти, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, А. Кауфмана, А. Аарньо, П. Рикера по философии и теории языка и юридической герменевтике. В статье дается определение категорий герменевтики «понимание», «предпонимание» («предрешение») и в этом контексте показывается значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для правоприменительной и интерпретационной практики судов. На примерах из судебной практики приводятся случаи отмены судебных решений по причине неправильного толкования законов, а также, когда под видом толкования фактически осуществляется правотворчество.

Ключевые слова: право, суд, толкование, интерпретация, герменевтика, предпонимание, понимание, предрешение, закон, Конституция РФ, Верховный Суд РФ, разъяснение.

Цитирование: Корнев В. Н., Кононенко В. И. Право, правоприменение и юридическая герменевтика // Государство и право. 2022. № 1. С. 54–63.

DOI: 10.31857/S102694520018271-9

LAW, LAW ENFORCEMENT AND LEGAL HERMENEUTICS

© 2022 V. N. Kornev*, V. I. Kononenko**

Russian State University of Justice, Moscow

*E-mail: prorector_nauka@rsuj.ru

**E-mail: kfk@rsuj.ru

Received 09.06.2021

Abstract. Law finds its expression and existence in language. The relationship between law and language determines its interpretative nature. In the process of applying normative legal acts, they always need to be interpreted by the law enforcement officer in order to clarify the meaning and will expressed in them, intentionally aimed at establishing certain behavior and regulating the significant social relations. The problem of understanding normative legal acts, achieved in the process of their interpretation is one of the most important tasks of subjects authorized to apply the law. The article deals with the problems of interpretation, understanding and application of law as a single process, using examples from judicial practice. The essence and content of the main directions in hermeneutics as a theory of interpretative practice and philosophy of understanding, its main canons are studied. In this regard, the subject of analysis is the works of G. Gadamer, E. Betti, L. Wittgenstein, M. Heidegger, A. Kaufman, A. Aarnio, P. Riker on the philosophy and theory of language and legal hermeneutics. The article defines the categories “understanding”, “pre-understanding” (“predestination») and in this context, the significance of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for the law enforcement and interpretative practice of courts. Examples from judicial practice show cases of cancellation of court decisions due to incorrect interpretation of laws, as well as when law-making is actually carried out under the guise of interpretation.

Key words: law, court, interpretation, hermeneutics, pre-understanding, understanding, predestination, law, Constitution, Supreme Court of the Russian Federation, explanation.

For citation: Kornev, V.N., Kononenko, V.I. (2022). Law, law enforcement and legal hermeneutics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 54–63.

Только фундаментальные правовые дисциплины создают перспективу для того, чтобы «юриспруденция» могла стать по-настоящему наукой. Следует согласиться со справедливым и обоснованным суждением о том, что все правовые нормы и принципы формулируются в правовых предложениях или предписаниях (нем. *Rechtsätze*. – *Асм.*). Право не существует вне и помимо языка. Язык – единственная среда, в которой невидимое может явить себя в мире явлений. А право – это сфера должного, которое невидимо и является в объективной реальности только посредством языка. Поэтому не случайно в научных исследованиях по теории права в зарубежных странах много места отводится исследованию проблемы взаимосвязи права и языка, юридической герменевтике как науке о понимании и толковании правовых текстов. Вот и в монографии, авторами которой являются Рютерс (*Ruthers*), Фишер (*Fischer*), Бирк (*Birk*), есть специальный параграф «Право и язык» (“*Recht und Sprache*”)¹. Авторы подчеркивают, что явное упущение в формировании юридических кадров состоит во все еще продолжающейся недооценке значения языковой подготовки лиц, желающих овладеть профессией юриста. Дело в том, что правовая наука исследует системные отношения и связи между нормами, принципами и языковой формой их выражения, а также способами и формами юридической аргументации и интерпретации.

Наука о праве – также наука, исследующая тексты. Поэтому можно сказать, что наука о праве есть наука и о языке, поскольку ее предмет составляют тексты нормативных правовых актов, решений

судов, нормативных договоров, а также их проекты. Для всех наук, занимающихся исследованием текстов свойственны в чем-то сопоставимые проблемы их интерпретации. Язык – неотъемлемое свойство юридической профессии. Мастерское владение языком является предпосылкой и высшим выражением профессионализма. Наряду с фундаментальной подготовкой юриста в области родного *правового языка и языка права* актуальной остается проблема овладения иностранными языками. Все эти рассуждения, касающиеся соотношения права и языка, вполне можно отнести и к решению проблем, возникающих в процессе подготовки юридических кадров в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Интерпретация как мыслительно-волевая деятельность составляла, составляет и будет составлять главную цель деятельности юристов. Нормативные правовые акты и иные формы права содержат нормативный элемент, что с неизбежностью порождает необходимость его «правильного» понимания. Предполагается, что содержание данного акта независимо от представлений адресата толкования. При интерпретации нормы или принципа права на первое место выдвигается не тот субъект, который воспринимает содержание акта толкования, а тот, от которого исходит текстуальное или иное языковое выражение нормативного элемента.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ наряду с прочими основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке таким является неправильное истолкование закона, что отнесено вышеназванным Кодексом к неправильному применению норм материального права. Согласно правовой доктрине под неправильным истолкованием закона (права) разумеется

¹ См.: *Ruthers, Fischer, Birk*. *Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre* 10. überarbeitete Auflage. München, 2016. S. 101–141.

неверное понимание содержания и смысла правовых предписаний.

Примером неправильного толкования и применения норм материального права может служить приведенное в Обзоре судебной практики по гражданским делам Верховного Суда РФ № 4 за 2019 г.² следующее:

«Решением суда первой инстанции удовлетворены исковые требования И. к пенсионному органу о включении в страховой стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости. Апелляционным определением решение суда первой инстанции было отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований И.

Пенсионный орган обратился в суд с заявлением о взыскании с И. судебных расходов на оплату госпошлины за подачу апелляционной жалобы в сумме 3000 рублей. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, заявленное пенсионного органа удовлетворено. В пользу пенсионного органа с И. взысканы судебные расходы в размере 3000 рублей. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменило вынесенные по делу судебные постановления и отказала в удовлетворении заявления пенсионного органа, указав следующее. Размер и порядок уплаты государственной пошлины в соответствии с ч. 2 ст. 88 ГПК РФ устанавливается федеральным законом о налогах и сборах. Правила о распределении судебных расходов, понесенных сторонами на всех стадиях судебного разбирательства закреплены в ч. 1–2 ст. 98 ГПК РФ. А в соответствии со ст. 89 ГПК РФ льготы по уплате государственной пошлины предоставляются в случаях и порядке, которые установлены законодательством РФ о налогах и сборах. В целях предоставления дополнительных гарантий гражданам – пенсионерам при их обращении в суд с исками по требованиям, вытекающим из пенсионных отношений, обеспечении их права на судебную защиту при рассмотрении споров судами по таким требованиям, в НК РФ уставлено исключение из общего правила о распределении судебных расходов.

Согласно подп. 5 п. 2 ст. 333.36. НК РФ от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом РФ в соответствии с ГПК РФ и законодательством об административном судопроизводстве, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, освобождаются истцы пенсионеры, получающие пенсии, назначаемые в порядке, установленном пенсионным законодательством РФ, – по искам имущественного характера, по административным искам имущественного характера к пенсионному фонду РФ., негосударственным пенсионным фондам либо к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим пенсионное обеспечение лиц, проходящих военную службу. Из содержания приведенной нормы НК РФ следует, что льгота названной категории лиц предоставляется в виде освобождения их от уплаты государственной пошлины не

только при подаче иска в суд первой инстанции, но и на всех стадиях рассмотрения дела. Исходя из приведенных нормативных положений и разъяснений Верховного Суда РФ по их применению законодатель предоставил дополнительную гарантию таким гражданам – пенсионерам при их обращении в суд с иском к пенсионному органу о защите нарушенных или оспариваемых пенсионных прав, освободив последних от уплаты государственной пошлины.

Таким образом, на гражданина-пенсионера, обратившегося в суд с иском к пенсионному органу, в том числе с требованием о включении в страховой стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости, не может быть возложена обязанность по оплате судебных расходов пенсионного органа, в пользу которого состоялось решение суда, включая оплату им государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы.

Суд первой инстанции не применил положения подп. 5 п. 2 ст. 333.36. НК РФ при разрешении вопроса по заявлению пенсионного органа и взыскании с И. в пользу пенсионного органа судебных расходов.

Суд апелляционной инстанции, признавая правильным вывод суда первой инстанции об удовлетворении заявления пенсионного органа о взыскании с И. судебных расходов вследствие неправильного толкования подп. 5 п. 2 ст. 333.36. НК РФ пришел к ошибочному выводу о том, что, поскольку И. обратилась в суд с требованием о перерасчете размера страховой пенсии по старости, которая назначена ей не в связи с прохождением военной службы, данная норма не подлежит применению при разрешении вопроса о взыскании судебных расходов. Однако, делая такой вывод, суд апелляционной инстанции неправильно истолковал указанную норму НК РФ и не принял во внимание, что спор по иску И, к пенсионному органу, о включении в страховой стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости относится к категории пенсионных споров, при разрешении которых с учетом предъявленных пенсионером требований к пенсионному органу о защите нарушенных пенсионных прав подлежит применению нормы подп. 5 п. 2 ст. 333.36. НК РФ об освобождении истцов – пенсионеров от уплаты государственной пошлины вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

При таких обстоятельствах оснований для возложения на истца И., являющуюся пенсионером, обязанности по возмещению пенсионному органу понесенных расходов, связанных с оплатой государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы, у судебных инстанций не имелось».

Проблема понимания выходит за рамки юридической науки. Вместе с тем она имеет важнейшее значение для правотворчества и правоприменения, а также в целом для правового регулирования общественных отношений. Проблема понимания вообще и в юриспруденции, в частности, – это герменевтическая проблема. Герменевтика – учение о понимании и интерпретации различных исторических, религиозных, юридических и иных текстов.

Содержание ст. 330 ГПК РФ свидетельствует о том, что понимание смысла и содержания

² См.: URL: <https://vsrf.ru/dokuments/practice/286446/>

правовых предписаний практически поглощается термином толкование (интерпретация). Следовательно, разрывать, а тем более противопоставлять понимание и интерпретацию (толкование) смысла и содержания правовых предписаний будет неверным как с теоретической, так и с практической точек зрения, поскольку это единый, взаимообусловленный мыслительный процесс. Для такого вывода, как представляется, имеются достаточно веские философские основания. В связи с этим сошлемся на высказывание выдающегося философа современности М. Хайдеггера: «Формирование понимания мы именуем *толкованием*. В толковании понимание становится не чем-то другим, но им самим. Толкование экзистенциально основано в понимании, а не это возникает через то»³.

Ряд философов, анализируя работы Г. Гадамера, отмечают, что в противовес прежней герменевтике, которая различала процедуры понимания, истолкования и применения, Гадамер показывает, что на самом деле эти процессы тождественны. Понимание является истолковывающим, а истолкование – понимающим: «Истолкование – это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее соответственно суть эксплицитная форма понимания»⁴. По мнению Э. Бетти, «истолкование вообще предназначено для решения эпистемологической проблемы понимания»⁵. Таким образом, основная цель толкования юридических текстов – это их понимание. Познание смысла и содержания юридического текста, как результата человеческой деятельности, невозможно без их понимания и интерпретации (толкования).

Сущность права может быть «схвачена» и выражена только в языке. Право состоит из правовых предложений (предписаний) и существует в этих предложениях. Оно не существует вне и помимо языка. Все правовые нормы формулируются в предложениях как правовые предписания. Право ими охватывается, артикулируется. Посредством языка право устанавливается, передается и становится известным неопределенному кругу лиц. Юридический текст, например, текст закона представляет собой разновидность знаковой системы. Содержание нормативного акта составляют норма или принцип права, которые объективно выражаются в правовых предложениях соответствующего языка. Между правом и языком

существует неразрывная связь. В этом контексте можно сказать, что право – это языковой феномен и наряду с другими свойствами, имеет и *интерпретативную природу*⁶. Понимание представляет собой постижение знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их выражение. Право представляет собой знаковую систему. Поэтому понимание становится возможным благодаря способности каждого сознания проникать в другое сознание не непосредственно, а опосредовано, через знаки⁷. Известный французский философ П. Рикёр писал о понимании так: «Важно соблюдать точность в терминологии и закрепить слово “понимание” за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово “интерпретация” употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в той или иной форме знаки»⁸. Таким образом, понимание есть интеллектуальный процесс проникновения в другое сознание, которое осуществляется посредством постижения внешних обозначений: жестов, символов, слов и т.д. По мысли Рикёра, «понимание есть искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение»⁹. В контексте познавательного процесса в целом можно сказать, что «понимание предшествует объяснению, сопровождает его вплоть до его завершения и, таким образом, *обступает* его со всех сторон; объяснение в свою очередь аналитически *развивает* понимание»¹⁰. Таким образом, интерпретация юридических текстов охватывает два взаимосвязанных между собой мыслительных процесса: *понимание и объяснение*, т.к. большее объяснение необходимо для лучшего понимания.

Интерпретация нормативных правовых актов всегда была важной целью деятельности юристов. В гуманитарной науке юристы и теологи имеют общий объект и, следовательно, соотносимый метод – нормативный текст и догматическую экзегезу. Нормативный элемент в авторитетных текстах с необходимостью требует условия его «правильной» интерпретации. Юридическая герменевтика исследует понимание и толкование юридических текстов, в особенности текстов нормативных правовых актов, которые представляют собой лаконично изложенные, краткие, организованные

⁶ См.: Ingram D. Law. Key Concepts in Philosophy. London, 2006. P. 205.

⁷ См.: Вдовина И. С. Поль Рикер: на «Елисейских полях» философии. М., 2019.

⁸ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 4.

⁹ Рикёр П. Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 283.

¹⁰ Вдовина И. С. Указ. соч. С. 166.

³ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М., 2011. С. 48.

⁴ Гадамер Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 363.

⁵ Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М., 2011. С. 21.

в систематическом порядке предписания. В юридической методологии речь идет о понимании этих языковых выражений; судья и иной правоприменитель должен выявить соответствующий действительности смысл правовых предписаний. Учение о толковании и применении права вполне оправданно предупреждает и указывает на заблуждение, смысл которого состоит в том, что текст закона только тогда нуждается в толковании, когда он особенно неясен, противоречив. Отсюда следует, что *все* нормативные правовые акты требуют толкования, и применение само собой разумеющихся, т.е. не нуждающихся в толковании, представляется недопустимым¹¹.

Правомерным является суждение о том, что право имеет лишь относительную стабильность и предсказуемость. Для представленных в речевых актах и письменно закрепленных в источниках (формах) права морально – правовые идеалы в силу их неопределенности и неясности словесного выражения открываются безграничные возможности толкования. В этом заключается интерпретативная природа права, которая тем не менее не представляет опасности для правовой стабильности. Исходя из того, что совокупность правовых норм напоминает текст, судьи будут вполне оправданно полагать, что существует наилучший способ их толкования. На всем пути развития герменевтики как науки толкования текстов от техники интерпретации до философии понимания герменевтику сопровождала рефлексия по поводу интерпретационной деятельности юристов.

Подобно общей герменевтике и ее разновидности – юридической герменевтике может трактоваться или как *интерпретационная практика*, или как *философия понимания права*. Уже в Древнем Риме были попытки осмысления процесса интерпретации права, но они имели характер чисто практических наставлений и их нельзя было отнести к трудам, в которых развивалась собственно теория интерпретации права. Только в Новом времени (XVII и XVIII вв.) появились работы, оказавшие влияние на систематизацию знаний о юридической интерпретации. Эта версия герменевтики становится, таким образом, предметом общих наук о праве, например, общей теории права, а также предметом отраслевых юридических наук: гражданского, уголовного и т.д., которые вырабатывали отраслевые каноны интерпретации права.

Герменевтико-онтологический поворот, повлиявший на возникновение новых взглядов в юридической герменевтике, был вызван публикацией работ М. Хайдеггера «Бытие и Время» (1927)

¹¹ См.: Kley A. Wittgenstein und modern juristische Methodik. Recht: Zeitschrift für juristische Weiterbildung und Praxis, 14 (5). Zurich, 1996. S. 189–199.

и Г.-Г. Гадамера «Истина и Метод» (1960). Эта научная парадигма и до ныне сохраняет свое влияние на процессы, проходящие в юридической науке. Заслуга, например, Гадамера состоит в том, что он видел, что главное в отношении между текстом и реальностью состоит в конкретизации языка в конкретной ситуации. Отношение между языком и реальностью, а также природа и пределы знания составляют предмет его «универсальной герменевтики», которая представляет собой не только интерпретацию текстов, но и онтологию. Сегодня, когда представлено множество правовых теорий, все они имеют герменевтическое обоснование независимо от того, имеют ли они какое-либо отношение к Гадамеру.

Право, как уже отмечалось ранее, состоит из норм (правил) и принципов. Хотя нормы и нормативные предложения (Normsätzen) следует различать, но все же нормы выражаются в нормативных предложениях. Поэтому отношения языка и права, средства (формы) и содержания представляют собой основную проблему философии и теории права. Это в равной степени относится и к этике, поскольку моральные высказывания и моральные нормы также лингвистически опосредованы. Проблемы отношения языка, этики и права приобрели еще большую значимость в XX в., ибо в связи с разработкой аналитической философии, а позднее философии обыденного языка, а также обоснованием на основе других подходов, например, универсальной прагматики философия в значительной части своего «лингвистического поворота» обратилась к вопросам научной рефлексии языка. При этом принимался во внимание деятельностный аспект речевых высказываний, который в рамках теории речевых актов дал весьма интересные научные результаты. С точки зрения правовой культуры, обращающейся главным образом к писанным правовым текстам, герменевтика с ее методами понимания и толкования юридических текстов приобрела особое значение¹².

Герменевтика как *философия понимания права* появилась сравнительно позже, в 40-х годах XX столетия. В герменевтике можно выделить *три направления*. *Первое* из них придерживается дильтеевской традиции и в меньшей же степени следует экзистенциальным рассуждениям Хайдеггера и Гадамера. Оно фокусируется прежде всего на том, что юридическое толкование относится к гуманистической интерпретации и поэтому к ней применим метод интерпретационных наук (наук о духе). Подчеркивается познавательный характер понимания текста, который присутствует в толковании права. Примером этой версии герменевтики

¹² См.: *Mahlmann M.* Rechtsphilosophie und Rechtstheorie. 4. Auflage. Zurich, 2016. S. 311.

является теория интерпретации Э. Бетти, которая имеет много общего с герменевтическими взглядами Дильтея. Следует подчеркнуть, что в ней явно обнаруживается своеобразие метода герменевтического анализа, но одновременно предполагается, что возможно и необходимо создание общей теории толкования, а также общей деонтологии герменевтики, которая сформулирует фундаментальные правила, относящиеся к субъекту и предмету понимания. Автор подвергает критике взгляды Гадамера и предьявляет с точки зрения теории права основной упрек в том, что они не дают критериев правильности понимания¹³. Характер, близкий к аналитической психологии Дильтея, указывает на общую теорию толкования, которую Бетти называет каноном актуальности понимания¹⁴. В соответствии с этим правилом интерпретатор должен воссоздать в себе самым творческий процесс и «пережить вновь» в своей актуальности опыт прошлого. Это представляет собой пример компромисса между концепцией воссоздания и тезисом о том, что толкование представляет собой в целом акт творчества, выполненный интерпретатором.

Анализ всех канонов интерпретации, предложенных Бетти приводит к выводу, что этот тип герменевтики сводится к таким теориям герменевтики, которые подчеркивают роль оценки в процессе толкования. Таким образом, несмотря на разнообразные философские суждения представленный тип герменевтической теории толкования выполняет те же функции, что и определенные типы герменевтической теории, основанные на противопоставлении субъекта и объекта.

Одним из важнейших канонов интерпретации текста, относящегося к объекту толкования — и на него указывает Э. Бетти, формулируется следующим образом: «Sensus non est inferendus, sed efferendus, т.е. искомый смысл нельзя вложить в смыслодержащую форму по наитию, произвольно, смысл нельзя, так сказать, подбросить, напротив, он должен быть извлечен из этой формы»¹⁵. Иными словами, существует два противоположных по содержанию и результатам вида толкования текстов нормативных правовых актов: *экзегеза* — выведение смысла из толкуемого текста и *эйзегеза* — введение в текст нового смысла, не совпадающего с первоначальным (недобросовестное толкование). В первом случае деятельность интерпретатора состоит в выявлении истинной цели, на достижение которой направлена воля (интенция) законодателя. Тем самым постигается смысл подлежащего применению нормативного правового

акта. Во втором же случае воля законодателя замещается субъективной волей интерпретатора, который выступает, по существу, в роли законодателя, что рассматривается как недобросовестное толкование. Это открывает путь к становлению т.н. судейского права, когда решения высших судов государства рассматриваются в качестве источников права, которые содержат правовые нормы.

Об этом же свидетельствует постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16 «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»¹⁶.

В этой связи представляет теоретический и практический интерес подход Конституционного Суда РФ к толкованию некоторых норм действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ не только на предмет соответствия Конституции РФ, но и практике их применения, что, между прочим, не входит в круг полномочий Конституционного Суда. Например, Конституционный Суд по жалобе С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ совершенно обоснованно признал не соответствующими Конституции РФ взаимосвязанные положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого) за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, позволяющее прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. Сформулированное в резолютивной части постановления требование Конституционного Суда обязательно для правоприменителя как на досудебной стадии, так и в суде. Нельзя не согласиться с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в описательной части постановления относительно того, где он утверждает, что при рассмотрении такой категории дел в суде при установлении невиновности умершего подсудимого суд выносит оправдательный приговор, признавая такой процессуальный акт в качестве основания для реабилитации. Подобный подход не вызывает возражений, поскольку он всецело соответствует однородному по своей процессуальной природе порядку рассмотрения судом уголовного дела по существу, если подсудимый отказывается от применения по его делу акта амнистии. В этом случае, рассмотрев уголовное дело по существу и установив невиновность подсудимого, суд выносит оправдательный приговор, а установив виновность — выносит обвинительный приговор, назначает наказание, а затем на основании акта амнистии освобождает осужденного от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ).

¹³ См.: *Betti E.* Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tubingen, 1972. S. 41.

¹⁴ См.: *ibid.* S. 19.

¹⁵ *Betti Э.* Указ. соч. С. 29.

¹⁶ См.: *Росс. газ.* 2011. 29 июля.

Как нетрудно заметить, в случае отказа подсудимого от применения акта амнистии по его делу и рассмотрения дела по существу уголовный процесс завершается во всех случаях вынесением приговора как акта определяющего суждения суда, а не постановления.

Иной вариант предлагает Конституционный Суд РФ. При рассмотрении уголовного дела по существу в отношении умершего подсудимого в случае признания последнего посмертно виновным уголовный процесс следует, по мнению Конституционного Суда, завершить постановлением о прекращении уголовного дела. Как представляется, такой вывод Конституционного Суда является результатом неправильного толкования ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 2 ст. 8 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ, проявившегося в том, что Конституционный Суд искомый смысл, состоящий в определении того, каким процессуальным актом следует завершить рассмотрение уголовного дела в отношении умершего обвиняемого приговором или постановлением, выносит не из содержания толкуемых нормативных правовых актов, а вносит свой собственный, который является субъективным по своей природе. По сути, Конституционный Суд РФ берет на себя функции правотворца, поскольку своим решением неоправданно вносит изменения в действующий уголовно-процессуальный закон.

Однородные по своей природе отношения должны регулироваться одинаковым образом. Часть 8 ст. 302 УПК РФ регламентирует порядок разрешения уголовных дел при наличии акта амнистии. Этот же порядок в силу процессуальной однородности, должен применяться и по уголовным делам в отношении умерших подсудимых, но лишь с одной разницей, состоящей в том, что в резолютивной части приговора в первом случае подсудимый после его признания виновным и назначения наказания освобождается от наказания на основании акта амнистии, то во втором случае умерший подсудимый посмертно признается виновным в совершении преступления без назначения наказания, т.к. ему не может быть назначено наказание и он не может быть освобожден от назначенного наказания. При таком подходе обеспечивается единообразное правовое регулирование сложившихся процессуальных отношений.

Следует заметить, что попытка Конституционного Суда РФ конкретизировать, каким процессуальным документом следует завершить рассмотрение уголовного дела в отношении умершего подсудимого в случае признания его виновным, а также намерение дать судам общей юрисдикции разъяснение по вопросам практики применения норм процессуального закона при рассмотрении уголовных дел в отношении умерших обвиняемых нарушает положения ст. 120 Конституции РФ о независимости судей и их подчинении только Конституции и федеральному закону. Кроме того, тем самым Конституционный Суд РФ вмешивается в компетенцию Верховного Суда РФ, которая определена ст. 126 Конституции РФ.

Для второго направления герменевтики характерно преодоление противопоставления субъекта познания объекту познания, что достигается

в понимающей философии А. Кауфмана¹⁷. В его концепции право не является данным судьбе в чистом виде. В лучшем случае мы можем говорить о становлении права в процессе интерпретации. Нахождение права не является простым выводом решений из общих правил, но оно заключается в приведении во взаимное соответствие ожидаемых, заранее разработанных норм, их смысла и конкретных жизненных обстоятельств. Это совершается в герменевтическом круге в процессе движения мысли интерпретатора от нормы до конкретного случая и от конкретного случая до нормы, до достижения их единства, но не в абстракции, а в форме существования Dasein (наличного бытия)¹⁸.

При анализе процесса детерминации принятия юридического решения отвергается герменевтическую модель, основанная на простой *субсумции*, т.е. простого подведения фактических обстоятельств под признаки правила поведения, установленного в нормативном правовом акте, которая была разработана в теории языка, построенной на противопоставлении субъекта и объекта. А. Кауфман выдвинул *интерсубъективную* концепцию обоснования права, цель которой состояла в стремлении преодолеть характерное для философии права *противопоставление субъекта и объекта, бытия и сознания, субъективного и объективного в праве*. Тем самым интерпретация права приобретает онтологическую обоснованность и является гарантией легитимированности (легитимации) права. Субъект (личность) в этом случае является посредником, в котором норма права и положение вещей достигают взаимного единства. Таким образом, предлагается модель, основанная на выводе по аналогии, в котором конкретное право находится посредством приведения в соответствие того, что является нормативным с тем, что является фактическим¹⁹. Понимание правовых норм определяется в результате соотношения их с фактическими обстоятельствами, а конкретные фактические обстоятельства интерпретируются в свете правовых норм. В этом процессе устанавливается единый смысл и выражается одинаковое понимание фактических обстоятельств и корреспондирующих им норм. Следовательно, интерпретационный процесс не ограничивается только уяснением смысла слов и терминов, в которых выражено правило поведения, но здесь возникает необходимость в толковании и фактов реальной жизни на предмет их соответствия признакам применяемого юридического правила. Этот процесс

¹⁷ См.: Корнев В.Н., Белова М.А. Понимающая философия права Артура Кауфмана // Государство и право. 2019. № 5. С. 14–17.

¹⁸ См.: Sadowski-Zirk M. Wprowadzenie do Filozofii Prawa. Warszawa, 2011. S. 78.

¹⁹ См.: Kaufmann A. Analogie und Natur der Sache. 2. Aufl. Heidelberg, 1982.

завершается принятием судебного решения, в котором обретается единство нормативного (правил поведения) и фактического (юридической практики). «Впервые здесь, – писал А. Кауфман, – в конкретном решении, право обретает свою бытийную насыщенность, становится полностью и целиком действительным, каждое правовое решение... является “составляющей пунктуального развития права”, частью осуществления права. Впервые в правосудии из закона возникает право. Суд является местом, в котором право осуществляется в его полноте»²⁰. И здесь могут обнаруживаться ошибки в толковании как правила, так и корреспондирующих ему фактических обстоятельств, и наоборот. *Согласно официальным статистическим данным, содержащимся в Обзоре судебной практики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 г. по уголовным делам, по основаниям выявленного несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам, установленным в ходе судебного разбирательства, апелляционные суды отменили 7.3% (1.3 тыс. дел) приговоров районных судов, а по основаниям существенных нарушений норм УПК – 27% (4.8 тыс. дел), а в связи с неправильным применением уголовного закона – 57.3% (10.2 тыс. дел)*²¹.

Третье направление герменевтики как философии понимания права создает такие течения, которые связаны с философской традицией неовитгенштаинства, выступающей иногда под названием «аналитическая герменевтика». Наиболее явно это проявляется в философии права А. Аарньо. Он выстраивает свою теорию толкования на тезисах, разработанных Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях». Аарньо считал, что практический правовой дискурс или, иными словами, юридическая практика и в этой связи сама интерпретация юридических текстов являются по своей природе герменевтическими. Юристы, в равной степени теоретики и практики, являются заложниками языка. Посредством понятия «языковая игра» Аарньо пытается объединить во взаимных отношениях язык, мысль и реальность, используя при этом витгенштеновские конструкции «образ мира», «форма жизни». Каждая языковая игра имеет основания в «образе мира» ее игроков. Содержательный компонент определяет, когда результат правового толкования может быть назван приемлемым. Аарньо считает такой результат приемлемым, когда он является приемлемым для конкретного

юридического сообщества, в котором существует консенсус в отношении определенных норм и ценностей. «Образ мира» не является чем-то, что само по себе есть правильное (правовое). Он является фоном, который мы наследуем и благодаря которому мы можем отличать истинное от ложного. Предложения относятся к «образу мира» и играют роль, подобную правилам игры. «Образ мира» не представляет собой нечто неизменное и поэтому не может быть предметом утверждений (суждений). Основой «образа мира» – «форма жизни», которая представляет собой компонент соответствующей деятельности, требующий говорения на определенном языке, например, на юридическом языке. Принадлежность к ней, таким образом, есть предварительное условие, которое позволяет нам принять участие в языковой игре. Переход из одной «формы жизни» к другой не может быть предметом рациональной аргументации; это проблема, связанная с вовлечением в соответствующую «форму жизни». Аарньо считает, что догматико-правовая аргументация представляет собой совокупность языковых игр, которые составляют «одну семью». Интерпретирующее предложение приобретает значение части языковой игры. Вопрос о том, когда интерпретирующее предложение будет считаться обоснованным, зависит от сообщества толкователей (толкования), в котором существует согласие относительно критериев его обязательности, которое вытекает из определенной «формы жизни». По этому поводу Аарньо писал, что, поскольку право или система права относится к той или иной «форме жизни» ее когерентность (непротиворечивость. – *Авт.*) – это уже вопрос не только одной логики, а вопрос производства смысла в целом»²².

Что объединяет это направление философии права с гадамеровским и что придает ему право называться герменевтикой? Прежде всего то убеждение, что центральной категорией в интерпретации является естественный язык и с этой точки зрения понимание представляет собой ключевое понятие для обеих школ или направлений в герменевтике. Размышления Гадамера и Витгенштейна также сближаются при анализе юридических проблем понимания. Когда Л. Витгенштейн в работе «Философские исследования» писал: «Нужно уже кое-что знать (или уметь), чтобы быть способным спрашивать о названии»²³, то, по существу, речь шла о проблеме, поднятой Гадамером в его рассуждениях о предпонимании (предрешении).

Понятие «предпонимание» («предрешение») имеет важное значение для судьи, рассматривающего конкретное дело. Функцию предпонимания

²⁰ Цит. по: Лазарев В. В. Место судебной практики в правовой системе России // Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 37.

²¹ См.: Обзор судебной практики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году по уголовным делам. С. 24. URL: https://cdep.sudrf.ru/userimages/sudebnayastatistika/2019/Obzor_zh_2018god_ugolovnie_dela.pdf

²² См.: Aarnio A. On Legal Reasoning. Turku, 1977. P. 126–129.

²³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М., 2003. С. 24.

* * *

выполняют *разъяснения* Пленума Верховного Суда РФ, принимаемые на основе изучения и обобщения судебной практики. В этих Постановлениях даются разъяснения о порядке применения судами норм права при рассмотрении отдельных категорий дел, указывается на типичные ошибки, которые допускаются судами. В целом Постановление Верховного Суда РФ по разъяснению судебной практики можно рассматривать как своего рода модели правоприменения при рассмотрении дел в будущем в соответствии с выявленной волей законодателя. Они оказывают, как свидетельствует судебная практика, существенное влияние на принятие окончательного решения судами в виде приговоров и других постановлений. Вместе с тем разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не имеют обязательного характера, но несмотря на это суды при рассмотрении дел обязаны их учитывать. Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции РФ «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Однако это вовсе не означает, что судья в своих действиях подчиняется исключительно тем правилам, которые установлены соответствующими нормами права: обязательность вытекает не только из правила, но из *согласованной практики его применения*, иными словами, это означает то, что судья подчиняется не только Конституции РФ и закону, но и связан при рассмотрении дел разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, которые, как ранее уже было отмечено, выполняют функцию предположения («предрешиения»). Они ориентируют судью на принятие решения, соответствующего истинной воле законодателя, выявленной в процессе толкования применяемой нормы права, и находящегося в полном соответствии с судебной практикой по рассмотрению той или иной категории дел. Такой вывод, имеющий важное значение для формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации, можно сделать из следующего высказывания Л. Витгенштейна: «Языковое взаимопонимание достигается не только согласованностью определений, но (как ни странно это звучит) и согласованностью суждений»²⁴. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, облеченные в форму Постановлений, содержат официальные суждения относительно практики применения и толкования права, а также фактических обстоятельств. Тем самым придается единство, согласованность и полнота в понимании и применении правовых предписаний, что так важно для формирования единства правоприменительной практики в деятельности судебной системы Российской Федерации.

В конце концов юридическая интерпретация нормативных предписаний с целью их правильного понимания и применения — суть юридической профессии, поскольку судья или иной управомоченный субъект в процессе правоприменения обязан выяснить истинный смысл применяемого нормативного правового акта, что является гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан и юридических лиц, участвующих в правоприменительном процессе. Овладение приемами и способами юридической герменевтики как *интерпретационной практики* или как *философии понимания права* есть залог успеха в этом деле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е.В. Борисова. М., 2011. С. 21, 29.
2. *Вдовина И.С.* Поль Рикер: на «Елисейских полях» философии. М., 2019. С. 166.
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. М., 2003. С. 24, 346.
4. *Гадамер Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 363.
5. *Корнев В.Н., Белова М.А.* Понимающая философия права Артура Кауфмана // Государство и право. 2019. № 5. С. 14–17.
6. *Лазарев В.В.* Место судебной практики в правовой системе России // Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017. С. 37.
7. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 4.
8. *Рикёр П.* Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 283.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М., 2011. С. 48.
10. *Aarnio A.* On Legal Reasoning. Turku, 1977. P. 126–129.
11. *Betti E.* Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1972. S. 19, 41.
12. *Ingram D.* Law. Key Concepts in Philosophy. London, 2006. P. 205.
13. *Kaufmann A.* Analogie und Natur der Sache. 2. Aufl. Heidelberg, 1982.
14. *Kley A.* Wittgenstein und modern juristische Methodik. Recht: Zeitschrift für juristische Weiterbildung und Praxis, 14 (5). Zurich, 1996. S. 189–199.

²⁴ *Витгенштейн Л.* Указ. соч. С. 346.

15. *Mahlmann M.* Rechtsphilosophie und Rechtstheorie. 4. Auflage. Zurich, 2016. S. 311.
16. *Ruthers, Fischer, Birck.* Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre 10. überarbeitete Auflage. München, 2016. S. 101–141.
17. *Sadowski-Zirk M.* Wprowadzenie do Filozofii Prawa. Warszawa, 2011. S. 78.
7. *Riker P.* Hermeneutics. Ethics. Politics. M., 1995. P. 4 (in Russ.).
8. *Riker P.* Understanding and explanation // New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. M., 2001. Vol. 3. P. 283 (in Russ.).
9. *Heidegger M.* Being and time / transl. from German V.V. Bibikhin. M., 2011. P. 48 (in Russ.).
10. *Aarnio A.* On Legal Reasoning. Turku, 1977. P. 126–129.
11. *Betti E.* Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1972. S. 19, 41.
12. *Ingram D.* Law. Key Concepts in Philosophy. London, 2006. P. 205.
13. *Kaufmann A.* Analogie und Natur der Sache. 2. Aufl. Heidelberg, 1982.
14. *Kley A.* Wittgenstein und modern juristische Methodik. Recht: Zeitschrift für juristische Weiterbildung und Praxis, 14 (5). Zurich, 1996. S. 189–199.
15. *Mahlmann M.* Rechtsphilosophie und Rechtstheorie. 4. Auflage. Zurich, 2016. S. 311.
16. *Ruthers, Fischer, Birck.* Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre 10. überarbeitete Auflage. München, 2016. S. 101–141.
17. *Sadowski-Zirk M.* Wprowadzenie do Filozofii Prawa. Warszawa, 2011. S. 78.

REFERENCES

1. *Betty E.* Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit / transl. from German by E.V. Borisova. M., 2011. P. 21, 29 (in Russ.).
2. *Vdovina I.S.* Paul Riker: on the “Elysian fields” of philosophy. M., 2019. P. 166 (in Russ.).
3. *Wittgenstein L.* Philosophical Research // Languages as an image of the world. M., 2003. P. 24, 346 (in Russ.).
4. *Gadamer G.* Truth and method: Fundamentals of philosophical Hermeneutics / transl. from German; general ed. and introductory article by B.N. Bessonov. M., 1988. P. 363 (in Russ.).
5. *Kornev V.N., Belova M.A.* The understanding Philosophy of Law by Arthur Kaufman // State and Law. 2019. No. 5. P. 14–17 (in Russ.).
6. *Lazarev V.V.* The place of judicial practice in the legal system of Russia // Judicial practice in the modern

Сведения об авторах

КОРНЕВ Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

КОНОНЕНКО Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

KORNEV Viktor N. – Doctor of Law, Professor, Head of Vitruk Department of Constitutional Law of the Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

KONONENKO Vladimir I. – PhD in Law, associate Professor, Head of Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2022 г. Р. Ф. Степаненко

*Казанский (Приволжский) федеральный университет;
УВО «Университет управления «ТИСБИ»», г. Казань*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.11.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные и репрезентируются современные методологические проекты исследований взаимодействия права и искусства. Культурологический подход, интегрирующий различные гуманитарные формы человеческой деятельности, в частности права и искусства, в единое исторически формирующееся пространство культуры, транслирует единообразие целей и задач, ценностей и нормативов, идей и образов, являющихся самостоятельными, но взаимосвязанными проводниками моделей поведения в ту или иную эпоху развития государственности. Внимание останавливается на обосновании принципов, подходов, методов, при помощи которых возможен синтез гуманитарных научных дисциплин в объяснении разнообразных видов взаимодействия права и искусства. Одним из вариантов методологического сопровождения исследований в данной сфере предлагается и социокультурный подход в изложении П. Сорокина, обосновываемый автором в работе «Социология и культурная динамика». Множественность современного методологического инструментария должна способствовать получению всестороннего, системного, достоверного и верифицируемого знания о взаимодействии права и искусства в стратегиях позитивного правового развития российской государственности.

Ключевые слова: право, искусство, методология, междисциплинарность, культурологический подход, культурная и социальная динамика.

Цитирование: Степаненко Р. Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований // Государство и право. 2022. № 1. С. 64–74.

DOI: 10.31857/S102694520018273-1

CULTUROLOGICAL APPROACH IN LAW: PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

© 2022 R. F. Stepanenko

*Kazan (Volga Region) Federal University;
University of Management «TISBI», Kazan*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Received 26.11.2021

Abstract. The article examines traditional and represents modern methodological projects of research on the interaction of law and art. The culturological approach, which integrates various humanitarian forms of human activity, in particular law and art, into a single historically emerging cultural space, translates the uniformity of goals and objectives, values and norms, ideas and images that are independent, but interconnected conductors of behaviors in a particular era of statehood development. Attention is focused on the substantiation of the principles, approaches, methods by which the synthesis of humanitarian scientific disciplines is possible in

explaining the various types of interaction between law and art. One of the options for methodological support of research in this area is also proposed a socio-cultural approach in the presentation of P. Sorokin, justified by the author in the work "Sociology and cultural dynamics". The multiplicity of modern methodological tools should contribute to obtaining comprehensive, systematic, reliable and verifiable knowledge about the interaction of law and art in the strategies of positive legal development of Russian statehood.

Key words: law, art, methodology, interdisciplinarity, cultural approach, cultural and social dynamics.

For citation: *Stepanenko, R.F. (2022). Culturological approach in law: problems of interdisciplinary research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 64–74.*

Современная постнеклассическая научная парадигма социогуманитаристики, в т.ч. философии культуры, искусствоведения, культурологии, философии и социологии права, правоведения и др., детерминирует процессы синтеза ранее почти автономных научных дисциплин в единое междисциплинарное пространство, генерирующее новые подходы, направления, способы, методы, принципы и средства исследовательской деятельности. Дискурсивные стратегии и многообразие рефлектирующей мысли исследователей выходят за пределы демаркационных линий жесткой научной дисциплинарности в целях получения нового знания. В условиях возрождения и сохранения традиционных подходов, используемых ранее, многомерное, системное и комплексное знание обогащает как конкретную научную дисциплину, так и взаимодействующую с ней в междисциплинарном толерантном и плюралистическом универсуме область познания.

Сила рационального и иррационального гуманитарного мышления в исследованиях права и искусства постепенно преодолевает сугубо позитивистские подходы в их изучении. Роль иррационального и метафизического в познании взаимодействия права и искусства ничуть не противоречит объяснению целеполаганий этих универсалий. При соблюдении условий целесообразности и приложимости абстрактных форм мышления к исследованиям данных уникальных и исторически эволюционирующих явлений рациональная сфера преобразуется в востребованном позитивном направлении.

Преодоление узкопозитивистских подходов, отождествляющих право с законом, а искусство с «ремеслом», инициируется динамикой современных общественных изменений и модификаций, в т.ч. правового и социокультурного опыта, объединённых целями и задачами права и искусства в достижении идеала, правда, разными способами. Одна из ключевых задач права сегодня – это установление социального порядка, правопорядка и обеспечение с помощью правовых средств благополучия человека, безопасности личности, общества и государства, а для искусства – духовно-нравственное, законосообразное и эстетическое движение к упорядоченному состоянию

человеческих отношений в сообществе и государстве, под средствами обеспечения которых подразумеваются художественные произведения, живопись, архитектура, театр, балет, музыка и другая творческо-культурная деятельность.

Схожее целеполагание права и искусства, учитывающих нынешние перспективы удовлетворения интересов личности, общества и государства, а также предвидение результатов научно-практических, духовно-нравственных, этических и эстетических и иных сфер в установлении объективного порядка, действительно транслирует единообразие замыслов данных гуманитарно-антропологических и социокультурных феноменов.

Рассуждая о новых методологических проектах в правоведении, Е.А. Фролова изучает единство задач при многообразии методов в юридической науке. В советское время, отмечает она, проблема философии и теории права не отличались ни в содержательном, ни в методологическом аспектах. Обращаясь к текстам правоведов дореволюционного периода (И.А. Ильина, Н.М. Коркунова, Б.А. Кистяковского, С.А. Муромцева, Л.И. Петражицкого, Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича и др.), автор соглашается с Г.Ф. Шершеневичем в том, что «философия права даёт понятие о сущности права не для данного исторического периода или данной страны. Она ищет постоянное в сменяющемся»¹. На «междисциплинарном пограничье» возникла и социология права, оказавшись конкурентом классических социогуманитарных дисциплин. Процесс её формирования от социологии к юриспруденции, и наоборот, привёл к её пониманию как юридической отрасли знаний, сделав предмет своего внимания и «социальную среду правотворческой и правоприменительной политики», вскрывая «теневые» и «патогенные» стороны политико-правовой², социокультурной, социально-экономической и т.д. правовой реальности.

¹ Цит. по: *Фролова Е.А.* Теоретико-правовые науки: единство задачи при многообразии методов // *Государство и право.* 2020. № 4. С. 41.

² См.: *Жуков В.Н.* Социология права в России (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2015. С. 1–30.

Аналогично обстоит дело и с другими научно-образовательными дисциплинами (правовая психология, правовая конфликтология, антропология права, правовая культурология и т.д.). Проблема нивелирования их значения, надеемся, будет решена при формулировании новых научных паспортов в рамках обозначенной номенклатуры научных специальностей.

Преобразование методологии юриспруденции, в т.ч. юридической науки (юриспруденция понимается нами в синергии юридического образования, науки и практики), означает, по мнению Ю.А. Веденеева, смену гештальта, прежде всего методологического. Для нашей работы существенное значение имеют следующие положения автора: а) правовая система есть институционально и концептуально организованная в представлениях и символах, свойственных конкретно культурно-историческим эпохам, правовая реальность; б) эпистемические модальности и исторические модусы познания и существования права проявляют себя на пересечении воображаемого и фактического, ментального и социального; в) язык права выполняет когнитивную и коммуникативную функции одновременно, заключая в себе концептуальную и регулятивную грамматику, образуя, таким образом, общую «грамматику правопорядка», включая метафористическую и символическую конструкции; г) «право является объектом изучения широкого комплекса социально-гуманитарных наук... в общей системе категориальных и понятийных рядов социальных, политических и экономических наук»³. Значимость данных положений для исследования взаимодействия права и искусства демонстрирует перспективность методологической синергии.

Ретроспективный анализ методологических подходов в познании значения права, правовой реальности и искусства как части историко-культурного пространства, как общественных универсалий, как социокультурных ценностей останавливает своё внимание на работах правоведов и мыслителей русского зарубежья, и в первую очередь на научном наследии выдающего социолога и правоведа XX в. П. Сорокина. Культурные отличительные качества любого общества можно описать только лишь сквозь призму системы значения, нормы, ценности. Культурно-ценностные системы формируются под воздействием «двойственной» природы человека как существа чувствующего и мыслящего. Вписывая любого индивида в систему культурных ценностей и гармонизируя энергии людей на службу Истине, Красоте и Доброте, автор подчиняет почти всё «примату культурных

ценностей, ставя в один категориальный ряд право, искусство, образование, науку и т.д. во взаимном движении друг к другу и в близости их систем ценностей»⁴. Методологический посыл творчества, на котором мы сосредоточим внимание в дальнейшем, с высокой степенью вероятности будет использован нами в последующих исследованиях, важно, чтобы эта модель послужила движением к получению если не истинного, то достоверного и верифицируемого знания.

Итак, исследование схожих по предназначению и по способам реализации своих целей, в т.ч. путём отражения в своём содержании символических, знаковых и языковых и других средств, показывает, что два социокультурных феномена (право и искусство) сопровождают друг друга и взаимодействуют в ценностно-нравственном и этико-эстетическом отображении основ государственно-правовой реальности.

Мотивирование взаимодействия права и искусства через общепринятую в методологии юридической науки схему с добавлением контентов культурологического подхода отображает тенденции «переставления исследования на новые основания» (М. Хайдеггер). Методологически важно определить, что есть основания взаимодействия права и искусства, которые онтологически наблюдаемы и, как представляется, гносеологически объяснимы. Например, самым ярким примером искомого взаимодействия в истории российской государственности видится эпоха революционных преобразований начала XX в. Пропаганда революционного правосознания и революционной совести сопровождалась мощным идеологическим движением, в котором искусство занимало одно из доминирующих значений для правообразования того периода. Существовали целые ассоциации художников, поэтов, композиторов, архитекторов и других деятелей культуры, воплощавших образ революционного права в своём творчестве и репрезентировавших победоносный опыт революционных преобразований.

В.И. Лениным объяснялась необходимость популяризации опыта первой Французской революции как образца созидательной деятельности «сознательных рабочих и трудящихся», на который реагировали и советская наука и искусство (П.А. Кропоткин «Великая французская революция 1789–1793 г.» и др.); городская топонимика (улица Марата, Набережная Робеспьера), средства массовой информации («Живая газета», «Синяя блуза» и др.), мода (красная косынка, кожаная куртка и др.); симфоническая музыка являла свою

³ Веденеев Ю.А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // Государство и право. 2021. № 1. С. 7–19.

⁴ Согомонов А.Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина: [предисловие] // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 15–17.

идеологию революционной культуры (Н.Я. Мясковский, А.Ф. Пашенко и др.) и т.д. То есть т.н. жанровая диспозиция начального этапа советской эпохи (1917–1921) «служила воспеванию завоеваний французской революции». Позднее к этим процессам присоединился кинематограф («Броненосец Потёмкин», «Ленинская киноправда», «Симфония Донбасса», «Стачка», «Мать», «Коммунист» и др.), оперное искусство (оперы «Декабристы», «Серп и Молот» и др.), скульптура (памятники Ленину и его многочисленным соратникам и сподвижникам), поэзия (А. Блок «Двенадцать», стихотворное творчество В. Маяковского, В. Брюсова, Р. Ивнева и др.), проза (М. Горький, А. Веселов, В. Чернов, Н. Островский)⁵ и иные виды искусства, чьи авторы вольно или невольно присоединились к идеологическому напору революционных и постреволюционных событий российской истории, отображая в той или иной мере искусство авангарда и новую модель зарождавшейся культуры. Культурологические основания изменения природы права той эпохи отразились и в юридической науке, опять-таки вольно или невольно принципиально меняющие основания права, что проявилось в научном творчестве учёных-юристов рассматриваемого периода.

В.С. Нерсисянц, анализируя и обосновывая концепцию «пролетарского права», исследует творчество новаторов процесса правообразования (Д.И. Курский, П.И. Стучка, М.Д. Козловский, Е.Б. Пашуканис и др.), которое, по мнению автора, объясняет собой формирование «околоправа» или «неправа». В.С. Нерсисянц, обосновывая и подчеркивая историческую значимость бытия и существования права, протекающего в русле «общекультурного формирования человека и человеческого рода», отмечал: «Право, как культурный феномен – часть общечеловеческой культуры... <...>. Правовую культуру можно назвать “второй природой” (второй натурой) права...»⁶.

Примечательно, что наследие акад. В.С. Нерсисянца, обсуждаемое современным научным сообществом правоведов на философско-правовых чтениях, посвящённых его памяти, обращает на себя внимание и вызывает научный интерес к междисциплинарной тематике взаимодействия права и искусства. Одним из сборников, в которых обозначенная проблематика трансформируется в социокультурное пространство нарративов о праве и литературе, является «Право и литература»⁷, за

что отдельная благодарность проф. В.Г. Графскому как организатору и составителю научных трудов современных ученых-юристов.

Культурные онтологические, гносеологические и онтологические основания права так же, как и основания искусства, в зависимости от изменений не только государственно-политического, но и цивилизационного характера, циклично испытывают кризисные состояния. Еще в 1927 г. в работе «Бытие и время» М. Хайдеггер обращал внимание на ситуации «кризиса оснований таких наук, как математика, физика, биология, историография, теология и др.». Автором отмечалось, что «бытие есть каждый раз бытие сущего. Вселенная сущего может по своим разным сферам стать полем *высвечивания и очерчивания* определённых предметных областей. Последние, напр. история, природа, пространство, жизнь, присутствие, язык (право и искусство. – *Р.С.*) и т.п., со своей стороны позволяют в соответствующих научных разысканиях *тематизировать себя в предметы*. <...>. Возникшие так “основопонятия” оказываются ближайшим образом путеводными нитями для первого конкретного размыкания области. <...>. Собственное “движение” наук развёртывается в более или менее радикальной и прозрачной для себя самой ревизии основопонятий»⁸. В этом положении становится очевидной и явной задача *развития предмета* изучения права и искусства, обозначенная нами ранее при обосновании междисциплинарного дискурса. В перманентно дрейфующей научно-исследовательской модальности, зависящей от циклической культурной и управленческой парадигмы.

Гносеологические концепты современной социогуманитаристики, действительно, «разрывают» границы объекта познания большинства научных дисциплин путём внутри и межнаучных коммуникаций, рефлексий, дискурсов, нарративов и др. Такое коммуницирование формирует преимущественно неэклетичное новое знание. Здесь важно соотносить или синхронизировать сопредельные сферы познания цикличности правокультурной парадигмы, для чего использование метода синхронизации может способствовать уяснению как прямых, так и обратных связей и коммуникаций права и искусства в тот или иной период. Диахронный метод позволит с разных позиций (возможно, и диаметрально противоположных) осмотрительно использовать принципы и законы диалектики, в частности «отрицания отрицания» или же «единства и борьбы противоположностей». Ведь диалектика методологически себя не

⁵ См.: Революция и культура: сквозь призму времени / отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург, 2017.

⁶ Цит. по: там же. С. 43.

⁷ Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2014.

⁸ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 9.

исчерпала и является точкой роста новых научных знаний, отмечал В.П. Кохановский⁹.

Исследование взаимодействия права и искусства в установке «сообщаемости» и «совместности», имманентно присущих процессам эволюции социокультурной среды, изучается философией. С.А. Азаренко описывает «собираемость» как вмещающую в себя определённую историческую общность людей, действующих в различных местностях и совместностях. Эта «сообщаемость» не представляется возможной без языка и знаков, присутствующих во «всём облике человеческого бытия». Например, речь, складывающаяся из совместного характера этого бытия, обеспечивает «сообщаемость» и взаимодействие¹⁰. В свою очередь, сообщаемость и совместимость невозможны вне «слышания», «видения», «ощущаемости», «осязаемости», инициирующих символическую совместность бытия (в частности, права и искусства).

Символы, выступающие в роли форм, указывающих на ценности, смыслы и нормы соответствующих взаимодействий, с точки зрения В.А. Бачинина, можно классифицировать по своему назначению и характеру на: а) коммуникативные (взгляды, жесты, ритуалы, этические правила и др.); б) научные (буквы, знаки, цифры, формулы и др.); в) художественные, проявляющиеся в искусстве (живопись, музыка, поэзия, литература и др.); г) политические – находящиеся на службе государственных институтов; д) метафизические (философские, религиозные и др.)¹¹. Живя в природном, духовном и социокультурном мире, человек через эти символы познаёт, усваивает, воспринимает (или наоборот) проявления Справедливости, Правды, Добра, транслируемые нам искусством и правом.

Теория познания, изучая значение знаков и символов в метафизике лингвистической философии, как пишет Э.А. Тайсина, в трансфере лингвистического поворота результирует осмысление «языка» и «мира» как «зеркальной пары». В исследованиях наличного и человеческого разговорного и естественного понимания игры языка и мира они подводят к выбору той или иной модели поведения, которая демонстрирует особенности человеческого мышления суть «непосредственной действительности мысли» (К. Маркс). Гносеология усматривает предмет исследования «во всех трёх “силах” сознания: разуме, чувстве, воле к действию, и вместе они “сработают” в мире, в котором обретается

целостность человека как существа, чья жизнь совпадает с познанием»¹².

Изучая взаимодействие права и искусства в синергии онтологического и гносеологического, близко подводящей к истине, означающей в разных пониманиях последней веру, общее признание, пользу, доказуемость или верификацию выводимых положений, для науки «обнажается» проблема выбора наиболее успешного методологического инструментария (традиционного и новаторского). Снятие возможной эклектичности в обосновании и получении новых знаний о взаимодействии права и искусства зависит не только от интуиции и активности поиска методологических инструментов познающим субъектом. Здесь важно обнаружение действенных методологических средств, процедур и принципов, приближающих к истине. Верификация как процедура (принцип) в позитивистском смысле – догма, фиксирующая данные непосредственного опыта для подтверждения высокой доли истинности вероятностных суждений при помощи формальной логики, в основу верности своих действий обозначает роль «проверяемости» знаний. Позднее принцип верификации был обоснован в качестве идеи «возможной проверяемости» (верифицируемости), где её средством опять-таки остаётся эмпирическая доказуемость исследуемых проблем при помощи индукции. В противопоставление «верифицируемости» знания К. Поппер предлагает применить «фальсификацию» отказа от проверяемости теории, установления её истинности путём опровержения за счёт популяризации теоретического, а не опытного знания, придания статуса научного значения метафизике. Такой методологический ориентир позволит, на наш взгляд, существенно обогатить познание взаимодействия права и искусства. Ведь опровержение в предельных границах критической аналитики только способствует укреплению авторских позиций в «свободной от принуждения» методологической стратегии.

Следует отметить, что отказ от методологического принуждения, который послужил точкой отсчёта для междисциплинарных исследований, тем не менее не означает отказ от традиционных принципов, способов, средств и подходов в развитии познания. Смыслы, возникающие в связи с констатацией нашего предмета исследования, понуждают конкретизировать тот методологический конструкт, где и верификация, и фальсификация могут способствовать удовлетворению интересов и догматической, и фундаментальной юриспруденции, особо не нарушая границ познания юридических наук в целом.

⁹ См.: Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д., 2005. С. 300.

¹⁰ См.: Азаренко С.А. Антропологические практики современности: онтология сообщаемости и совместность // Фонарь Диогена. 2015. № 1. С. 72–90.

¹¹ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 786.

¹² Тайсина Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб., 2013. С. 336–390.

Подчеркнем, что интерпретация предмета исследования юриспруденции в науке претерпевает непростую ситуацию в связи с формирующимися контурами новой социогуманитарной научной парадигмы, а именно релятивистской эпистемологии, как отмечалось, объясняющей изменчивость (относительность) знаний, а стало быть, изменчивость и предметов изучения. В частности, это важно в изучении факторов взаимодействий материальных и духовных феноменов в проблемно-рациональной и иррациональной их интеграции. Особенно непростым является процесс «включения личностного и экзистенциального» опыта в содержание исследования, учитывая традиционализм и консерватизм юридической науки в диапазоне её устоявшейся методологии. Фактически движение от традиционной методологической конструкции социального познания проблем человека на пути к его трансцендентальным особенностям, ценностно-мировоззренческим установкам и предпочтениям, с одной стороны, существенно усложняет определение предмета. С другой — облегчается процесс полноценного обоснования правовых и связанных с ними иных социальных, культурных, экономических, политических явлений. Впрочем, «каждая рациональная теория (научная или философская), по Попперу, рациональна в той мере, в какой пытается решить определённые проблемы. <...>. Предмет или разновидности вещей не создают основы для различения дисциплин. *«Мы исследуем не предмет, а проблемы. Проблемы же способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов»* (курсив наш. — Р.С.)»¹³.

К. Поппер прав. Если же переадресовать его фундаментальные положения к трудам ученых-правоведов, отмечает В. Н. Жуков, то видится, что истинно правовые проблемы всегда возникают из проблем, появляющихся вне права, чутким к которым должен быть исследователь в правовой науке¹⁴. Главное даже не решить, а обнаружить данную проблему (А. Эйнштейн), которая, по Попперу, лежит вне предметов исследования конкретных наук и детерминирована иными соприкасающимися в системе культуры с правом феноменами.

Долгое время вопросы несколько упрощённо, на наш взгляд, взаимодействия права и культуры, в т.ч. искусства, не вызывали значительного интереса правовой науки, тем более юридической практики. Ретуширование таких проблем, полагаем, связано с «падением спроса» в «обществе потребления» на нематериальные, прагматичные и не

приносящие материальной выгоды ценности. Тем не менее правовая и социогуманитарная мысль, находясь в поиске оснований объективного, социального и правового порядка, обращалась и обращается в науке к первоосновам (первоосновам) той духовной, интеллектуальной, ценностно-нравственной атмосферы, в пространстве которой только и могут состояться такие социокультурные феномены, как право и искусство. Веру в Добродетель этих «рукотворных произведений» человечество связывало и связывает с их «жизнью» и развитием для самого человека. Многие надежды и мечты общественного, социального и экзистенциально окрашенного, сокровенного возлагались и возлагаются на искусство.

Как было отмечено ранее, один из представителей серебряного века русской культуры в гуманитарной науке (философия, история, культурология, право, социология и т.д.), удивительно чутко и прогностически предугадывавший и научно аргументировавший кризисность мировоззрения и культуры для человеческого бытия в разные эпохи, выстроил собственный методологический универсум ориентиров, при помощи которого (с отдельными допущениями и идеализациями) возможно исследование искомой нами проблематики.

Известная концепция П. Сорокина о трёх типах культур (идеациональная, чувственная и идеалистическая) с исключительно интересной методологией авторской её интерпретации, встроеной в контексты интегральной философии, весьма удачно экстраполируется и в правовую науку, и в философию культуры, искусствоведение, теорию искусств и т.д. Триада культур, две из которых (идеациональная и чувственная) различаются системой представлений, достижения истины, основываются на собственной философии, образах, святости, нравах, законах, политической и экономической организации, собственной ментальности, а также специфическом историческом типе человеческой личности. Если предельно сжато обрисовать эти два типа, то в *идеациональной культуре* реальность понимается как воспринимаемое нематериальное, нечувственное, непреходящее бытие, где цели и потребности, как правило, всегда духовны, преобладает аскетический минимализм «плотских погрешностей» вплоть до отказа от них; «растворение» индивидуальной «самости» в духовности, приближенности к Богу и активном служении религии, то *чувственная культура* относит к реальности: физические потребности, их удовлетворение с помощью преобразований внешней среды неорганического и органического вида (медицина, технологии и т.д.); осуществление преобразований «не путём преобразования себя», а путём «паразитической» эксплуатации и утилизации внешней

¹³ Жуков В. Н. От методологического эссенциализма к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // Государство и право. 2020. № 10. С. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2

¹⁴ См.: там же.

реальности¹⁵. П. Сорокин воплощением чувственной культуры также называет Циничную чувственную ментальность, подчеркивая: «Цивилизация, где преобладает этот тип ментальности, в поисках средств удовлетворения своих потребностей использует своеобразную технику попеременного надевания тех идеациональных масок, которые сулят принести материальную выгоду»¹⁶. Наконец, смешанные типы культур и ментальности представляют собой порой эклектичное, порой противоречивое, но интегрированное пространство, в котором всё-таки материальные цели подчинены духовным. Данный тип культуры (идеалистическая культура), наиболее высоко оценённый самим автором, в то же время фактически не обретает самостоятельности в научном изложении самого П. Сорокина¹⁷. Для правовой науки, коль скоро в теории социальной и культурной динамики П. Сорокина выделены три вида культур (есть, правда, ещё и эклектический вид), вполне представляется возможным, на наш взгляд, предложить и три типа (типологии) права (правопонимания), в дальнейшем остановив внимание и на четвёртом — эклектическом виде права (правопонимания). Такой опыт в правовой науке имеется. В частности, В.А. Бачининым рассматриваются идеациональное и чувственное право¹⁸, что стимулирует к дальнейшему развитию идей П. Сорокина. В свою очередь, интеграция права в общую конгломерацию культуры предполагает схожую классификацию самого права.

Следуя логике П. Сорокина в рассматриваемой теории, учитывая «логико-смысловую интеграцию культуры» как высшей формы интеграции, смысловое единство фрагментов в гармоничности и последовательности всего целого (высшего единства), взаимосвязь права и искусства, которую, вероятно, «не всегда можно “описать с помощью словесного” анализа...»¹⁹, предполагает не только выявление их прямых и обратных связей в культурологическом подходе, но и в иных аспектах (психологическом, идеологическом, экономическом и др.). Кстати, и нормативизм Г. Кельзена в познании синергических эффектов взаимодействия права и искусства становится полезным для совершенствования нормативной сферы.

Взаимосвязь права и искусства при помощи предложенных П. Сорокиным методологических средств (причинно-функциональное и логико-смысловое) позволит уяснить их цели и задачи

в установлении порядка (объективного, социального, право- и законопорядка²⁰). Имея в виду, что упорядочивание личностных, общественных с государством или государства с общественными и личностными есть цель любого социокультурного феномена (в идеале). Система ценностей, и целеполаганий права и искусства, однако, дана и может существовать только там, как резюмировал П. Сорокин, «где есть разум и смысл»²¹.

Аксиологические воззрения на единство целей права и искусства на пути к формированию желаемого порядка объясняются не только и не столько эмпирически осязаемым опытом, но и ценностями абсолютного характера. Относительные же ценности, характерные для специфики того или иного исторического периода или вида деятельности и др., остаются важными там и тогда, когда требуется преобразование общественных, в т.ч. правовых, отношений. Телеология ценностей отличается как абсолютно, так и относительно ценностным содержанием, подчёркивает О.Ю. Рыбаков, «опредмечиваясь посредством ценностей рационально-утилитарного характера, сближаясь с идеалом, заложенным в цели»²², ценности права могут быть как абсолютными, так и относительными.

Если абсолютной ценностью и права, и искусства являются Добро, Справедливость, Правда и другие высшие идеалы человеческого сообщества, то эпистемология добродетели возвращает нас к этическим учениям предмодерна Аристотеля, Фомы Аквинского, основывающихся не на понятии «должного», а на категориях «счастье» и «добродетель».

Как отмечает А.Р. Каримов, «по-русски — добродетель — это прежде всего превосходные моральные качества»²³, которыми должны особенно отличаться и право, и искусство, фундирующие социокультурные и духовно-нравственные основы Российского государства. Помимо сказанного и исследователь (субъект атрибуции знания), будучи своего рода экспертом в познаваемой сфере, должен быть «интеллектуально добродетельным» человеком. Эпистемология добродетели разделяет эмоции, в т.ч. исследователя, на когнитивные и некогнитивные. К первым относятся интерес, надежда (ужас) и т.д., к некогнитивным — печаль, страх, радость, восторг

¹⁵ См.: Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 61–66.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ См.: там же. С. 13.

¹⁸ См.: Бачинин В.А. Указ. соч. С. 34, 35, 1029–1031.

¹⁹ Сорокин П. Указ. соч. С. 41.

²⁰ См.: Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89.

²¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 47.

²² Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческие предпосылки толкования права // Образование и право. 2017. № 2. С. 97.

²³ Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб., 2019. С. 22.

и др.²⁴ К этому одинаково причастна и правовая, и философская мысль, что делает их схожими с точки зрения возможности воздействия или управления человеческим сознанием и поведением, понимания ценности собственной и чужой жизни.

Методологическая проекция знаниевого комплекса рассматриваемой проблемы, учитывая высокую степень востребованности практической отдачи от науки, будет не полной без указания на прагматологическую компоненту предметного поля исследования. Прагматология в нынешние времена понимания методологии как способа организации и построения теоретической и практической деятельности как нельзя кстати наиболее предметно объясняет и обосновывает идею практического видения и отношения к действительности. При изучении взаимодействия права и искусства в достижении ими поставленной цели рационально и целесообразно объяснить и с позиций стратегий развития российской государственности. Озвученная на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 20 октября 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным идея разумного, умеренного, здорового консерватизма, которая должна развиваться общими усилиями вопреки цивилизационному кризису в мире, наиболее рациональным способом в эпоху исчерпавшей себя модели капитализма определяет возрастание морали и нравственности²⁵. Как социокультурным феноменам (право и искусство), отражающим Справедливость, Правду, Добродетель, такие послы по духу и смыслу близки в исторических и цивилизационных контекстах в религиозные и светские эпохи функционирования государства.

Одна из важнейших проблем современного теоретического правоведения — правопонимание — в уяснении взаимосвязей права и культуры, в т.ч. искусства, обращает взгляды исследователей на теологическую парадигму, предшествующую научной парадигме рационализма. Особенностью российского правопонимания всегда (почти всегда) была его религиозная первооснова, вера в высшую силу права, его божественное предназначение, которое не потеряло своей глубинной сути по сей день.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в одной из своих работ²⁶, разъясняя значение внесённых в Конституцию РФ поправок, пишет о конституционной идентичности

²⁴ См.: Каримов А.Р. Указ. соч. С. 4, 232.

²⁵ См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»: 21.10.2021 // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>

²⁶ См.: Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона: Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Росс. газ. 2021. 28 окт. С. 9.

и важности положений ч. 2 ст. 67.1, устанавливающей: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога..., признаёт исторически сложившееся государственное единство»²⁷. Так, как его объясняли великие русские мыслители и философы права и религиозные философы (А.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, С.Н. Трубецкой, Г.П. Федотов, С.Л. Франк и др.). Развиваясь в рамках в основном нормативного православного религиозного сознания, как мы обособывали, правовая теология (теология права)²⁸ возвращает и направляет исследователей к поиску абсолютных ценностей современного права, его нравственных смыслов в его первоосновах. «А всё относительное... мораль, наука, искусство, право национальностей и т.д... обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» (С.Л. Франк)²⁹.

Идея спасения через соблюдение нормативно-религиозных запретов, уважение к духовной Родине через веру в Божью волю (начиная с творений ангельского доктора Фомы Аквинского) неизменно присутствуют как и ранее, так и ныне в науках о праве и об искусстве. Об этом увлечённо писал П. Сорокин, чью фундаментальную мысль об изучении права и искусства (идеациональная, чувственная и идеалистическая формы) в логико-методологической, синхронизированной и диахронической целостности культуры мы заимствуем для изучения рассматриваемой нами проблемы.

В то же время, обращаясь ко всеобщему (философскому) методологическому подходу, в частности, философской доктрине идеализма, в одном случае (объективный идеализм) в гегельнской трактовке мы видим понимание искусства как «абсолютного духа», а права — как «объективного духа». В субъективном же идеализме они снова становятся рядоположенными «точками отсчета бытия», такими, какими право и искусство воспринимаются человеческим сознанием, что представляет иную методологическую проекцию изучения взаимодействия права и искусства, которую также можно использовать в исследованиях.

²⁷ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

²⁸ См.: Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc. Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // *Utopia y praxis latinoamericana*. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

²⁹ Цит. по: Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 8.

Резервы современного методологического инструментария, традиционно используемого в гуманитарных науках, в т.ч. теоретическом правоведении, могут и должны дополняться и приумножаться. Возможно, на наш взгляд, применение принципа пролиферации (П. Фейерабенд) – «допустимо всё», с уточняющей оговоркой самого автора об альтернативных методах исследования «ритуально» и «необходимо» приложимых к той или иной научной дисциплине. Постпозитивизм во взглядах П. Фейерабенда своеобразно (для позитивизма) подчёркивает: «Опыт возникает вместе с теоретическими допущениями, а не до них, и опыт без теории столь же немислим, как и (предполагаемая) теория без опыта»³⁰. Вместе с тем, объединяя право и искусство в единую целостность культуры и теоретически, и эмпирически, нельзя не признать важности положений часто критикуемого по разным причинам творчества П. Фейерабенда о том, что «реку можно разделить национальными границами, но она останется непрерывной сущностью»³¹, что согласуется, по нашему мнению, с философской онтологической максимой «всё есть одно».

Однако и частнонаучные уровни методологической проекции изучения взаимосвязи права и искусства также сталкиваются с традиционными проблемами традиционного меж- и внутринаучного дисциплинарного характера. Расширение и развитие методологии современной юридической науки всё настойчивее приобретает роль путеводителя в континуум междисциплинарности при постановке актуальных ныне исследовательских идей, гипотез и проблем. В частности, формула теоретико-исторических правовых наук представляет исследователю возможность и даже инициирует процессы развития своего предмета изучения путём применения методологических подходов, принципов, методов и средств социогуманитаристики. Такая ориентация в междисциплинарность, в частности, при обосновании методологических предпочтений для познания взаимодействия права и искусства фокусирует наше внимание на таких областях социогуманитарного знания, как философия (философия культуры, эстетика, онтология и теория познания); исторические науки (историография, источниковедение, методы исторического исследования); социология (социология культуры, социальная структура, социальные институты и социальные процессы); искусствоведение и культурология (теория и история культуры и искусства, виды искусства с указанием конкретного искусства); педагогика (теория и методика обучения и воспитания); политология (государственное управление и отраслевые политики); психология (общая психология,

психология личности, история психологии, социальная психология, юридическая психология и психология безопасности) и, конечно, юриспруденция (теоретико-исторические правовые науки) – прежде всего, а также публично- и частноправовые науки, уголовно-правовые и международно-правовые научные специальности.

Вводимые новации в номенклатуру научных специальностей, в частности блок когнитивных наук (5.12), характеризует, однако, двойственное отношение к процессу объективации и обоснования необходимости междисциплинарных исследований. С одной стороны, развитие когнитивистики возлагает большие надежды на синтез теории познания с когнитивной психологией и изучением невербальных коммуникаций, аккумулирующих в себе познание человеческого мышления и сознания, в т.ч. посредством изучения символической информации, что имеет серьёзное значение при изучении взаимодействия права и искусства. С другой стороны, эта научная дисциплина в рассматриваемой номенклатуре адресована и апеллирует к философским и психологическим наукам, не замечая исследований правового сознания, правовой культуры в юридической науке.

С чем связано такое решение ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, исключаящее, в частности, правоведение из междисциплинарного континуума новых наук когнитивного содержания? Представляется, что принятие такого решения вызвано рядом обстоятельств: сохранение традиционных позиций специализации и удержание их; намеренное / ненамеренное сужение предмета исследования юридической науки; нежелание или невозможность выйти за рамки юридического позитивизма, что во многом не способствует т.н. апгрейду (перезагрузке) методологии правоведения.

Второй проблемой предложенной номенклатуры научных специальностей является значительное нивелирование методологических вопросов. В частности, понятие «метод» употребляется только в блоке «исторические науки» и обозначен в специальности 5.6.5 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Такое решение видится не вполне обоснованным, как и в отношении всех гуманитарных наук, особенно в научной сфере – «Когнитивные науки» (5.12).

К третьей проблеме следует отнести неопределённость положения таких важных для юриспруденции дисциплин, как философия и социология права, антропология права и правовая психология, правовая конфликтология и многих других дисциплин, которые давно и, полагаем, успешно задействованы в образовательном и научном процессах. Например, исследуя особенности философско-правовой методологии, О.В. Мартышин отмечает

³⁰ Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарский. М., 1986. С. 310.

³¹ Там же. С. 308.

юридическую природу философии права, где «предельные основания» представляют собой факторы, посредством которых и определяется его (права) юридическая природа. Автор акцентирует внимание на критике взглядов отдельных правоведов на философию права и подчёркивает, что ценность всевозможных методологических подходов состоит не в них самих, а в получении позитивных для юриспруденции результатов³².

* * *

Таким образом, процессы сменяемости и развития научных, идеологических, методологических, духовно-нравственных и других парадигм, в которых пребывает сегодня эпистемологическая сфера, существенно модифицируют и расширяют горизонты организации и построения знаниевого комплекса о человеке в его социокультурном, биопсихологическом, экономическом, политическом, правовом и этическом диапазонах отражения культуры. Социокультурный и культурологический методологические подходы изучения права и искусства в построении стратегии развития правового социального государства сквозь призму взаимодействия и взаимопроникновения культуры в человеческое бытие, и наоборот, способствуют формированию новых концепций, объясняющих сложность пре-бытия духовного и нравственного в практику, в т.ч. правовую, человеческой жизнедеятельности. Усвоив онтологическую истину «всё есть одно» и гносеологическую установку философии «сомневайся», минимизация рассмотренных методологических проблем через междисциплинарность даёт робкую надежду на благополучный исход в исследованиях современных отчуждённых состояний человека в праве и искусстве. Видится, что не только «искусство в большом долгу перед народом», но и право, конечно. В этой связи вопросы взаимодействия права и искусства становятся актуальными для отечественной социогуманитаристики, расширяющей свои методологические горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаренко С.А.* Антропологические практики современности: онтология сообщаемости и совместность // *Фонарь Диогена*. 2015. № 1. С. 72–90.
2. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 34, 35, 1029–1031, 786.
3. *Веденев Ю.А.* Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // *Государство и право*. 2021. № 1. С. 7–19.
4. *Жуков В.Н.* От методологического эссенциализма к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2
5. *Жуков В.Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 8.
6. *Жуков В.Н.* Социология права в России (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2015. С. 1–30.
7. *Зорькин В.Д.* Под знаком Основного Закона: Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // *Росс. газ.* 2021. 28 окт. С. 9.
8. *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей. СПб., 2019. С. 4, 22, 232.
9. *Кохановский В.П.* Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д., 2005. С. 300.
10. *Мартышин О.В.* Обоснованность философско-правовой методологии // *Государство и право*. 2016. № 6. С. 20–30.
11. *Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский.* М., 2014.
12. *Революция и культура: сквозь призму времени / отв. ред. Н.Б. Кириллова.* Екатеринбург, 2017. С. 43.
13. *Рыбаков О.Ю.* Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческие предпосылки толкования права // *Образование и право*. 2017. № 2. С. 97.
14. *Согомонов А.Ю.* Судьбы и пророчества Питирима Сорокина: [предисловие] // *Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.* М., 1992. С. 15–17.
15. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 13, 41, 47, 61–66.
16. *Степаненко Р.Ф.* Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // *Государство и право*. 2020. № 6. С. 79–89.
17. *Тайсина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб., 2013. С. 336–390.
18. *Фейерабенд П.* Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарский. М., 1986. С. 308, 310.
19. *Фролова Е.А.* Теоретико-правовые науки: единство задачи при многообразии методов // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 41.
20. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Библихина. М., 1997. С. 9.
21. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // *Utopia y praxis latinoamericana*. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

³² См.: *Мартышин О.В.* Обоснованность философско-правовой методологии // *Государство и право*. 2016. № 6. С. 20–30.

REFERENCES

1. *Azarenko S.A.* Anthropological practices of modernity: ontology of communicability and compatibility // *Lantern of Diogenes*. 2015. No. 1. P. 72–90 (in Russ.).
2. *Bachinin V.A.* Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. SPb., 2006. P. 34, 35, 1029–1031, 786 (in Russ.).
3. *Vedeneev Yu. A.* Change of gestalt: jurisprudence in the era of change // *State and Law*. 2021. No. 1. P. 7–19 (in Russ.).
4. *Zhukov V.N.* From methodological Essentialism to Totalitarianism: Karl Popper's Unfinished Dispute with Plato. Plato's epistemology and the theme of historicism // *State and Law*. 2020. No. 10. P. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2 (in Russ.).
5. *Zhukov V.N.* Russian Philosophy of Law: from rationalism to mysticism. M., 2013. P. 8 (in Russ.).
6. *Zhukov V.N.* Sociology of Law in Russia (second half of XIX – first half of XX century). M., 2015. P. 1–30 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Under the sign of the Basic Law: The Constitutional Court at the turn of the fourth decade // *Ross. gas*. 2021. 28 Oct. P. 9 (in Russ.).
8. *Karimov A.R.* Epistemology of virtues. SPb., 2019. P. 4, 22, 232 (in Russ.).
9. *Kokhanovsky V.P.* Philosophical problems of social and humanitarian sciences (formation, features and methodology of social cognition). Rostov n/D., 2005. P. 300 (in Russ.).
10. *Martyshin O.V.* The validity of philosophical and legal methodology // *State and Law*. 2016. No. 6. P. 20–30 (in Russ.).
11. *Law and literature: materials of the eighth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersisyan* / ed. and comp. V.G. Grafsky. M., 2014 (in Russ.).
12. *Revolution and Culture: through the prism of time* / ed. by N.B. Kirillov. Yekaterinburg, 2017. P. 43 (in Russ.).
13. *Rybakov O. Yu.* Type of legal understanding as value-ideological prerequisites for the interpretation of law // *Education and Law*. 2017. No. 2. P. 97 (in Russ.).
14. *Sogomonov A. Yu.* Fates and prophecies of Pitirim Sorokin: [preface] // Sorokin P.A. *Man. Civilization. Society*. M., 1992. P. 15–17 (in Russ.).
15. *Sorokin P.* Social and cultural dynamics. M., 2006. P. 13, 41, 47, 61–66 (in Russ.).
16. *Stepanenko R.F.* Justice and law order: theoretical and methodological aspect // *State and Law*. 2020. No. 6. P. 79–89 (in Russ.).
17. *Taisina E.A.* Theory of cognition. Introduction and rondo capriccioso. SPb., 2013. P. 336–390 (in Russ.).
18. *Feyerabend P.* Selected works on the methodology of science / transl. from English and German; general ed. and intro. art. I.S. Narsky. M., 1986. P. 308, 310 (in Russ.).
19. *Frolova E.A.* Theoretical and legal sciences: the unity of the task with a variety of methods // *State and Law*. 2020. No. 4. P. 41 (in Russ.).
20. *Heidegger M.* Being and time / transl. from German and note by V.V. Bibikhin. M., 1997. P. 9 (in Russ.).
21. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // *Utopia y praxis latinoamericana*. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

Сведения об авторе

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; УВО «Университет управления «ТИСБИ»; 420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13
ORCID: 0000-0002-4748-9195

Authors' information

STEPANENKO Raviya F. – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; University of Management «TISBI»; 13 Mushtari str., 420012 Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

СУИЦИД В ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДДИКЦИИ И ПСИХОЛОГИИ ПРАВА

© 2022 г. В. И. Жуков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 89260715525@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Аннотация. Статья отражает одно из фундаментальных направлений научных исследований, которые ведутся в Институте государства и права Российской академии наук в области философии, социологии и психологии права в контексте истории российской цивилизации, Российского государства и теории права. В статье предпринимается попытка теоретически осмыслить феномен суицида с позиций социально-правовых аддикций (зависимостей) и девиаций (отклонений) от норм, во-первых, как медико-психологического явления, во-вторых, как реакция человека на личные невзгоды, социальные обстоятельства, морального, материального и иного планов. Приводятся формулировки, раскрывающие сущность суицида, в трудах мыслителей древности, философов, социологов и правоведов других времен. Обобщаются количественные и качественные характеристики суицидального поведения, масштабы распространения суицида в истории различных цивилизаций, в том числе в славяно-русско-российской. На этой основе дается авторское представление о суициде, основанное на философских, правовых и теологических учениях, результатах социологических исследований, официальной статистики и выводах современных исследователей.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, философия, социология и психология права, девиации, аддикции.

Цитирование: Жуков В. И. Суицид в парадигме социальной аддикции и психологии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 75–82.

DOI: 10.31857/S102694520018274-2

SUICIDE IN THE PARADIGM OF SOCIAL ADDICTION AND PSYCHOLOGY OF LAW

© 2021 V. I. Zhukov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 89260715525@mail.ru

Received 01.12.2021

Abstract. The article reflects one of the fundamental directions of scientific research conducted of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences in the field of Philosophy, Sociology and Psychology of Law in the context of the history of Russian civilization, the Russian State and the theory of law. The article attempts to theoretically comprehend the phenomenon of suicide from the standpoint of socio-legal addictions (addictions) and deviations (deviations from norms), firstly, as a medical and psychological phenomenon, and secondly, as a person's reaction to personal adversity, social circumstances, moral, material and other plans. Formulations revealing the essence of suicide are given in the works of ancient thinkers, philosophers, sociologists and jurists of other times. The quantitative and qualitative characteristics of suicidal behavior, the extent of the spread of suicide in the history of various civilizations, including the Slavic-Russian-Russian, are summarized. On this basis, the author's idea of suicide is given, based on philosophical, legal and theological teachings, the results of sociological research, official statistics and the conclusions of modern researchers.

Key words: suicide, suicidal behavior, Philosophy, Sociology and Psychology of Law, deviations, addictions.

For citation: Zhukov, V.I. (2022). Suicide in the paradigm of social addiction and Psychology of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 75–82.

В истории государства и права, как и в развитии мировой цивилизации, остается множество феноменов, природу которых разгадать не удастся. В их числе и тайна крещенской воды, и сходжение Божественного огня, и множество других явлений.

Один из наиболее загадочных и печальных социокультурных феноменов — **суицид**. С этой точки зрения нельзя признать случайным восприятие **суицида** в качестве актуальной темы **философии, социологии и психологии права**.

В парадигме философии права эту тему точнее других сформулировал А. Камю, лауреат Нобелевской премии. В «Мифе о Сизифе» он писал: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии»¹.

В парадигме социологии права проблематика суицида — это исследование социальных условий жизни человека, его взаимоотношений с себе подобными, средой обитания, обществом и институтами власти, из чего складывается образ жизни человека и вытекают особенности поведения: правомерного, противоправного, девиантного, суицидального или иного.

В парадигме социальной аддикции и психологии права суицид — это рассмотрение, с одной стороны, сущности явления как психического и медико-психологического феномена, масштабы которого выполняют роль базового индикатора физического и эстетического состояния общества. С другой — суицид есть реакция человека на общественное зло, социальную несправедливость или личные невзгоды душевного, физического, морального, материального и иного планов, производных от различного рода социальных аддикций, т.е. зависимостей от алкоголя, наркотиков, игромании и т.д.

I

В буквальном смысле слова **суицид** (от лат. *sui caedere* — убить себя) — это **смерть человека, которая наступает в результате его действий по убийству самого себя**.

Первое сочинение о самоубийстве, написанное неизвестным автором, относится примерно

¹ Камю А. Миф о Сизифе: философский трактат. СПб., 2001. С. 8.

к 2280–2000 гг. до н.э. Это — папирус «Диспут о суициде»².

В европейской литературе термин «суицид» встречается в XII в. В «Оксфордском словаре» смысл этого явления раскрывался в 1651 г. Еще раньше он использовался Т. Бровисом в книге «Религия Медичи», написанной в 1635 г. и опубликованной в 1642 г.

В русском языке словосочетание «самоубийство» появилось в «Лексиконе трехязычном» (1704) и означало буквальный перевод с английского и немецкого языков двух слов, составлявших вместе «самоуничтожение».

С того момента, когда предавший Христа один из его апостолов, Иуда, совершил самоубийство, христианская церковь осуждает тех, кто избежал Божьего суда, и считает самоубийство тяжким грехом.

Понятия «самоубийство», «самоуничтожение» позволяли формировать обвинительное отношение как к феномену, так и к человеку, решившемуся не по воле Божьей, а по своему желанию лишить себя жизни. Используя термин «суицид», писатели и исследователи как бы снижали ортодоксальную религиозную тональность и придавали самому явлению светскую окраску.

Наиболее образно это сделал А. Н. Радищев, который охотно рассуждал о жизни и смерти и завершил свой земной путь, приняв яд.

Не осталась в стороне и академическая наука Российской Империи. В частности, **акад. К. Герман** на заседании Императорской академии наук в 1824 и 1825 гг. прочитал доклады на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы»³.

Характерно, что доклад акад. К. Германа Министр народного просвещения Российской Империи А. С. Шишков запретил печатать, он вышел в свет только в 1892 г. на французском языке.

В социологии права определение понятия «самоубийство» было раскрыто французским социологом Э. Дюркгеймом в книге «Самоубийство» (на французском языке книга вышла в свет в 1897 г., в русском переводе — в 1912 г.): «Самоубийством называется каждый смертный случай,

² Полотовская И. Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир (Историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней). СПб., 2010. С. 10.

³ Лапаева В. В. Социология права. 2-е изд. М., 2016. С. 139.

который... является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»⁴.

Точнее других сущность самоубийства раскрыл российский ученый П. Г. Розанов: «Вопрос о самоубийстве должен быть одинаково интересен и по существу своему важен как для врачей и юристов, так и философов и психологов». Он также сформулировал суть самого явления: «Самоубийство есть такое действие человека, направленное им на самого себя, благодаря которому преждевременно должна или может прекратиться его собственная жизнь»⁵.

П. Г. Розанов первым использовал термин «суицидология», но писал его в иной транскрипции — «сюисидология»⁶. П. Г. Розанов оперировал термином «сюисидология» в 1891 г. В европейской литературе он появился спустя 39 лет — в 1929 г.⁷

II

В истории государства и права суицид имел как **одобряемую обычаями и правом** практику добровольного ухода из жизни, так и **запрещающую** это делать.

Наиболее полный **сравнительный анализ** обычаев и норм, определявших отношение к суициду в истории народов России и других государств, изложили в своих трудах Гр. М. Дзедушицкий, П. Г. Розанов, П. Ф. Булацель, Н. С. Лебедев, А. В. Лихачев⁸. Традиции российской суицидологии продолжили С. С. Аванесов, В. С. Ефремов, И. Л. Полотовская, Я. И. Гишинский⁹ и др. В области анализа типов поведения, социальных отклонений, использования математических и социологических методов анализа правовых девиаций и социальных аддикций особая роль принадлежит В. Н. Кудрявцеву, В. П. Казимирчуку, А. М. Яковлеву, В. В. Лапаевой

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с франц. под ред. В. А. Базарова. М., 1994. С. 13.

⁵ Розанов П. Г. О самоубийстве. М., 1891. С. 10, 11, 19, 20.

⁶ Там же. С. 10, 16, 65, 110, 115, 135.

⁷ См.: Ефремов В. С. Основы суицидологии. СПб., 2004. С. 17.

⁸ См.: Дзедушицкий Гр. М. Самоубийство / пер. с польск. В. Б. Киев, 1877; Розанов П. Г. Указ. соч.; Булацель П. Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. Исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. 2-е изд. СПб., 1900; Лихачев А. В. Самоубийство в Западной Европе и европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882; и др.

⁹ См.: Аванесов С. С. Введение в философскую суицидологию. Томск, 2000; Ефремов В. С. Указ. соч.; Полотовская И. Л. Указ. соч.; Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2021. С. 323–376; и др.

и другим научным сотрудникам Института государства и права РАН¹⁰.

Из этих сочинений узнаем, что религия **Древнего Египта** запрещала самоубийства, а пожилые люди в **Швеции**, не дожидаясь смерти, бросались с высоких скал в море. В **Древней Индии** религиозные верования одобряли самоубийство, что получило закрепление в Законах Ману.

Как акт мужества и величайшей храбрости, а в определенных случаях и долг, воспринималось самоубийство в **Японии**. Оно было распространенным явлением в **Китае**. Напротив, **евреи** не одобряли самоубийства, однако примеры добровольного ухода из жизни были и у них.

Не отличались стремлением к самоубийству **греки**. Напротив, в греческих городах-государствах самоубийство считалось преступлением. Такой подход диктовался тем, что они вели между собой постоянные войны, несли потери и не могли поощрять самоубийство. По афинским законам руки самоубийцам отрубались и хоронились отдельно от тела.

До Пунических войн¹¹ случаи самоубийств в **Риме** были редкостью, но к концу Империи получили широкое распространение.

Противниками самоубийства были Пифагор, Сократ, Цицерон, Платон, Ксенофонт, Аристотель, а сторонниками — Сенека, Лукреций, Эпикур, основатель школы стоиков Зенон, Аппий Клавдий, Ганнибал и Митридат, Гораций и Вергилий, императоры Рима — Нерон и Отон¹².

В **Средние века** господствовала запретительная философская концепция суицида, сформулированная **Августинаном Аврелием** и закрепившаяся в учении **Фомы Аквинского**. Однако это не помешало А. Акосте, Б. Спинозе, Т. Гоббсу, К. Блюму и другим окончить жизнь самоубийством¹³. Сторонниками права на самоубийство были Гельветий, Ж.-Ж. Руссо (в 60-летнем возрасте покончивший с собой). Напротив, Дидро, Гольбах и Вольтер осуждали самоубийство¹⁴.

¹⁰ См.: Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: учеб. для вузов. М., 1995; Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997; Кудрявцев В. Н. Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002; Яковлев А. М. Социология преступности. М., 2001; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: нормы и патологии. М., 1982; Социальные отклонения / Бородин С. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсесянц В. С. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989; Лапаева В. В. Указ. соч.; Графский В. Г. История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 3-е изд., доп. М., 2014; и др.

¹¹ Пунические войны — войны Рима с Карфагеном, длившиеся с перерывами с 264 по 146 г. до н. э.

¹² См.: Дзедушицкий Гр. М. Указ. соч. С. 13–16, 19, 28.

¹³ См.: там же. С. 28.

¹⁴ См.: там же. С. 54–76.

Выдающийся философ Д. Юм полагал, что «самоубийство — единственный путь, которым мы можем принести пользу обществу, ибо наш пример, если бы ему стали следовать, не отрицал бы вообще возможность счастья в жизни и в то же время действительно освобождал бы от невыносимых опасностей и бедствий»¹⁵.

Постепенно защитники права человека на жизнь и смерть набирали силу, но европейское законодательство оставалось ортодоксальным. Такими были Кодексы Марии Терезии (1779), Иосифа II (1787). По законам европейских государств самоубийц лишали погребения; трупы их палач вытаскивал из дома за ноги и вывозил на осле; вешал трупы на виселицу, затем закапывал их под ней, а над могилой вешал петлю. Имуущество самоубийц конфисковывалось¹⁶. Но уже Кодекс Наполеона не содержал упоминания о суициде. Не квалифицировались как преступления самоубийства в Баварском (1813) и Венгерском уложениях, в Австрийском (1852) и Голландском кодексах, польской Конституции. И только в Англии, Испании, скандинавских странах и Российской Империи законодательство XIX в. не поощряло самоубийство.

Русское светское законодательство, в отличие от церковных догматов, до Петра I не содержало понятия «самоубийство». Оно впервые встречается в **Воинском уставе** (1716) Петра I (гл. XIX, артикул 164) и в ст. 107 Морского устава (1720).

Вслед за Петром I русские правители, заинтересованные в солдатах, способных воевать, стали солидарны с церковными воззрениями, и в Свод законов Российской империи (1832) вошли ст. 347–349, действия которых лишали самоубийц христианских правил погребения, а **завещания самоубийц не имели юридической силы**¹⁷. Правда, не все самоубийства законодательство Российской Империи квалифицировало как преступление. Так, осуждению не подвергались лица, лишившие себя жизни, чтобы не выдать государственную тайну, и женщины, ценой своей жизни сохранившие целомудрие и честь.

В современной психологии **суицидальное поведение** рассматривается через призму социальной зависимости человека от совокупности обстоятельств, которые привели к тому, что жизнь перестает им восприниматься как дар, и от нависших над ним обстоятельств он избавляется путем самоубийства.

В парадигме социальной аддикции и психологии права феномен суицида не рассматривается.

III

В ряде случаев самоубийство объясняется исключительно нарушением психики больного человека. Но это — только часть ответа. В массе своей суицид — это **социальная аддикция, реакция на житейские невзгоды, бытовые неурядицы, потерю работы, т.е. речь идет о психической зависимости от социальных условий и аддикций такого плана, как нищета, безработица, алкоголь, наркотики, игромания и т.д.** В ряде случаев это эмоциональная реакция на неразделенные чувства, несбывшиеся ожидания и надежды, разочарования и другие психические и социальные факторы.

Статистика самоубийств в Российской Империи ведется с 1803 г.

В XIX столетии Российская Империя не входила в число государств, занимавших лидирующее положение по количеству людей, добровольно ушедших из жизни, но неблагоприятные тенденции стали заметны уже после самоубийства А.Н. Радищева. Их количество медленно, но неуклонно росло. «Ускорение» произошло во второй половине XIX в. Так, в Петербурге с 1870 по 1910 г., т.е. за 40 лет, количество самоубийств и покушений на самоубийство выросло с 210 случаев до 3196¹⁸, т.е. увеличилось в 15 раз.

К пятерке «лидеров» Россия стала приближаться в начале XX столетия.

В СССР кривая суицидов резко поползла вверх после окончания Гражданской войны, а точнее — в годы новой экономической политики (1922–1929). В 1926 г. в Москве и Ленинграде завершили жизнь самоубийством 42 мужчины и 19.5 женщин из 100 тыс. населения.

В дальнейшем статистика приобрела дискретный характер. В системном виде она до сих пор не существует, хотя, как известно, в СССР в структуре Центрального статистического управления существовал Отдел моральной статистики. Этот Отдел учел количество суицидов за период с 1923 по 1926 г.: соответственно 4010, 4681, 5846 и 5934. О десятках тысяч самоубийц речь в первой половине XX в. не шла.

Политика военного коммунизма, нищета и разруха, а затем «нэпманский» разгул страстей и удовольствий повлияли на восприятие человеком условий, в которых он оказался.

Разудалая нэпманская мораль подтвердила гениальный вывод Э. Дюркгейма: «Слишком веселая мораль бывает моралью разложения; она пригодна лишь для народов, вступивших на путь упадка, и только у них одних можно ее встретить»¹⁹.

¹⁵ Юм Д. О самоубийстве. Псков, 1908. С. 8.

¹⁶ См.: *Дзедушицкий Гр. М.* Указ. соч. С. 38, 39.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ См.: *Кони А. Ф.* Самоубийство в законе и в жизни. М., 1923. С. 3.

¹⁹ *Дюркгейм Э.* Указ. соч. С. 6.

Россия не раз переживала упадки, и всякий раз страдала мораль, наступал разгул «веселой морали», беззакония, произвола, вседозволенности и суицида.

Исследования, проводившиеся в Российской Империи в XIX столетии и ранее, возродились в 20-х годах XX в. Власть должна была разобраться в причинах увеличения количества самоубийств, в связи с чем в первой половине и в середине 20-х годов началось интенсивное изучение причин суицида. В 1929 г. вышел сборник статей и материалов «Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.». Однако вслед за этим интерес к теме в стране, «успешно строившей социализм», угас. Криминальная статистика эту тему закрыла на долгие 35–40 лет.

В 60-х годах в СССР произошел всплеск самоубийств. Счет пошел на десятки тысяч человек. Среди тех, кто совершил суицид, особенно много было офицеров, прошедших Великую Отечественную войну и уволенных из Советской Армии в 1961 г. по пресловутому Приказу № 100.

Исследования 80–90-х годов отразили печальную для СССР статистику: количество суицидов росло в годы «перестройки» и резко увеличилось с началом радикальных преобразований.

С этого времени статистическая кривая **колебалась**, временами демонстрировала снижение (50-е годы) и зафиксировала **возобновление роста** в первой половине 80-х годов (в 1984 г. – 38,7 чел. на 100 тыс. населения). Через 10 лет, в 1994 г., Российская Федерация оказалась на втором месте в мире по количеству суицидов на 100 тыс. жителей. На первом месте была Венгрия с 1984–1985 гг. и до середины 90-х годов.

Российская практика конца XX столетия полностью подтвердила выводы Э. Дюркгейма о «веселой морали» в период упадка. То, что Э. Дюркгейм описал в конце XIX столетия, повторилось через 100 лет. Сравним: в 1964 г. в СССР насчитывалось 39 500 самоубийств; к концу 1990 г. – 60 800 (а бывало и от 71 300 до 81 400) (*табл. 1*).

Таблица 1

Годы	Количество фактов суицида в СССР
1964	39 500
1970	56 100
1975	65 700
1980	71 300
1984	81 400
1985	68 100
1986	52 800
1987	54 100
1988	55 500
1989	60 300
1990	60 800

Более половины самоубийств в советский период приходилось на Россию. Так, в 1990 г. – 39 200 случаев из 60 800 (т.е. 64,5%) (*табл. 2*).

Таблица 2

Годы	Количество фактов суицида в России
1984	54 000
1985	44 600
1986	33 300
1987	35 700
1988	38 000
1989	38 000
1990	39 200

В первые годы «перестройки» в настроениях советских людей появились признаки оптимизма. Это отразилось и на том, что с 1985 по 1987 г. наблюдалось снижение числа суицидов, но по мере разочарования в результатах «перестройки» рост суицидов возобновился: с 1988 по 1991 г., т.е. **за три года**, количество самоубийств **удвоилось**²⁰.

В 1994 г. в Российской Федерации, население которой уменьшилось по сравнению с СССР в два раза, покончили жизнь самоубийством 61 900 человек – столько же, сколько в последний год пребывания у власти первого и последнего Президента СССР.

Официальные абсолютные цифры количества самоубийств за 1989–2000 гг. отражены в *табл. 3*.

Таблица 3

Годы	Количество самоубийств
1989	38 000
1990	39 200
1991	39 400
1992	46 660

За период с 1985 по 2000 г. число самоубийств в России выросло в 10 раз²¹.

Стандартизированный коэффициент смертности (СКС), используемый Всемирной организацией здравоохранения для оценки ситуации, показывает, что на заре либерально-демократических реформ смертность от убийств в России была в 50 (!) раз выше, чем в «среднестатистическом» европейском государстве, и в пять раз превышала СКС, характерный для США²².

²⁰ См: Полотовская И.Л. Указ. соч. С. 5, 6.

²¹ См.: Ефремов В.С. Указ. соч. С. 7.

²² См.: Демографические перспективы России / под ред. Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева. М., 2008. С. 486.

Занимая общее **четвертое место** по числу **суицидов**, **Российская Федерация лидирует по количеству самоубийств среди подростков.**

Проблема приобрела масштабный характер за сравнительно короткий период – с 1992 по 2016 г. Одним из катализаторов суицида стал ЕГЭ. Под его воздействием, например, в 2015 г. покончили с собой 380 молодых людей²³. В Интернете проявились «группы смерти». Журналисты определили случаи суицида в «виртуальном» пространстве 150 подростков в период с ноября 2015 г. по апрель 2016 г.

В парадигме социальных аддикций и психологии права в основе добровольного ухода человека из жизни путём **самоубийства** лежат **два класса девиаций (отклонений от норм) и социальных аддикций (разного рода зависимостей):** одна носит **социально-правовой**, вторая – **психолого-педагогический** характер²⁴.

Первая из них – это зависимость от алкоголя и наркотиков, угнетающих психику человека безработицы, нищеты, масштабного социального и правового неравенства, несправедливости и возникающих на этой основе стрессов, вызванных экстремальными ситуациями.

Другая группа причин отличается большим разнообразием. Это и психические отклонения, и манипулирование сознанием. В таких случаях суицид исследуется с позиций психиатрии, психологии права²⁵.

Число самоубийств в Российской Федерации стало снижаться с **38 800** в **2000** г. до **22 800** в **2016** г. Это самый низкий показатель за предшествующие 50 лет социальной истории России.

Официальные абсолютные цифры количества самоубийств за 2008–2016 гг. отражены в *табл. 4*, из которой следует, что в это время количество суицидов уменьшалось, однако среди подростков в 2016 г. произошел рост самоубийств на 57%²⁶.

²³ К сожалению, достоверная информация по ЕГЭ как причине самоубийства приобрела закрытый характер и в официальной статистике не отражается. В Интернете много информационного шума по поводу ЕГЭ, но нет информации. После 2015 г. тема суицида и ЕГЭ обсуждается, но примеры приводятся только как происшествие в регионах. Если заняться арифметикой, то можно подсчитать, что в 2016–2018 гг. ЕГЭ был ежегодной причиной самоубийства от 260 до 300 человек.

²⁴ См., напр.: *Савенков А. Н., Жуков В. И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018.

²⁵ См.: *Шиханцов Г. Г.* Юридическая психология. М., 1998; *Еникеев М. И.* Юридическая психология. М., 2005; *Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А.* Юридическая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011; *Сорокин В. В.* Правовая психология: вопросы общей теории права. Барнаул, 2015; и др.

²⁶ См.: Vavilon.ru/statistika-samoubiystv

Таблица 4

Год	Количество суицидов
2008	38 406
2009	35 570
2010	33 480
2011	31 144
2012	29 735
2013	28 779
2014	26 606
2015	25 476
2016	22 800

Если руководствоваться официальными данными, то всего с 1955 по 2016 г. в СССР и Российской Федерации покончили жизнь самоубийством **2 257 000** человек.

В течение последних 15 лет общее количество суицидов в стране медленно, но снижается. Во всяком случае такую динамику наблюдает официальная статистика.

* * *

Таким образом, **суицид** с древнейших времен является фундаментальной темой для философии, психологии, психиатрии, истории, медицины, теологии, культурологии, права, других дисциплин. При этом сохраняет актуальность вывод Э. Дюркгейма: **«Наша современная снисходительность по отношению к самоубийству заходит слишком далеко. Так как оно оскорбляет нравственные чувства, то его следовало бы отвергнуть с большей энергией и с большей определенностью, и это отрицание должно быть... в форме наказаний. Ослабление нашей репрессивной системы... есть явление аномальное»**²⁷.

История развития цивилизации шла от варварства и дикости к прогрессу, и только в отношении **самоубийств и аборт** все происходило **наоборот**. В древности суициды и аборты **осуждались**, в философии и правоведении XVIII–XIX вв. их **возможность допускалась**; начиная с XX столетия их **узаконили**.

Суицид есть зло. Но оно излечимо силой **закона**, силой **морали**, силой **науки** и **воспитания**. Один из способов ограничения суицида – **социологический анализ и философское осмысление явлений, психологическое воздействие на образ жизни и социального развития философии, социологии и психологии права**²⁸, **правоведения в целом**.

²⁷ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 367.

²⁸ См., напр.: *Жуков В. И.* Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права. М., 2019.

Пониманию этого должны содействовать и мероприятия, аналогичные всероссийским конференциям по проблемам философии, социологии и психологии права, чтениям, посвященным академиком В.С. Нерсесянцу, В.Н. Кудрявцеву, В.В. Лаптеву, проходящим в Институте государства и права РАН, и введенный Всемирной организацией здравоохранения в 2002 г. **День превенции самоубийства – 10 сентября**. К сожалению, в Российской Федерации этот день остается обычным и особого интереса не вызывает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов С.С.* Введение в философскую суицидологию. Томск, 2000.
2. *Булацель П.Ф.* Самоубийство с древнейших времен до наших дней. Исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. 2-е изд. СПб., 1900.
3. *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2021. С. 323–376.
4. *Графский В.Г.* История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 3-е изд., доп. М., 2014.
5. Демографические перспективы России / под ред. Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева. М., 2008. С. 486.
6. *Дзедушицкий Гр. М.* Самоубийство / пер. с польск. В.Б. Киев, 1877. С. 13–16, 19, 28, 38, 39, 54–76.
7. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд / пер. с франц. под ред. В.А. Базарова. М., 1994. С. 6, 13, 367.
8. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М., 2005.
9. *Ефремов В.С.* Основы суицидологии. СПб., 2004. С. 7, 17.
10. *Жуков В.И.* Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права. М., 2019.
11. *Жуков В.И.* Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
12. *Жуков В.И.* Социально-демографический НАБАТ. М., 2017.
13. *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права: учеб. для вузов. М., 1995.
14. *Камю А.* Миф о Сизифе: философский трактат. СПб., 2001. С. 8.
15. *Кони А.Ф.* Самоубийство в законе и в жизни. М., 1923. С. 3.
16. *Кудрявцев В.Н.* Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002.
17. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: нормы и патологии. М., 1982.
18. *Ланаева В.В.* Социология права. 2-е изд. М., 2016. С. 139.
19. *Лихачев А.В.* Самоубийство в Западной Европе и европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882.
20. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 1997.
21. *Полотовская И.Л.* Смерть и самоубийство: Россия и мир (Историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней). СПб., 2010. С. 5, 6, 10.
22. *Розанов П.Г.* О самоубийстве. М., 1891. С. 10, 11, 16, 19, 20, 65, 110, 115, 135.
23. *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018.
24. *Сорокин В.В.* Правовая психология: вопросы общей теории права. Барнаул, 2015.
25. *Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А.* Юридическая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
26. Социальные отклонения / Бородин С.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989.
27. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М., 1998.
28. *Юм Д.* О самоубийстве. Псков, 1908. С. 8.
29. *Яковлев А.М.* Социология преступности. М., 2001.

REFERENCES

1. *Avanesov S.S.* Introduction to philosophical suicidology. Tomsk, 2000 (in Russ.).
2. *Bulatsel P.F.* Suicide from ancient times to the present day. A historical sketch of philosophical views and legislation on suicide. 2nd ed. SPb., 1900 (in Russ.).
3. *Gilinsky Ya.* Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”. 3rd ed., corrected and exp. SPb., 2021. P. 323–376 (in Russ.).
4. *Grafsky V.G.* History of political and legal doctrines: studies for universities. 3rd ed., additional. M., 2014 (in Russ.).
5. Demographic prospects of Russia / ed. by G.V. Osipov and S.V. Ryazantsev. M., 2008. P. 486 (in Russ.).
6. *Dzieduszycki Gr.M.* Suicide / transl. from Polish. V.B. Kiev, 1877. P. 13–16, 19, 28, 38, 39, 54–76 (in Russ.).
7. *Durkheim E.* Suicide: a study in sociology / transl. from French under the editorship of V.A. Bazarov. M., 1994. P. 6, 13, 367 (in Russ.).
8. *Enikeev M.I.* Legal psychology. M., 2005 (in Russ.).
9. *Efremov V.S.* Fundamentals of Suicidology. SPb., 2004. P. 7, 17 (in Russ.).

10. *Zhukov V.I.* Actual problems of Philosophy, Sociology and Psychology of Law. M., 2019 (in Russ.).
11. *Zhukov V.I.* Slavic-Russian-Russian civilization. 2nd ed., reprint and additional. M., 2021 (in Russ.).
12. *Zhukov V.I.* Socio-demographic ALARM. M., 2017 (in Russ.).
13. *Kazimirchuk V.P., Kudryavtsev V.N.* Modern Sociology of Law: textbook for universities. M., 1995 (in Russ.).
14. *Camus A.* The Myth of Sisyphus: a philosophical treatise. SPb., 2001. P. 8 (in Russ.).
15. *Koni A.F.* Suicide in law and in life. M., 1923. P. 3 (in Russ.).
16. *Kudryavtsev V.N.* Selected works on social sciences: in 3 vols. M., 2002 (in Russ.).
17. *Kudryavtsev V.N.* Legal behavior: norms and pathologies. M., 1982 (in Russ.).
18. *Lapaeva V.V.* Sociology of Law. 2nd ed. M., 2016. P. 139 (in Russ.).
19. *Likhachev A.V.* Suicide in Western Europe and European Russia. The experience of comparative statistical research. SPb., 1882 (in Russ.).
20. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 1997 (in Russ.).
21. *Polotovskaya I.L.* Death and suicide: Russia and the World (Historical and cultural development of problems from ancient times to the present day). SPb., 2010. P. 5, 6, 10 (in Russ.).
22. *Rozanov P.G.* On suicide. M., 1891. P. 10, 11, 16, 19, 20, 65, 110, 115, 135 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N., Zhukov V.I.* Sociology of legal deviations and social addictions. M., 2018 (in Russ.).
24. *Sorokin V.V.* Legal psychology: questions of the General theory of law. Barnaul, 2015 (in Russ.).
25. *Sorokotyagin I.N., Sorokotyagina D.A.* Legal psychology. 3rd ed., reprint and additional. M., 2011 (in Russ.).
26. Social deviations / Borodin S.V., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev Yu. V., Nersesyants V.S. 2nd ed., reprint and additional. M., 1989 (in Russ.).
27. *Shikhantsov G.G.* Legal psychology. M., 1998 (in Russ.).
28. *Yum D.* About suicide. Pskov, 1908. P. 8 (in Russ.).
29. *Yakovlev A.M.* Sociology of crime. M., 2001 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Василий Иванович — академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vasiliy I. — Academician of the RAS, chief researcher of the Philosophy of Law, History and Theory of State and Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В ЮРИСДИКЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г. Е. В. Виноградова*, Е. В. Михайлова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 15.10.2021 г.

Аннотация. В статье содержится теоретический анализ доктринальных и законодательных основ третейского разбирательства в Российской Федерации, а также правового статуса третейского суда в системе защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав. Исследование авторы начинают с описания существующих способов защиты права. Третейский суд отнесен законодателем к числу субъектов, осуществляющих правовую защиту и фактически приравнен по своему правовому положению к государственным судам. Несмотря на бесспорную частноправовую природу третейского суда, он исторически был и остается единственным признанным государством субъектом частного права, чьи решения подлежат, при необходимости, принудительному исполнению. Помимо этого ставшее обязательным для сторон правового конфликта решение третейского суда является основанием для отказа в принятии искового заявления, поданного в государственный суд и содержащего тождественное уже рассмотренному третейским судом требование. Поэтому можно утверждать, что третейское разбирательство представляет собой единственную альтернативу государственному судопроизводству (в отличие от медиации и всех прочих АРС). Показано отличие третейского разбирательства от медиации и иных внесудебных примирительных процедур. Проанализирован вопрос соотношения третейских судов и религиозных судов, а также иных общественных организаций, предоставляющих услуги по разрешению и урегулированию конфликтов в социальной сфере. Сделан вывод об исключительном положении третейских судов, не позволяющих отнести к ним религиозные суды и иные общественные организации.

Ключевые слова: третейский суд, третейское разбирательство, защита права, медиация, религиозный суд, общественное правосудие, решение третейского суда.

Цитирование: Виноградова Е. В., Михайлова Е. В. (2022). Формирование правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 1. С. 83–90.

DOI: 10.31857/S102694520018275-3

FORMATION OF THE LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION COURT IN THE JURISDICTIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2022 E. V. Vinogradova*, E. V. Mikhailova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 15.10.2021

Abstract. The article contains a theoretical analysis of the doctrinal and legislative foundations of arbitration proceedings in the Russian Federation, as well as the legal status of the arbitration court in the system of protection of violated or disputed civil rights. The authors begin their research with a description of the existing methods of protecting rights. The arbitration court is referred by the legislator to the number of subjects exercising legal protection and is actually equated in its legal status with state courts. Despite the indisputable private law nature of the arbitration court, it has historically been and remains the only state-recognized subject of private law, whose decisions are subject to compulsory execution, if necessary. In addition, the decision of the arbitral tribunal, which has become binding on the parties to a legal conflict, is the basis for refusal to accept a statement of claim filed with a state court and containing a claim that is identical to that already considered by the arbitral tribunal. Therefore, it can be argued that arbitration is the only alternative to state legal proceedings (as opposed to mediation and all other ADRs). The difference between arbitration proceedings and mediation and other out-of-court conciliation procedures is shown. The issue of the correlation between arbitration courts and religious courts, as well as other public organizations providing services for the resolution and settlement of conflicts in the social sphere, has been analyzed. The conclusion is made about the exceptional position of arbitration courts, which do not allow attributing religious courts and other public organizations to them.

Key words: arbitration court, arbitration proceedings, protection of rights, mediation, religious court, public justice, decision of the arbitration court.

For citation: Vinogradova, E.V., Mikhailova, E.V. (2022). Formation of the legal status of the arbitration court in the jurisdictional system of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 83–90.

Уникальность правового статуса третейского суда заключается в том, что это важнейший правовой инструмент саморегулирования гражданского общества. Он отделен от государства, но вместе с тем оно поддерживает и при необходимости приводит в исполнение его решения, содействует третейскому разбирательству в различных формах. Наличие института третейского разбирательства в правовой системе Российской Федерации – один из признаков устойчивого демократического строя. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным О. Ю. Скворцовым о том, что «государство заинтересовано в укреплении инструментов саморегулирования как эффективных инструментов общественного управления»¹. В различные исторические периоды отечественное законодательство признавало третейский суд самостоятельным элементом юрисдикционной системы, и в большей или меньшей степени регулировало третейское разбирательство и принудительное исполнение решений третейских судов. Принцип законности, пронизывающий все отрасли права, обуславливает, что лица, в той или иной степени обеспечивающие вынесение правосудных актов, связаны Конституцией РФ и иными правовыми актами, поэтому большое значение имеет теоретический анализ правовых основ третейского судопроизводства. Здесь важно учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в одном из своих решений² указал, что специфика юридической

природы третейского разбирательства, предполагает, что принимаемое третейским судом от своего имени решение обязательно для сторон на основе добровольного исполнения.

Существование третейских судов предопределено тем, что вопросы защиты нарушенного права в юридической науке относятся к важнейшим. Собственно, если бы нарушенное право не предполагало возможности его защиты и принудительного исполнения, в существовании самой этой категории вообще не было бы нужды. Нарушение права вызывает потребность в его защите, а также ставит перед правоприменителем вопрос о порядке обращения за ней.

Традиционно считается, что существует три способа защиты нарушенных прав. Их выделяли еще ученые Российской Империи. Как писал Е. В. Васильевский, «самым простым и естественным представляется на первый взгляд самостоятельное осуществление своих прав с применением, в случае надобности, физической силы, т.е. *самопомощь*. <...>. Другой способ состоит в том, чтобы спорящие избрали по взаимному оглашению постороннее лицо, которому они оба доверяют, и попросили его решить, кто из них прав, обязуясь подчиниться его решению. Это так наз. *третейский*

¹ Скворцов О. Ю. О конституционных основаниях рассмотрения третейскими судами и международными коммерческими судами споров с публичным элементом // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2011. Вып. 2. С. 76.

² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности

положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

суд. <...>. Третий способ – обращение к помощи государственной власти»³.

В то же время исследователи отмечают, что не лишены аргументов сомнения некоторых ученых в функциональной необходимости существования такого вида разбирательства. В частности, Г.Ф. Шершеневич приводит мнение А.И. Вицына, который анализировал проблемы юрисдикционности третейских судов, о том, что «третейский суд – первобытная форма суда», у которого вряд ли есть будущее⁴.

По мнению Е.А. Нефедьева, различие между мировым соглашением и разрешением дела третейским судом заключается в том, что «при окончании дела миром стороны сами вырабатывают те условия, на основании которых устанавливаются дальнейшие отношения между ними; при разрешении же спора третейским судом стороны, по взаимному согласию, передают спор на разрешение третейских судей, а потому условия для дальнейших отношений вырабатываются этими судьями, причем эти условия получают обязательную силу для сторон со времени объявления своего решения третейским судом»⁵.

Следует отметить, что в рассматриваемый исторический период исследователи часто именовали третейских судей «посредниками». Например, знаменитый ученый-процессуалист А.Х. Гольмстен писал так: «Если стороны более доверяют частному лицу, чем коронному судье, то им должно быть дано право входить между собою в соглашение, по силе которого данный спор их должен быть разрешен избранным ими посредником, хотя бы спор находился уже на рассмотрении государственного суда. Посредник этот называется третейским судьей, соглашение же сторон между собою и между ними и посредником – третейским договором или записью»⁶.

При этом в условиях нынешнего правового регулирования такой подход будет, конечно, неверным. Правовой статус третейского судьи кардинально отличается от правового положения посредника, в т.ч. медиатора. Прежде всего они различаются по цели и задачам своей деятельности. Третейский суд, как и государственный, должен разрешить правовой конфликт по существу, определив истинного правообладателя и нарушителя права, т.е. обязанное лицо. Посредник не решает спор, а урегулирует его, способствуя

заключению сторонами соглашения о примирении на взаимовыработанных, добровольно определенных условиях. Соответственно этому, различны их задачи: третейский суд рассматривает переданные ему сторонами дела в особой процессуальной форме, способствующей выяснению всех обстоятельств дела, реализуя при этом соответствующие полномочия. Посредник присутствует при переговорном процессе спорящих сторон, предоставляет им консультации, предлагает различные варианты условий примирения, но властными полномочиями не обладает, а его распоряжения обязательными для участников дела не являются. В-третьих, решение третейского суда, в случае выдачи на него государственным компетентным судом исполнительного листа, приобретает публично-правовые черты и подлежит, при необходимости, принудительному исполнению. Соглашение о примирении, заключенное вне суда при участии посредника, публично-правовых черт не приобретает, сохраняет свою частноправовую природу, а в случае неисполнения одной стороной его условий требование другой стороны подлежит рассмотрению в суде в общем, исковом, порядке.

Е.В. Васьковский решение третейского суда называл одним из «суррогатов судебного решения», отмечая, что оно имеет одинаковую силу с «решениями судебных мест», и исполняется одинаково с судебным решением⁷.

В СССР законодательство о третейских судах было представлено Приложением № 3 к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 г., которое называлось «Положение о третейском суде». Основы гражданского законодательства в ст. 6 закрепляли, что гражданские права наряду с судом и арбитражем защищаются и третейским судом. В комментариях ученых того времени указывалось, что суды должны разъяснять гражданам возможность обращения в третейский суд. Положение не предусматривало существование постоянно действующих третейских судов, а также рассмотрения третейскими судами споров с участием организаций. Авторы писали, что «третейский суд – суд, избранный по соглашению сторон. Сущность третейского разбирательства состоит в том, что спорящие стороны избирают третьих лиц, которым доверяют разрешение спора. Это значит, что стороны заранее обязуются подчиниться решению третейского суда»⁸.

Таким образом, третейское разбирательство продолжало оставаться самостоятельным (частноправовым) способом защиты нарушенных прав,

³ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 2.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 77.

⁵ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 342.

⁶ Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.

⁷ См.: Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1. Ведение и общая часть. С. 168, 169.

⁸ Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. М., 1976. С. 572.

а правовое положение третейского суда, как и ныне, приравнено к государственным судам (арбитражным и общей юрисдикции).

Необходимо отдельно остановиться на вопросе соотношения правового статуса третейского суда и религиозных судов, а также различного рода общественных организаций, которые занимаются рассмотрением и урегулированием различных конфликтов.

Прежде всего отметим, что советские ученые часто ставили на один уровень третейские суды и товарищеские суды, а также «подобные органы, которые могут разбирать вопросы бытового, морального характера и т.п.»⁹.

Ключевым понятием при решении вопроса о том, имеют ли общественные и религиозные суды ту же природу, что и суды третейские, является понятие «правового конфликта». В Российской Федерации, как и подавляющем большинстве других государств, судебной защите подлежат именно юридические права, а судебному рассмотрению — только правовые конфликты. Иными словами, суд не примет к производству заявление, в котором содержится требование, не регулируемое правовыми нормами — например, связанное с дружескими, любовными отношениями, иными бытовыми, социальными, не регулируемые правовыми нормами взаимоотношениями людей. Не случайно в нормах процессуального законодательства прямо закреплено, что в исковом заявлении необходимо указать нарушенное право, а в Арбитражном процессуальном кодексе РФ закреплено требование к заявителю также сослаться на конкретную правовую норму, закрепляющую нарушенное право, и положения законов, регулирующих спорное правоотношение. Аналогичное требование обращено к прокурору, возбуждающему гражданское дело.

О различиях между бытовыми и правовыми отношениями писали многие теоретики права. Так, Н.М. Коркунов отмечал, что «человеческая жизнь складывается из ряда самых разнообразных отношений к другим людям. Сами по себе эти отношения имеют чисто фактический характер, представляя собою фактическую зависимость и основанную на ней фактическую же возможность воздействовать друг на друга. Но насколько люди в своей деятельности руководятся юридическими нормами, это приводит к превращению фактических отношений в юридические, фактической зависимости — в юридическую обязанность, фактической возможности воздействия — в право, правомочие»¹⁰.

⁹ Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Калистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 178.

Я.С. Явич писал, что «всякое правоотношение в конечном счете направлено на урегулирование и закрепление фактического общественного отношения: речь может идти лишь о различной степени удаленности правоотношения от опосредованного им фактического общественного отношения»¹¹.

Д.М. Чечот указывал, что «нормативный характер права является его существенной чертой, позволяющей отграничить право как объективно существующее явление общественной жизни от смежных, но не тождественных праву явлений»¹².

Таким образом, юридические правоотношения и, соответственно, юридические (правовые) конфликты следует отграничивать от неправовых, т.е. не регулируемых правовыми нормами, иных бытовых, общественных отношений.

Принцип законности, пронизывающий все отрасли российского законодательства, «представляет собой такое правило, согласно которому судьи при осуществлении правосудия связаны Конституцией РФ и законами, а также действующими правилами судопроизводства»¹³.

По меткому выражению В.Г. Графского, следует говорить о «законной справедливости», которая предстает в форме надлежащей процедуры правового общения¹⁴.

Третейские суды, в отличие от всех прочих общественных и религиозных организаций, наделены правом рассмотрения именно правовых конфликтов. И наоборот: никакие общественные органы и организации не могут рассматривать правовые конфликты. Даже если они разрешат правовой конфликт и вынесут по нему решение, оно будет ничтожным и правовых последствий не повлечет.

Напротив, общественные и религиозные организации могут рассматривать конфликты, не урегулированные правовыми нормами. Запрета на это нет. При этом все принимаемые ими решения по таким делам будут подлежать исключительно добровольному исполнению. Но нужно иметь в виду и то, что деятельность указанных организаций в плане разрешения конфликтов может носить и противоправный характер: например, в выносимых ими решениях могут содержаться призывы

¹¹ Явич Я.С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 58 (цит. по: Чечина Н.А. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 85).

¹² Чечот Д.М. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 11.

¹³ Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 211.

¹⁴ См.: Графский В.Г. Принципы законности и справедливости в истории законодательства России и западноевропейских государств // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 15.

к совершению преступлений (причинению физического насилия, даже совершению убийства, разжиганию межрелигиозной ненависти и т.д.). В научной литературе отмечают, что в предшествующие периоды, например, шариатские суды, рассматривая дела об убийствах, устанавливали наказания вплоть до смертной казни, а наиболее распространенным видом наказания было избивание плетью, розгами, а также «наказание словом»¹⁵.

Поэтому идеи о включении каких-либо иных, помимо государственных и третейских судов, органов и организаций в систему защиты прав вызывают сомнения.

Решение третейского суда, ставшее обязательным для сторон рассмотренного им конфликта, является правопрепятствующим фактом: суд откажет в принятии искового заявления, содержащего тождественное требование. Именно поэтому третейское разбирательство есть альтернатива государственному судопроизводству, в отличие от всех прочих, многообразных внесудебных форм урегулирования конфликтов (медиации, онлайн-урегулирования споров, переговоров, досудебного урегулирования и проч.).

В литературе можно встретить подходы, основанные если не на отождествлении религиозных и третейских судов, то на мнении об их определенном сходстве. Например, Л.Р. Сюкияйнен пишет, что российское законодательство предусматривает формы, в которых может быть реализована шариатская модель правосудия и разрешения споров о праве. Ученый полагает, что шариатские суды могут создаваться и функционировать в соответствии с законодательством о третейских судах¹⁶.

Однако третейский суд, в отличие от любого общественного образования, каковым является религиозный суд, действует исключительно в правовом поле, т.е. рассматривает и разрешает конфликты, регулируемые правом, и при этом применяет не религиозные установления, а правовые нормы, законодательство Российской Федерации. Как и решение государственного суда, третейское решение должно быть принято на основании действующего законодательства. Решения религиозных судов в отличие от решений третейских судов не обеспечены возможностью применения мер государственного принуждения именно потому, что действуют в соответствии с религиозными догмами, а не светским законодательством.

¹⁵ Радаева С. В. Нетрадиционные органы в истории российского правосудия: особенности юридических технологий их деятельности // Образование и право. 2020. № 6. С. 388.

¹⁶ См.: Сюкияйнен Л. Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 4. С. 56.

Однако в отличие от государственных судов третейский суд обладает ограниченной компетенцией. Это связано с его частноправовой природой, не позволяющей ему разрешать правовые конфликты, возникающие в сфере публичных правоотношений.

Как писал А.И. Вицын, если «третейский суд — это суд частного лица, то естественно ожидать, что законодательство не допустит его по делам, которыми ближе всего заинтересовано само государство. Этим исключаются из ведомства третейского суда дела уголовные»¹⁷.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 15 декабря 2015 г. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹⁸ в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Вместе с тем само понятие «гражданское правоотношение» является законодательно не определенным.

Действующее российское законодательство не имеет четкого разграничения гражданских и, например, административных правоотношений. Содержание Гражданского кодекса РФ свидетельствует о том, что гражданскими признаются как частноправовые, т.е. основанные на равенстве их участников, так и публично-правовые, т.е. основанные на отношениях власти и подчинения, правоотношения. Несмотря на провозглашенный в тексте ст. 124 принцип равенства субъектов гражданских правоотношений, нормы Гражданского кодекса РФ регулируют широкий спектр отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой — например, отношения по принудительному изъятию земельных участков для государственных и муниципальных нужд, отношения, связанные с заключением и реализацией государственных контрактов и т.п.

Основные признаки публичных правоотношений определены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: «К административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по

¹⁷ Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 2.

исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику»¹⁹.

При этом ряд дел исключен Пленумом Верховного Суда РФ из категории публично-правовых: «не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда. Не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке» (п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 г. № 36).

Одной из эпохальных правовых позиций Конституционного Суда РФ стало решение им вопроса о компетенции третейских судов, в т.ч. применительно к спорам публично-правового характера. Поводом послужило обращение в Конституционный Суд РФ Высшего Арбитражного Суда РФ с запросом о праве третейских судов разрешать споры о правах на недвижимость.

Высший Арбитражный Суд РФ полагал, что указанные споры ввиду установленной законом регистрации перехода права собственности на недвижимость и сделок с ним имеют публично-правовой характер и в силу этого третейскими судами разрешаться не могут.

В литературе справедливо отмечают, что, несмотря на это «судебная практика по оспариванию решений третейских судов по спорам о признании права собственности на недвижимость и выдаче исполнительных листов на их принудительное исполнение в рамках системы арбитражных судов не характеризовалась единообразием: в одних случаях суды выдавали исполнительные листы на принудительное исполнение решений третейских судов о признании права собственности на недвижимость и имущество, в других — прямо указывали на неарбитрабельность таких споров»²⁰.

¹⁹ См.: Росс. газ. 2016. 3 окт.

²⁰ Петренко О. В. Признание права собственности на недвижимость и имущество в третейских судах // Имущественные

Следует признать, что рассмотрение вопроса о компетенции третейских судов в сфере гражданской юрисдикции на столь высоком уровне явилось следствием известной ученым и практикам «конкуренции» позиций Высшего Арбитражного Суда РФ с устоявшейся и отработанной практикой толкования и применения гражданского законодательства Верховным Судом РФ. При этом, как отметил А. В. Габов, «ограничение возможности рассматривать какие-либо споры в третейском суде должно иметь действительно серьезные основания»²¹.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев вопрос о праве третейских судов рассматривать дела по спорам о правах на недвижимое имущество, подтвердил в уже упоминавшемся Постановлении № 10-П 2011 г. наличие компетенции третейских судов в этом вопросе, несмотря на то что сделки о правах на недвижимое имущество и сам переход права собственности на него подлежат государственной регистрации. При этом Конституционный Суд РФ разграничил собственно гражданско-правовые сделки о правах на недвижимое имущество (которые могут быть предметом третейского разбирательства) и правоотношения в связи с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним (споры из которых не подлежат рассмотрению третейскими судами).

Вместе с тем к числу публично-правовых дел отнесены те из них, которые возникают в связи с реализацией субъектами частного права публичных полномочий.

Компетенция третейского суда напрямую связана с его природой и ею ограничена, — не имея публично-правовых полномочий, он не вправе разрешать дела в сфере отправления публичной власти.

Основным и единственным критерием разграничения частноправовых и публично-правовых дел является участие в спорном правоотношении субъекта, обладающего публичными полномочиями и реализующего эти полномочия в рамках данного правоотношения. Не являются публичными правоотношения, основанные на подчинении одной стороны другой, если это подчинение имеет своим основанием гражданско-правовое соглашение (корпоративные правоотношения, трудовые и проч.).

Как и государственный суд, суд третейский самостоятельно решает вопрос о том, входит ли в его компетенцию рассмотрение конк-

отношения в Российской Федерации. 2016. № 1 (172). С. 83.

²¹ Габов А. В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журнал рос. права. 2015. № 3. С. 50.

ретного дела. Это правило называется «принцип компетенции-компетенции».

Как известно, определение об отказе в принятии искового заявления судом общей юрисдикции или арбитражным судом может быть обжаловано в суд вышестоящей инстанции. Аналогичным образом определение третейского суда по вопросу его компетенции может быть обжаловано заинтересованным лицом в государственный суд.

В науке широко обсуждался вопрос о критериях определения наличия у третейского суда компетенции рассматривать то или иное дело. Предлагались различные подходы: наличие заключенного сторонами соглашения о передаче дела в третейский суд; частноправовая природа конфликта и проч.²² Представляется, что следует различать основание для передачи дела третейскому суду (его частноправовая природа) и условие его принятия третейским судом (наличие действительного третейского соглашения). Вопрос о наличии или отсутствии у третейского суда рассматривать конкретное дело должен решаться с учетом обоих указанных критериев.

* * *

В целом можно констатировать следующее. Во-первых, третейский суд занимает самостоятельное место в системе органов, осуществляющих защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав. Это единственный субъект частного права, поставленный законодателем в равное положение с государственными судами – органами публичной власти, осуществляющими правосудие. В соответствии с указанием ст. 11 ГК РФ суд общей юрисдикции, арбитражный и третейский суд составляют систему органов, обеспечивающих защиту гражданских прав.

Во-вторых, третейский суд – это единственная альтернатива государственному судопроизводству. Наличие ставшего обязательным решения третейского суда «преграждает путь» в государственный суд. Ни одна другая из форм т.н. «альтернативного разрешения споров» – медиация, переговоры, онлайн-урегулирование и проч. – не имеет альтернативного характера.

В-третьих, третейское разбирательство нельзя смешивать с различными видами «общественного правосудия» – религиозными судами, комиссиями по разрешению споров при предприятиях, товарищескими судами. В отличие от них, третейское разбирательство осуществляется в соответствии с нормами действующего российского законодательства

и по этой причине на решение третейского суда может быть выдан исполнительный лист. Все эти аргументы свидетельствуют о востребованности третейского судопроизводства, что предопределяет актуализацию работы по дальнейшей институализации правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 211.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1. Введение и общая часть. С. 168, 169.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 2.
4. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.
5. Габов А.В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журнал рос. права. 2015. № 3. С. 50.
6. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.
7. Графский В.Г. Принципы законности и справедливости в истории законодательства России и западноевропейских государств // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 15.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 178.
9. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017.
10. Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 572.
11. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 342.
12. Петренко О.В. Признание права собственности на недвижимое имущество в третейских судах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 1 (172). С. 83.
13. Радаева С.В. Нетрадиционные органы в истории российского правосудия: особенности юридических технологий их деятельности // Образование и право. 2020. № 6. С. 388.
14. Скворцов О.Ю. О конституционных основаниях рассмотрения третейскими судами и международными коммерческими судами споров с публич-

²² См. подр.: Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017.

- ным элементом // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2011. Вып. 2. С. 76.
15. *Сюкияйнен Л. Р.* Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 4. С. 56.
 16. *Чечина Н. А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 85.
 17. *Чечот Д. М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 11.
 18. *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 77.
 19. *Явич Я. С.* К вопросу о предмете и методе правового регулирования // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 58.
8. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 178 (in Russ.).
 9. *Mikhailova E. V.* Procedural forms of protection of subjective civil rights, freedoms and lawful interests in the Russian Federation (judicial and non-judicial). M., 2017 (in Russ.).
 10. Scientific and practical commentary of the CPC of the RSFSR / ed. by R. F. Kallistratova, L. F. Lesnitskaya, V. K. Puchinsky. M., 1976. P. 572 (in Russ.).
 11. *Nefediev E. A.* Textbook of Russian civil procedure. 3rd ed. M., 1908. P. 342 (in Russ.).
 12. *Petrenko O. V.* Recognition of ownership of immovable property in arbitration courts // Property relations in the Russian Federation. 2016. No. 1 (172). P. 83 (in Russ.).
 13. *Radaeva S. V.* Non-traditional bodies in the history of Russian justice: features of legal technologies of their activity // Education and Law. 2020. No. 6. P. 388 (in Russ.).
 14. *Skvortsov O. Yu.* On the constitutional grounds for consideration by arbitration courts and international commercial courts of disputes with a public element // Herald of SPbU. Ser. 14. 2011. Issue. 2. P. 76 (in Russ.).
 15. *Syukiyainen L. R.* Sharia courts: modern practice and prospects in Russia // Law. Journal of Economics. 2014. No. 4. P. 56 (in Russ.).
 16. *Chechina N. A.* Selected works on civil process. SPb., 2004. P. 85 (in Russ.).
 17. *Chechot D. M.* Selected works on civil process. SPb., 2005. P. 11 (in Russ.).
 18. *Shershenevich G. F.* Science of Civil Law in Russia. Kazan, 1893. P. 77 (in Russ.).
 19. *Yavich Ya. S.* On the subject and method of legal regulation // Questions of the General theory of Soviet law. M., 1960. P. 58 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторах

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. – Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MIKHAILOVA Ekaterina V. – Doctor of Law, associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.05.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, в большей мере затрагивая сферу отправления правосудия по уголовным делам. Обосновывается вывод о том, что в доказывании искусственный интеллект может применяться в ограниченных пределах – лишь для контроля допустимости доказательств. Рассматривается вопрос о возможности применения цифровых программных систем для квалификации совершенного деяния. Обосновывается ошибочность подхода, согласно которому искусственный интеллект может принимать участие в назначении подсудимому наказания. В качестве основного направления для использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве определяется решение задач оптимизации аппаратно-технических, организационных, документальных и прочих процессов, а также работа по исключению ошибок юридико-технического характера.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, собирание доказательств, оценка доказательств, допустимость доказательств, теория формальных доказательств, искусственный интеллект, суд, внутреннее убеждение судьи, правосудие, толкование правовой нормы, назначение наказания.

Цитирование: Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.

DOI: 10.31857/S102694520018277-5

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF CRIMINAL JUSTICE: PROBLEMS AND PROSPECTS

© 2022 M. A. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 06.05.2021

Abstract. The article explores the problems of using digital technologies in the administration of criminal justice. The conclusion is justified that in evidence artificial intelligence can be used to a very limited extent – only to control the admissibility of evidence. Consideration is being given to the possibility of using digital software systems to qualify the act committed by the accused. The erroneous approach is justified, according to which artificial intelligence can take part in the sentencing of the defendant. As the main direction for the use of information technologies in criminal proceedings, the solution of the tasks of optimizing hardware and technical, organizational, documentary and other routine processes, as well as work to eliminate errors of a legal and technical nature, is determined.

Key words: criminal procedure, collection of evidence, evaluation of evidence, admissibility of evidence, theory of formal evidence, artificial intelligence, court, internal conviction of the judge, justice, interpretation of legal norm, imposition of punishment.

For citation: Malina, M.A. (2022). The use of artificial intelligence in the administration of criminal justice: problems and prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 91–97.

Вопросы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве становятся все более актуальными. И в этом нет ничего удивительного, т.к. уже вряд ли возможно представить себе какую-либо сферу жизнедеятельности человека, не затронутую всем известной «цифровизацией». Ее плюсы очевидны: это оптимизация материально-технических, организационных, экономических аспектов, исключение возможных ошибок в принятии решений (минимизация пресловутого «человеческого фактора») и многое другое. Вместе с тем специфика уголовно-процессуальной деятельности предполагает обязательную полноценную регламентацию этого важного и, бесспорно, неизбежного процесса, установление границ и продуманных правил использования компьютерных технологий. Для этого необходимо прежде всего на доктринальном уровне разработать комплекс положений принципиального характера, которые позволят направить цифровизацию уголовного судопроизводства в нужное русло и избежать возможных негативных последствий таких новаций.

Следует отметить, что на практике использование информационных технологий представляет собой не что иное, как реализацию соответствующих компьютерных программ. В их основе лежат специально разработанные алгоритмы, которые оперируют структурированными, формализованными исходными данными. При этом не всегда последние изначально представлены в цифровом виде. Часто программные алгоритмы создаются для обработки информации о всевозможных явлениях окружающей действительности – в таких случаях набор исходных данных формируется при помощи математического моделирования, т.е. путем математического отражения, формального представления реальности. Таким образом, в качестве отправной точки для исследования проблем и перспектив применения цифровых технологий в уголовном процессе необходимо в качестве важной аксиомы ввести следующее положение: запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации (аксиома 1).

Именно это правило следует использовать при ответе на вопрос о возможности использования информационных технологий в доказывании. Собираение доказательств в уголовном процессе предполагает получение искомым сведениям из установленного в законе перечня источников, исключительно регламентированными законодателем способами (исчерпывающий перечень следственных действий) и соответствующими субъектами доказывания. Такая формализация этой деятельности обеспечивает получение доброкачественных доказательств, служит неукоснительному соблюдению прав личности при проведении

следственных действий. Соответственно, и применение информационных технологий здесь вполне оправдано. Система может выполнять функцию проверки допустимости доказательств, играть роль своеобразного программного «фильтра», позволяя приобщить к материалам уголовного дела только сведения, полученные из надлежащих источников, надлежащими субъектами и надлежащим способом. Естественно, что всю сопутствующую процессу собирания доказательств работу документально-технического, то есть рутинного характера, также успешно может выполнять соответствующий программно-аппаратный комплекс.

Но если говорить об оценке доказательств, то здесь ситуация совершенно иная. В российском уголовном судопроизводстве действует принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению. Соответственно, какая-либо формализация этого процесса исключена, что автоматически делает невозможным и применение здесь цифровых технологий (аксиома 1).

И здесь возникает важный вопрос: целесообразен ли возврат к теории формальной оценки доказательств, так сказать, в новых условиях, в условиях активного развития цифровизации всей общественной жизни? Действительно, существовавшая ранее теория формальных доказательств с их предустановленной силой словно была специально создана для математического моделирования и программной обработки данных. Судья обязан был использовать закрепленную в законе «шкалу» силы доказательств и производить их процессуальный «подсчет», действуя исключительно механически, как компьютер. По сути, мы имеем готовую модель доказательственной деятельности, содержащую все необходимые атрибуты для ее успешной цифровизации (аксиома 1).

При этом одним из основных аргументов в пользу упразднения теории формальных доказательств выступала идея о том, что никакая «шкала» их предустановленной силы, не сможет охватить, отразить все многообразие жизни¹. Поэтому судья часто оказывался настолько скован, связан в своей познавательной деятельности и в оценке доказательств, что вынужден был действовать наперекор своему внутреннему убеждению, принимать несправедливые решения². Сегодня же этот аргумент выглядит довольно спорным, так как технические возможности хранения и обработки информации

¹ См., напр.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Голковко. М., 2016. С. 422.

² См., напр.: *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 86.

практически неограниченны³. Идею о «шкале» предустановленной силы доказательств можно воплотить в жизнь следующим образом: в соответствующую базу данных можно загружать и ранжировать такое количество сведений, отражающих всевозможные комбинации видов доказательственно значимых информационных элементов, которое со временем вполне может приблизить нас к полному учету самых разнообразных ситуаций при установлении предмета доказывания.

Более того, современные информационные технологии включают и системы обучения. Алгоритм отслеживает конечный результат, полученный вследствие проведенных им операций, и, если он будет неудовлетворительным, вносит соответствующие корректировки в правила принятия промежуточных решений. Приведем пример, касающийся как раз гипотетической возможности цифровизации процесса оценки доказательств и разработки специальной «шкалы» их предустановленной силы. Полноту и правильность заполнения этой «шкалы», а равно и правила необходимых для оценки доказательств «вычислений», можно корректировать в зависимости от количества отмен в апелляционной инстанции соответствующих приговоров ввиду их необоснованности. Задача-максимум здесь — свести их число к нулю. Алгоритм «запоминает» и исключает ошибочные элементы «шкалы» силы доказательств и правил их оценки, каждый раз улучшая, тем самым, конечный результат. Он словно обучается, выстраивая все более прочные корреляционные связи. Благодаря такому подходу, имитирующему в некотором смысле процесс человеческого мышления, цифровые системы с возможностью самообучения часто именуют сегодня искусственным интеллектом.

Таким образом, возврат к теории формальной оценки доказательств можно себе представить только при условии активного внедрения здесь информационных технологий с целью цифровизации всего процесса доказывания по уголовным делам. Но, несмотря на возможности искусственного интеллекта и на весь его потенциал, такое развитие событий представляется недопустимым. И дело здесь вот в чем. При оценке доказательств в духе инквизиционной процессуальной «арифметики», осуществляемой даже при помощи современных цифровых технологий, принципиально невозможно учесть нравственно-психологические аспекты произошедшего. Как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, связывающие суд предустановленные правила формальной теории доказательств

³ Например, ныне активно развивается технология «Большие данные» (Big Data), позволяющая хранить и обрабатывать поистине колоссальные объемы самой разнообразной информации.

исключают необходимую «эластичность» доказательственной системы — они не в состоянии «обнять всего разнообразной духовной жизни человека и потому вредны для правосудия»⁴. Только оценка доказательств по внутреннему убеждению сможет обеспечить живое, целостное восприятие каждого конкретного случая, когда ведущее судопроизводство лицо руководствуется при этом не только законом, но и совестью. Об этом в свое время писал А.Ф. Кони, определяя свободу оценки доказательств в качестве одного из «коренных» начал правосудия и называя суд «живым организмом», который «призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела»⁵.

Но о каком живом восприятии действительности, о каком понимании духовной жизни человека, о какой совести и правде может идти речь применительно к искусственному интеллекту? Это не человек, ему чужда мораль, у него нет совести, чувства справедливости, в конце концов ему не знаком страх смерти. Именно поэтому в научном сообществе активно обсуждаются вопросы определения правового статуса роботов⁶, проблемы регулирования развития искусственного интеллекта с целью предотвращения замены человека машинным алгоритмом⁷, проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия⁸. Искусственный интеллект не способен следовать началам непосредственности при исследовании доказательств, потому что здесь действительно необходимо знать жизнь, понимать жизнь, адекватно воспринимать ее проявления. Например, еще согласно доказательственным правилам сборника Ману нельзя было вызвать в суд в качестве свидетеля аскета, «ибо отрешенность от мира лишила его понимания интересов гражданской жизни», при этом суд не должен был доверять «свидетельству, побуждение которого — дружба, страх, вражда, гнев и т.д.»⁹.

В целом экспериментальное применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве показывает, что искусственный интеллект по

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 13.

⁵ Кони А.Ф. Избр. произведения / сост. А.Б. Амелин. М., 1956. С. 19, 20.

⁶ См., напр.: Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 135–137.

⁷ См., напр.: Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.

⁸ См.: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7

⁹ Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 110.

большому счету выполняет роль «умного» обработчика соответствующей статистической информации. Накапливая сведения об основных характеристиках конкретных уголовных дел (исходные данные) и об их итоговых решениях (конечный результат), система постепенно устанавливает все более точные корреляционные связи между поступившей в банк данных судебных решений первичной информацией и конечными результатами разрешения уголовных дел. Именно поэтому за громкими заявлениями о том, что, например, в США создали предсказывающую решения Верховного суда программу, следует вполне логичное объяснение: искусственный интеллект «угадывает» правильный результат в 70% случаев, благодаря анализу информации из базы данных решений Верховного суда США (начиная с 1952 г.)¹⁰. В КНР технологии искусственного интеллекта позволяют заранее оценить перспективы судебного разбирательства для каждой из сторон, опираясь на сохраненные в системе многочисленные судебные решения и примерно 7000 законов этого государства¹¹. Приведем еще пример. Для «предугадывания» решений Европейского Суда по правам человека в Соединенном Королевстве был использован программный алгоритм, «натренированный» на основе 584 постановлений. В итоге – 79% правильных результатов. Сами эксперты при этом признают, что искусственный интеллект полезен для «быстрого выявления закономерностей в делах, которые ведут к определенным результатам разбирательств»¹².

Таким образом можно сделать следующий вывод: искусственный интеллект способен лишь к имитации познания действительности. Все его выводы будут здесь опираться не на реальные результаты всестороннего, глубокого исследования произошедшего, а лишь на статистические выкладки из огромных хранилищ данных, способные охватить самый поверхностный «слой» жизненных проявлений. Поэтому только в отношении рутинных юридических процедур всерьез могут рассматриваться часто встречающиеся высказывания о возможном вытеснении искусственным интеллектом и самих юристов¹³. Соответственно, следует согласиться с мнением Л.В. Головки о том, что говорить о революционном значении искусственного интеллекта

в уголовном судопроизводстве и о сломе классического уголовного процесса не стоит¹⁴.

Соответственно, следующее ключевое положение исследования можно определить так: искусственный интеллект не обладает нравственными качествами (аксиома 2). Следовательно, применение цифровых технологий для оценки доказательств неприемлемо, даже в условиях возрождения теории формальных доказательств с их предустановленной силой.

Установление фактических обстоятельств дела является целью доказывания и выступает в качестве начальной стадии процесса применения права. После установления действительной картины произошедшего суд должен применить норму права к конкретным обстоятельствам. Необходимо осуществить правильный выбор этой нормы, то есть дать верную юридическую квалификацию действиям обвиняемого. Для этого выбранная норма должна подвергнуться тщательной проверке – применима ли она в данном случае, нет ли здесь каких-либо противоречий, расхождений? Для ответа на эти вопросы норму следует подвергнуть всестороннему толкованию. И только после осуществления этих действий можно перейти к стадии принятия решения по делу и назначения виновному справедливого наказания.

На первый взгляд выбор соответствующей правовой нормы, ее проверка и толкование может осуществляться с использованием информационных технологий. Действительно, фактическая сторона дела уже установлена – что мешает разработать программный алгоритм подбора нормы Уголовного кодекса РФ, точно соответствующей признакам совершенного деяния? Исходный перечень таких норм закреплен законодателем исчерпывающим образом, применение аналогии закона в уголовном праве запрещено. Правила применения норм общей части уголовного права (о стадиях совершения преступления, о формах соучастия и т.д.) определены и имеют логически стройную внутреннюю структуру. Далее, проверка действия данной нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц так же предполагает набор неких формально-логических операций. Поэтому может показаться, что никаких проблем включение данных действий в компетенцию искусственного интеллекта не вызовет.

Вместе с тем отдельное внимание здесь необходимо уделить вопросу о возможности искусственного интеллекта осуществлять толкование правовых норм. Если рассматривать данную проблему

¹⁰ См.: Малько А.В., Костенко М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Росс. юстиция. 2019. № 2. С. 53.

¹¹ См.: Незнамов А.В. О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Информационное право. 2019. № 3. С. 46.

¹² Малько А.В., Костенко М.А. Указ. соч. С. 53.

¹³ См., напр.: Лессиг Л. Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов // Закон. 2019. № 5. С. 17.

¹⁴ См. подр.: Головка Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

с сугубо формальной стороны, складывается впечатление, что цифровые технологии здесь вполне применимы. Приведем несколько примеров в отношении способов толкования норм права.

Грамматическое толкование представляет собой анализ текста правовой нормы, выявление морфологических, стилистических характеристик, установление лексической связи между словами. Уже излишне говорить о способностях искусственного интеллекта в сфере работы с текстами. В этой области успехи, действительно, удивляют. Компьютер пишет тексты, которые уже защищаются авторским правом, осуществляет качественные переводы текста на любые языки и т.д.

Логическое толкование представляет собой интерпретацию нормы в соответствии с законами логики. Но программные алгоритмы в самом общем виде как раз и представляют собой комплексы взаимосвязанных логических операций, т.е. вполне способны решать логические задачи.

Систематическое толкование предполагает установление взаимосвязи между нормами, рассмотрение их в системном единстве. Сама система законодательства предусматривает упорядоченное расположение правовых норм, их иерархию, внутреннюю согласованность. Очевидно, что и здесь цифровые технологии могут быть использованы для оптимизации поиска и выявления системных взаимосвязей правовых норм. Более того, в этом ключе положительно зарекомендовали себя компьютерные справочно-поисковые программы правовой направленности («КонсультантПлюс», «Гарант» и др.), предоставляющие удобные и эффективные сервисы для работы.

Список примеров можно продолжить, но следует подчеркнуть, что говорить о возможности использования здесь информационных технологий можно только при представлении способов толкования правовых норм в виде взаимосвязанных формально определенных правил. Такой подход представляется неполным и по большому счету ошибочным. Наряду с ментальной составляющей, которую абстрактно можно представить в виде некоего логического «каркаса», толкование нормы права включает еще один аспект — правосознание участвующего здесь субъекта. Условно говоря, если сами правила толкования можно назвать «буквой» данного феномена, то правосознание представляет собой его «дух».

При этом если интеллектуальный элемент правосознания (правовая идеология), являясь некой синтезирующей силой для объединения правовых идей, мыслей, точек зрения, теоретически может быть обработан искусственным интеллектом, то психологическая составляющая правосознания (правовая психология) для него просто неуловима.

Это чувства, эмоции воспринимающего право субъекта, это оценка им нормы права при ее толковании не умом, но «сердцем» — некий психологический отклик его человеческой природы на установленное нормой правило. Причем этот элемент правосознания является определяющим, первостепенным в его структуре, выступает движущей силой для правовой идеологии. И.А. Ильин писал о правосознании, что это «естественное чувство права», «инстинктивная воля к духу, к справедливости...»¹⁵. Исходя из этого целесообразно так определить следующее теоретическое положение данного исследования: искусственный интеллект не способен выступать носителем правосознания (аксиома 3). Поэтому цифровые технологии не могут быть использованы при толковании правовых норм и, соответственно, выполнять в правоприменительном процессе иной роли, кроме технически-вспомогательной: быстрый и эффективный поиск нормативных актов, данных правоприменительной практики, статистики, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (далее — Пленум) и др.

Заметим, что эти разъяснения Пленума также не могут быть использованы в качестве исходных начал для наделения цифровых систем функцией правоприменения, что на первый взгляд кажется возможным из-за содержащихся в них правил и инструкций для нижестоящих судов. Действительно, а не имеем ли мы здесь готовые алгоритмы для осуществления правосудия? Не следует ли воплотить постановления Пленума Верховного Суда РФ в виде специального программного комплекса, куда в качестве исходных сведений загружать соответствующие материалы конкретного дела и практически мгновенно получать искомый результат — разрешение правового конфликта в полном соответствии с позицией Пленума? Тогда и судья, собственно говоря, уже будет не нужен — искусственный интеллект его заменит.

Руководствуясь вышеизложенной логикой, следует однозначно заключить: такая ситуация невозможна в принципе. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ представляют собой акты толкования норм права, необходимые для обеспечения единства судебной практики. Участниками этого процесса как с разъясняющей стороны (толкование-разъяснение), так и со стороны уясняющей (толкование-уяснение) являются только судьи — профессиональные носители правосознания наивысшего качества. А.Ф. Кони писал, что именно в стадии толкования закона судьей в максимальной мере проявляется «разумная человечность», которая «составляет один из элементов

¹⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 82.

истинной справедливости»¹⁶. Поэтому, несмотря на кажущуюся формализованность соответствующих правил и инструкций, без развитого правосознания ни правильно понять их, ни воплотить в жизнь надлежащим образом невозможно. Искусственный интеллект здесь, как было показано выше, бессилён (аксиома 3).

После разрешения вопросов квалификации суд должен назначить подсудимому справедливое наказание. Вопрос об использовании здесь информационных технологий привлек особое внимание научного сообщества: в мае 2019 г. в г. Баку состоялась презентация компьютерной технологии определения наказания под названием «Электронные весы правосудия». Ее создатели стремились воплотить в жизнь идею о непредвзятом судье, о судье, лишенном таких человеческих пороков, как корысть, субъективизм, злоупотребление служебным положением и т.д.¹⁷ Вместе с тем, как и следовало ожидать, все свелось к формализации правил назначения наказания: речь вновь идет о «методе шкалирования», о позитивных и негативных баллах и т.д. (аксиома 1)¹⁸.

Не вдаваясь в детали предложенной концепции, на самом общем уровне можно сформулировать вопрос так: может ли искусственный интеллект выполнять задачу назначения наказания при условии, что он не обладает нравственными качествами (аксиома 2) и не может быть носителем правосознания (аксиома 3)? Конечно же, нет.

В этом ключе следует обратить внимание на подход, изложенный А.Ф. Кони: наказание представляет собой не только правовое, но и бытовое явление, его нельзя «прилагать механически ко всякому однородному преступлению одинаково»¹⁹. Суд имеет дело не с «однообразной формулой отношения деятеля к деянию», а с т.н. «преступным состоянием». Схематично его можно изобразить в виде круга, в центре которого находится сам подсудимый, а в качестве ведущих к этому кругу «радиусов» определены все стороны его личности: психологическая, антропологическая, общественная, экономическая, бытовая, этнографическая и патологическая. Механическое назначение наказания, осуществляемое без учета всех этих факторов А.Ф. Кони назвал «великой несправедливостью»²⁰.

¹⁶ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 30.

¹⁷ См.: Рагимов И.М., Алиперов Х.Д. Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 13.

¹⁸ См.: там же. С. 9–11.

¹⁹ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 32.

²⁰ Там же.

Искусственный интеллект не в состоянии «понять» ни психологического, ни бытового, ни какого-либо иного аспекта личности подсудимого, он не сможет правильно осуществить индивидуализацию наказания и необходимую здесь оценку доказательств (данные о личности подсудимого и др.), не способен к толкованию права, а значит, и к правоприменению в принципе. Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, «правосудие — это не механическое претворение в жизнь писанных юридических предписаний..., а само живое право, право в жизни»²¹. В этом смысле точными представляются слова Н.А. Колоколова о «сакральной» природе судебной деятельности²².

Вместе с тем цифровые системы могут принести большую пользу в качестве вспомогательных инструментов для ведущего судопроизводства лица в решении вопроса о допустимости доказательств, а также для оптимизации аппаратно-технических (системы видеоконференцсвязи, аудио-протокол и др.), организационных (распределение уголовных дел между судьями, проверка состава суда, оптимальное назначение даты судебного заседания и др.), документальных (помощь в формировании списка кандидатов в присяжные заседатели, документооборот и т.д.) и прочих рутинных процессов. Возможность самообучения позволит решать данные задачи на более высоком уровне. При этом преимущество применения здесь искусственного интеллекта заключаются не только в его способности к оптимизации, но и в возможности исключения всевозможных юридико-технических ошибок. Использование искусственного интеллекта в этом направлении представляется полезным и целесообразным, т.к. это может повысить эффективность отправления правосудия по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 256.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 86, 110.
3. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 82.
5. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

²¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 256.

²² См.: Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

6. *Кони А. Ф.* Избр. произведения / сост. А. Б. Амелин. М., 1956. С. 19, 20, 30, 32.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 422.
8. *Лессиг Л.* Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов // Закон. 2019. № 5. С. 17.
9. *Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф., Кроткова Н. В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7
10. *Малько А. В., Костенко М. А.* Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Росс. юстиция. 2019. № 2. С. 53.
11. *Незнамов А. В.* О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Информационное право. 2019. № 3. С. 46.
12. *Некрасов В. Н.* Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 135–137.
13. *Рагимов И. М., Аликперов Х. Д.* Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 9–11, 13.
14. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 13.
15. *Higgins T.* Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.
3. *Golovko L. V.* Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Herald of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
4. *Ilyin I. A.* On the essence of legal consciousness. M., 1993. P. 82 (in Russ.).
5. *Kolokolov N. A.* Computer instead of judge – arithmetic instead of soul // Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 7 (in Russ.).
6. *Koni A. F.* Selected works / comp. A. B. Amelin. M., 1956. P. 19, 20, 30, 32 (in Russ.).
7. The course of criminal procedure / ed. by L. V. Golovko. M., 2016. P. 422 (in Russ.).
8. *Lessig L.* Artificial intelligence will displace a wide layer of lawyers // Law. 2019. No. 5. P. 17 (in Russ.).
9. *Mal'ko A. V., Afanasyev S. F., Borisova V. F., Krotkova N. V.* Problems of digitalization in the field of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7 (in Russ.).
10. *Mal'ko A. V., Kostenko M. A.* Digital technologies in the judicial system: problems of implementation // Russ. Justice. 2019. No. 2. P. 53 (in Russ.).
11. *Neznamov A. V.* On the directions of the introduction of artificial intelligence technologies into the judicial system // Information Law. 2019. No. 3. P. 46 (in Russ.).
12. *Nekrasov V. N.* Criminal liability of robots: current problems and directions of further development // State and Law. 2019. No. 5. P. 135–137 (in Russ.).
13. *Rahimov I. M., Alikperov H. D.* Electronic scales of justice (goals, opportunities, advantages) // Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 9–11, 13 (in Russ.).
14. *Foynitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 13 (in Russ.).
15. *Higgins T.* Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.

REFERENCES

1. *Alekseev S. S.* Theory of Law. M., 1995. P. 256 (in Russ.).
2. *Vladimirov L. E.* The doctrine of criminal evidence. Tula, 2000. P. 86, 110 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

MALINA Maxim A. – PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

НРАВСТВЕННОСТЬ, ГОСУДАРСТВО, КАПИТАЛИЗМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ НРАВСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА С.Н. БАБУРИНА

© 2022 г. А. Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 8017498@mail.ru

Поступила в редакцию 29.11.2021 г.

Аннотация. Автор настоящей статьи продолжает дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Государство и право» вокруг основополагающих социально-философских и политико-правовых проблем, которые подверг анализу проф. С.Н. Бабуринов в своей книге «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма». В статье последовательно рассматривается ряд судьбоносных для будущего всего человечества вопросов: нравственность и аморальность государства; изначальная порочность капитализма, особенно ярко проявляющаяся на современной фазе его эволюционирования; неизбежность гибели буржуазного строя и возможность его преодоления бескровным путём; роль в этом процессе в некоторых отношениях новой, зарождающейся постэкономической личности.

Ключевые слова: нравственность, государство, общество, капитализм, социум, духовность, ценность, аморальность, народ, нация.

Цитирование: Керимов А.Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина // Государство и право. 2022. № 1. С. 98–109.

DOI: 10.31857/S102694520018439-3

MORALITY, STATE, CAPITALISM: REFLECTIONS ON THE THEORY OF THE MORAL STATE OF S.N. BABURIN

© 2022 A. D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

E-mail: 8017498@mail.ru

Received 29.11.2021

Abstract. The author of this article continues discussions that unfolded on the “State and Law” journal’s pages around fundamental socio-philosophical and political-legal problems that Professor S.N. Baburin has carefully analyzed in his book entitled “Moral State. Russian View on the Values of Constitutionalism”. In the article consistently examines a number of issues that are crucial for the future of all humankind: morality and immorality of a state, the initial depravity of capitalism, which is particularly evident in the modern phase of its evolution, the inevitability of the bourgeois system’s death and the possibility of its overcoming without bloodshed, the role in this process of in some aspects a new, resurgent post-economic personality.

Key words: morality, state, society, capitalism, community, spirituality, value, immorality, people, nation.

For citation: Kerimov, A.D. (2022). Morality, state, capitalism: reflections on the theory of the moral state of S.N. Baburin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 98–109.

Дальнейшее развитие фундаментальной правовой науки немислимо без всестороннего критического обсуждения оригинальных и интересных концепций, выдвигаемых в данной области известными учёными¹. В связи с этим призыв д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста Азербайджанской Республики И.М. Рагимова к широкой дискуссии по предложенной д-ром юрид. наук, проф., заслуженным деятелем науки РФ С.Н. Бабуриным теории нравственного государства не только уместен, но и весьма важен². Вполне объяснимо, что на него незамедлительно откликнулись как юристы, так и высококвалифицированные специалисты других отраслей знания: д-р филос. наук, проф., акад. Болгарской академии наук О. Загоров, д-р юрид. наук, проф., В.Д. Мазаев, д-р филос. наук, проф. В.И. Карасев³ и др. Тем не менее мы здесь ещё в самом начале дискуссии. Позволим себе присоединиться к инициированному И.М. Рагимовым диалогу.

* * *

Любая фундаментальная монография, исследующая социальную реальность, представляет собой ожидаемый положительный результат, закономерный итог длительного и напряжённого творчества, творчества непременно свободного, не отягощаемого непосильным грузом ранее сформулированных метафизических постулатов, не смущаемого

¹ См.: *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019; *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020; *Его же.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик и др. СПб., 2019; *Керимов А.Д.* Демократия: опыт критического анализа. М., 2019; *Его же.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018; *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного развития. М., 2017; и др.

² И.М. Рагимов опубликовал своё обращение к общественникам в предисловии к труду проф. С.Н. Бабурина (см.: *Бабурина С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020. С. 7).

³ См.: *Рагимов И.М.* Современная диалектика государства и нравственности. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111; *Загоров Орлин.* Актуальное исследование благодетельного государства. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200; *Мазаев В.Д.* Нравственное государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И.М. Рагимовым в связи с книгой С.Н. Бабурина «Нравственное государство...») // Там же. С. 94–105; *Карасев В.И.* Право и мировоззрение в современном обществе. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Там же. С. 83–93.

априорными трансцендентальными аксиомами. Такие произведения по определению базируются на скрупулёзном изучении колоссального массива соответствующей литературы и обширного эмпирического материала. Однако при этом их авторы намеренно отстраняются от деталей и частных, не увлекаются чрезмерно сбором якобы «исчерпывающих», но на деле вечно недостаточных и нередко антиномичных сведений, различного рода статистических данных, не ограничиваются сугубо описательным методом, занимающим в иерархии познания низовые позиции. Они неуклонно демонстрируют способность возвышаться до философского уровня освоения общественного бытия.

В безудержном, бесконечно протейском круговороте, пёстром, причудливо-изменчивом калейдоскопе событий, среди огромного множества текущих явлений, разнообразных фактов и перипетий повседневной, обыденной жизни, в океане достоверной и ложной, ценной и бесполезной, научной и псевдонаучной информации незаурядные учёные умеют высветить самую суть анализируемого объекта, даря нам столь заманчивую уникальную возможность насладиться наиболее ёмким и всесторонним пониманием его глубинной внутренней структуры и организации, его сущностным содержанием.

Выходящие из-под их пера сочинения обычно насыщены абстрактно-теоретическими схемами, построениями и конструкциями, обязательно изобилуют яркими и смелыми, оригинальными и самобытными идеями. Идеи эти относятся как к минувшему, так и настоящему. Зачастую они касаются будущего. Тогда мы становимся свидетелями удивительных предвидений, пророческих откровений, с поражающей воображение точностью предвосхищающих грядущее.

Создать что-либо принципиально новое в процессе осмысления общественно-гуманитарной действительности чрезвычайно сложно. Но в данном случае расхожая фраза «новое есть лишь хорошо забытое старое» оказывается совсем нестати, поскольку видные, особо выделяющиеся достижениями представители названного направления академических и прикладных исследований поистине обнаруживают и предлагают нечто доселе неизвестное. Когда результаты их интеллектуальной деятельности, плоды их трудов находят практическое применение, природная, искусственная и социальная среда нашего обитания порою трансформируется до неузнаваемости, меняется облик мира. Если же их усилия, созидания и вдохновения освящены высокими целями и благородными стремлениями, мир совершенствуется, преображается и реформируется, делается гармоничнее.

Всё изложенное характерно для творчества С.Н. Бабурина. Поэтому мы не могли обойти вниманием

недавно вышедшую в свет монографию «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма». По завершении её вдумчивого и заинтересованного изучения мы сочли целесообразным сосредоточиться на тех идеях автора, которые, с нашей точки зрения, либо являются новаторскими и неординарными, перспективными и содержательными, либо вызывают тревожные и тяжёлые сомнения, недоверчиво-критические размышления.

1.

Может ли в принципе быть нравственным или аморальным государство? Последнее здесь нужно рассматривать как минимум в двух ипостасях: во-первых, в качестве определённой целокупности, т.е. некоего государственно структурированного социума, политической формы организации населения в масштабах страны, во-вторых, исключительно как иерархическую и многоуровневую систему властвования правящего меньшинства. В первом случае ответ должен быть безусловно утвердительным. Ведь народу имманентно присущи все, скажем, почти все достоинства и недостатки, обыкновенно свойственные отдельным личностям. Поэтому он бывает как добродетельным, так и греховным, о чём, собственно, красноречиво и неумолимо свидетельствует вся история человечества. Соответственно и объединяющее народ государство также может в той или иной степени оказаться и неизменно оказывается, что опять же подтверждается всемирной общественно-политической практикой, по своей сути и по своим действиям приверженным либо возвышенным духовным идеалам, либо, напротив, глубоко порочным, низменным, приземлённым побуждениям.

То же, но с ещё большей однозначностью, категоричностью и безапелляционностью, следует заявить и во втором случае. В самом деле, господствующая элита порою искренне стремится к реализации всеобщей воли, демонстрирует непритворную заботу о гражданах, внимательное и уважительное отношение к нуждам и чаяниям, надеждам и помыслам простых людей. Современное и прошлое бытие ныне существующих и канувших в Лету могущественных и слабых, суверенных и зависимых, тиранических и демократических, просвещённых и варварских монархий и республик изобилует разительными, показательными примерами национально ориентированных и национально ответственных правительств. Иначе говоря, нравственность нобилитета (по крайней мере немалой его части) не такая уж небывалая антикварная редкость.

И всё же в основе своей государство, понимаемое в означенном контексте, т.е. как система властных институтов и учреждений, априори несёт в себе существенную долю исконной аморальности, оно

изначально заражено, устойчиво инфицировано ею. Эта врождённая и посему неотъемлемая, органическая и до конца неизлечимая болезнь государства классового общества непременно заслуживает особого символического названия, допустим, «синдром хронической безнравственности». Она естественным образом проистекает из того очевидного и неоспоримого обстоятельства, что истеблишмент призван прежде всего обеспечивать в действительности, притом любыми средствами, сохранение статус-кво, сложившегося положения вещей, а именно, гегемонию правящей привилегированной страты, перманентную эффективную защиту её жизненных интересов и фундаментальных ценностей.

Если государство в лице господствующей элиты не только на словах, но и на деле преследовало бы лишь гуманные и добродетельные цели, неизменно отстаивало бы не превратно, ложно истолкованное, а адекватно, верно трактуемое народное благо, было бы озабочено единой исторической судьбой всей совокупности своих граждан как неразрывной целостности и вместе с тем достойным грядущим, материально достаточной и духовно наполненной будущностью каждого из них в отдельности, оно, конечно же, могло бы считаться высоко нравственным. Проблема, однако, заключается в том, что представить себе такое государственное образование совершенно невозможно. Ведь это — чисто утопическая, сугубо идеалистическая конструкция, не более чем некая благостная, умиротворяющая картинка излишне приукрашенного патриархального уклада, предельно насыщенная элементами и оттенками старинного, донельзя наивного, абсолютно безнадёжного романтизма и, следовательно, в полной мере в принципе не подлежащая практическому воплощению.

Кроме того, обнаруживается буквально бьющая в глаза вредоносность, крайняя пагубность подобного рода соблазнительного, но фантастического виденья мыслимо предполагаемой реальности. Создаётся опасная, чреватая тягостными разочарованиями иллюзия, будто в условиях грандиозного, разнузданного, дикого торжества капиталистических отношений⁴, тотального, безжалостного, почти несдерживаемого доминирования рынка нравственное, справедливое государство вполне

⁴ Если не стесняться неизвестно чего, не прятать стыдливо взор, не бояться прослыть ретроградом, чем сегодня грешат очень и очень многие, а чётко и ясно называть вещи своими именами, то можно с уверенностью сказать, что после контрреволюции второй половины 80-х, 90-х годов прошлого столетия, распада СССР, мировой социалистической системы именно такие, т.е. капиталистические отношения, были, как ни прискорбно, восстановлены, реставрированы уже в планетарном масштабе (не без активного участия, кстати, подавляющего большинства тогдашнего и определённого сегмента нынешнего отечественного истеблишмента).

возможно и в действительности достижимо. Между тем это иллюзорное представление, грубо навязываемое, энергично и агрессивно насаждаемое, целенаправленно и насильственно внедряемое в сознание масс новыми прозелитами и давними адептами такого строя, есть не что иное, как, пользуясь несколько акцентированно перефразированным и весьма удачным выражением К.П. Победоносцева, величайшая ложь нашего времени⁵.

2.

Нравственный порядок и капитализм — вообще несовместимые, по сути, взаимоисключающие явления. Последний по своей внутренней природе, сущностному содержанию, воплощающемуся в несчётном множестве его внешних форм, образов и ликов, вопиюще аморален. Поистине, в рамках данной системы правящая верхушка, несомненно, располагает богатейшим инструментарием, целым арсеналом средств, позволяющим ей гарантировать легитимацию и воспроизводство собственного прежде всего экономического господства, социального неравенства, угнетённого состояния, подчас очевидно рабского повиновения подвластного большинства. В этом арсенале имеется к тому же всё необходимое для того, чтобы эффективно обеспечивать дальнейшее укоренение предельно порочной, но выгодной олигархату идеологии необузданного, бездумного потребления, неистового, слепого, доходящего до яростного иступления поклонения мамоне, рассматриваемого в качестве единственного непререкаемого и всемогущего божества. Буржуазия со времени завоевания ею в обществе руководящих позиций «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”». В ледяной воде эгоистического расчёта потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретённых свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чёрствой⁶.

За 175 лет, минувших с момента написания этих вдохновенных, прочувственных строк, ситуация,

⁵ Напомним, что К.П. Победоносцев в своей широко известной работе «Великая ложь нашего времени» охарактеризовал таким образом идею народовластия, равно и проистекающую из неё теорию парламентаризма (см.: *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени / сост. С.А. Ростуновой; вступ. ст. А.П. Ланщикова. М., 1993 (Мыслители России). С. 31, 32 и далее).

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 27, 28.

не только ничуть не улучшилась, а, напротив, обострилась, накалилась, усугубилась.

Профессор С.Н. Бабурин также считает, что классовые сражения внутри наций и государств не утратили смысл и не уменьшились в масштабах, а лишь ожесточились⁷. Произошедшая приблизительно в конце 70–80-х годов прошлого века «неоконсервативная революция» запустила процесс быстрой и бесповоротной деградации капитализма, выразившийся в его закономерной кардинальной трансформации, уродливом перерождении, особенно в США, развитых государствах Европы, в паразитический, обладающий при этом волчьим аппетитом, плотоядный и жадный организм.

Он явственно предстал в виде агрессивного хищника, стремящегося удовлетворять свои желания и потребности в первую очередь за границами собственной, некогда чётко очерченной и изначально принадлежавшей исключительно ему территории. Теперь он алчет расширить своё пагубное влияние далеко за её пределами, охватив всё мыслимое пространство. Говоря конкретнее, он решительно перевоплотился в некую финансиализированную целокупность, органическую систему, нещадно обирающую, тотально грабящую периферию, государства третьего и четвёртого мира, интенсивно, и настойчиво переносящую в них более неприемлемые по тем или иным причинам разновидности национального промышленного, сельскохозяйственного и проч. производства (прежде всего, конечно же, вредного).

Ведущую, главенствующую роль в этой системе играют уже не предприятия, не заводы и фабрики, создающие непосредственно осязаемую продукцию, а на удивление вездесущие и могущественные банки, различные кредитно-финансовые учреждения, сами ничего не производящие, но с каждым днём упрочивающие своё небывалое колоссальное могущество, и, соответственно, их владельцы и менеджеры высшего звена, страстно и притом совершенно неоправданно уверовавшие в собственную интеллектуальность и рафинированность. В результате в странах Запада, отчасти и некоторых других капитализм классический, производительный, если угодно, «веберовского» типа уступает, точнее, похоже окончательно уступил место капитализму, который можно описать как общественный строй по преимуществу постпроизводительный.

Для первого до известной степени характерны аксиологические установки протестантизма с его осознанием ответственности и обязанностей перед социумом, приверженностью бережливости, опускающейся порою до скупости, аскетическому накопительству, жёстко определённой и достаточно

⁷ См.: *Бабурин С.Н.* Указ. соч. С. 19.

суровой трудовой дисциплине, сдержанности и самоконтролю. Для второго свойственны сто-процентное и безоговорочное, активное и поразительно радостное приятие неискупимо греховных способов обогащения, грубая спекуляция и беззастенчивое ростовщичество, извлечение прибыли не по хорошо апробированной формуле $D-T-D'$, а по весьма нехитрой, незамысловатой, примитивной формуле $D-D'$, допущение (распространяющееся к тому же, разумеется, не на всех, а только на избранных), более того, молчаливое благословение беззаботного, бесполезного, праздного, по сути, развращающего времяпрепровождения. Такого рода буржуазному укладу имманентно присущи ориентированность на непозволительные, нечестные приёмы и методы приобретения собственности, особо предосудительные, нечистоплотные, зачастую преступные финансовые махинации и схемы; восторженное восхваление получения доходов от сомнительных, недобросовестных биржевых и др. сделок, всевозможных видов ренты, нисколько не помогающих росту и не стимулирующих продуктивность национальных хозяйств; навязывание распутности в обыденной жизни, в быту, распущенности в потреблении товаров и услуг.

Подобный несправедливый, отвратительно ложный социально-экономический, политический и духовно-нравственный уклад насаждали почти все представители властвующей элиты 90-х годов XX в., их иноземные господа, работодатели и покровители, а также та часть интеллигенции, которая либо была униженно и, к стати, далеко не всегда щедро прикормлена Западом, либо искренне, удручающе наивно им очарована.

Такой капитализм, ничего не созидая, лишь бесцеречно и безусловно опрометчиво, крайне беззорко опустошает сокровищницы сказочно волшебных, как будто сотворённых чудодейственной силой, несметных и изумительно разнообразных богатств природы. Он воинственно и безжалостно нивелирует путём вульгарного опошления, уродливого опрошения, банального и постыдного забвения гениальные, взыскующие вечной истине и нетленной красоте достижения возвышенной нематериальной мировой культуры, обнаруживая тем самым вопиющую аморальность даже по сравнению со своим классическим и без того изначально порочным и безнравственным предтечей.

Закономерным итогом разрушительного, нередко убийственного воздействия этого во многом «нового», относительно недавно народившегося общественного порядка на естественную и искусственную среду обитания Homo sapiens явилось доселе невиданное разорение и в природной, и в духовной ойкумене большинства современных государств. Неопровержимым доказательством тому

служат перманентно возникающие экологические глобальные и локальные кризисы, слишком часто принимающие по остроте, глубине и масштабности катастрофический характер, равно как и очевидно проявляющаяся интеллектуальная деградация, падение, оскудение и разложение нравов целых (не исключая в прошлом и великих) этносов.

Наряду с отмеченными резко негативными чертами этого новоявленного финансиализированного капитализма он ещё и безнадежно непродуктивен. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл не случайно пишет: «Экономика – может быть эффективной тогда, когда она основана на человеческом труде, необязательно на физическом, но и на умственном труде, даже на духовных усилиях. Деньги должны быть подкреплены реальными ценностями. Если реальной ценностью деньги не подкреплены, то такая экономика нежизнеспособна. Но именно спекулятивный капитал стал основой обогащения огромного количества людей»⁸.

Подытоживая изложенное, мы вынуждены констатировать, что капитализм (и классический, и в особенности нынешний), продолжая победно шествовать, как тяжёлая болезнь, коварный, чрезвычайно опасный недуг подрывает нравственное здоровье народов и отдельных личностей, отвергает общепринятую мораль, устои мировых религий, попирает социальную справедливость и неумолимо ведёт к безраздельному, неограниченному правлению мамоны.

Однако это вовсе не означает, что в условиях повсеместного, доминирования буржуазного строя следует отказаться от борьбы за торжество высоких этических норм в том числе и в сфере государственно-правовой. Мы вообще не вправе поступать подобным образом. Так считает и проф. С. Н. Баурин. Его книга содержит прямой и искренний призыв к эпической, суровой и неустанной битве во имя грядущего: пусть нескорого, но долгожданного и вожделенного триумфа идеалов нравственности в названной, т.е. в политической области рационально и чувственно постижимого человеческого бытия.

3.

Провозглашённая и энергично отстаиваемая С. Н. Бауриным целеустановка – созидание и утверждение нравственного государства, в полной мере не подлежит воплощению в действительность. Это невозможно. А в рамках жесточайшего диктата капитала к её реализации необычайно сложно даже подступиться. Тем не менее мы солидарны с автором: последовательно, терпеливо

⁸ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном обществе. М., 2016. С. 102, 103.

и неотступно тшиться (к сожалению, именно такое слово в данном случае уместно) претворять её в жизнь крайне важно и оттого необходимо.

И всё же мы не усматриваем в этом первостепенной задачи. Она видится нам в другом. Здесь полезно вспомнить сформулированный В.И. Лениным более века тому назад, ныне очень популярный и совершенно верный с методологической точки зрения тезис: «кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»⁹. Восприняв ставший классическим постулат, усвоив его в качестве руководящего познавательного начала, и основываясь на предшествующих рассуждениях и умозаключениях, мы неизбежно приходим к неутешительному, но категоричному выводу: построить государство, которое по своим базовым характеристикам и внешним проявлениям было бы нравственным, можно, только если оно утратит свою давно и повсеместно укоренившуюся буржуазную сущность. Иными словами, без окончательного революционного преодоления господствующего ныне почти везде способа производства, т.е. без его безусловного уничтожения, о государственно структурированном социуме, опирающемся на высокоморальные ценности, правильные, крепкие и здоровые духовные устои, остаётся лишь мечтать. Из этого явствует: первостепенная задача, в известном смысле сверхзадача в рассматриваемом контексте состоит всё-таки не в том, чтобы предпринимать определённые меры по внедрению должных этических норм и императивов в политико-правовой области (что, как уже отмечалось, конечно, необходимо), а в устранении самого исходного, первородного, чистого, увы, непосредственно воплощённого и торжествующего зла — капитализма.

В связи со сказанным возникает архиважный, животрепещущий, воистину судьбоносный для человечества вопрос: есть ли весомые рациональные основания надеяться на то, что сокрушить капитализм, упразднить соответствующие производственные отношения, институты публичной власти, идеологические установки удастся мирным, ненасильственным путём, избежав вооружённых конфликтов? Реальна ли в данном случае бескровная революция?

Создатели марксистской теории занимали по этому поводу однозначную позицию. В цитирувавшемся выше «Манифесте» К. Маркс и Ф. Энгельс настаивают на том, что коммунисты, считают сокрытие своих взглядов и намерений презренным

делом и посему открыто заявляют о возможности достижения поставленных ими целей исключительно посредством насильственного ниспровержения существующего общественного строя¹⁰. Многие крупные учёные и писатели, народные лидеры и вожди, рядовые граждане и обыватели в самых разных странах придерживаются, по сути, схожих воззрений. Их представления зиждутся на отнюдь небеспочвенной, подтверждённой более чем тысячелетней историей вере в то, что обеспечить кардинальное усовершенствование экономического и политического бытия, т.е. такую его трансформацию, которая качественно улучшит социальное жизнеустройство, нивелирует имеющиеся изъяны и несправедливости, можно лишь при помощи насилия. По мнению Ж.-Ж. Руссо, то, что оказывается полезно обществу, вводится в повседневную практику не иначе, как силой¹¹. Л. Фейхтвангер полагает, что нельзя привить человечеству человечность без кровопролития¹².

Аналогичных суждений выдающихся личностей известно немало. Спокойное и вдумчивое их осмысление подвигает нас к тому, чтобы в целом согласиться с заключённой в них пессимистической оценкой хода грядущих общественных преобразований. Он, вероятнее всего, обретёт характер по большей части и насильственный, и кровавый. Это обусловлено тем, что народ далеко не всегда ясно осознаёт, в чём его благо. Кроме того, он иногда не способен различить хорошее и дурное, праведное и греховное, нравственное и аморальное, ибо то и дело подвергается со стороны господствующей элиты бессовестному, изощрённому обману и нередко обнаруживает удручающую, покорную готовность к самообману. Наконец, он порою вовсе не желает блага.

Но главное — в другом. Наивно ожидать от любого правящего класса (особенно буржуазии), что он добровольно, безо всякого принуждения, руководствуясь единственно собственными прогрессивными, альтруистическими убеждениями и аксиологическими установками, откажется от своего привилегированного положения, высокого статуса и предоставляемых властью колоссальных, потрясающих воображение, почти безграничных возможностей и преимуществ.

Тем не менее, несмотря на сказанное, мы искренне надеемся на то, что неизбежно надвигающаяся революция, которая теперь уже окончательно уничтожит капитализм и возвестит начало становления нового мира, свершится бескровным путём.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 61.

¹¹ См.: Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. М., 2007. С. 479.

¹² См.: там же.

⁹ Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

Это хилястическое упование не слишком велико, но оно всё же есть. Революция — не одномоментный акт захвата власти, не молниеносное занятие центральных позиций в системе государственно-управления, а напротив, долгий, обыкновено длящийся годы, жёстко детерминированный в своих основных чертах процесс умирания старого и рождения принципиально иного социального порядка. Проблема в том, чтобы уберечься от неконтролируемости, пугающей стихийности означенного процесса. Человечество просто обязано прилагать титанические, неустанные и целенаправленные усилия к тому, чтобы революционное преодоление буржуазного строя, глубинные метаморфозы общественного бытия, безусловно неотвратимые и, как свидетельствует опыт многих поколений, сопровождаемые неисчислимыми бедами, страданиями и лишениями, выпадающими на долю неповинных людей, протекали максимально безболезненно, без вооружённых столкновений, жертв и крови.

Мы рассматриваем книгу проф. С.Н. Бабурина в качестве обращённого ко всем, развёрнутого, открытого и пламенного, призыва к борьбе за торжество нравственности в политико-правовой сфере, которая представляется нам не чем иным, как неотъемлемой составной частью борьбы за ниспровержение капитализма и создание лучшего мира. И вместе с С.Н. Бабуриным мы испытываем надежду на то, что подобная грандиозная по масштабам и последствиям, революционная по своей сути социальная трансформация может всё-таки произойти без ломающего и разбивающего судьбы, калечащего и опустошающего души кровопролития.

В этом призыве проявляется сакральный смысл, благородный пафос, равно как и функциональное предназначение произведения проф. С.Н. Бабурина, заглавие которого, несомненно отражает не объективно существующую реальность, не сущее, а обозначает заветную, далёкую стратегическую цель, т.е. должное. В анализируемой монографии фиксируется также и генеральное направление движения к этой цели, намечается (весьма приблизительно, фрагментарно) магистральный путь её достижения, путь, который шаг за шагом предстоит смело и настойчиво прокладывать, с усердием проторять, тем самым неуклонно превращая государство в организацию, ориентированную не на обеспечение аморального всевластия олигархата, а на решение общих и притом праведных, благих дел.

4.

Полагаем, что упование на ненасильственное, точнее сказать, бескровное преодоление капитализма, не связанное обязательно с разрушительными боевыми действиями (гражданскими войнами)

и не сопряжённое непременно с огромными людскими потерями, имеет под собой определённые, пусть не столь уж твёрдые основания. Сосредоточим на них наше внимание.

Во-первых, буржуазный строй постепенно изживает себя естественным образом, медленно, но неотвратно умирает. Его мучительное угасание обусловлено всем ходом эволюционирования мировой цивилизации. Стремительно накапливающиеся чрезвычайно сложные проблемы и противоречия общественного развития, перманентно и грозно наступающие кризисы в финансово-экономической и прочих областях, не поддающиеся внятному объяснению нескончаемые и вопиющие нарушения социальной справедливости, устоявшихся нравственных и религиозных норм — эти и другие характерные черты, свойственные капиталистической системе изначально и по сей день, красноречиво свидетельствуют о её относительно скорой неминуемой гибели и последующем преобразовании в нечто кардинально иное. Капитализм покинет историческую сцену не только в виду того, что он почти полностью исчерпал собственные внутренние ресурсы, израсходовал мобилизационные возможности, не в силах адекватно реагировать на вызовы эпохи, справляться с бесперывно появляющимися объективными и разнопорядковыми трудностями, превозмогать свои недостатки и пороки, а ещё и потому, что он невыносимо долго остаётся на этих подмостках.

Хронос беспощаден. Это Божество чуждо сочувствию, не знает жалости, не ведаёт сострадания и милосердия. Противиться тщетно, восставать безрассудно. Ему подчиняется всё и вся: процессы, явления, события, живые организмы, материальные вещи и т.д. априори заключают в себе как своё возникновение, так и свой конец. Неспешное, но уверенное и непрестанное, ни на мгновение не останавливающееся, вечное движение от зарождения к исчезновению, от восхождения к падению, от расцвета к увяданию, от триумфа к краху — таков универсальный закон Вселенной. И никакие заклинания ярых ревнителей, циничных и самонадеянных апологетов буржуазных устоев не смогут его упразднить.

Предвидим здесь веское возражение, состоящее в том, что приблизительно три столетия существования капитализма — не слишком продолжительный в историософском плане период и поэтому предрекаемый нами его неизбежный уход с геополитической арены вряд ли свершится в обозримом будущем. Однако время ныне течёт не так, как прежде, казалось бы, в совсем недалёком, добродушно-примитивном, во многом патриархальном и, конечно, невозвратном прошлом, т.е. медленно, размеренно и постепенно. Нет, оно

буквально мчится в загадочно-непонятное, таинственное, внушающее страх и вместе с тем магически притягивающее, неодолимо манящее будущее.

По выражению А.С. Панарина, складывается впечатление, что терпение мирового духа истощилось, и посему он с растущим ожесточением всё быстрее вращает колесо событий¹³. Уже в XIX, особенно в XX и XXI вв., наблюдается невообразимое, до сих пор почти немыслимое (по крайней мере в рамках обыденного сознания), зачастую затмевающее даже наиболее смелые прогнозы футурологов и научных фантастов ускорение и усложнение практически всех общественных процессов. День за днём они всё сильнее поражают нас своей стихийностью, хаотичностью, беспорядочностью, неуправляемостью и бесконтрольностью, что в совокупности, несомненно, представляет собой их специфическое качество, отличительное свойство, обязательный атрибут на данном этапе истории.

Э. Тоффлер задаётся важным, вполне резонным и при этом риторическим вопросом: способен ли индивид жить в социуме, который по сути вышел из-под контроля? Ведь именно в таком положении, по его мнению, мы сейчас и находимся. Он отмечает, что если бы одна лишь техника, условно говоря, вырвалась на свободу, и в результате её развитие обернулось непредсказуемыми последствиями, то и тогда мы бы столкнулись с проблемами. Между тем драматизм ситуации в том, что и другие объективные процессы, происходящие в людском сообществе и природной среде, активнейшим образом, с его точки зрения, сопротивляются всем нашим неимоверным усилиям управлять ими. Урбанизация, этнические конфликты, миграция, преступность – перед мысленным взором, подчёркивает исследователь, возникают тысячи областей деятельности, где наши старания придать переменам приемлемую форму выглядят всё более нелепыми, глупыми и тщетными¹⁴.

Сверх того, стремительно обостряются старые и появляются новые, ранее неизвестные, в т.ч. глобальные проблемы, насыщающие мир мрачными и жестокими реалиями, злонамеренными интенциями, делающие его открыто враждебным, опасным. Эти планетарные по своему охвату проблемы угрожают не только стабильному, полноценному и благополучному существованию континентов, наций и народов, но и сбережению человека в биологическом и духовном смысле, сохранению самой жизни на Земле, всего рода людского, по большей части безнадежно утратившего чувства

эсхатологической интуиции и провиденциальности собственного предназначения.

Речь идёт о постоянно увеличивающейся и во всемирном масштабе, и нередко в границах отдельных государств без того гигантской пропасти между богатством и бедностью, изобилием и нуждой, роскошью и нищетой, о пропасти, если угодно, всепроникающей, вездесущей, разверзнутой не где-то там, далеко на краю света, а прямо здесь, перед нами, нашими уютными и комфортными домами. Устрашающее зияние этой бездны как будто специально призвано поколебать и посрамить веру в единую судьбу человечества.

Мы также имеем в виду и многие другие вызовы сурового века: безумное наращивание гонки вооружений и безудержное распространение всё более совершенных и смертоносных его видов; транснациональный терроризм, этнический и религиозный экстремизм; загрязнение биосферы и неуклонное расширение «зон экологического бедствия»; хроническая нехватка продовольствия, острый дефицит энергоресурсов; нескончаемые, из года в год учащающиеся, сокрушительные природные катаклизмы, неслыханные техногенные катастрофы и производственные аварии, спровоцированные из рук вон плохо регулируемым развитием НТП; беспрестанное появление до сих пор неведомых вирусных и прочих коварных заболеваний, принимающих характер повальных эпидемий, даже пандемий, и т.д.

Итак, неумолимое течение времени, невероятное ускорение общественных процессов и усложнение социумов, беспрецедентное усугубление всевозможных, уже имеющих место и вновь возникающих кризисов, противоречий и проблем на уровне внутригосударственном и на международном, некоторые другие факторы неопровержимо свидетельствуют о том, что капитализм близится к своему естественному и закономерному закату. Способность учреждённого им порядка адаптироваться к реалиям и перипетиям действительности сильно преувеличена. «Продолжительность его жизни» резко сокращается. Она будет бесспорно гораздо короче, нежели феодального, рабовладельческого и, уж точно первобытнообщинного строя.

Во-вторых, на смену этому устаревающему порядку своим чередом, пусть неспешно, но твёрдо и неминуемо идёт ярко выраженный, отчётливо заявляющий о себе антибуржуазный уклад, формирующийся первым делом не в экономический, а прежде всего в духовно-нравственный сфере (в данном случае мы разделяем проникнутые философией идеализма взгляды проф. С.Н. Бабурина). Зарождается как бы само собою, органически, безыскусственно и остенсивно общество будущего, общество посткапиталистических отношений

¹³ См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 41.

¹⁴ См.: Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М., 2004. С. 486, 487.

и взаимосвязей, установок и целей, значений и смыслов. Грядёт новая эпоха. Её ожидаемое пришествие произойдёт в результате независимо от воли и желания тех, кто заинтересован в сохранении статус-кво, ныне существующей эксплуататорской системы. Она к тому же наступит намного раньше, чем допускает большинство экспертов и аналитиков, в обозримой, должно быть, ближайшей, а вовсе не в отдалённой, как им думается, перспективе.

Ещё довольно смутные, туманные, размытые контуры, весьма расплывчатые, призрачные, едва различимые очертания грядущей эпохи, несмотря ни на что, уже угадываются, а отдельные их фрагменты порою даже выпукло вырисовываются в зачастую безрадостном настоящем. Дстойное свободного индивида постбуржуазное завтра шаг за шагом, постепенно, но уверенно и настойчиво прорастает из глубин экономикоцентричного сегодня. Персонажи, ориентированные исключительно на пугающее регулярное, притом явно развратно-избыточное, иррационально непомерное потребление, товаров, продуктов и услуг, нередко оказывающихся в дальнейшем совершенно ненужными, как будто нехотя, но неотвратимо уступают место личностям нравственным и интеллектуальным. Последние не только в некоем абстрактно-метафизическом, духовном, но и в реальном жизненном пространстве начинают пока мучительно медленно, но неустанно и решительно оттеснять с занятых господствующих позиций субъектов, поражённых капиталистической моралью. Её отличительные, скорее, оправдываемые ею черты и особенности хорошо известны, это: неумная, паталогическая, не взирающая ни на какие запреты и ограничения и в конечном счете губительная для души, деструктивная по отношению к социуму и природе страсть к обогащению, неутолимая жажда наживы и стяжательства, неисцелимая и злая одержимость корыстными инстинктами, материально-финансовыми обретениями и успехами; воинствующий, пренебрегающий национальной самостоятельностью и самобытностью космополитизм, элементарное отсутствие чувства долга, неразборчивость в выборе средств, используемых ради достижения поставленных, обыкновенно низменных целей; крайний цинизм и прагматизм, индивидуализм и эгоизм и т.п.

Ясно и отчётливо осознавая, с настороженностью и гнетущей тревогой ощущая всю тлетворность, пагубность и опасность упомянутых и других черт воцарившейся буржуазной морали, многие современники всё чаще и энергичнее выказывают непреклонное желание избавиться от неё и строить своё долгоденствие на принципиально иных этических основаниях. В результате они, сами того всецело не понимая, вносят непосредственный

и конкретный вклад в праведное дело борьбы с капитализмом, расшатывая и подтачивая его изнутри, что становится одним из факторов его предстоящей гибели.

Профессор С.Н. Бабури, будучи приверженцем монизма, отводит именно этому, сугубо духовному фактору не только важное, существенное, но, точнее было бы сказать, определяющее, первостепенное значение. Приняв его оптимистическую, проникнутую верой в нравственность и мудрость людей, по преимуществу софиологическую точку зрения, мы тогда должны будем согласиться с тем, что вооружённых столкновений широких масс населения с ордами приспешников магнатов капитала, по-видимому, удастся избежать. Но мы не осмеливаемся принимать её полностью и безоговорочно, ибо в отличие, к примеру, от В.С. Соловьёва¹⁵, не верим или по крайней мере не до конца верим в нравственный прогресс человечества в целом. Впрочем, как знать, может быть С.Н. Бабури и прав? Будущее покажет. Нам же остаётся, несмотря на имеющиеся сомнения, надеяться на мирный, ненасильственный, бескровный ход революции, которая приведёт к ниспровержению буржуазного и возникновению справедливого строя.

Упование на такой сценарий развития событий обусловлено появлением новых и ренессансом испокон веку известных начал высокой, рафинированной морали, произошедшими и продолжающимися позитивными сдвигами прежде всего в умонастроениях, представлениях и чувствованиях, в сознании и, следовательно, поведении пока лишь наиболее передовой, разумной и просвещённой части общества практически всех зарубежных государств. В каком-то смысле мы присутствуем при рождении и воскресении качественно иной, лучшей личности.

Примеров это доказывающих уже предостаточно. Буквально с каждым годом всё большее количество граждан различных государств приходят к ясному, иногда интуитивному пониманию того, казалось бы, очевидного факта, что получение системного, добротного академического образования нужно им и их детям не столько для решения утилитарных задач (регулярных солидных доходов, гарантированной престижной работы, стабильного карьерного роста и т.д.), а необходимо, по сути, как таковое, само по себе. Образование в итоге всё

¹⁵ В.С. Соловьёв в работе «Первый шаг к положительной эстетике», опубликованной в 1894 г., пишет: «Несмотря на все колебания и зигзаги прогресса, несмотря на нынешнее обострение милитаризма, национализма, антисемитизма, диамитизма и проч., и проч., всё-таки остаётся несомненным, что *равнодействующая* истории идёт от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости и от враждебного разобщения частных групп к *всеобщей солидарности*» (см.: Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 550, 551).

чаще предстаёт в аксиологическом ряду фундаментальной, чрезвычайно важной и главное — абсолютно самостоятельной ценностью; утверждается его собственная исключительная самоценность.

В этом объективно отражается неотъемлемое свойство, уникальная особенность человеческой природы — упорное и неодолимое стремление к постижению ранее неведомых, до сих пор сокрытых от пытливого ума закономерностей природы, общества и мышления, к постоянному, неутомимому познанию и самопознанию. Некая внутренняя, глубоко укоренённая в людях, будто магическая сила, избавленная от какого бы то ни было побудительного мотива со стороны внешнего авторитета, экзогенного влияния или давления, неистово влечёт их к творческому, созидательному освоению мира. Она подвигает их к покорению неизведанных научных вершин и изменению на этой интеллектуальной основе окружающей среды, условий своей жизни, в частности социально-экономических и государственно-правовых реалий своего бытия, в т.ч. угнетающей и порабошающей их организации публичной власти.

Нельзя не признать, что эта имманентно присущая человеку страсть, изначальное стремление к образованию, просвещению (удачно определяемому И. Кантом в качестве выхода из состояния несовершеннолетия¹⁶) и, соответственно, к осмыслению и переустройству действительности под натиском, жёстким психологическим прессингом целенаправленной агрессивной политики господствующего класса, либеральной демократии, ничем не стеснённого свободного рынка, разнузданного потребительского общества, усердно культивируемого постмодернистского виденья реальности и т.п., к сожалению, постепенно притупляется, затухает и угасает. Многие его уже безвозвратно утратили. Но оно, тем не менее, всё ещё характерно для наиболее пассионарных индивидов, о которых столь убедительно и подробно писал Л.Н. Гумилёв.

Невозможно не заметить и ряд других весьма наглядных и показательных сдвигов в шкале ценностей, в их иерархической сопоставимости, и, как следствие, в структуре потребления, в перерасходе некоторой, пожалуй, даже немалой части наших современников. Эти существенные изменения напрямую связаны с повышением

общего культурного уровня людей XX и XXI столетий. К ним приходит осознание того, что качество жизни зависит далеко не в последнюю очередь от степени её духовной насыщенности, наполненности нетривиальными смыслами и экзистенциальными переживаниями. Они активно предпринимают попытки, направленные на всемерное обогащение своей повседневности соответствующим содержанием. Рождающийся и возрождающийся ныне, на новом этапе истории постэкономический Homo sapiens гораздо охотнее обращает внимание: на социальную значимость, характер, нужность и полезность своего труда, а не только лишь на его доходность и прибыльность; он предъявляет достаточно высокие требования к выполняемой им изо дня в день работе, полагая прежде всего реализоваться в ней как творческая, инициативная и гармоничная личность; он хочет, чтобы его профессиональная деятельность была увлекательной и интересной, приносила ему удовольствие и радость; он, наконец, тратит довольно большую часть заработанных им (порою благодаря напряжённым длительным усилиям) денежных средств не на оплату тех или иных сугубо материальных нужд, не на аморальное потакание различным, может статься, имеющимся у него плотским слабостям, не на избавление при необходимости и желании от своих болезненных аддикций, а на удовлетворение невещественных, неосязаемых потребностей, связанных с запросами духовного — интеллектуального этического, религиозного, эстетического, эмоционального — порядка (чтение книг, прослушивание лекций, посещение святых мест, а также театров, концертов, музеев, выставок и т.д.).

* * *

На смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твёрдо и неотвратно идёт новый, нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек. Именно на него мы, равно и наш коллега и единомышленник С.Н. Бабурин, возлагаем оптимистические, особенные надежды. Вместе с тем уже начавшееся формирование такого человека не должно протекать исключительно стихийно, спонтанно, как бы само по себе, без положительного, благотворного и, что крайне важно, по-видимому, определяющего воздействия извне. Ведь тогда процесс его становления неизбежно будет лишён прочного, устойчивого основания окажется, вероятнее всего, временным и обратимым. Для того чтобы этого не произошло, следует предпринимать энергичные усилия по коренному, в сущности, революционному переустройству решительно всех значимых сфер общественной жизнедеятельности, сложившихся и созданных в их рамках социальных институтов.

¹⁶ «ПРОСВЕЩЕНИЕ, — настаивает философ, — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» (см.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 29).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. М., 2007. С. 479.
2. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020. С. 7, 19.
3. *Загоров Орлин.* Актуальное исследование благотворительного государства. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 197–200.
4. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 29.
5. Карасев В.И. Право и мировоззрение в современном обществе. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 83–93.
6. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018.
7. *Керимов А.Д.* Демократия: опыт критического анализа. М., 2019.
8. *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного развития. М., 2017.
9. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Слово о традиции и современном обществе. М., 2016. С. 102, 103.
10. *Ленин В.И.* Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.
11. Мазаев В.Д. Нравственное государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И.М. Рагимовым в связи с книгой С.Н. Бабурина «Нравственное государство...») // Государство и право. 2021. № 7. С. 94–105.
12. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 27, 28, 61.
14. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 41.
15. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени / сост. С.А. Ростуновой; вступ. ст. А.П. Ланщикова. М., 1993 (Мыслители России). С. 31, 32.
16. *Рагимов И.М.* Современная диалектика государства и нравственности. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111.
17. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
18. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.
19. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик и др. СПб., 2019.
20. *Соловьёв В.С.* Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 550, 551.
21. *Толфлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М., 2004. С. 486, 487.

REFERENCES

1. Anthology of wisdom / comp. V. Yu. Shoikher. M., 2007. P. 479 (in Russ.).
2. *Baburin S.N.* The Moral state. Russian view on the values of constitutionalism / preface by I.M. Ragimov. M., 2020. P. 7, 19 (in Russ.).
3. *Zagorov Orlin.* An actual study of the beneficent state. S.N. Baburin. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2021. No. 7. P. 197–200 (in Russ.).
4. *Kant I.* The answer to the question: what is enlightenment? // Kant I. Essays: in 8 vols. M., 1994. Vol. 8. P. 29 (in Russ.).
5. *Karasev V.I.* Law and worldview in modern society. S.N. Baburin. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2021. No. 7. P. 83–93 (in Russ.).
6. *Kerimov A.D.* The state organization of social life: the theory. M., 2018 (in Russ.).
7. *Kerimov D.A.* Democracy: the experience of critical analysis. M., 2019 (in Russ.).
8. *Kerimov A.D., Kuskun I.N.* A strong state as a defining factor of social development. M., 2017 (in Russ.).
9. *Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia.* A word about tradition and modern society. M., 2016. P. 102, 103 (in Russ.).
10. *Lenin V.I.* Attitude to bourgeois parties // Lenin V.I. The Complete Works. Vol. 15. P. 368 (in Russ.).
11. *Mazaev V.D.* Moral state through the constitutional aspects of the economy (in the context of the debate about the moral issue of state and his Russian features, proposed by I.M. Rahimov in connection with a book by S.N. Baburin “Moral State...”) // State and Law. 2021. No. 7. P. 94–105 (in Russ.).

12. *Maltsev G. V.* Moral foundations of law. 2nd ed., rev. M., 2019 (in Russ.).
13. *Marx K., Engels F.* Manifesto of the Communist Party. M., 1970. P. 27, 28, 61 (in Russ.).
14. *Panarin A. S.* Global political forecasting in terms of strategic instability. M., 1999. P. 41 (in Russ.).
15. *Pobedonostsev K. P.* The great lie of our time / comp. S.A. Rastunova; introductory article A.P. Lanshakov. M., 1993 (Thinkers of Russia). P. 31, 32 (in Russ.).
16. *Rahimov I. M.* Modern dialectic of state and morality. S.N. Baburin. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2020. No. 12. P. 106–111 (in Russ.).
17. *Savenkov A. N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).
18. *Savenkov A. N.* Philosophy of Law, legal thinking and global problems of modern civilization // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of RAS members / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019 (in Russ.).
19. The modern state in the era of global transformations: an analytical report / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik et al. SPb., 2019 (in Russ.).
20. *Solovyov V.S.* The first step to positive aesthetics // Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1988. Vol. 2. P. 550, 551 (in Russ.).
21. *Toffler E.* Shock of the future / transl. from English. M., 2004. P. 486, 487 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KERIMOV Alexander D. — Doctor of Law, Professor, chief researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИИ: НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

© 2022 г. В. М. Баранов^{1,*}, А. Р. Лаврентьев^{2,**}, Н. А. Трусов^{1,***}

¹Нижегородская академия МВД России

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

*E-mail: Baranov_prof@bk.ru

**E-mail: rap_pf_gospravo@mail.ru

***E-mail: nikevor@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.06.2021 г.

Аннотация. В Российской Федерации в соответствии с международными стандартами сформирован механизм противодействия коррупции. Авторы статьи уверены, что за более чем 10-летний период мониторинга сложившейся практики противодействия коррупции пора критически подойти к оценке эффективности как всего механизма, так и его отдельных мер. На примере одной из мер предупреждения (профилактики) коррупции – независимой антикоррупционной экспертизы – авторы, один из которых независимый эксперт, выдвигают гипотезу о ее крайне низкой эффективности (неуклонно снижается количество экспертов; их активность, несмотря на предпринимаемые усилия невелика; качество экспертных заключений оставляет желать лучшего и проч.; снижается и доктринальный интерес к этой теме) и предлагают отказаться от нее вовсе. Возможности институтов гражданского общества в противодействии коррупции не будут ограничены, поскольку сходные с независимой антикоррупционной экспертизой функции могут быть восполнены при помощи существующих институтов обращений граждан, оценки регулирующего воздействия, мониторинга правоприменения. Критических исследований по теме противодействия коррупции много, и в России, и за рубежом, но подавляющее количество специалистов предлагает дополнить «пакет» антикоррупционных мер, а предложений, тем более убедительных в аргументации к отказу от каких-либо из очевидно неэффективных мер, в частности от независимой антикоррупционной экспертизы, авторам обнаружить не удалось.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная экспертиза, независимая антикоррупционная экспертиза, независимый эксперт, обращения граждан, неудачный эксперимент.

Цитирование: Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент // Государство и право. 2022. № 1. С. 110–119.

DOI: 10.31857/S102694520018441-6

INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE IN RUSSIA: AN UNSUCCESSFUL EXPERIMENT

© 2022 V. M. Baranov^{1,*}, A. R. Lavrentiev^{2,**}, N. A. Trusov^{1,***}

¹ Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

² Dobrolyubov Nizhniy Novgorod State Linguistic University

*E-mail: Baranov_prof@bk.ru

**E-mail: rap_pf_gospravo@mail.ru

***E-mail: nikevor@yandex.ru

Received 28.06.2021

Abstract. The mechanism for corruption counteraction has been formed in the Russian Federation in accordance with international standards. The authors of the article believe that for more than 10 years of monitoring the current practice of corruption counteraction, it is time to critically assess the effectiveness of both the entire mechanism and its individual measures. On the example of one of the measures to prevent (prevent) corruption – independent anti-corruption expertise – the authors, one of whom is an independent expert, put forward a hypothesis about its extremely low effectiveness (the number of experts is steadily decreasing; their activity, despite the made efforts, is low; the quality of expert opinions leaves much to be desired, etc.; the doctrinal interest in this topic is also decreasing) and they suggest to abandon it altogether. The capabilities of civil society institutions in corruption counteraction will not be limited, since the functions similar to independent anti-corruption expertise can be filled with the help of existing institutions of citizens' appeals, regulatory impact assessment, law enforcement monitoring. There are a lot of critical studies on the topic of combating corruption, both in Russia and abroad, but the overwhelming number of experts suggests supplementing the "package" of anti-corruption measures, and the authors could not find any convincing proposals for rejecting any of the obviously ineffective measures as the independent anti-corruption expertise.

Key words: corruption counteraction, anti-corruption expertise, independent anti-corruption expertise, independent expert, citizens' appeals, unsuccessful experiment.

For citation: Baranov, V.M., Lavrentiev, A.R., Trusov, N.A. (2022). Independent anti-corruption expertise in Russia: an unsuccessful experiment // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 110–119.

Одним из условий эффективного государства в современном обществе выступает формирование отвечающего международным стандартам механизма противодействия коррупции. В России построение механизма противодействия коррупции началось с 2008 г. К настоящему времени в нем, по подсчетам авторов, насчитывается более 60 мер: универсальных (применяемых в отношении всех субъектов публичного управления, а также отдельных граждан и организаций) и специализированных.

Впервые проведенная доктринальная инкорпорация антикоррупционного законодательства в субъектах Российской Федерации составила два объемных тома¹. Она свидетельствует о неоправданном увеличении этого нормативного правового массива и невозможности его реального освоения не только гражданами, но и органами, призванными профессионально противодействовать коррупции.

Оценка эффективности созданного в Российской Федерации механизма противодействия коррупции в целом и отдельных применяемых мер, безусловно, осуществляется. В то же время, как правило, по результатам мониторинга правоприменения предлагается либо дополнить механизм противодействия коррупции новыми мерами, либо конкретизировать детали правового регулирования и усовершенствовать практику их реализации. Крайне редко даже очевидно не оправдавшие надежды антикоррупционные меры предлагается

отменить. На примере оценки одной из специализированных мер, применяемых институтами гражданского общества, – независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее – антикоррупционная экспертиза) – авторы выдвигают гипотезу о ее низкой эффективности и предлагают, по сути, новый подход в совершенствовании механизма противодействия коррупции – отказаться от независимой антикоррупционной экспертизы.

В 2021 г. исполнилось 13 лет с момента внедрения в Российской Федерации института антикоррупционной экспертизы как одного из элементов механизма противодействия коррупции². Первоначально действовали подзаконные акты – Правила³ и Методика⁴ проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, а затем в соответствии со специальным Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. от 11.10.2018 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

² См. об этом: п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 26.11.2020 г.) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6228.

³ См.: постановление Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 195 «Об утверждении правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // СЗ РФ. 2009. № 10, ст. 1240.

⁴ См.: постановление Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // СЗ РФ. 2009. № 10, ст. 1241.

¹ См.: См.: Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации: сб. нормативных правовых актов / под ред. В.М. Баранова. М., 2017; Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: сб. нормативных правовых актов / под ред. В.М. Баранова. М., 2018.

актов и проектов нормативных правовых актов»⁵ были утверждены новые версии Правил и Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов⁶.

Действительно, в отличие от других видов экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов антикоррупционная экспертиза упомянута в нескольких федеральных законах, о ней принят специальный Закон, разработаны базовые (табл. 1), интерпретационные⁷ и ведомственные⁸ акты. Антикоррупционная экспертиза с правовой точки зрения вполне органично вписана в регламентные нормы⁹ разного вида.

Цель антикоррупционной экспертизы – выявление и последующее устранение в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов положений, создающих условия для проявления коррупции – коррупциогенных факторов – ныне их 12¹⁰

⁵ См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

⁶ См.: постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (в ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

⁷ Президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции (протокол от 25.09.2012 г. № 34) одобрены единые Методические рекомендации «Организация в федеральных органах исполнительной власти антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов».

⁸ В каждом государственном органе, органе местного самоуправления и в каждой организации должны быть разработаны специальные акты в соответствии с принципом «конкретизации антикоррупционных положений федеральных законов, Национальной стратегии противодействия коррупции, национального плана противодействия коррупции на соответствующий период в правовых актах федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и в муниципальных правовых актах», установленным п/п. «г» п. 7 Национальной стратегии противодействия коррупции (утв. Указом Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460 (в ред. от 13.03.2012 г.) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы») // СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1875.

⁹ См.: постановления Правительства РФ: от 13.08.1997 г. № 1009 (в ред. от 12.10.2019 г.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33, ст. 3895; от 01.06.2004 г. № 260 (в ред. от 14.09.2019 г.) «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 23, ст. 2313; от 19.01.2005 г. № 30 (в ред. от 29.12.2018 г.) «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 4, ст. 305; от 28.07.2005 г. № 452 (в ред. от 10.07.2017 г.) «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 31, ст. 3233.

¹⁰ Коррупциогенный фактор «нормативные коллизии» (п/п. «и» п. 3 Методики проведения антикоррупционной

(ранее было 11, но первоначально – 17¹¹), объединенных в две (первоначально – в три¹²) группы.

Антикоррупционная экспертиза проводится (табл. 1) четырьмя видами субъектов: прокуратурой РФ; Минюстом России и его территориальными подразделениями; органами, организациями и их должностными лицами; институтами гражданского общества и гражданами Российской Федерации, аккредитованными в установленном порядке¹³.

Независимая антикоррупционная экспертиза в отличие от других разновидностей антикоррупционной экспертизы за более чем 10-летие с момента введения этого вида экспертизы нормативного

экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов) был дополнен п/п. «б» п. 2 постановления Правительства РФ от 18.07.2015 г. № 732 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы» // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4604.

¹¹ См.: п. 8–10 Методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (утв. постановлением Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции») // СЗ РФ. 2009. № 10, ст. 1241. Утратило силу.

¹² См.: п. 7 Методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (утв. постановлением Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции») // СЗ РФ. 2009. № 10, ст. 1241. Утратило силу.

¹³ См. об этом: приказ Минюста России от 29.03.2019 г. № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации», которым отменен ранее действовавший приказ Минюста России от 27.07.2012 г. № 146 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации», которым, в свою очередь, отменен первоначально действовавший приказ Минюста России от 31.03.2009 г. № 92 «Об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность».

Таблица 1

Правовое регулирования процедуры проведения антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации

Субъект проведения антикоррупционной экспертизы	Общие требования	Порядок проведения антикоррупционной экспертизы	Методика проведения антикоррупционной экспертизы	Итоговый документ
прокуратура РФ	Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»	установлен Генеральной прокуратурой РФ ¹⁴	определена Правительством РФ ¹⁵	требование ¹⁶
Минюстом России и его территориальными подразделениями		определен Правительством РФ ¹⁷		заключение ¹⁸
органы, организации, их должностные лица		устанавливается нормативными правовыми актами соответствующих органов и организаций		заключение
институты гражданского общества и граждане Российской Федерации		определен Правительством РФ ¹⁹		заключение ²⁰

материала, на наш взгляд, оказалась *неудачным экспериментом*, поскольку:

¹⁴ См.: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2009 г. № 400 (в ред. от 13.03.2018 г.) «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Законность. 2010. № 4.

¹⁵ См.: Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. абз. 3 п. 1 постановления Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (в ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

¹⁶ Форма установлена приказом Генпрокуратуры России от 28.12.2009 г. № 400 (в ред. от 13.03.2018 г.) «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Законность. 2010. № 4.

¹⁷ См.: Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. абз. 2 п. 1 постановления Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (в ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

¹⁸ Форма установлена Приложением 1 к приказу Минюста России от 04.10.2013 г. № 187 (в ред. от 27.09.2018 г.) «Об утверждении Порядка организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов и иных документов структурными подразделениями Министерства юстиции Российской Федерации» // Росс. газ. 2013. 18 окт.

¹⁹ См.: Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. абз. 2 п. 1 постановления Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (в ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

²⁰ Форма установлена приказом Минюста России от 21.10.2011 г. № 363 (в ред. от 18.01.2013) «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы» // Росс. газ. 2011. 18 нояб.

всего 3179 лиц (437 – юридических²¹ и 2742 – физических²²) прошли несложную процедуру аккредитации; но при этом срок аккредитации (пять лет) истек уже у 1919 экспертов (у некоторых экспертов, «продливших» аккредитацию она истекла дважды), на 1 января 2021 г. аккредитовано всего 1260 экспертов (табл. 2). Объективно свидетельствует о неудаче эксперимента фактический отказ от аккредитации абсолютного большинства тех независимых экспертов, которые прошли аккредитацию первоначально – статус сохранили всего 266 из них (чуть более 10%). В «разрезе» субъектов Российской Федерации картина еще более удручающая, например, в Нижегородской области на 1 января 2021 г. только 18 независимых экспертов (два юридических и 16 физических лиц) имеют аккредитацию – это ничтожно мало для обеспечения антикоррупционной экспертизы;

излишне сложная методика осуществления антикоррупционной экспертизы (каждая норма должна быть проверена на наличие каждого коррупционного фактора, формулировки и перечень которых далеки от совершенства) в сочетании

²¹ См. об этом подр.: Государственный реестр независимых экспертов – юридических лиц, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/gosudarstvennyy-reestr-nezavisimyh-ekspertov-poluchivshih-akkreditaciyu-na-provedenie-yuridicheskie> (дата обращения: 15.03.2021).

²² См. об этом подр.: Государственный реестр независимых экспертов – физических лиц, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/gosudarstvennyy-reestr-nezavisimyh-ekspertov-poluchivshih-akkreditaciyu-na-provedenie-fizicheskie> (дата обращения: 15.03.2021).

Таблица 2

Количество независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (на 1 января 2021 г.)

годы	Юридические лица				Физические лица				Общее количество			
	аккредитованы			имеют статус	аккредитованы			имеют статус	аккредитованы			имеют статус
	1	2	3		1	2	3		1	2	3	
2009	92	32	10	17	579	80	21	47	671	112	31	64
2010	87	26	3	10	293	42	3	25	380	68	6	35
2011	38	13	—	13	219	44	—	43	257	57	—	56
2012	44	5	—	5	268	45	—	44	312	50	—	49
2013	25	5	—	5	507	29	—	29	532	34	—	34
2014	26	5	—	4	128	16	—	16	154	21	—	20
2015	19	2	—	2	156	6	—	6	175	8	—	8
<i>итого</i>	<i>331</i>	<i>88</i>	<i>13</i>	<i>56</i>	<i>1854</i>	<i>262</i>	<i>24</i>	<i>210</i>	<i>2147</i>	<i>350</i>	<i>37</i>	<i>266</i>
2016	26	—	—	26	193	—	—	193	219	—	—	219
2017	20	—	—	20	231	—	—	231	251	—	—	251
2018	28	—	—	28	204	—	—	204	232	—	—	232
2019	19	—	—	19	129	—	—	129	148	—	—	148
2020	13	—	—	13	131	—	—	131	144	—	—	144
<i>итого</i>	<i>106</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>106</i>	<i>888</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>888</i>	<i>994</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>994</i>
ВСЕГО	437	88	13	162	2742	262	24	1098	3179	350	37	1260

с официальными «изъятиями» из-под независимой антикоррупционной экспертизы большинства проектов нормативных правовых актов не позволяют (в сравнении, например с технико-юридической и (или) правовой, лингвистической, экономической и иными видами экспертизы нормативного материала) реализовать потенциальные возможности влияния институтов гражданского общества на качество системы законодательства России;

количество и качество подготовленных независимыми экспертами заключений, их результативность (когда по итогам рассмотрения заключений независимых экспертов, обнаруженные коррупциогенные факторы устранены) — предмет бесплодной, по мнению авторов статьи (один из которых имеет статус независимого эксперта²³), дискуссии²⁴.

²³ А. Р. Лаврентьев с 2009 г. имеет статус независимого эксперта, уполномоченного на проведение экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность (свидетельства об аккредитации выданы на основании распоряжений Минюста России от 06.07.2009 г. № 2076-р и от 10.07.2014 г. № 1963) и подготовил более 200 экспертных заключений как на федеральные нормативные правовые акты и их проекты, так и на акты ряда субъектов Российской Федерации, на муниципальные правовые акты, но даже ответы на такие «квалифицированные обращения» поступили менее чем в 10% случаев, а ситуации устранения коррупциогенных факторов разработчиками нормативных правовых актов единичны.

²⁴ См., напр.: Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: практика правоприменения // Государство и право в изменяющемся мире: новые

Интерес к теме антикоррупционной экспертизы в науке, на наш взгляд, снижается. Так, по сведениям научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU²⁵, за 2016–2020 гг. по данной теме было опубликовано 952 работы, при этом динамика количества публикаций — отрицательная: от 207 в 2016 г. до 176 в 2020 г.

Из менее 1 тыс. работ по теме антикоррупционной экспертизы доля исследований, посвященных *независимой антикоррупционной экспертизе*, сравнительно невелика — 147 работ. Причем, *большинство авторов, рассматривая независимую антикоррупционную экспертизу как не самый удачный институт*, предлагают пути повышения эффективности²⁶ и способы совершенствования этой юридической технологии²⁷. *Отказ от независимой антикоррупци-*

онной экспертизы: материалы III науч.-практ. конф. с междунар. участием, Н. Новгород, 21 марта 2017 г. Н. Новгород, 2018. С. 167–183; Попов В. В., Лаврентьев А. Р. Вопросы теории и практики правовой и антикоррупционной экспертизы в субъекте Российской Федерации: обзор выступлений участников конф. // История, теория, практика российского права: сб. науч. работ / гл. ред. С. Н. Токарева. Курск, 2020. Вып. 13. С. 138–154.

²⁵ См.: URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁶ См., напр.: Лаврентьев А. Р. Повышение эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Следователь. 2013. № 1 (177). С. 35–40.

²⁷ См., напр.: Зыкин Д. О. О некоторых проблемах института антикоррупционной экспертизы // Актуальные аспекты развития современной науки: сб. науч. ст. Междунар. науч.

онной экспертизы, как ни странно, ни в одной работе не предлагался.

За рубежом проблематика противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы достаточно популярна, но очевиден тренд на междисциплинарность подобных исследований. Так, платформа рецензируемой литературы ScienceDirect²⁸ по запросу “anti-corruption expertise”²⁹ (подчеркнем, что активным словом для поиска система считает слово “corruption”) представляет 648 публикаций за 2016–2020 гг. Интересно, что зарубежные ученые рассматривают вопросы антикоррупционной экспертизы комплексно, через призму государственной политики, бизнеса, социальных отношений, и лишь в последнюю очередь – через призму юриспруденции³⁰. Подобная же тенденция прослеживается и в работах, размещенных на портале научного сообщества ResearchGate³¹. Заметим, что исключительно правовые исследования, связанные с противодействием коррупции в целом, с институтом антикоррупционной экспертизы, а также ее разновидностью – с независимой антикоррупционной экспертизой, свойственны представителям именно российской науки, работы которых опубликованы на указанном ресурсе: О.А. Бородиной³²,

А. Цирину³³, Е. В. Нашекиной³⁴, Е. Черепановой³⁵ и др.

Авторы статьи уверены, что требования к независимой антикоррупционной экспертизе значительно завышены, даже в сравнении с гарантированным ст. 33 Конституцией РФ правом граждан Российской Федерации «обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления». Так, в отличие от требований к обращениям граждан (Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³⁶), к независимой антикоррупционной экспертизе установлены:

правила и методика проведения независимой антикоррупционной экспертизы, ориентированные исключительно на поиск коррупциогенных факторов;

аккредитация экспертов³⁷, включая условия, порядок и требования к экспертам (п/п. 1 п. 2 Регламента), процедуре аккредитации (п. 31 Регламента) и «продления» аккредитации (п. 35, 36 Регламента);

конф. / отв. ред. С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. Самара, 2019. С. 320–323; Морозова А.И. Некоторые причины неэффективности работы института независимых экспертов и проблемы применения методики проведения антикоррупционной экспертизы // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4. С. 199–209.

²⁸ См.: URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=anti-corruption%20expertise&years=2020%2C2019%2C2018%2C2017%2C2016&lastSelectedFacet=years> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁹ URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=anti-corruption%20expertise&years=2020%2C2019%2C2018%2C2017%2C2016&lastSelectedFacet=years> (дата обращения: 15.03.2021).

³⁰ См., напр.: Zheng B., Xiao J. Corruption and Investment: Theory and Evidence from China // Journal of Economic Behavior & Organization. 2020. V. 175. P. 40–54. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268120300858> (дата обращения: 15.03.2021); Reichborn-Kjennerud K., González-Díaz B., Steccolini I. Sais work against corruption in Scandinavian, South-European and African countries: An institutional analysis // The British Accounting Review. 2019. V. 51. Is. 5. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0890838919300678> (дата обращения: 15.03.2021).

³¹ См.: URL: <https://www.researchgate.net/search/publication?q=anti-corruption%2Bexpertise&page=6> (дата обращения: 15.03.2021).

³² См.: Borodina O.A. Prospective directions of prosecutor’s office Activity in enhancing the institution of independent anti-corruption expertise // Actual Problems of Russian Law. No. 16 (1). P. 136–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.136-146. URL: https://www.researchgate.net/publication/348878645_Prospective_Directions_of_Prosecutor%27s_Office_Activity_in_Enhancing_the_Institution_of_Independent_Anti-Corruption_Expertise (дата обращения: 15.03.2021).

³³ См.: Tsirin A. Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 4 (4). DOI: 10.12737/art.2018.4.18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329030363_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_RUSSIA_AND_FOREIGN_COUNTRIES_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (дата обращения: 15.03.2021).

³⁴ См.: Naschyokina E.V. The significance of anti-corruption expertise in the process of forming the regional legal framework in the far eastern federal district. 2020. DOI: 10.38161/2618-9526-2020-1-2-12. URL: https://www.researchgate.net/publication/348598677_THE_SIGNIFICANCE_OF_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_THE_PROCESS_OF_FORMING_THE_REGIONAL_LEGAL_FRAMEWORK_IN_THE_FAR_EASTERN_FEDERAL_DISTRICT (дата обращения: 15.03.2021).

³⁵ См.: Cherepanova E. Anti-corruption expertise as an element of legal monitoring: comparative legal research // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. No. 5 (2). DOI: 10.12737/art.2019.2.15. URL: https://www.researchgate.net/publication/336573167_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_AS_AN_ELEMENT_OF_LEGAL_MONITORING_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (дата обращения: 15.03.2021).

³⁶ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

³⁷ См.: приказ Минюста России от 29.03.2019 г. № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 04.04.2019 г. № 54279).

форма свидетельства об аккредитации в качестве независимого эксперта³⁸;

государственные реестры независимых экспертов — юридических лиц и физических лиц, размещенные в сети Интернет (из них, кстати, после истечения срока аккредитации сведения о независимых экспертах не исключаются и которые, таким образом, содержат в нарушение требований³⁹ действующего законодательства об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов неактуальные сведения о реестрах независимых экспертов);

ограничения⁴⁰ при проведении независимой антикоррупционной экспертизы (ч. 1¹ ст. 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»);

форма заключения⁴¹ по результатам проведения независимой антикоррупционной экспертизы;

и даже возможность не давать ответ на такое «квалифицированное», по сути, обращение гражданина, если «в заключении отсутствует предложение о способе устранения выявленных коррупционных факторов» (ч. 3 ст. 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»).

Уверены, *потенциал независимой антикоррупционной экспертизы исчерпан*: количество независимых экспертов ничтожно мало для обеспечения антикоррупционной экспертизы; количество лиц, изъявляющих желание получить или «продлить» аккредитацию, неуклонно снижается; число подготовленных независимыми экспертами заключений незначительно; качество заключений по результатам независимой экспертизы вызывает вопросы; предпринимаемые меры по развитию

института независимой экспертизы значимого эффекта не дает; к институту независимой экспертизы падает доктринальный интерес и т.п. Поэтому, полагаем, **учитывая крайне низкую эффективность данного института, пора признать эксперимент по внедрению в Российской Федерации независимой антикоррупционной экспертизы неудачным и отказаться от него.**

При этом *институты гражданского общества и граждане смогут участвовать в осуществлении антикоррупционной экспертизы без обременительных условий* (аккредитации в качестве независимого эксперта; а теперь и ряда ограничений к экспертам; оформления заключений по установленной форме, которые носят рекомендательный характер и предполагают ответ только в случае указания в заключении предложений по устранению выявленных коррупционных факторов) *в иных предусмотренных действующим законодательством формах*: в порядке рассмотрения обращений граждан⁴²; общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов⁴³; специализированного ресурса «Российская общественная инициатива»⁴⁴, оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов⁴⁵; мониторинга правоприменения⁴⁶; общественного контроля⁴⁷ и др.

⁴² См.: Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

⁴³ См.: Указ Президента РФ от 09.02.2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 939; постановление Правительства РФ от 25.08.2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // СЗ РФ. 2012. № 36, ст. 4902.

⁴⁴ См.: Указ Президента РФ от 04.03.2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» // СЗ РФ. 2013. № 10, ст. 1019.

⁴⁵ См.: постановление Правительства РФ от 17.12.2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 52, ст. 7491.

⁴⁶ См.: Указ Президента РФ от 20.05.2011 г. № 657 (в ред. от 25.07.2014 г.) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21, ст. 2930; постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 35, ст. 5081.

⁴⁷ См.: Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213.

³⁸ См.: приказ Минюста России от 27.07.2012 г. № 145 «Об утверждении форм свидетельств об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2012 г. № 25084) // Росс. газ. 2012. 29 авг.

³⁹ См.: Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7, ст. 776.

⁴⁰ См.: Федеральный закон от 11.10.2018 г. № 362-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”» // СЗ РФ. 2018. № 42 (ч. II), ст. 6376.

⁴¹ Форма установлена Приказом Минюста России от 21.10.2011 г. № 363 (в ред. от 18.01.2013 г.) «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы» // Росс. газ. 2011. 18 нояб.

* * *

По итогам рассмотрения вопроса об эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы на состоявшемся 27 сентября 2019 г. заседании межведомственной рабочей группы⁴⁸ предложение о признании эксперимента неудачным было в целом поддержано, и по поручению названной группы был разработан проект федерального закона «О признании утратившей силу статьи 5 Федерального закона “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”». Заметим, что *такой вариант развития событий предусмотрен нормативно*. Так, например, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁴⁹ предусматривает возможность принять по результатам проведения мониторинга экспериментального правового режима и оценки его эффективности и результативности такое решение, как «недопустимость придания специальному регулированию свойства общего регулирования», т.е. отказ от неудачного правового и управленческого эксперимента.

Высказанное предложение носит дискуссионный характер, но, уверенны, что системная работа по созданию механизма противодействия коррупции требует отказа от не оправдавших себя инструментов, завершения неудачных экспериментов – это неотъемлемое условие повышения эффективности публичного управления в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: практика правоприменения // Государство и право в изменяющемся мире: новые векторы судебной реформы: материалы III науч.-практ. конф. с междунар. участием, Н. Новгород, 21 марта 2017 г. Н. Новгород, 2018. С. 167–183.
2. *Зыкин Д. О.* О некоторых проблемах института антикоррупционной экспертизы // Актуальные аспекты развития современной науки: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. Самара, 2019. С. 320–323.
3. *Лаврентьев А. Р.* Повышение эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Следователь. 2013. № 1 (177). С. 35–40.
4. *Морозова А. И.* Некоторые причины неэффективности работы института независимых экспертов и проблемы применения методики проведения антикоррупционной экспертизы // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4. С. 199–209.
5. *Попов В. В., Лаврентьев А. Р.* Вопросы теории и практики правовой и антикоррупционной экспертизы в субъекте Российской Федерации: обзор выступлений участников конф. // История, теория, практика российского права: сб. науч. работ / гл. ред. С.Н. Токарева. Курск, 2020. Вып. 13. С. 138–154.
6. *Borodina O. A.* Prospective directions of prosecutor's office Activity in enhancing the institution of independent anti-corruption expertise // Actual Problems of Russian Law. No. 16 (1). P. 136–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.136-146. URL: https://www.researchgate.net/publication/348878645_Prospective_Directions_of_Prosecutor%27s_Office_Activity_in_Enhancing_the_Institution_of_Independent_Anti-Corruption_Expertise (дата обращения: 15.03.2021).
7. *Cherepanova E.* Anti-corruption expertise as an element of legal monitoring: comparative legal research // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. No. 5 (2). DOI: 10.12737/art.2019.2.15. URL: https://www.researchgate.net/publication/336573167_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_AS_AN_ELEMENT_OF_LEGAL_MONITORING_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (дата обращения: 15.03.2021).
8. *Naschyokina E. V.* The significance of anti-corruption expertise in the process of forming the regional legal framework in the far eastern federal district. 2020. DOI: 10.38161/2618-9526-2020-1-2-12. URL: https://www.researchgate.net/publication/348598677_THE_SIGNIFICANCE_OF_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_THE_PROCESS_OF_FORMING_THE_REGIONAL_LEGAL_FRAMEWORK_IN_THE_FAR_EASTERN_FEDERAL_DISTRICT (дата обращения: 15.03.2021).
9. *Reichborn-Kjennerud K., González-Díaz B., Steccolini I.* Sais work against corruption in Scandinavian, South-European and African countries: An institutional analysis // The British Accounting Review. 2019. V. 51. Is. 5. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0890838919300678> (дата обращения: 15.03.2021).
10. *Tsirin A.* Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 4 (4). DOI: 10.12737/art.2018.4.18. URL:

⁴⁸ См.: распоряжение губернатора Нижегородской области от 28.05.2019 г. № 826-р (в ред. от 18.09.2019 г.) «О создании межведомственной рабочей группы по мониторингу реализации на территории Нижегородской области государственной программы “Противодействие коррупции в Нижегородской области”».

⁴⁹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017.

https://www.researchgate.net/publication/329030363_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_RUSSIA_AND_FOREIGN_COUNTRIES_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (дата обращения: 15.03.2021).

11. *Zheng B., Xiao J.* Corruption and Investment: Theory and Evidence from China // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. V. 175. P. 40–54. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268120300858> (дата обращения: 15.03.2021).

REFERENCES

1. *Eliseeva V.S., Lavrentiev A.R.* Anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts: practice of law enforcement // *State and law in a changing world: new vectors of judicial reform: materials of the III scientific and practical Conference with international participation*, N. Novgorod, March 21, 2017. N. Novgorod, 2018. P. 167–183 (in Russ.).
2. *Zykin D.O.* About some problems of the institute of anti-corruption expertise // *Actual aspects of the development of modern science: collection of scientific articles of the International scientific Conference / res. ed.: S.I. Ashmarina, A.V. Pavlova*. Samara, 2019. P. 320–323 (in Russ.).
3. *Lavrentiev A.R.* Improving the effectiveness of the Institute of Independent anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts // *Investigator*. 2013. No. 1 (177). P. 35–40 (in Russ.).
4. *Morozova A.I.* Some reasons for the ineffectiveness of the work of the Institute of Independent Experts and the problems of applying the methodology of conducting anti-corruption expertise // *Herald of the Tver State University. Series: Law*. 2014. No. 4. P. 199–209 (in Russ.).
5. *Popov V.V., Lavrentiev A.R.* Questions of theory and practice of legal and anti-corruption expertise in the subject of the Russian Federation: review of speeches of Conference participants // *History, Theory, Practice of Russian Law: collection of scientific papers / chief ed. S.N. Tokarev*. Kursk, 2020. Vol. 13. P. 138–154 (in Russ.).
6. *Borodina O.A.* Prospective directions of prosecutor's office Activity in enhancing the institution of independent anti-corruption expertise // *Actual Problems of Russian Law*. No. 16 (1). P. 136–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.136-146. URL: https://www.researchgate.net/publication/348878645_Prospective_Directions_of_Prosecutor%27s_Office_Activity_in_Enhancing_the_Institution_of_Independent_Anti-Corruption_Expertise (accessed: 15.03.2021).
7. *Cherepanova E.* Anti-corruption expertise as an element of legal monitoring: comparative legal research // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019. No. 5 (2). DOI: 10.12737/art.2019.2.15. URL: https://www.researchgate.net/publication/336573167_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_AS_AN_ELEMENT_OF_LEGAL_MONITORING_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (accessed: 15.03.2021).
8. *Naschyokina E.V.* The significance of anti-corruption expertise in the process of forming the regional legal framework in the far eastern federal district. 2020. DOI: 10.38161/2618-9526-2020-1-2-12. URL: https://www.researchgate.net/publication/348598677_THE_SIGNIFICANCE_OF_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_THE_PROCESS_OF_FORMING_THE_REGIONAL_LEGAL_FRAMEWORK_IN_THE_FAR_EASTERN_FEDERAL_DISTRICT (accessed: 15.03.2021).
9. *Reichborn-Kjennerud K., González-Díaz B., Steccolini I.* Sais work against corruption in Scandinavian, South-European and African countries: An institutional analysis // *The British Accounting Review*. 2019. V. 51. Is. 5. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0890838919300678> (accessed: 15.03.2021).
10. *Tsirin A.* Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018. No. 4 (4). DOI: 10.12737/art.2018.4.18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329030363_ANTI-CORRUPTION_EXPERTISE_IN_RUSSIA_AND_FOREIGN_COUNTRIES_COMPARATIVE_LEGAL_RESEARCH (accessed: 15.03.2021).
11. *Zheng B., Xiao J.* Corruption and Investment: Theory and Evidence from China // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. V. 175. P. 40–54. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268120300858> (accessed: 15.03.2021).

Сведения об авторах

БАРАНОВ Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Рудольфович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия; 603022 г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17а; старший научный сотрудник Научно-образовательного центра экспертного обеспечения публичного управления Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; 603155 г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а

ТРУСОВ Николай Александрович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия; 603022 г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17а

Authors' information

BARANOV Vladimir M. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of Scientific Activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”; 3 Ankudinovskoe highway, 603950 Nizhny Novgorod, Russia

LAVRENTIEV Alexander R. – PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of state and legal disciplines of the Volga branch of the Russian State University of Justice; 17a Gagarin ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia; senior researcher of the Scientific and Educational Center for Expert Support of Public Administration of Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University; 31a Minina str., 603155 Nizhny Novgorod, Russia

TRUSOV Nikolay A. – PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Ankudinovskoe highway, 603950 Nizhny Novgorod, Russia; associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga branch of the Russian State University of Justice; 17a Gagarin ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ
КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ВЫБОРОВ

© 2022 г. Г. Н. Чеботарев

Тюменский государственный университет

E-mail: chebotarev@utmn.ru

Поступила в редакцию 21.09.2021 г.

Аннотация. Общественное наблюдение на выборах автор статьи рассматривает как форму общественно-го контроля институтов гражданского общества за законностью выборов, способствующую укреплению доверия избирателей к итогам голосования, легитимности сформированной законодательной власти. В статье анализируется практика видеотрансляции голосования, организации общественного наблюдения общественными палатами на выборах в Государственную Думу ФС РФ в 2021 г. Формулируется вывод о необходимости совершенствования правового регулирования общественно-го контроля на выборах. Предлагается предоставить право назначения наблюдателей на голосовании в местах принудительного содержания граждан общественным наблюдательным комиссиям. Поскольку демократические выборы являются формой народовластия, важно расширить федеральным законодательством возможность общественного контроля не только за голосованием, но и на предыдущих стадиях избирательного процесса.

Ключевые слова: общественный контроль, общественное наблюдение, видеонаблюдение, легитимация выборов, общественные палаты, правовое регулирование.

Цитирование: Чеботарев Г.Н. Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов // Государство и право. 2021. № 1. С. 120–129.

DOI: 10.31857/S102694520018279-7

PUBLIC OBSERVATION AS A TOOL OF ELECTION LEGITIMACY

© 2022 G. N. Chebotarev

Tyumen State University

E-mail: chebotarev@utmn.ru

Received 21.09.2021

Abstract. The author of the article considers election observation as a form of public control provided by civil society to contribute to election legitimacy and to strengthen voters' confidence in the election results as well as in the legality of the legislative branch.

The article analyzes the practice of video broadcasting of voting process, the cases of public observation done by public chambers at the elections to the State Duma in 2021.

The conclusion is made about the need to improve the legal regulation of public control at elections. The author proposes to appoint election observers in places of detention with this right to be realized by civic monitoring commissions. Since elections are a form of democracy, it is important to expand the possibility of public control in the federal legislation not only over the vote, but also at the previous stages of the electoral process federal legislation.

Key words: public control, public monitoring, video broadcasting of voting, election legitimacy, public chambers, legal regulation.

For citation: Chebotarev, G.N. (2022). Public observation as a tool of election legitimacy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 120–129.

Демократические выборы органов публичной власти в строго определенном законом порядке создают предпосылки для легитимности публичной власти. Уже во время подготовки и проведения выборов формируется отношение избирателей к будущим органам публичной власти. Если избирательная кампания проходит гласно, законно и демократично под контролем институтов гражданского общества, то это вселяет надежду у избирателей, что их волеизъявление станет основой деятельности органов публичной власти по реализации интересов большинства граждан.

Легитимации выборов способствует наблюдение. В избирательном законодательстве, равно как и в законодательстве об общественном контроле, не содержится легального определения понятия наблюдение. Однако его цель и порядок осуществления позволяют сделать вывод, что наблюдение представляет собой своеобразную форму общественного контроля за деятельностью избирательных комиссий. Как отмечает В. В. Гриб, общественный контроль за избирательным процессом «служит гарантией свободной реализации избирательных прав граждан, их соблюдение, гарантией свободного волеизъявления граждан в ходе выборов и референдума, а также созданию условий для признания результатов выборов и референдума действительными»¹.

Наблюдение как форма общественного контроля

В Федеральном законе от 22 мая 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² дается лишь определение понятия наблюдатель, устанавливается круг субъектов, назначающих наблюдателей, порядок их назначения, а также права и обязанности наблюдателей на избирательных участках. Полномочия наблюдателей ограничены наблюдением за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установлением его итогов, определением результатов выборов.

Таким образом, законом наблюдение установлено за деятельностью избирательных комиссий на заключительных стадиях избирательного процесса, и по сути является формой общественного контроля. Но если это так, то логично было бы и Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» распространить на правовые отношения, связанные с контролем на выборах.

О предоставлении как можно более широких возможностей национальным и международным наблюдателям для участия в наблюдении за проведением выборов говорится в Своде рекомендуемых норм при проведении выборов, принятых Венецианской комиссией на 52-й сессии в Венеции, 18–19 октября 2002 г., и Страсбурге, 30 октября 2002 г.³ Как отмечается в Пояснительном докладе Венецианской комиссии, «наблюдение предполагает контроль нарушений накануне выборов (например, ненадлежащее ведение списков избирателей, препятствия при регистрации кандидатов, случаи ограничения свободы слова и нарушения правил доступа к СМИ или государственному финансированию избирательных кампаний), во время выборов (например, проверка фактов давления на избирателей, множественного голосования, нарушений тайны голосования и т.д.) и после (особенно при подсчете голосов и объявлении результатов). Особое внимание при наблюдении следует обращать на то, чтобы власти оставались, как им и положено, беспристрастными»⁴.

В научных публикациях предлагалось дополнить федеральное законодательство нормами, обеспечивающими участие общественных наблюдателей не только в наблюдении за голосованием, подсчетом голосов, подведением итогов голосования, но и в общественном контроле за деятельностью избирательных комиссий на предыдущих стадиях избирательного процесса, а также за проведением предвыборной агитации, в т.ч. в сети Интернет⁵.

Наблюдение на выборах является специальной формой общественного контроля. В литературе предлагается под общественным контролем на выборах понимать «деятельность субъектов общественного контроля на выборах по наблюдению, проверке, анализу и оценке соответствия общественным интересам организацию избирательных процедур, направленную на обеспечение установленных гарантий избирательных прав и законности избирательного процесса»⁶.

³ См.: Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы и пояснительный доклад. // Европейская Комиссия за демократию через право. Сер. «Наука и техника демократии». № 34. Изд-е Совета Европы. 2003. (на рус. яз.).

⁴ Международные избирательные стандарты: сб. док. / отв. ред. В. И. Лысенко. М., 2009. Вып. 2. С. 447.

⁵ См.: Чеботарев Г. Н. Общественный контроль на выборах: опыт и проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 56–60; Федотова Ю. Г. Государственный и общественный контроль в механизме обеспечения безопасности Российской Федерации. М., 2021. С. 170.

⁶ Общественный контроль на выборах: учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Полянского и И. Б. Борисова. М., 2017. С. 22.

¹ Гриб В. В. Общественный контроль: учеб. М., 2017. С. 529.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

По мнению В.Е. Карастелева, общественный контроль, в т.ч. за выборами, — «форма организации наблюдения и действий в защиту общественных интересов, осуществляемых независимыми гражданами, их представителями, а также негосударственными и некоммерческими организациями». Данное определение отличается по уполномоченным субъектам контроля. Если в первом определении говорится о субъектах общественного контроля, установленных Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», то во втором определении акцент делается на общественном контроле независимых субъектов. К ним некоторые авторы относят граждан, общественные объединения, некоммерческие организации, оппозиционные партии, которые «действительно стремятся обеспечить соблюдение законов в тех сферах, где он особенно часто нарушается». Приводится пример независимого движения в защиту прав избирателей «Голос»⁷. А «административный ресурс бюджетных учреждений, общественные палаты, а иногда и формально негосударственные, но имеющие провластную ориентацию общественные объединения» противопоставляется независимому наблюдению⁸.

Поскольку перечисленные субъекты контроля не являются независимыми, то роль подготовленных общественными палатами наблюдателей сводится к подтверждению отсутствия нарушений и правильности подсчета голосов, «то есть имитируемый общественный контроль — на деле становится еще одним способом добиться рационально-легальной легитимности для инкумбента или партии власти»⁹.

Общественные палаты — субъекты общественного контроля

Действительно, общественные палаты по сути являются общественно-государственными объединениями, поскольку 2/3 их состава формируется в субъектах Российской Федерации органами законодательной и исполнительной власти. Однако в своей практической деятельности члены общественных палат не связаны какой-либо подотчетностью ни перед выдвинувшими их общественными объединениями, ни перед органами государственной власти. В соответствии с Федеральным законом «Об основных принципах организации

и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» до истечения срока полномочий, на который утверждены члены палат, они не могут быть отозваны по усмотрению органов государственной власти, свои полномочия они реализуют добровольно, самостоятельно выбирают формы и методы своей общественной деятельности с соблюдением требований законодательства, а также Кодекса этического поведения членов общественных палат. Кроме этого относительная независимость и самостоятельность членов палаты проявляется и в том, что после их утверждения в состав палаты они в соответствии с Федеральным законом в обязательном порядке приостанавливают свое членство в политических партиях. В случае невыполнения данного требования по решению собрания общественной палаты прекращается их членство в общественной палате. Членами общественных палат по рекомендациям известных общественных объединений и некоммерческих организаций утверждаются на конкурсной основе авторитетные гражданские активисты с безупречной репутацией и настроенные на подвижническую деятельность по защите прав и свобод граждан, поддержке общественных инициатив и осуществлению объективного общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, в т.ч. и в электоральной сфере.

Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» при проведении выборов наблюдателями могут назначить зарегистрированный кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата, избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов, общественные палаты. По мнению ряда авторов, контроль, осуществляемый политическими партиями в избирательном процессе, не тождествен общественному¹⁰. На наш взгляд, контроль политических партий, являющихся общественными объединениями, следует относить к общественному контролю, который имеет также политические свойства, поскольку такой контроль общественных наблюдателей осуществляется в период политической кампании — выборов. Вместе с тем общественный контроль, осуществляемый наблюдателями, назначенными общественными палатами, в большей степени чем контроль наблюдателей от политических партий обладает независимым свойством, поскольку он осуществляется безотносительно к интересам партий и конкретных избирателей. Как отмечается в научных публикациях,

⁷ Карастелев В.Е. Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.

⁸ См.: Вайсберг А. Общественный мониторинг выборов в России — контроль или его имитация: обзор литературы // Generation PP — 2020. Приложение к журналу «Публичная политика». 2020. С. 9.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ См.: Коновальчиков Я.А. О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе // Росс. юрид. журнал. 2017. № 4. С. 76.

«одним из важных достоинств независимого общественного наблюдения является тот факт, что такие наблюдатели, как правило, не имеют целей и не осуществляют действий, которые направлены на победу или поражение какого-либо избирательного объединения или кандидата на выборах»¹¹. И в этом смысле общественный контроль наблюдателей, назначенных общественными палатами, является независимым. Об этом качестве общественного контроля свидетельствует, например, и состав 2915 общественных наблюдателей, назначенных Общественной палатой Тюменской области по рекомендациям 37 общественных объединений, некоммерческих организаций. Все наблюдатели прошли обучение на организованных Общественной палатой Тюменской области с привлечением преподавателей Института государства и права ТюмГУ семинарах. Проведенный опрос участников семинаров показал, что они осознавали свою важную роль в объективном наблюдении за строгим-соблюдением избирательных прав граждан, были убеждены, что чистые и честные, прозрачные и открытые выборы будут способствовать повышению легитимности власти.

Конечно, объективным может быть контроль и иных общественных объединений, если законом предусмотрено назначение ими наблюдателей. В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не уточняется, каким нормативным правовым актом может быть предусмотрена возможность назначения наблюдателей иными общественными объединениями – федеральным, региональным? Не расшифровывается и категория «иные общественные объединения». Как показал анализ ряда избирательных законов субъектов Российской Федерации, в них также не предусматривается право назначения наблюдателей от «иных общественных объединений».

Поэтому, когда некоторые общественные формирования, как, например, общероссийское общественное движение в защиту прав избирателей «Голос», позиционирующее себя как структура, осуществляющая независимое наблюдение за выборами, самостоятельно присваивает себе полномочия наблюдать за выборами, они на самом деле выступают не в качестве независимого наблюдателя, а оппонента действующей власти. Такой заведомо оппозиционный настрой к «партии власти» никак не вписывается в объективный характер наблюдения, не связанного с какими-либо политическими предпочтениями. Отсюда и возможная ангажированность «независимых» наблюдателей

от оппозиционных по отношению к действующей власти участников избирательного процесса. Так что говорить о независимом общественном наблюдении можно лишь с оговоркой: от кого независимо такое наблюдение, или в чьих интересах его считают независимым. Не случайно в одной из публикаций отмечается, что «присутствие независимых наблюдателей повышает шансы оппозиционных кандидатов на победу и снижает процент голосов, получаемых инкумбентами или партией власти, тем самым нанося ущерб их легитимности и повышая вероятность их смещения»¹². Настрой «независимого наблюдателя» на снижение легитимности партии власти безотносительно к наличию или отсутствию нарушений избирательных процедур позволяет сомневаться в истинных намерениях самоназначенных наблюдателей, их объективности и беспристрастности и прежде всего по поводу признания выборов легитимными. Тем более, если учесть, что некоммерческая организация «В защиту прав избирателей “Голос”» по решению Минюста была еще в 2012 г. включена в реестр иностранных агентов в связи с получением финансовых средств из зарубежных источников. В 2014 г. данный факт был подтвержден в апелляционном определении судебной коллегии Московского городского суда от 12 сентября 2014 г.¹³ И наконец, в 2021 г. Минюст России включил в обновленный реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранных агентов, общероссийское движение в защиту прав избирателей «Голос» как получающую финансовую поддержку из зарубежных источников¹⁴.

Как отметил член Общественной палаты РФ М.С. Григорьев, представители иноагента движения «Голос» делали попытки дискредитировать выборы, создать миф о нелегитимных выборах, чтобы добиться их непризнания мировым сообществом. Так, иностранное СМИ «Немецкая волна», ссылаясь на «Голос», заявила, что права быть избранным якобы лишатся сотни тысяч россиян из-за поправок в законодательство об экстремизме. М.С. Григорьев назвал это ложью. «Число людей, лишенных права быть избранными, немецкими журналистами завышено более чем в 8 тысяч раз. По причине связи с экстремистскими организациями на самом деле на выборах в Госдуму не было зарегистрировано 12 человек»¹⁵.

¹² Вайсберг А.С. Влияние общественного контроля на электоральные результаты инкумбента: случай губернаторских выборов в Санкт-Петербурге // Вестник Пермского ун-та. Политология. Т. 15. № 1. 2021. С. 59.

¹³ См.: URL: <https://www.interfax.ru/russia/409757>

¹⁴ См.: URL: <https://tass.ru/obschestvo/12164485>

¹⁵ URL: <https://ura.news/articles/1036282971>

¹¹ Плотников А.А. Общественное наблюдение на выборах как институт демократической избирательной системы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 16.

Участие институтов гражданского общества в легитимации выборов

Что же касается понятия легитимности выборов, то необходимо предварительно рассмотреть содержание данного понятия. Термин «легитимность» (от лат. *logitimus*) означает «согласованный с законами, законный, правомерный, легитимация – это узаконение какого-либо нового политического режима, придание ему легитимности»¹⁶. Легитимность выборов обусловлена рядом факторов. Во-первых, наличием демократической системы избирательного права. Как справедливо отмечается в литературе, «гарантией проведения честных и справедливых выборов должна стать сама избирательная система, действующая в государстве, начиная с формирования избирательных комиссий, не допускающая использования административного ресурса, а также отсутствие коррупции»¹⁷. Во-вторых, проведением честных и открытых выборов с неукоснительным соблюдением законодательно установленного порядка их проведения. В-третьих, добросовестным исполнением своих полномочий субъектами избирательного процесса: членами избирательных комиссий, наблюдателями.

Перечисленное относится к легитимации самого избирательного процесса, формированию необходимых предпосылок легитимности власти. Легитимация выборов повышается благодаря не формальному добросовестному наблюдению за законностью проведения голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установлению его итогов, определения результатов выборов и является одним из необходимых, но не единственным условием легитимности сформированной на выборах власти.

Легитимизация власти, полученная на честных законных выборах, должна подтверждаться в практической деятельности избранных органов публичной власти. Как справедливо отмечает В.Е. Чиркин, «основой рациональной легитимации являются не обещания, не имидж благодушного и мудрого правителя, часто даже не справедливые законы, а практическая работа органов государственной власти на благо страны, ее населения»¹⁸.

Именно в совокупности всех перечисленных характеристик и раскрывается содержание понятия легитимности власти. Как полагает Д.А. Авдеев,

¹⁶ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

¹⁷ Босова Е.Н. Контроль на выборах: политико-правовой аспект. Сер.: Социология. Политология. Саратов, 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 105.

¹⁸ Чиркин В.Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 96–111.

«легитимность следует рассматривать как не только согласие народа с принимаемыми органами власти в соответствии со своей компетенцией нормативно-правовыми актами, всеобщее одобрение и признание их организационной деятельности, но и как выраженную политическую волю большинства избирателей, нашедшую свое отражение в деятельности органов власти и управления»¹⁹.

Общественное наблюдение как дополнительный фактор легитимации выборов выступает в этом качестве лишь в случае объективного и добросовестного исполнения наблюдателями своих полномочий, определенных законодательством.

Некоторые авторы выделяют два подхода к оценке института наблюдения на выборах: ценностный и инструментальный²⁰. Соответственно, называют две модели общественного контроля: партиципаторный и имитационно-легитимационный. В первом случае присутствие независимых наблюдателей повышает уровень прозрачности процедур, предотвращает нарушения. Общественный контроль наблюдателей, якобы подконтрольных государству, в частности наблюдателей, назначенных общественными палатами, представляет собой комбинацию имитационных практик, нацелен прежде всего на легитимацию результатов выборов, но не на борьбу с нарушениями.

На практике, когда общественный контроль осуществлялся одновременно наблюдателями от избирательных объединений, оппозиционных политических партий, СМИ, наблюдателями, назначенными общественными палатами, легитимность выборов повышается в отсутствие каких-либо серьезных нарушений избирательных процедур. Только выборы, проведенные в строго определенном законодательством порядке, могут признаваться легитимными. И вообще деление общественного наблюдения на какие-либо модели весьма условное и скорее всего преследует цель принизить роль в честном объективном наблюдении представителей общественных объединений, не выступающих оппонентами действующей власти. Какой в этом случае может быть объективный подход к оценке легитимности выборов, когда даже незначительные мелкие нарушения во время голосования на некоторых избирательных участках, допущенные возможно по невнимательности членов избирательных комиссий и наблюдателей, расцениваться «независимыми» наблюдателями как

¹⁹ Авдеев Д.А. Конституционализация легитимности в России: правовая потребность или цивилизационная необходимость // Государство и право. 2019. № 8.

²⁰ См.: Вайсберг А.С. Влияние общественного контроля на электоральные результаты инкумбента: случай губернаторских выборов в Санкт-Петербурге. С. 60.

фальсификация, а состоявшиеся выборы в целом нелегитимными.

Прошедшие выборы в Государственную Думу ФС РФ, законодательные органы власти субъектов Российской Федерации показали, что свободному выражению политической воли избирателей, принявших участие в голосовании, способствовало масштабно организованное наблюдение как уже сложившаяся форма общественного контроля за выборами. Свою волю по избранию депутатов Государственной Думы выразило большинство избирателей (51,68% от общего числа зарегистрированных избирателей)²¹.

Общественный контроль способствовал повышению доверия избирателей к результатам голосования и в конечном счете к легитимности сформированного парламента. Немаловажное значение в осуществлении общественного контроля за голосованием сыграло круглосуточное видеонаблюдение в течении трех суток, которое, по существу, приобрело характер общественного наблюдения. На 96% избирательных участков и в территориальных избиркомах было установлено более 50 тыс. видеокамер и 36 тыс. видеорегистраторов (там, где проблемы с интернетом и где не было возможности наблюдать за голосованием в реальном времени). Трансляция видеонаблюдения велась на специальном портале, доступ к которому получили партии и кандидаты, участвующие в выборах, омбудсмены, члены Президентского совета по правам человека, Центра общественного наблюдения, общественные палаты²².

В Тюменской области, например, 490 участковых избирательных комиссий и 29 территориальных избирательных комиссий были оборудованы двумя видеокамерами на каждом участке, что составляет 79% охвата видеонаблюдением избирательных комиссий. В объективы камер попали места, где производится перемещение избирательных бюллетеней в сейфы-пакеты, комплексы обработки избирательных бюллетеней и стационарные ящики. Сейф, где хранились сейф-пакеты с избирательными бюллетенями, оставался в поле зрения видеокамер круглосуточно. На небольших участках, не обеспеченных интернетом, в т.ч. с количеством менее 1 тыс. избирателей, организована видеорегистрация. Для просмотра трансляций в Общественном штабе были смонтированы телемониторы. Каждый гражданин, желающий посмотреть онлайн-трансляции, мог это сделать беспрепятственно.

Как отмечалось в литературе, онлайн-трансляция процедуры голосования представила возможность

осуществлять общественный контроль за голосованием представителям активной части населения, «принимать непосредственное участие в обеспечении прозрачности и законности избирательных процедур, повышая тем самым уровень доверия населения не только к выборам, но и к власти в целом»²³.

Отличительной особенностью организации общественного наблюдения за выборами стало взаимодействие различных институтов гражданского общества в процессе выдвижения, назначения общественных наблюдателей и системная организация фактического наблюдения за голосованием. В 2021 г. региональные общественные палаты заключили соглашения о сотрудничестве по организации общественного контроля с общественными объединениями, некоммерческими организациями, общественными наблюдательными комиссиями, общественными палатами муниципальных образований, региональными отделениями политических партий, организовали обмен информацией, совместное обучение наблюдателей. Такая работа консолидировала различные институты гражданского общества, способствовала значимому авторитетному и компетентному участию представителей гражданского общества в контроле над формированием единой системы публичной власти, поскольку общественный контроль осуществлялся на выборах во все уровни власти – федеральный, региональный и местный.

Существенное повышение роли институтов гражданского общества не только в формировании органов публичной власти, но и в контроле за их деятельностью актуализирует вопросы дальнейшего определения места и роли гражданского общества в демократическом государстве, влияния общественной власти (власти общества) на формирование государственной политики, определение перспектив социально-экономического развития.

В этой связи представляют научный интерес идеи, высказанные М.В. Емельяновым. Рассматривая власть в широком социально-культурном измерении как комплексный социально-культурный и политико-правовой феномен участия масс во власти, упомянутый автор предлагает источником власти считать общество в целом, во всем своем многообразии. «Утверждение, что не народ, а общество является источником власти, не только не отрицает необходимость и реальность демократии, но, наоборот, стимулирует более глубокое исследование

²¹ См.: URL: <https://ura.news/news/1052506467>

²² См.: URL: m.ura.news/articles/1036282923

²³ Маркина Е. В., Позднышев А. Н. Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 54.

механизмов ее действия»²⁴. При этом М.В. Емельянов под обществом понимает «не собрание атомизированных индивидов, а сложный иерархизированный общественный организм, в своем проявлении представляющий высокоорганизованную целостную систему, каждый сегмент которой по-разному включен во власть, в разной степени обладает ею, либо влияет на нее... Власть – это функция общества, внутренне присущая ему»²⁵.

Приведенные утверждения автора не бесспорны, нуждаются в осмыслении, дополнительных обоснованиях, однако нельзя не заметить возрастающую роль общественной власти, ее носителей – различных общественных формирований не только в процессе формирования органов публичной власти на выборах, но и участия в дальнейшей деятельности органов публичной власти. Так, Общественная палата РФ образовала Координационный совет по организации общественного наблюдения в субъектах Российской Федерации, прочно вошло в практику ее деятельности проведение т.н. «нулевого чтения», когда еще до рассмотрения в Государственной Думе проекты федеральных законов, имеющих общественную значимость, подвергаются общественной экспертизе, в проведении которой участвуют эксперты региональных общественных палат. Можно привести многочисленные примеры, когда в результате квалифицированной общественной экспертизы в проекты вносятся существенные изменения, дополнения, а в ряде случаев проекты направляются на доработку, как это было с проектом федерального закона о самозанятых. Другой пример, когда по предложению Общественной палаты в федеральное законодательство включены нормы, вводящие новую категорию социально ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих общественно-полезные услуги и получающих финансовую поддержку из бюджетов субъектов Российской Федерации.

В субъектах Федерации общественные палаты также участвуют в законотворческой деятельности. Общественной палатой Тюменской области только за три последних года подготовлено 15 заключений экспертов на проекты федеральных законов. Согласно Уставу Тюменской области Общественная палата обладает правом законодательной инициативы, сформулированные экспертами законодательные новеллы включены в ряд нормативно-правовых актов, включая Стратегию социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года.

Активно используют право законодательной инициативы и другие общественные палаты. Так,

²⁴ Емельянов М.В. Тектоника власти. М., 2019. С. 218.

²⁵ Там же. С. 203.

Общественная палата Тверской области с 2010 по 2018 г. воспользовалась правом законодательной инициативы 19 раз, в результате шесть законопроектов были приняты. Кроме этого полномочия Общественная палата получила право на участие в формировании квалификационной коллегии судей Тверской области. По мнению ряда авторов, институты общественных палат «способствуют активизации общественных сил, готовы встраиваться в коммуникацию по продвижению социально ориентированных проектов»²⁶.

Внесенные в Конституцию РФ положения, наделяющего Правительство РФ полномочиями по осуществлению мер поддержки институтов гражданского общества, в т.ч. некоммерческих организаций, обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики, как отмечается в литературе, означают «закрепление в Конституции новой политической реальности – в России за годы, прошедшие с декабря 1993-го, сложилось гражданское общество, которое достаточно созрело для полноценного участия в жизни российской государственности»²⁷.

Считаем, что для дальнейшего повышения роли гражданского общества необходима конституционализация общественного участия граждан и их объединений в управлении делами государства. Одним из ключевых направлений развития взаимодействия гражданского общества и государства является совершенствование правового регулирования общественного контроля институтов гражданского общества за формированием и деятельностью органов публичной власти.

Совершенствование правового регулирования общественного контроля на выборах

Поскольку демократические выборы в органы публичной власти путем волеизъявления избирателей представляют собой форму народовластия, то и общественный контроль институтов гражданского общества должен осуществляться не только в форме наблюдения за голосованием, но и распространяться и на предыдущие стадии избирательного процесса, начиная с формирования избирательных комиссий, составления списков избирателей, финансирования выборов, регистрации кандидатов, проведения агитационной кампании.

²⁶ Сунгуров А.Ю., Козлова Н.Н., Мамагуашвили Д.И. Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 93.

²⁷ Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. Рыбинск, 2021. С. 221.

Представляется важным продолжить совершенствование правового регулирования общественного контроля за выборами, включая и такую его форму, как общественное наблюдение. Учитывая, что даже в определении нескольких понятий (наблюдение, общественное наблюдение, контроль за голосованием, общественный контроль за выборами) существуют различия в Федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», представляется необходимым разработать единый категориальный аппарат, используемый в определении понятий и содержания контроля, общественного контроля за выборами, включая и такую его форму, как наблюдение.

Контроль (судебный, административный) осуществляют избирательные комиссии всех уровней, органы исполнительной власти в части оказания содействия в организационно-технических вопросах, прокуратура, суды, полиция, а в период пандемии еще и органы Роспотребнадзора.

Общественный же контроль осуществляют различные институты гражданского общества: общественные объединения, включая политические партии, иные некоммерческие организации, общественные палаты. По законодательству данный контроль осуществляется лишь в форме общественного наблюдения на голосовании. Кроме этого, государственный контроль и общественный контроль за выборами различаются не только по субъектам, но и по закрепленными федеральными законами полномочиям. Как уже было отмечено, избирательными законами может быть предоставлено право назначения наблюдателей «иным общественным объединениям». По нашему мнению, к таковым следовало бы отнести общественные наблюдательные комиссии. Несколько странно выглядит то, что предоставляя общественным наблюдательным комиссиям обширные полномочия, ни Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания», ни иные нормативные правовые акты не предоставили право членам Общественной наблюдательной комиссии контролировать голосование граждан в местах их принудительного содержания в качестве наблюдателей. Что касается предложенный ряда авторов о включении в перечень субъектов общественного контроля, осуществляющих общественное наблюдение за голосованием, общественные палаты (советы) муниципальных образований²⁸, то следует отметить, что они (согласно разъяснению

²⁸ См.: Михеева Т.Н., Шабалин Г.Ю. Совершенствование законодательства об электоральном общественном контроле // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 26.

ЦИК России) могут лишь предлагать общественным палатам субъектов Российской Федерации кандидатуры для назначения наблюдателями²⁹. Если такое право будет предоставлено общественным палатам муниципальных образований на всех уровнях выборов, то тогда не избежать дублирования в назначении наблюдателей общественными палатами субъектов Российской Федерации. Сейчас они выполняют координационные функции, включая равномерное распределение наблюдателей по избирательным участкам. При этом такое распределение осуществляется после консультаций с региональными отделениями политических партий. Если же в единый день голосования будут проводиться только муниципальные выборы, то тогда целесообразно предоставить право назначения наблюдателей общественным палатам муниципальных образований.

Предложение о включении граждан в число субъектов наблюдения за голосованием³⁰ должно быть поддержано, поскольку именно граждане назначаются наблюдателями. Кроме того, трансляция видеонаблюдения позволяет и другим гражданам наблюдать онлайн за голосованием. Даже в отсутствие трансляции в Интернете такая возможность просмотра хода голосования предоставлялась активным гражданам в помещениях общественных штабов по наблюдению за выборами, в которых были установлены мониторы и велась круглосуточная видеотрансляция.

* * *

Проведенные в 2021 году выборы в Государственную Думу ФС РФ, законодательные (представительные) органы государственной власти в 39 субъектах Российской Федерации показали значимость осуществления общественного контроля за строгим соблюдением законодательно установленного порядка проведения выборов. Масштабная системная организация наблюдения подтвердила легитимность состоявшихся выборов. Таким образом, в целях дальнейшего повышения доверия населения к сформированным органам публичной власти, укрепления их легитимности представляется важным последовательно, без какого-либо длительного перерыва продолжить осуществление общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, выполнением продекларированных программ.

²⁹ См.: постановление ЦИК России от 12.08.2021 г. № 41/334-8 «О Разъяснениях порядка назначения наблюдателей Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов РФ при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва, иных выборов, голосование на которых состоит 17, 18 и 19 сентября 2021 года».

³⁰ См.: Галкин Д.В. Институт наблюдателей на выборах как форма общественного контроля // Вестник ТвГУ. Сер. «Право». 2017. № 1. С. 109, 110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев Д. А.* Конституционализация легитимности в России: правовая потребность или цивилизационная необходимость // Государство и право. 2019. № 8.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
3. *Босова Е. Н.* Контроль на выборах: политико-правовой аспект. Сер.: Социология. Политология. Саратов, 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 105.
4. *Вайсберг А.* Общественный мониторинг выборов в России – контроль или его имитация: обзор литературы // Generation PP – 2020. Приложение к журналу «Публичная политика». 2020. С. 9, 15.
5. *Вайсберг А. С.* Влияние общественного контроля на электоральные результаты инкумента: случай губернаторских выборов в Санкт-Петербурге // Вестник Пермского ун-та. Политология. Т. 15. № 1. 2021. С. 59, 60.
6. *Галкин Д. В.* Институт наблюдателей на выборах как форма общественного контроля // Вестник ТвГУ. Сер. «Право». 2017. № 1. С. 109, 110.
7. *Гриб В. В.* Общественный контроль: учеб. М., 2017. С. 529.
8. *Емельянов М. В.* Тектоника власти. М., 2019. С. 203, 218.
9. *Карастелев В. Е.* Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.
10. *Коновальчиков Я. А.* О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе // Росс. юрид. журнал. 2017. № 4. С. 76.
11. *Маркина Е. В., Позднышев А. Н.* Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 54.
12. Международные избирательные стандарты: сб. док. / отв. ред. В. И. Лысенко. М., 2009. Вып. 2. С. 447.
13. *Михеева Т. Н., Шабалин Г. Ю.* Совершенствование законодательства об электоральном общественном контроле // Актуальные проблемы рос. права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 26.
14. Общественный контроль на выборах: учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Полянского и И. Б. Борисова. М., 2017. С. 22.
15. Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / под ред. Ф. З. Алиева, Б. В. Межуева, А. Б. Рудакова. Рыбинск, 2021. С. 221.
16. *Плотников А. А.* Общественное наблюдение на выборах как институт демократической избирательной системы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 16.
17. *Сунгуров А. Ю., Козлова Н. Н., Мамагуашвили Д. И.* Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 93.
18. *Федотова Ю. Г.* Государственный и общественный контроль в механизме обеспечения безопасности Российской Федерации. М., 2021. С. 170.
19. *Чеботарев Г. Н.* Общественный контроль на выборах: опыт и проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 56–60.
20. *Чиркин В. Е.* Основы государственной власти. М., 1996. С. 96–111.

REFERENCES

1. *Avdeev D. A.* Constitutionalization of legitimacy in Russia: legal need or civilizational necessity // State and Law. 2019. No. 8 (in Russ.).
2. Big Law Dictionary / ed. by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. 2nd ed. M., 2001 (in Russ.).
3. *Bosova E. N.* Election control: political and legal aspect Sociology series. Political science. Saratov, 2019. Vol. 19 (1) (in Russ.).
4. *Weisberg A.* Public monitoring of elections in Russia – control or its imitation: a literature review // Generation PP – 2020. Appendix to the Public Policy Journal. 2020 (in Russ.).
5. *Weisberg A. S.* The influence of public control on the electoral results of an incumbent: the case of governor elections in St. Petersburg // Herald of Perm University. Political science. 2021. No. 15 (1) (in Russ.).
6. *Galkin D. V.* The institute of election observers as a form of public control // Vestnik Tver State University. Law Series. 2017. No. 1 (in Russ.).
7. *Grib V. V.* Public control: textbook. M., 2017 (in Russ.).
8. *Emelyanov M. V.* Tectonics of power. M., 2019 (in Russ.).
9. *Karastelev V. E.* Institutionalization of public control in the system of justice and law enforcement in modern Russia: dis. ... candidate in Political Science. M., 2015 (in Russ.).
10. *Konovalechikov Ya. A.* On the control exercised by political parties in the electoral process // Russian legal journal. 2017. No. 4 (in Russ.).
11. *Markina E. V., Pozdnyshchev A. N.* Expansion of the rights of citizens of the Russian Federation in the field of public control as a way to prevent constitutional con-

- flicts // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 5 (in Russ.).
12. International electoral standards: a collection of documents. M., 2009. Issue 2 / res. ed. V.I. Lysenko (in Russ.).
 13. *Mikheeva T.N., Shabalin G. Yu.* Improvement of legislation on electoral public control // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 3 (124) (in Russ.).
 14. Public control at elections: textbook / ed. by V.V. Polyansky and I.B. Borisov. M., 2017 (in Russ.).
 15. The Basic Law of Russia: The Greatness of the Country and the Dignity of Citizens / eds. F.Z. Alieva, B.V. Mezhueva, A.B. Rudakova. Rybinsk, 2021 (in Russ.).
 16. *Plotnikov A.A.* Public observation at elections as an institution of a democratic electoral system // Law and state: theory and practice. 2020. No. 4 (in Russ.).
 17. *Sungurov A. Yu., Kozlova N.N., Mamaguashvili D.I.* Public chambers as institutions for the implementation of the paternalistic model of interaction between government and society: the experience of the Tver region and St. Petersburg // Polis. Political Studies. 2020. No. 3 (in Russ.).
 18. *Fedotova Yu. G.* State and public control in the security mechanism of the Russian Federation. M., 2021 (in Russ.).
 19. *Chebotarev G.N.* Public control at elections: experience and problems of legal regulation // Constitutional and Municipal Law. 2018. No. 7 (in Russ.).
 20. *Chirkin V.E.* Foundations of state power. M., 1996 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕБОТАРЕВ Геннадий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Научный руководитель Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; председатель Общественной палаты Тюменской области

Authors' information

CHEBOTAREV Gennady N. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Research Director of the Institute of State and Law Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia; Chairman of the Public Chamber of Tyumen Region

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ И ИНЫХ НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННЫХ
С НИМИ ОТНОШЕНИЙ

© 2022 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: romashkin1933@mail.ru

Поступила в редакцию 15.08.2021 г.

Аннотация. За три десятилетия, минувших с момента легализации в Российской Федерации социального партнерства в сфере труда и его структуры, создана действующая система правового регулирования, органы социального партнерства, действующие на всех уровнях процедуры, позволяющей достичь согласия между работниками и их представителями, социально-ответственным бизнесом и социальным государством по всему спектру вопросов теперь уже не только собственно социально-трудовых отношений, но и стратегическим направлениям экономического развития народного хозяйства, экологической безопасности и прав человека. В статье предпринята попытка обозначить основные изменения в правовом регулировании и теоретические проблемы социального партнерства в сфере регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, наметить возможные пути решения возникающих при этом проблем, а также спрогнозировать будущие направления совершенствования его правового механизма. Наряду с конституционализацией социального партнерства закрепление получил принцип уважения человека труда. В статье предпринята попытка выяснить их соотношение. С позиции конкуренции двусторонней и трехсторонней моделей социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений прогнозируются: место и роль государства в системе в будущем; пути устранения пробелов в законодательстве о получении информации, непосредственно затрагивающей интересы работников; проблемы совершенствования охранительного механизма социального партнерства, процедур разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также перспективы развития отраслевого института ответственности в трудовом праве.

Ключевые слова: социальное партнерство, уважение человека труда, Конституция РФ, трудовые споры, информация, ответственность в трудовом праве.

Цитирование: Чуча С. Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142.

DOI: 10.31857/S102694520018280-9

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE REGULATION OF LABOR
AND OTHER RELATIONSHIP DIRECTLY RELATED TO THEM

© 2022 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: romashkin1933@mail.ru

Received 15.08.2021

Abstract. Over the three decades that have passed since the legalization of social partnership in the labor sphere and its structure in the Russian Federation, an operating system of legal regulation has been created. Bodies of social partnership, acting at all levels of the procedure, allowing to reach agreement between workers and their representatives, socially responsible business and the social state on the entire spectrum of issues, now

not only social and labor relations proper, but also the strategic directions of economic development of the country and the branches of the people economy, environmental safety and human rights. In this article, we will try to identify the main changes in legal regulation and theoretical problems of social partnership in the field of regulation of labor and relations directly related to them, outline possible ways to solve the problems arising in this case, and also predict future directions by the perfections of its legal mechanism. Along with the constitutionalization of social partnership, the principle of respect for the working person was consolidated in the updated Basic Law. The article attempts to clarify their relationship. From the standpoint of competition of bilateral and trilateral models of social partnership in the field of regulation of labor and other relations directly related to them, the place and role of the state in the system in the future are predicted; ways to eliminate gaps in legislation on obtaining information that directly affects the interests of employees; problems of improving the protective mechanism of social partnership, procedures for resolving individual and collective labor disputes, as well as the prospects for the development of the sectoral institution of responsibility in Labor Law.

Key words: social partnership, respect for the working person, the Constitution of the Russian Federation, labor disputes, information, responsibility in Labor Law.

For citation: *Chucha, S. Yu. (2022). Social partnership in the regulation of labor and other relationship directly related to them // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 130–142.*

История вопроса. За три десятилетия, минувших с издания Указа Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)»¹, в России создана действующая система социального партнерства в сфере труда, включающая в себя систему правового регулирования, органы социального партнерства, действующие на всех уровнях процедуры, позволяющие достичь согласия между работниками и их представителями, социально-ответственным бизнесом и социальным государством по всему спектру вопросов теперь уже не только собственно социально-трудовых отношений, но и стратегическим направлениям экономического развития народного хозяйства, экологической безопасности и прав человека.

Проблемы социального партнерства в сфере труда и правовое регулирование отдельных его элементов находились в фокусе научного внимания². Теоретические проблемы правового статуса профсоюзов, коллективно-договорного регулирования трудовых отношений и разрешения трудовых споров прорабатывались Н. Г. Александровым³,

К. Н. Гусовым⁴, Е. Б. Хохловым⁵, К. Д. Крыловым⁶, А. М. Куренным⁷, В. М. Лебедевым⁸, С. П. Мавриным⁹, Г. К. Москаленко¹⁰, В. Н. Скобелкиным¹¹, И. О. Снигиревой¹², Т. А. Сошниковой¹³, В. Д. Шаховым¹⁴, А. И. Шебановой¹⁵ и др. Они заложили фундамент для разработки основ социального партнерства в сфере труда, путей создания

⁴ См.: Гусов К. Н. Договоры о труде в трудовом праве при формировании рыночной экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.

⁵ См.: Хохлов Е. Б. Экономические методы управления и трудовое право. Л., 1991.

⁶ См.: Крылов К. Д. Социальное партнерство в современных условиях: сравнительно-правовой обзор // Библиотечка профсоюзного активиста. 1998. № 4.

⁷ См.: Куренной А. М. Производственная демократия и трудовое право. М., 1989.

⁸ См.: Лебедев В. М. Акрибология (общая часть). Томск, 2000.

⁹ См.: Куренной А. М., Маврин С. П., Хохлов Е. Б. Современные проблемы российского трудового права // Правоведение. 1997. № 2. С. 19–40.

¹⁰ См.: Москаленко Г. К. Коллективный договор по советскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1961.

¹¹ Скобелкин В. Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.

¹² См.: Снигирева И. О. Профсоюзы и трудовое право. М., 1983; Её же. О социальном партнерстве // Новое в законодательстве о коллективных договорах и соглашениях: практический комментарий. М., 1992. С. 156–189.

¹³ См.: Сошникова Т. А. Проблемы развития социального партнерства в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2003. № 4. С. 16–22.

¹⁴ См.: Шахов В. Д. Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск, 1990.

¹⁵ См.: Шебанова А. И. Соглашения и коллективные договоры в условиях формирования рыночных отношений // Государство и право. 1993. № 5. С. 70–79.

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 47, ст. 1611.

² Большой вклад в развитие знаний об этом явлении в странах с рыночной экономикой внесли сравнительно-правовые исследования (см., напр.: Жарков Б. Н., Машезерская Л. Я., Усенин В. И. Рабочий коллектив и коллективные договоры на современном капиталистическом предприятии. М., 1972; Иванов С. А. На пути к новой концепции трудового права: о коллективных трудовых спорах и забастовках // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 47–57; Её же. Трудовое право и рыночная экономика // Вестник Московского ун-та. Сер. 2: Право. 1992. № 4. С. 65–73; Киселев И. Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе: социально-правовые аспекты. М., 1978).

³ См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.

соответствующей российской системы, в т.ч. и как средства выхода из экономического и политического кризиса, проведения монографических исследований¹⁶, создавших предпосылки для включения специального раздела в Трудовой кодекс РФ.

Последовавшие после принятия Трудового кодекса РФ комплексные научные исследования¹⁷ позволили скорректировать отдельные положения данного нормативного правового акта, регулирующие те или иные аспекты социального партнерства в сфере труда, разработать и принять необходимые изменения действующего законодательства о социальном партнерстве.

В последующие полтора десятилетия проблемы правового регулирования социального партнерства в сфере труда не оставались без внимания¹⁸, в т.ч. и на уровне диссертационных исследований отдельных его элементов¹⁹.

Вместе с тем в Конституции РФ закрепление получили наряду с социальным партнерством принцип уважения человека труда. Предстоит выяснить их соотношение. Также необходимо ответить на вопрос о том, какое место займет в будущей системе социального партнерства государство и останется ли социальное партнерство трипартистским явлением по примеру функционирующей уже более столетия Международной организации труда или на основании иной модели в условиях дальнейшего углубления регулирования

¹⁶ См., напр.: Лушникова М.В. Правовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений (сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997; Нуртдинова А.Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Чуча С.Ю. Становление и перспективы развития социального партнерства в Российской Федерации. М., 2001.

¹⁷ См.: Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации. Омск, 2005.

¹⁸ См.: Снигирева И.О. Правовое положение российских профсоюзов в сфере труда: история и современность. М., 2021.

¹⁹ См., напр.: Бородин И.И. Формы социального партнерства по российскому трудовому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Егоров С.А. Международно-правовое регулирование социального диалога в сфере труда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Казаков С.О. Основные формы социального партнерства в России и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Нуштайкина К.В. Непрофсоюзное (альтернативное) представительство интересов работников в социальном партнерстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017; Рожко Г.Б. Правовой статус объединений работодателей в сфере социального партнерства по законодательству России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Свиридов А.К. Организационно-правовые отношения по социальному партнерству в сфере трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

труда глобальными корпоративными рамочными соглашениями.

В этих и многих других проблемах предстоит разобрататься исследователям. В настоящей статье попытаемся лишь обозначить основные изменения в правовом регулировании и теоретические проблемы социального партнерства в сфере регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, накопившиеся в последние полтора десятилетия, наметить возможные пути их решения, а также спрогнозировать будущие направления совершенствования его правового механизма.

Конституционная реформа и расширение юридического содержания понятия социального партнерства. Понятие «социальное партнерство» применено в двух статьях Конституции РФ: в ст. 75¹, согласно которой «в Российской Федерации... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» и в п/п. е.4 п. 1 ст. 114, наделяющем Правительство РФ полномочиями по обеспечению реализации «принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений».

Речь в указанных нормах Конституции РФ идет о разных правовых явлениях — соответственно о социальном партнерстве в общественных отношениях в целом и социальном партнерстве, ограниченном сферой труда, о целом и части этой системы.

Обратим внимание, что в п/п. е. 4 п. 1 ст. 114 Конституции РФ происходит смешение термина «социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» с определением этого понятия, закрепленном ст. 23 ТК РФ: «Социальное партнерство в сфере труда (далее — социальное партнерство) — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Можно предположить, что это сделано законодателем с тем, чтобы еще больше «оттенить» социально-трудовое партнерство, поименованное в ст. 114 Конституции РФ от социального партнерства, о котором ведется речь в ст. 75¹. Иного практического или доктринального смысла смены устоявшейся в законодательстве терминологии («социальное партнерство в сфере труда») мы не находим.

Кроме тред-юнионистского²⁰ понимания социального партнерства как системы связей между субъектами трудовых и связанных с ними отношений исключительно в сфере труда еще в 90-е прошлого века наметилась тенденция рассматривать социальное партнерство в широком смысле: как систему связей, сотрудничество не только в сфере названных отношений между указанными субъектами, но наряду с ними и в иных сферах между общественными организациями, социальными и религиозными группами и т.п.²¹

То обстоятельство, что проблемы обеспечения социального партнерства, хотя и в узком смысле, наиболее полно теоретически и практически проработаны в рамках трудового права, дает последнему большие возможности участия в развитии общественных отношений в Российской Федерации в целом, формировании институтов гражданского общества. Ведь не будут самодостаточными явлениями ни социально-трудовое партнерство, рассматриваемое как механизм регулирования исключительно трудовых отношений, ни трехсекторное взаимодействие без своей важнейшей социально-трудовой компоненты.

Уважение человека труда в содержании социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. В Конституции РФ наряду с социальным партнерством закреплён принцип уважения человека труда. Предстоит выяснить, как они будут соотноситься и функционировать в условиях разукрупнения предприятий, с одной стороны, и глобализации бизнеса, с другой, повышения мобильности рынка труда и трудовых отношений в целом, возникновения и широкого распространения новых форм занятости. В XXI в. нельзя строить соглашения на обязательствах. Приоритет в социальном партнерстве следует отдавать правовым возможностям и гарантиям сторон, их взаимному признанию.

К. Д. Крылов в дискуссии на Петербургском международном юридическом форуме в мае 2021 г. отметил, что в науке мало внимания уделяется вопросам содержания социального партнерства. Это происходит потому, что содержание партнерства разбросано по разным институтам трудового права. Поскольку Конституция РФ рядом с термином «социальное партнерство» фиксирует уважение человека труда, мы должны исходить из этих

²⁰ См.: Хананашвили Н.Л., Якимец В.Н. Смутные времена социальной политики в России. М., 1999.

²¹ См., напр.: Короткова Е.А. Формирование системы социального партнерства на предприятии: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2005; Дмитриев А.В. Конфликтология: учеб. пособие. М., 2000; Ховрин А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010.

положений, определяя, кому должен быть отдан приоритет в согласовании этих интересов.

Рассматривая реализацию ст. 75¹ Конституции РФ об уважении человека труда сквозь призму гарантий, и прежде всего трудового законодательства, следует выделять внешнюю (формальную) и внутреннюю (содержательную) стороны.

Примером внешней (формальной) стороны реализации конституционной гарантии уважения человека труда является часть первая ст. 57 ТК РФ, регламентирующая содержание трудового договора. Исходя из буквального ее толкования, первым в трудовом договоре указывается работник, и лишь следом за ним – работодатель: «В трудовом договоре указываются: фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя – физического лица), заключивших трудовой договор...».

Примером внутренней (содержательной) стороны реализации конституционной гарантии являются многие нормы практически всех разделов Трудового кодекса РФ, обеспечивающие стабильность трудового правоотношения, гарантии и компенсации. Но в этом длинном ряду норм, образующих основу Трудового кодекса РФ и законодательства о труде, возьмем на себя смелость выделить одну, назвав ее основной, базовой и в наибольшей степени отражающей суть рассматриваемой конституционной гарантии. Это нормы ст. 75 ТК РФ.

Иными словами, суть конституционной гарантии уважения человека труда – стабильность трудовых отношений, обеспечиваемая прежде всего нормами ст. 75 ТК РФ. Они представляют собой своеобразный маркер. Убери их – и нам трудно будет говорить о равенстве сторон трудового договора: какое равенство может быть у работника, который следует за судьбой работодателя, причем тогда, когда работодатель в полной мере обладает свободой воли в определении своей дальнейшей судьбы.

Отчего же с таким упорством не исполняется очевидное и недвусмысленное предписание части первой ст. 57 ТК РФ об указании работника первым в договоре относительно работодателя?

Законодатель сам допустил возможность игнорирования его воли, определив в ст. 56 ТК РФ трудовой договор как соглашение между «работодателем и работником», записав, в соответствии с советской традицией, что сторонами договора являются «работодатель и работник». В такой ситуации следует привести ст. 56 ТК РФ в соответствие со ст. 75¹ Конституции РФ, частью первой ст. 57 ТК РФ и обеспечить сторонам трудового правоотношения подобающее место в трудовом договоре.

Но и не это главная причина всеобщего расположения работника вторым лицом в договоре,

иначе бы непредвзятый работодатель, составляя договор, переписали бы ст. 57 ТК РФ, – и мы, возможно, имели бы иную практику. Ситуацию усугубил Минтруд России, утвердив или подготовив для утверждения Правительством РФ ряд типовых форм трудового договора²². Вслед за министерством пошли и разработчики неофициальных типовых форм трудовых договоров, размещаемых в базах данных, справочных правовых системах и комментариях трудового законодательства²³.

Чтобы изменить практику, во исполнение нормы ст. 75¹ Конституции РФ об уважении человека труда, в соответствии с частью первой ст. 57 ТК РФ следует привести формулировку и ст. 56 Кодекса, и всех типовых форм трудового договора, утвержденные органами исполнительной государственной власти.

Конкуренция двусторонней и трехсторонней моделей социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Процесс глобализации породил транснациональные корпорации и профсоюзы, глобальные рамочные соглашения, регулирующие не только вопросы социально-трудовых отношений, но уже вытесняющие государства из социального диалога, превращая его все в большей степени в бипартистское явление, а рамочные соглашения между глобальными корпорациями и глобальными профсоюзами – в инструмент защиты прав человека и права на организацию, экологической и прочей правозащитной деятельности, традиционно относящимся к государственным функциям. В складывающейся ситуации следует ответить на вопрос о том, какое место займет в будущей системе государство и останется ли социальное партнерство трипартистским явлением по примеру функционирующей уже более столетия Международной организации труда или на основании иной модели. Одновременно хотелось бы установить, позволит ли

²² См., напр.: постановление Правительства РФ от 27.08.2016 г. № 858 «О типовой форме трудового договора, заключаемого между работником и работодателем – субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям» // СЗ РФ. 2016. № 36, ст. 5414; приказ Минздравсоцразвития России от 14.08.2008 г. № 424н «Об утверждении Рекомендаций по заключению трудового договора с работником федерального бюджетного учреждения и его примерной форме» // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Минтруда России от 20.01.2015 г. № 23н «Об утверждении примерной формы трудового договора, заключаемого работодателем (судовладельцем) и работником (моряком) для работы в составе экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации» // Там же.

²³ Например, Трудовой договор, заключаемый между работником и работодателем – субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям (образец заполнения, разработанный на основе типовой формы) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2021).

возникновение новых форм занятости сохраниться не только традиционным профессиональным союзам, но и традиционным трудовым отношениям; что станет с коллективными договорами в условиях разукрупнения предприятий и уменьшения численности их работников: будут ли они вытесняться отраслевыми соглашениями, включающими в себя конкретные условия, необходимые для регулирования трудовых отношений не столько для отрасли в целом, сколько для дифференциации на отдельных предприятиях, или локальные акты социального партнерства утратят актуальность без какой-либо замены?

Процессы преобразований в экономической и политической системах происходят столь стремительно и в таких масштабах, что это ведет к трансформации всей сферы труда. Поэтому необходимо понять суть этих процессов и действенно реагировать на них, чтобы стороны социального партнерства в Российской Федерации и впредь имели возможность выполнять свои задачи и функции в области обеспечения социальной справедливости и социальной безопасности.

В Докладе Генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» отмечается, что глобализация вызвала непрекращающийся процесс интернационализации мировой производственной системы, в рамках которой приобретающие господствующее позиции глобальные цепочки поставок зачастую не дают возможности определить единое происхождение готовых изделий – как правило, они являются товарами общемирового производства²⁴.

С начала 1990-х годов за десятилетие в мире было заключено 27 глобальных соглашений²⁵. К 2018 г. их число между одним только Глобальным профсоюзом IndustriALL и транснациональными корпорациями достигло 44²⁶.

4 июня 2018 г. было подписано очередное Глобальное рамочное соглашение между Глобальным союзом IndustriALL, Профессиональным союзом работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства РФ, Международным объединением профсоюзных организаций ОАО

²⁴ См.: Доклад Генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» // Международная конференция труда, 104-я сессия. Международное бюро труда, Женева, 2015.

²⁵ См.: Глобальный доклад МОТ «Объединение в организации в целях социальной справедливости». Женева, 2004. П. 241–265.

²⁶ См.: Сайт Глобального профсоюза IndustriALL // <http://www.industrialunion.org/ru/globalnye-ramochnye-soglasheniya-industrial> (дата обращения: 08.04.2019).

«Нефтяная компания “Лукойл”» и ОАО «Нефтяная компания “Лукойл”»²⁷.

Соглашение открывает раздел, посвященный защите прав человека, что делает его уникальным в ряду заключенных в Российской Федерации актов социального партнерства и свидетельствует о выходе социального диалога в компании на новый уровень.

Специальный раздел соглашения посвящен вопросам безопасности труда и защиты окружающей среды. В нем компания обязуется, в частности, соблюдать принцип приоритета сохранения жизни и здоровья работника по отношению к результатам производственной деятельности; осуществлять периодическое информирование и поддерживать диалог со всеми заинтересованными сторонами в области промышленной и экологической безопасности; публиковать отчеты о своей деятельности, о результатах оценки воздействия на окружающую среду, персонал и население.

Таким образом, исследуемые и подобные им соглашения неизбежно окажут влияние на жизнь населения той территории, где функционируют предприятия компании, а потому с необходимостью повлекут за собой консультации и диалог по социально-экономическим вопросам с местными органами управления. По нашему мнению, реализация положений такого соглашения невозможна без трехстороннего сотрудничества.

Кроме того, ряд положений соглашения (в частности, касающихся охраны окружающей среды) «высвечивают» стремление компании к сотрудничеству не только с традиционными социальными партнерами по вопросам социально-трудовых отношений, но и с организациями гражданского общества, существенно обогащая правовую природу соглашения, которое перестает быть лишь трудовым актом, регулируя вопросы, интересующие общество в целом.

Действующие трехстороннее Генеральное соглашение и отраслевые (тарифные) соглашения объемом предоставляемых трудящимся дополнительных в сравнении с законодательством льгот и преимуществ не впечатляют.

Например, заметное место в действующих отраслевых соглашениях и иных актах социального партнерства разного уровня уделяется вопросам обеспечения занятости работников.

В девяти заключенных в 2018–2019 гг. отраслевых тарифных соглашениях содействию занятости посвящены отдельные разделы²⁸.

²⁷ Социальное партнерство. 2018. № 2. С. 5–7.

²⁸ Так, в разд. 4 Отраслевого соглашения между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны,

В ряде соглашений речь идет уже не только о содействии занятости, но и о развитии кадрового потенциала²⁹ в организациях отрасли³⁰.

В Федеральном отраслевом соглашении по угольной промышленности на 2019–2021 годы от 18 января 2018 г.³¹ исследуемым вопросам посвящены три раздела: «Защита интересов высвобождаемых работников при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников», «Гарантии и компенсации высвобождаемым работникам» и «Гарантии отдельным категориям работников по их оставлению на работе». Последний содержит оригинальные нормы, например, о возможности увольнения в течение года по сокращению численности или штата только одного из супругов, работающих в организации (п. 5. 24).

чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации на 2019 год от 29.01.2019 г. (зарегистрировано в Роструде 18.02.2019 г. Регистрационный № 2/19-21) (см.: Солидарность. 2019. № 23); разд. 5 Федерального тарифного соглашения в лифтовой отрасли и сфере вертикального транспорта на 2019–2021 годы от 18.10.2018 г. (зарегистрировано в Роструде 12.11.2018 г. Регистрационный № 18/19-21) (см.: Солидарность. 2018. № 46; 2018. 47); разд. 7 Отраслевого тарифного соглашения по организациям нефтеперерабатывающей отрасли промышленности и системы нефтепродуктообеспечения Российской Федерации на 2019–2021 годы от 25.07.2018 г. (зарегистрировано в Роструде 16.08.2018 г. Регистрационный № 14/19-21) (см.: Солидарность. 2018. № 44); разд. 7 Отраслевого тарифного соглашения по организациям химической, нефтехимической, биотехнологической и химико-фармацевтической промышленности Российской Федерации на 2019–2021 годы от 25.07.2018 г. (зарегистрировано в Роструде 16.08.2018 г. Регистрационный № 15/19-21) (см.: Солидарность. 2018. № 43) такие разделы названы соответственно: «Содействие занятости», «Занятость», «Занятость работников».

²⁹ См.: Отраслевое соглашение по органам и учреждению Федерального казначейства на 2019–2022 годы от 11.03.2019 г. (зарегистрировано в Роструде 14.05.2019 г. Регистрационный № 9/19-22) // Солидарность. 2019. № 19.

³⁰ Имеются в виду, в частности: разд. 7 и 8 Межрегионального отраслевого соглашения по алмазно-бриллиантовому комплексу Российской Федерации на 2019–2021 годы от 21.02.2019 г. (зарегистрировано в Роструде 14.05.2019 г. Регистрационный № 8/19-21) // Солидарность. 2019. № 25; разд. 3 Межрегионального межотраслевого соглашения по предприятиям медно-никелевой промышленности и обеспечивающего комплекса на 2019–2022 годы от 22.01.2019 г. (зарегистрировано в Роструде 26.02.2019 г. Регистрационный № 3/19–21) // Солидарность. 2019. № 19; разд. 4 Отраслевого тарифного соглашения в электроэнергетике Российской Федерации на 2019–2021 годы от 21.12.2018 г. (зарегистрировано в Роструде 22.01.2019 г. Регистрационный № 23/19-21) // Солидарность. 2019. № 11; 2019. № 12.

³¹ Зарегистрировано в Роструде 04.02.2019 г. Регистрационный № 1/19-21 (см.: Солидарность. 2019. № 13; 2019. № 15; 2019. № 16).

Во всех рассмотренных соглашениях устанавливаются критерии массового высвобождения работников³².

В отраслевых соглашениях закреплено немало иных норм, направленных на обеспечение занятости и устанавливающих компенсации при прекращении трудовых отношений на предприятиях соответствующих отраслей, гарантии на переобучение за счет работодателя и трудоустройство на другом предприятии отрасли, преимущества на оставление на работе при проведении мероприятий по сокращению численности или штата. Данный уровень социального партнерства позволяет учесть особенности экономических и трудовых отношений и дифференцировать их правовое регулирование в зависимости от отрасли хозяйственной деятельности, но не заменить собой локальное регулирование. Для локального регулирования трудовых отношений по уровню дифференциации норм тарифные соглашения не приспособлены и не могут заменить коллективные договоры в случае уменьшения трудовых коллективов предприятий и, как следствие, роста числа организаций, где коллективный договор по факту не заключается.

Будущее сферы труда напрямую связано с тем, сможет ли сохраниться действующая форма социального партнерства — трипартизм — в условиях развития и укрепления корпоративной социальной ответственности бизнеса. Или же организации работников и работодателей будут с течением времени становиться самодостаточными в отношениях с государством, устраняющимся от участия в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений.

Получение информации, непосредственно затрагивающей интересы работников: пробелы в законодательстве и пути их устранения. Информирование работников — по сути, межотраслевой институт, и в условиях межотраслевого регулирования³³ полноценно обеспечить право работников на информацию, очевидно, не удастся. Не стоит ли вопросы информирования консолидировать в рамках одной отрасли — трудового права, сгруппировав их все в Трудовом кодексе РФ постольку, поскольку добиться эффективного функционирования

института актами разной отраслевой принадлежности (трудовое и гражданское право) не удастся на протяжении десятилетий?

В Трудовом кодексе РФ участие работников в управлении законодатель рассматривает в двух аспектах: как основной принцип правового регулирования трудовых отношений (ст. 2) и как форму социального партнерства (ст. 27). Первый аспект проблемы предполагает реализацию принципа в регулировании отношений, составляющих самые разные институты трудового права, поскольку значение имеет не само по себе участие трудящихся в принятии управленческих решений, а тот результат, который это оказывает на правовое регулирование и реальное состояние трудовых отношений.

Основные формы участия работников в управлении предусмотрены ст. 53 ТК РФ. Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами, учредительными документами организации, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами могут быть определены и иные формы участия работников в управлении (например, полномочия представителей работников должника в ходе процедуры банкротства закреплены Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», полномочия производственно-го совета — частью первой ст. 22 ТК РФ)³⁴.

Третья форма участия в управлении — получение от работодателя информации по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников. Некоторые из них указаны в ст. 53 ТК РФ: реорганизация и ликвидация организации; введение технологических изменений, влекущих изменения условий труда; подготовка и дополнительное профессиональное образование работников.

Этот перечень не является исчерпывающим. Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами, учредительными документами организации, коллективным договором и соглашениями работодателю может быть предписано предоставлять работникам информацию и по иным вопросам³⁵.

Однако часть вторая ст. 53 ТК РФ несколько ограничивает содержание правила, установленного частью первой этой статьи. Ведь если часть первая содержит общую норму о необходимости предоставления любой информации по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников,

³² Так, в Межрегиональном межотраслевом соглашении по предприятиям медно-никелевой промышленности на 2019–2022 годы от 22 января 2019 г. (п. 3.6) и Федеральном отраслевом соглашении по угольной промышленности на 2019–2021 годы от 18 января 2019 г. (п. 5.17) критерии массового высвобождения дифференцированы в зависимости от списочной численности организации, числу высвобождаемых работников и периоду времени, в течение которых производится это высвобождение.

³³ См.: Галузо В. Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.

³⁴ См.: Чуча С. Ю., Драчук М. А. Учредительные документы организации-работодателя как форма закрепления трудовых прав и обязанностей // Росс. ежегодник трудового права. 2013. № 8. С. 324–332.

³⁵ Например, частью седьмой ст. 37 ТК РФ закреплено право на получение информации, необходимой для ведения коллективных переговоров (см.: Чуча С. Ю. Как регламентируется социальное партнерство // Человек и труд. 2003. № 8. С. 53–56).

то часть вторая ограничивает право на информацию вопросами, специально предусмотренными нормативными актами разного уровня.

Это имеет принципиальное значение. К примеру, ст. 134–136 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлен приоритет требований о возмещении вреда жизни и здоровью и по заработной плате (первая и вторая очередь, соответственно). Однако ст. 138 названного нормативного акта предусмотрено, что из средств, вырученных от реализации предмета залога, семьдесят процентов (а по обеспеченному залогом кредитному договору – 80%) направляется на погашение требований кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества должника, но не более чем основная сумма задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов. На погашение же требований кредиторов первой и второй очереди, в случае недостаточности иного имущества должника для погашения указанных требований, вносится на специальный банковский счет лишь 20% (по обеспеченному кредитному договору – 15%) вырученной от реализации предмета залога суммы³⁶.

Следовательно, информация о залоге имущества непосредственно затрагивает интересы работников, так как шансы получить задолженность по заработной плате в случае банкротства работодателя резко снижаются. Исходя из ст. 53 ТК РФ, информацию о залоге имущества работодатель предоставлять трудящимся не должен, первая же часть обязывает его это сделать. Во избежание противоречий подобного рода ст. 53 ТК РФ необходимо дополнить словами: «а также непосредственно затрагивающим интересы работника». Чтобы защитить права работников непосредственно при заключении договора залога, нелишне специально закрепить в законе (Трудовом кодексе РФ или Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)») право трудящихся на получение соответствующей информации от работодателя, или отменить ограничение на удовлетворение требований кредиторов первой и второй очереди за счет реализации заложенного имущества работодателя.

Неблагополучная ситуация с удовлетворением требований работников по заработной плате подтверждается статистикой. Например, по завершенным в 2019 г. делам о банкротстве требования кредиторов второй очереди, включенные в реестр требований кредиторов, составили только по заработной плате и выходным пособиям

2679 028 479 руб., удовлетворены же были лишь 745 069 480 руб. из них³⁷.

В первом полугодии 2019 г. были удовлетворены лишь 24,8% требований кредиторов второй очереди. При этом и требования залоговых кредиторов были удовлетворены в указанный период лишь на треть (33,8%). Доля дел о несостоятельности организаций, в которых залоговые кредиторы ничего не получили, составила 23%³⁸. Конкуренция требований названных категорий кредиторов³⁹ очевидна.

По нашему мнению, правовому регулированию информирования работников уделяется недостаточно внимания. Как представляется, нуждается в конкретизации предоставляемая работникам информация о реорганизации, об избранной форме реорганизации, ее сроках, планах относительно продолжения трудовых отношений и т.д. Законодательно должна быть формализована процедура передачи информации работникам, установлены неблагоприятные (возможно, неприемлемые) правовые последствия нарушения своей обязанности работодателем. Правовое содержание, не слишком объемное, но объективно требующее расширения, превратит получение информации работниками в самостоятельную и одну из важнейших форм социального партнерства в сфере труда.

Охранительный механизм социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Процедура разрешения коллективных трудовых споров как форма социального партнерства существенно сокращена и упрощена в сравнении с девяностыми годами, когда забастовки в большинстве своем были реакцией на невыплату заработной платы. Государство выработало эффективные меры борьбы с задержками заработной платы, фактически сведя на нет и забастовочную активность. Сохранится ли созданная система разрешения коллективных трудовых споров или пришла пора дальнейшей либерализации предзабастовочных процедур для установления новых условий труда, постепенно отказываясь от отраслевых по сути запретов на проведение протестных акций и прекращения работы в целях разрешения коллективных трудовых

³⁷ См.: Результаты процедур в деле о банкротстве за 2019 год. Информация АО «Интерфакс» на основе обработанных сведений из 36 354 опубликованных отчетов арбитражных управляющих в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ). URL: <https://fedresurs.ru/news/d9263eb1-10a9-43db-8755-3dc0add94bd3> (дата обращения: 16.02.2020).

³⁸ См.: Статистический бюллетень ЕФРСБ. 2019. 30 июня. URL: <http://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%2030%20июня%202019.pdf> (дата обращения: 16.02.2020).

³⁹ См.: Галузо В. Н., Карпетян А. Г. О некоторых проблемах материального вознаграждения руководителя акционерных обществ в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2014. № 6. С. 56–60.

³⁶ См.: Чуча С. Ю. Гарантии получения заработной платы при несостоятельности работодателя // Государство и право. 2002. № 11. С. 75–83.

споров, не позволяя работодателям переводить претензии работников к государству. Дифференциация же доходов в России позволяет ставить трудящимся вопрос об их перераспределении. Быть может, это вдохнет новую жизнь в профсоюзы. Резервы для сокращения времени разрешения коллективного трудового спора, а особенно снятия ограничений на реализации права на забастовку в действующем российском законодательстве имеются.

Ныне остро встал вопрос сохранения социально-партнерской досудебной процедуры разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссиях по трудовым спорам (КТС). Министерством юстиции РФ в августе 2020 г. разработан проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 382 и 391 Трудового кодекса Российской Федерации»⁴⁰, предусматривающий лишение КТС полномочий по взысканию задолженности по заработной плате и других выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений, с отнесением их к исключительной судебной подведомственности.

Во-первых, обращаем внимание на статистику, предлагаемую разработчиками законопроекта как мотив для его принятия⁴¹. Само по себе возбуждение за полугодие 2020 г. 89 исполнительных производств как основание радикального пересмотра подведомственности споров выглядит неубедительно. Это тем более верно, что динамика таких исполнительных производств и взысканных сумм резко отрицательная: в 2019 г. – 652 исполнительных производства на общую сумму долга 683.5 млн руб., из них в первом полугодии – 154 исполнительных производства на сумму долга 225.7 млн руб. Та же ситуация и с перечислением средств взыскателям: 155.8 млн руб. – в первом полугодии 2020 г., 304.3 млн руб. – в 2019 г, из них в первом полугодии – 189.8 млн руб.

Органами прокуратуры РФ в 2019 г. в суд направлено 234 647 исков о взыскании заработной платы (195 372 – в 2018 г.)⁴².

Районными судами в 2019 г. было рассмотрено 125.1 тыс. дел, возникающих из трудовых правоотношений (148.5 тыс. – в 2018 г.). Из них число трудовых споров об оплате труда уменьшилось

с 92.2 тыс. в 2018 г. до 70.3 тыс. (23.7%). Из числа рассмотренных споров об оплате труда 60.8 тыс., или 86.4% составляют дела о взыскании невыплаченной заработной платы, других выплат, или компенсации за задержку их выплаты⁴³.

В 2019 г. судебными приставами было возбуждено 344 209 исполнительных производств о взыскании задолженности по заработной плате на общую сумму 14 900 679 руб., с остатком прошлых периодов находилось на исполнении 446 094 исполнительных производства⁴⁴ на сумму 21 239 095 руб. Окончено фактическим исполнением в 2019 г. 308 587 производств на сумму 9 241 086 руб.⁴⁵ В 2018 г. было возбуждено 362 416 таких производств на сумму 14 695 440 руб., окончено исполнением – 238 281 производство на сумму 5 805 145 руб.⁴⁶

Районными судами в 2019 г. рассмотрено 60 тыс. дел о взыскании невыплаченной заработной платы, других выплат, или компенсации за задержку их выплаты. Судебными приставами в этом же году было возбуждено 344 тыс. исполнительных производств о взыскании задолженности по заработной плате. Допустим, что все рассмотренные районными судами дела этой категории завершились полным или частичным удовлетворением иска и выдачей исполнительных документов, которые были предъявлены к исполнению в этом же году и исключительно в ФССП, а не в банк. При таком допущении⁴⁷ порядка трех четвертей (284 тыс.) ис-

⁴³ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году. С. 59 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksi_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁴ Согласно Итоговому докладу о результатах деятельности ФССП России в 2019 году (с. 6) на исполнении в территориальных органах ФССП России находилось 442.7 тыс. исполнительных производств о взыскании задолженности по заработной плате (в 2018 г. – 460.2 тыс.) // Сайт ФССП России // https://fssp.gov.ru/files/fssp/db/files/032020/itogovyj_doklad_za_2019_god_20203181958.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁵ См.: Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь-декабрь 2019 года. Разд. 5. Сведения о движении отдельных категорий исполнительных производств имущественного характера // Сайт ФССП России // https://fssp.gov.ru/files/fssp/db/files/02020/vso_2019_2020310175.zip (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁶ См.: Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь-декабрь 2018 года. Разд. 5. Сведения о движении отдельных категорий исполнительных производств имущественного характера // Сайт ФССП России // <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁷ См.: Батюк В. И., Галузо В. Н. Допустим ли мониторинг по отношению к законодательству и правоприменению в Российской Федерации? // Право и государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 146–152.

⁴⁰ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107513> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 382 и 391 Трудового кодекса Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107513> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴² См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // Сайт Генеральной прокуратуры РФ // https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

полнительных документов этой категории в 2019 г. составили удостоверения КТС.

11 декабря 2020 г. состоялось подписание очередной Программы сотрудничества между Российской Федерацией и Международной организацией труда на 2021–2024 гг.⁴⁸ В ряду основных приоритетов и направлений сотрудничества среди мер по укреплению социального диалога, развитию систем коллективных договоров и трехстороннего сотрудничества, продвижения международных трудовых норм, стороны назвали подготовку предложений по развитию системы досудебного урегулирования трудовых споров (п. 2 части 3 Программы).

Как при наличии таких международных обязательств будет выглядеть государство, когда фактически ликвидирует институт досудебного урегулирования в КТС, даже сохранив его формально?

Исключив из подведомственности КТС споры о взыскании заработной платы, работодатель утратит возможность сэкономить на судебных издержках и интерес нести расходы на организацию функционирования КТС, которая лишится подавляющей части своих полномочий и сможет рассматривать трудовые споры лишь эпизодически, что автоматически поставит вопрос если не о ликвидации, то о быстрой деградации института, превращении КТС в продекларированный, но реально не работающий орган.

Реальной защитой от злоупотреблений при рассмотрении споров в КТС могла бы стать разработка и внедрение единой федеральной системы (портала) рассмотрения трудовых споров, к которой любая КТС страны смогла бы подключиться с использованием универсальных программных средств для размещения в открытом доступе полной информации о ходе рассмотрения таких споров, вынесенных решениях и выданных взыскателю или направленным в уполномоченные производить взыскание организации исполнительных документах. Этот портал должен иметь возможность автоматического обмена информацией с базами данных Пенсионного фонда, аккумулирующих теперь и все сведения о движении кадров, социального и медицинского страхования, электронного документооборота с органами ФССП и банками, уполномоченными исполнять удостоверения КТС, полученные в электронной форме, а в перспективе — и с универсальными кадровыми и финансовыми программными продуктами, эксплуатирующимися непосредственно на предприятиях. По мере ввода в эксплуатацию все новых элементов этой

системы, эффективность работы автоматических интеллектуальных средств контроля за движением обязательств будет возрастать и со временем исключит любые возможные злоупотребления.

Ответственность в коллективных трудовых отношениях: разработка отраслевого компонента. Одной из гарантий осуществления прав субъектов является установление ответственности за их нарушение. Ответственность воспринимается нами как всякое неблагоприятное последствие, претерпеваемое субъектом, совершившим противоправное деяние.

Параллельно с отраслевыми в трудовых отношениях за нарушения субъектов, прежде всего работодателя, применяется ответственность и иной отраслевой принадлежности: уголовной (ст. 143, 145¹ УК РФ), гражданско-правовой (например, возмещение убытков работодателю представительным органом работников, объявившим и не прекратившим забастовку после признания ее незаконной — ст. 417 ТК РФ), административной (ст. 5.27–5.34 КоАП РФ).

Применение ответственности разной отраслевой принадлежности, сочетание разных видов ответственности — привычное явление для трудового права, образовавшегося на базе гражданского с элементами административного (полицейского) права.

Например, в предвоенные годы была установлена уголовная ответственность за дисциплинарный в обычное время проступок — прогул. Эта уголовная ответственность хотя временами и критикуется, однако с учетом исторического момента и краткого периода действия — предвоенные и военные годы — все же в целом в трудовом праве и обществе воспринимается с пониманием.

Но что бы мы могли сказать, если бы предвоенные указы Президиума Верховного Совета СССР, установившие эту ответственность, действовали бы до сих пор? Наверное, такая ситуация воспринималась бы как неприемлемая.

Но именно таким образом обстоят дела в коллективных трудовых отношениях, где административная ответственность работодателя скоро уже как 30 лет доминирует над трудово-правовой.

Поэтому следует распространять трудово-правовую ответственность и на коллективные трудовые отношения, заменив, например, административный штраф за действующие сегодня в этой сфере административные правонарушения, отчисления (штрафами) работодателей в фонды социального партнерства разного уровня — от локального до федерального.

В качестве социально-партнерской трудово-правовой ответственности следует рассматривать прекращение работы (объявление забастовки) в целях

⁴⁸ См.: Россия и МОТ договорились о сотрудничестве на предстоящие четыре года // Сайт Министерства труда и социальной защиты РФ // <https://mintrud.gov.ru/employment/71> (дата обращения: 08.02.2021).

разрешения коллективного трудового спора в случае неудовлетворения их требований работодателем и признание забастовки незаконной.

Как дисциплинарная и материальная, ответственность социально-партнерская реализуется в рамках охранительных правоотношений. Для ее применения необходимы правовые основания. Однако между ними имеются и существенные отличия.

Во-первых, субъектом, привлекающим к ответственности в виде прекращения работы, является коллектив работников, что существенным образом выделяет этот вид ответственности в ряду трудово-правовой. Что касается признания забастовки незаконной, то это происходит не по воле работодателя, как при привлечении к дисциплинарной и в большинстве случаев материальной ответственности, но органом государства — судом.

Во-вторых, в отличие от дисциплинарной и материальной ответственности такая социально-партнерская ответственность, как коллективное прекращение работы, может наступать в отсутствие фактических оснований, т.е. может применяться в отсутствие вины как элемента состава правонарушения, но лишь при неудовлетворении работодателем требований работников об установлении новых условий труда. Это связано с двойной природой забастовки — как средства разрешения коллективного трудового спора и вида трудово-правовой ответственности.

Для привлечения ко всякой социально-партнерской ответственности необходимо прохождение весьма четкой и гораздо более подробной, нежели установленной для иных видов трудово-правовой ответственности, процедуры.

* * *

Возможно, пришло время приступить к формированию отраслевой трудово-правовой ответственности сторон социального партнерства на всех уровнях и наделить полномочиями по применению отраслевых мер ответственности органы социального партнерства — трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н. Г.* Трудовое правоотношение. М., 1948.
2. *Батюк В. И., Галузо В. Н.* Допустим ли мониторинг по отношению к законодательству и применению в Российской Федерации? // *Право и государство: теория и практика.* 2014. № 3. С. 146–152.
3. *Бородин И. И.* Формы социального партнерства по российскому трудовому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. *Галузо В. Н.* Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // *Государство и право.* 2018. № 6. С. 76–81.
5. *Галузо В. Н., Каранетян А. Г.* О некоторых проблемах материального вознаграждения руководителя акционерных обществ в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика.* 2014. № 6. С. 56–60.
6. *Гусов К. Н.* Договоры о труде в трудовом праве при формировании рыночной экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
7. *Дмитриев А. В.* Конфликтология: учеб. пособие. М., 2000.
8. *Егоров С. А.* Международно-правовое регулирование социального диалога в сфере труда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
9. *Жарков Б. Н., Машезерская Л. Я., Усенин В. И.* Рабочий коллектив и коллективные договоры на современном капиталистическом предприятии. М., 1972.
10. *Иванов С. А.* На пути к новой концепции трудового права: о коллективных трудовых спорах и забастовках // *Сов. государство и право.* 1989. № 9. С. 47–57.
11. *Иванов С. А.* Трудовое право и рыночная экономика // *Вестник Московского ун-та. Сер. 2: Право.* 1992. № 4. С. 65–73.
12. *Казаков С. О.* Основные формы социального партнерства в России и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
13. *Киселев И. Я.* Трудовые конфликты в капиталистическом обществе: социально-правовые аспекты. М., 1978.
14. *Короткова Е. А.* Формирование системы социального партнерства на предприятии: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2005.
15. *Крылов К. Д.* Социальное партнерство в современных условиях: сравнительно-правовой обзор // *Библиотечка профсоюзного активиста.* 1998. № 4.
16. *Куренной А. М.* Производственная демократия и трудовое право. М., 1989.
17. *Куренной А. М., Маврин С. П., Хохлов Е. Б.* Современные проблемы российского трудового права // *Правоведение.* 1997. № 2. С. 19–40.
18. *Лебедев В. М.* Акрибология (общая часть). Томск, 2000.
19. *Лушникова М. В.* Правовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений (сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
20. *Москаленко Г. К.* Коллективный договор по советскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1961.

21. *Нуртдинова А. Ф.* Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
22. *Нуштайкина К. В.* Непрофсоюзное (альтернативное) представительство интересов работников в социальном партнерстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
23. *Рожко Г. Б.* Правовой статус объединений работодателей в сфере социального партнерства по законодательству России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
24. *Свиридов А. К.* Организационно-правовые отношения по социальному партнерству в сфере трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
25. *Скобелкин В. Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., 1969.
26. *Снигирева И. О.* О социальном партнерстве // Новое в законодательстве о коллективных договорах и соглашениях: практический комментарий. М., 1992. С. 156–189.
27. *Снигирева И. О.* Правовое положение российских профсоюзов в сфере труда: история и современность. М., 2021.
28. *Снигирева И. О.* Профсоюзы и трудовое право. М., 1983.
29. *Сошникова Т. А.* Проблемы развития социального партнерства в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2003. № 4. С. 16–22.
30. *Хананашвили Н. Л., Якимец В. Н.* Смутные времена социальной политики в России. М., 1999.
31. *Ховрин А. Ю.* Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010.
32. *Хохлов Е. Б.* Экономические методы управления и трудовое право. Л., 1991.
33. *Чуча С. Ю.* Гарантии получения заработной платы при несостоятельности работодателя // Государство и право. 2002. № 11. С. 75–83.
34. *Чуча С. Ю.* Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации. Омск, 2005.
35. *Чуча С. Ю.* Становление и перспективы развития социального партнерства в Российской Федерации. М., 2001.
36. *Чуча С. Ю., Драчук М. А.* Учредительные документы организации-работодателя как форма закрепления трудовых прав и обязанностей // Росс. ежегодник трудового права. 2013. № 8. С. 324–332.
37. *Шахов В. Д.* Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск, 1990.
38. *Шебанова А. И.* Соглашения и коллективные договоры в условиях формирования рыночных отношений // Государство и право. 1993. № 5. С. 70–79.

REFERENCES

1. *Alexandrov N. G.* Labor legal relationship. M., 1948 (in Russ.).
2. *Batyuk V. I., Galuzo V. N.* Is monitoring permissible in relation to legislation and law enforcement in the Russian Federation? // Law and state: theory and practice. 2014. No. 3. P. 146–152 (in Russ.).
3. *Borodin I. I.* Forms of social partnership in Russian Labor Law: dis. ... PhD in Law. M., 2007 (in Russ.).
4. *Galuzo V. N.* Is complex law enforcement possible in the absence of official systematization in the Russian Federation? // State and Law. 2018. No. 6. P. 76–81 (in Russ.).
5. *Galuzo V. N., Karapetyan A. G.* On some problems of material remuneration of the head of joint-stock companies in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2014. No. 6. P. 56–60 (in Russ.).
6. *Gusov K. N.* Labor contracts in labor law in the formation of a market economy: dis. ... Doctor of Law. M., 1993 (in Russ.).
7. *Dmitriev A. V.* Conflictology: textbook. M., 2000 (in Russ.).
8. *Egorov S. A.* International legal regulation of social dialogue in the sphere of labor: dis. ... PhD in Law. M., 2014 (in Russ.).
9. *Zharkov B. N., Mashezerskaya L. Ya., Usenin V. I.* The working collective and collective agreements at a modern capitalist enterprise. M., 1972 (in Russ.).
10. *Ivanov S. A.* On the way to a new concept of Labor law: on collective labor disputes and strikes // Soviet State and Law. 1989. No. 9. P. 47–57 (in Russ.).
11. *Ivanov S. A.* Labor Law and market economy // Herald of the Moscow University. Series 2: Law. 1992. No. 4. P. 65–73 (in Russ.).
12. *Kazakov S. O.* The main forms of social partnership in Russia and Germany: comparative legal analysis: dis. ... PhD in Law. M., 2015 (in Russ.).
13. *Kiselev I. Ya.* Labor conflicts in capitalist society: social and legal aspects. M., 1978 (in Russ.).
14. *Korotkova E. A.* Formation of the social partnership system at the enterprise: dis. ... PhD in Economic. Voronezh, 2005 (in Russ.).
15. *Krylov K. D.* Social partnership in modern conditions: comparative legal review // The library of a trade union activist. 1998. No. 4 (in Russ.).
16. *Kurennoy A. M.* Industrial democracy and Labor Law. M., 1989 (in Russ.).
17. *Kurennoy A. M., Mavrin S. P., Khokhlov E. B.* Modern problems of Russian Labor Law // News of higher

- educational institutions. Law studies. 1997. No. 2. P. 19–40 (in Russ.).
18. *Lebedev V.M.* Acribology (general part). Tomsk, 2000 (in Russ.).
 19. *Lushnikova M.V.* Legal mechanism of social partnership in the regulation of labor and social security relations (comparative legal research): dis. ... Doctor of Law. M., 1997 (in Russ.).
 20. *Moskalenko G.K.* Collective agreement on Soviet law: dis. ... Doctor of Law. L., 1961 (in Russ.).
 21. *Nurtdinova A.F.* Collective-contractual regulation of labor relations: theoretical problems: dis. ... Doctor of Law. M., 1998 (in Russ.).
 22. *Nushtaikina K.V.* Non-union (alternative) representation of employees' interests in social partnership: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2017 (in Russ.).
 23. *Rozhko G.B.* The legal status of employers' associations in the field of social partnership under the legislation of Russia and foreign countries (comparative legal research): dis. ... PhD in Law. M., 2014 (in Russ.).
 24. *Sviridov A.K.* Organizational and legal relations on social partnership in the field of Labor Law: dis. ... PhD in Law. SPb., 2007 (in Russ.).
 25. *Skobelkin V.N.* Legal guarantees of labor rights of workers and employees. M., 1969 (in Russ.).
 26. *Snigireva I.O.* On social partnership // New in the legislation on collective agreements and agreements: a practical commentary. M., 1992. P. 156–189 (in Russ.).
 27. *Snigireva I.O.* The legal status of Russian trade unions in the labor sphere: history and modernity M., 2021 (in Russ.).
 28. *Snigireva I.O.* Trade unions and labor law. M., 1983 (in Russ.).
 29. *Soshnikova T.A.* Problems of development of social partnership in the Russian Federation // Legislation and Economics. 2003. No. 4. P. 16–22 (in Russ.).
 30. *Khananashvili N.L., Yakimets V.N.* The troubled times of social policy in Russia. M., 1999 (in Russ.).
 31. *Khovrin A. Yu.* Social partnership in the implementation of youth policy: dis. ... Doctor of Sociology. M., 2010 (in Russ.).
 32. *Khokhlov E.B.* Economic methods of management and Labor Law. L., 1991 (in Russ.).
 33. *Chucha S. Yu.* Guarantees of receiving wages in case of bankruptcy of the employer // State and Law. 2002. No. 11. P. 75–83 (in Russ.).
 34. *Chucha S. Yu.* Social partnership in the sphere of labor: the formation and prospects for the development of legal regulation in the Russian Federation. Omsk, 2005 (in Russ.).
 35. *Chucha S. Yu.* Formation and prospects of development of social partnership in the Russian Federation. M., 2001 (in Russ.).
 36. *Chucha S. Yu., Drachuk M.A.* Constituent documents of an employer organization as a form of securing labor rights and obligations // Russian Yearbook of Labor Law. 2013. No. 8. P. 324–332 (in Russ.).
 37. *Shakhov V.D.* The mechanism of self-management of the labor collective (organizational and legal problems). Sverdlovsk, 1990 (in Russ.).
 38. *Shebanova A.I.* Agreements and collective agreements in the conditions of formation of market relations // State and Law. 1993. No. 5. P. 70–79 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. — Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**БИНАРНАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ ПРИЧИН ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

© 2022 г. Х. Д. Аликперов

Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 14.10.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются причины индивидуального преступного поведения и существующие воззрения на данную проблему, рассматриваются различные пороки и их роль в формировании преступной мотивации. Выдвинута гипотеза, согласно которой многие виды преступлений не являются продуктом «социального конструкта». По мнению автора, они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им преступление — это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе *Homo sapiens* в alertном состоянии, который активируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог (не захотел) реализовать в рамках закона. На базе этой гипотезы разработана доктрина «Бинарная сингулярность причин преступности», которая принципиально отличается как от антропологической и биосоциальной, так и от социологической, а также других существующих теорий причин преступности.

Ключевые слова: преступление, генетические предпосылки, социальный конструкт, биологические, антропологические, социологические факторы, наследственность, геном, потребности, врожденные пороки, генотип, социальная среда.

Цитирование: Аликперов Х.Д. Бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения // Государство и право. 2022. № 1. С. 143–157.

DOI: 10.31857/S102694520018281-0

**BINARY SINGULARITY OF THE CAUSES
OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR**

© 2022 H. D. Alikperov

Centre of Legal Researches, Baku, Azerbaijan Republic

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 14.10.2021

Abstract. The article examines the causes of crime, analyzes the existing views on this problem. Various human vices and their influence on the formation of criminal motivation are investigated on the basis of modern achievements in the field of physiology, biology, genetics. A hypothesis has been put forward, according to which crime is not generated by social contradictions. According to the author, the causes of crime are not because of this world, they nest within the person himself in the form of a need, and the crime he commits is nothing more than a genetically determined objectified behavioral act of a destructive-volitional nature, based in the genotype of *homo sapiens* in alert a state that is activated by coupling with certain external factors of natural, technogenic or social properties, taking advantage of which, he satisfies his need, which has not previously been possible to realize in a legal way. On the basis of this hypothesis, the doctrine “Binary basis of the causes of crime” was developed, which is fundamentally different from both anthropological and biosocial, and sociological, chromosomal and other existing theories of the causes of crime.

Key words: crime, genetic background, social construct, biological, anthropological, sociological factors, heredity, genome, needs, congenital defects, genotype, social environment.

For citation: Alikperov, H.D. (2022). Binary singularity of the causes of individual criminal behavior // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 143–157.

Постановка проблемы. Профессия криминолога схожа с профессией врача. И если первый призван лечить людей от социально-правовых болезней, то второй – от физических. Но в обоих случаях важно, чтобы лекарь предварительно поставил больному точный диагноз и лишь затем разработал оптимальную схему его лечения.

Если эту аллегория перевести на язык криминологии, то станет очевидным, что для противодействия преступности необходимо предварительно дать ответы как минимум на следующие вопросы.

Первый. Существуют ли в культурной среде индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных форм поведения?

Второй. Все ли формы и виды преступности являются продуктом «социального конструкта»? А может значительная часть преступности (к примеру, насильственная, насильственно-корыстная и т.д.) – это исторически изменчивый многовекторный деструктивный феномен, утвердившийся задолго до возникновения государства и права, в силу чего этиология и бытие многих видов преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя?

Третий. Отражает ли все глубинные пласты причин преступности господствующая в криминологии парадигма, согласно которой под детерминантом преступности подразумевается комплекс социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность, если учесть, что в механизме детерминации преступного поведения часто участвуют и другие факторы как природного, так и техногенного характера?

Четвертый. А может внешние факторы природного, техногенного и социального свойства и вовсе не являются причиной преступности, а выступают лишь ее перманентными стимуляторами (поводом, условием, предлогом и т.д.)?

Пятый. Если внешние факторы не есть причина преступности, то что тогда замещает этот компонент в механизме детерминации преступного поведения?

Шестой. Если исходить из общепризнанной парадигмы, что ни одно явление в социуме не может произойти без соответствующей причины, то можно ли утверждать, что решения, поступки человека, в т.ч. и криминального характера, определяются его потребностями, т.е. психофизиологическим фактором, формирующим мотивацию

поведения и выступающим внутренним возбудителем активности?

Седьмой. Всегда ли свобода воли человека является доминантой в механизме индивидуального преступного поведения, или таковой порой могут выступать и неблагоприятные обстоятельства, принуждающие лицо подчинить свою волю возникшей ситуации и сообразно ей действовать, если под свободой воли подразумевать возможность человека делать свой выбор вне зависимости от обстоятельств? А может свобода воли не более чем фикция, а воля есть продукт подсознания, в силу чего сознание лишь его неспешный ретранслятор?

Лишь предварительно дав объективные ответы на эти, как и на некоторые другие вопросы патогенеза преступности и ее причин, можно приблизиться к истокам преступления, попытаться расшифровать его матрицу и алгоритм бытия, выработать адекватные меры социального контроля над преступностью, выявить и минимизировать внешние факторы, выступающие триггером для конкретных преступлений.

Восприятие проблемы. С древних времен к познанию причин преступности прикованы взоры лучших умов человечества, причем, не только юристов, но и представителей других общественных и естественных наук. Однако ни столь пристальное внимание к этой злободневной проблеме, ни внушительный объем знаний, накопленных за истекшие века в этой сфере, и т.д. не позволили сформировать целостное представление об этом феномене. Поэтому многие глубинные пласты причин преступности по сей день остаются для науки неизведанными. По этой причине «наши традиционные представления о преступности, криминогенных факторах, социальном контроле над преступностью все меньше и меньше соответствуют социальным реалиям»¹.

И это понятно, если учесть, что, во-первых, поиск причин преступности достаточно динамичный мыслительный процесс, в силу чего он постоянно эволюционирует, а существующие учения об этом феномене время от времени пересматриваются, дополняются, меняются или замещаются. Возникают новые гипотезы о причинном комплексе, а предыдущие учения по данной проблематике уходят в архивы истории криминологии или других наук, занятых поиском

¹ Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021. С. 5.

причин преступности. И этот круговорот изменчивости продолжается с древних времен, в силу чего обсуждаемая проблема и ныне находится в фокусе внимания ученых многих отраслей науки.

Во-вторых, «многие представления, сколь бы правдивыми они ни казались, со временем устаревают, теряют свою обоснованность. Соответственно, не могут не меняться методы и результаты научных исследований — девиантологических, криминологических»².

В-третьих, каждая ступень эволюционного развития порождает в социуме новые формы и виды преступности, что, естественно, расширяет границы причинного комплекса рассматриваемого феномена и приумножает его неисследованные ряды.

В-четвертых, внутренний мир человека, в т.ч. и как субъекта преступления, образно говоря, бесконечная бездна, а многие потенциалы его мыслительной деятельности покрыты тайной в глубинных слоях человеческой психики, овладение которой пока неподвластно человеку. В частности, «мы не знаем ответа на вопрос, в чем заключается природа человека, о котором мы знаем ненамного больше того, чем знали две с половиной тысячи лет назад. Науки, которые непосредственно изучают человека — физиология, медицина, психопатология, экономика, социология и другие — продвинулись далеко вперед и достигают уровня точности, вполне сопоставимого со строгостью знаний о природе. Но все эти и другие сами по себе весьма ценные знания о человеке не складываются в целое, не дают ответа на вопрос, что есть человек, обогащают знания о человеке, но не проникают в его тайну»³.

Быть может, по этой причине криминологи теорят в догадки: «Почему из двух людей, по стечению различных жизненных обстоятельств оказавшихся в одной и той же криминогенной ситуации, один совершает преступление, а другой — нет?»⁴.

Отсутствие однозначного ответа на этот, как, впрочем, и на многие другие вопросы криминологии, объясняется не только пробелами в сфере человековедения, девиантологии, криминологии и т.д., но и их архисложностью. К примеру, трудно однозначно ответить на этот вопрос, если учесть, что «человек не имеет перед собой прозрачной, ясной картины сложного устройства собственного внутреннего мира со всеми его подводными течениями»⁵,

² Гилинский Я. И. Указ. соч. С. 6.

³ Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2008. С. 9.

⁴ По мнению Э. Фромма, «только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению» (см.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994).

⁵ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2008. С. 11.

в силу чего «даже для самого себя является извечной загадкой»⁶. Поэтому «никто не может сказать, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто — преступником»⁷. Здесь все зависит от того, как лягут хромосомы на начальном этапе эмбрионального периода человека, что, по утверждению специалистов, происходит хаотичным образом.

Рассматриваемая проблема усугубляется и тем, что «все, что знает человек и что может понять, ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает» (Сократ), т.к. «существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок» (Паскаль). Например, как это ни парадоксально, но человек даже самого себя часто не контролирует полностью, поскольку «управляет ситуацией мозг, а не человек»⁸. Иллюстрацией к сказанному могут служить неодолимые в своем могуществе крайне навязчивые идеи, немислимые желания или бесовские мысли, порой произвольно посещающие человека, которые по своему содержанию иногда настолько греховны, гнусны или невообразимо аморальны, что их возникновение вызывает у него жуткое смятение.

Подобные перманентные вожеления — суровая реальность повседневного бытия мыслительной деятельности Homo sapiens. Эта субстанция возникает из неоткуда и молниеносно интегрируется в твой «Ид»⁹, после чего несет тебя как

⁶ Горшенков Г. Н. Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 163.

⁷ Бастрыкин А. И. Рецензия на книгу профессора И. М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. — 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0

⁸ Васильченко М. Человек не контролирует себя полностью. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (дата обращения: 07.05.2021). В 1983 г. американский ученый-нейробиолог Бенджамин Либет с целью изучения свободы воли человека провел эксперимент — использовал электроэнцефалограмму, чтобы показать, что активность в двигательных центрах коры головного мозга может быть зафиксирована за 300 мс до того, как человек почувствует, что он решил пошевелиться. Другая лаборатория продолжила его работу с использованием магнитно-резонансной томографии (МРТ). Людей просили нажать на одну из двух кнопок, в то время пока они следили за расположенными в случайной последовательности буквами, появлявшимися на экране. Они сообщали, какую букву видят в момент, когда принимали решение нажать ту или другую кнопку. Экспериментаторы обнаружили, что два определенных участка мозга участников эксперимента уже содержали информацию о том, какую кнопку нажмут эти люди, за целых 7–10 сек. до принятия сознательного решения. Эксперименты, проведенные в 2008 г. нейрочеловеками Дж.-Д. Хейнсом и Ч. С. Суном, подтвердили результаты исследований Либета (см.: Медведев Ю. Сам себе зомби. Что на самом деле управляет поступками человека. URL: <https://rg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (дата обращения: 21.03.2021)).

⁹ Одна из трех ипостасей Эго. Будучи бессознательным и иррациональным, Ид подчиняется принципу удовольствия (см.: Ид, Эго и Супер-Эго, защитные механизмы или теория Фрейда. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (дата обращения: 08.01.2021)).

ураганные волны ялика во все тяжкие. Естественно, у любого лица, столкнувшегося с таким ментальным отклонением, резко сужается диапазон восприятия. Правда, иногда человеку удается отвести от себя подобные наваждения, вытеснить их из сознания. Но в ряде случаев некоторые из них настолько прочно гнездятся в «Эго» Homo sapiens и интенсивно рецитируют в нем, что ему не удается от них избавиться. Причем, порой это происходит так стремительно и неистово, что защитные функции его «Супер-Эго» парализуются, а воля выходит из-под контроля — индивид лишается возможности противиться навязанным ему порочным идеям или омерзительным желанием. И это при том, что лицо осознает их пагубность, но, тем не менее, нередко «посягает даже на то, о чем оно и помышлять не смело ранее»¹⁰.

Этот краткий обзор амбивалентной природы личности человека и особенностей функционирования его головного мозга показывает, что человек «как вещь в себе» (Кант), во мраке души своей таит такие тягостные «стоп-кадры» отдельных мгновений прожитых лет с их бесовской сюжетной линией, что даже мимолетное воспоминание о них бросает его в дрожь.

Данный феномен достаточно тонко описан Ф.М. Достоевским в романе «Униженные и оскорбленные». Так, по мнению автора, «если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»¹¹.

В свете сказанного представляются спорными расхожие утверждения, что человек, мол, рождается чуть ли не как агнец божий или как «добрый самаритянин»¹² либо как «чистый лист», незапятнанный девиантными устремлениями, и т.д. «Современные науки о разуме, мозге, генах и эволюции убедительно демонстрируют ошибочность такого

¹⁰ Мор Т. Утопия. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (дата обращения: 09.06.2021). Этот парадокс А.И. Бастрыкин объясняет тем, что, совершая подобные деяния, «человек зависит от тех причин, которые находятся вне его воли, и он не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого» (см.: Бастрыкин А.И. Указ. соч.).

¹¹ Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Роман. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (дата обращения: 12.05.2021).

¹² Как писал Ф. Энгельс, «изучая сравнительную физиологию, начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличиванию человека над всем прочим звеном» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104).

подхода»¹³, т.к. «деструктивный букет» заложен в матрицу человека задолго до его рождения, поэтому «люди рождаются порочными» (Г. Тард)¹⁴.

Дело в том, что, во-первых, в основе деятельности человека лежит программа, заложенная в него с момента зачатия¹⁵, а во-вторых, с момента своего сотворения «власти над мозгом мы не имеем, он принимает решения сам, “Я” и мой мозг разные субстанции. И это ставит нас в очень щекотливое положение»¹⁶. Такая жизненная диспозиция наиболее выпукло проявляется в случайно возникающих ситуациях. Одной из разновидностей таких случайностей является спонтанно сложившаяся криминогенная обстановка, на которую не каждый порой может отреагировать адекватно, так как часто «бессилие благоразумия превращает человека во всемогущего злодея»¹⁷. Этому в немалой степени способствуют и такие качества личности, как «стремление не только и не настолько к равенству, сколько к утверждению своего превосходства, руководствуясь при этом лишь собственными интересами»¹⁸, причем, порой до такой степени, что «готов жиром ближнего смазать себе сапоги» (Шопенгауэр)¹⁹.

Анализируя эти темные качества личности, Артур Кестлер пришел к выводу, что человек — «ошибка эволюции», т.к. в его генетической программе отсутствует механизм, ограничивающий убийство им особей своего вида (такая программа есть у большинства животных). Если бы в геноме человека была такая «стоп-программа», то история была бы совсем иной: не было бы человеческих жертвоприношений, массовых казней

¹³ Пинкер Ст. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.

¹⁴ См.: Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.

¹⁵ См.: Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.

¹⁶ По мнению Т. Черниговской, мозг в 800 трлн раз сложнее, чем «я», в котором он размещен. Он сам решает, как вести себя в той или иной ситуации, и определяет поведение человека (см.: Черниговская Т. Линия жизни. Телеканал «Культура» (дата обращения: 04.05.2021)).

¹⁷ Горшенков Г.Н. Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 17.

¹⁹ Свидетельством сказанному может служить пример из Северной Кореи. Голод, с которым столкнулись жители этой страны в начале 1990-х годов, был настолько ужасающим, что люди убивали и ели людей (см.: Беженка из Северной Кореи: Люди теряли рассудок от голода, ели даже детей. URL: <https://minval.az/news/124133653> (дата обращения: 27.06.2021)).

и пыток, кровопролитных войн²⁰. Так, объясняя этиологию этого феномена, Кестлер отмечал, что «плохо сбалансированы три основные эволюционные подсистемы человеческого мозга – подкорка (от пресмыкающихся), древняя кора (от млекопитающих) и новая кора, обеспечивающая высшие психические функции человека». «Поэтому, когда на операционном столе лежит человек, – пишет он, – то это одновременно крокодил, лошадь и человек, так как ускоренное формирование мозга не обеспечило согласования трех его подсистем, что является истоком иррациональных поступков, взрыва агрессии, эмоциональной внушаемости человека и т.д.»²¹.

Как видим, природа вставила в архитектуру человека солидный «багаж» разнообразных деструктивных наклонностей, в силу чего он порой представляет собой «смесь ада с раем»²². И это, увы, реальность человеческого бытия. Поэтому вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в социуме есть индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных форм поведения.

Это нереально, если учесть, что наряду с перчисленными выше темными сторонами личности существуют и такие врожденные пороки²³, как агрессивность²⁴ и алчность, зависть и горды-

²⁰ Цит. по: Академик Вячеслав Степин: станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции? URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.09.2020).

²¹ Там же.

²² Наталия Алекперова: «Я – женщина, я смесь из ада с раем». URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100010924903598> (дата обращения: 12.06.2021).

²³ По мнению Э. Фромма, «агрессивное поведение людей, проявляющееся в преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения, имеет филогенетические корни, оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения. Иными словами, такое поведение имеет биологические формы проявления» (см.: Фромм Э. Указ. соч.).

²⁴ О генетической природе агрессивности свидетельствует и открытие генетиков, которые обнаружили у человека ген агрессивности (MAOA на X-хромосоме) (см. подр.: У людей есть ген агрессивного поведения. URL: <https://mel.fm/paushprop/835627-aggression> (дата обращения: 11.06. 2021)). Наличие в геномном типе человека гена агрессии подтверждают и исследования российских генетиков (см.: Драгович А. Ю., Боринская С. А. Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. № 12; Давыдова Ю. Д., Литвинов С. С., Еникеева Р. Ф. и др. Современные представления о генетике агрессивного поведения // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. Т. 22. № 6). Помимо этого исследователи Машаген, Хилбих и Зеттлер открыли существование общего центра негативных особенностей поведения человека, который они назвали «темным ядром личности» (D-фактор). Именно этот фактор влияет на различные типы безрассудного и злонамеренного поведения людей (см.: Найден D-фактор – «темное ядро личности». URL: (дата обращения: 12.04.2021)).

ня, жадность и сребролюбие, чревоугодие и блуд и т.д., которых не только крайне сложно искоренить из сознания человека, но и в процессе онтогенеза они окутывают некоторых людей ресентиментными доминантами, а в дальнейшем становятся источником диверсификации его сознания, трансформации мировоззренческих ценностей, формирования девиантного поведения, так как «самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному»²⁵.

Поэтому при исследовании причинного комплекса преступности нельзя упускать из виду подобные генетически обусловленные негативные потребности личности, памятуя, что человек в своей повседневной деятельности подчиняется не только социальным, но «и фундаментальным биологическим законам»²⁶, в силу чего многие преступления являются «результатом воздействия подсознательных инстинктов, которые являются врожденными»²⁷.

Если с этой точки зрения проанализировать имеющиеся учения о причинном комплексе преступности, то станет очевидным, что их авторы в своих доктринах уделяют мало внимания врожденным свойствам личности и их роли в механизме индивидуального преступного поведения. Отсюда и одна из причин того, что существующие воззрения на причины преступности в своем большинстве представляют собой лишь вершину айсберга, т.к. многие из них отражают только придаточные корни рассматриваемого феномена.

Между тем корни причин преступности находятся не в том пласте преступноведческой почвы, дойдя до которого, отдельные криминологи восприняли их как истоки причин преступности. А вот если бы эти исследователи, докопавшись до придаточных корней, не восприняли бы их за корень детерминанта преступности, а продолжили бы свои изыскания, то дойдя до глубинных пластов рассматриваемой проблемы, они обнаружили бы, что опорой корневой системы причин преступности являются потребности человека. И тогда стало бы очевидно, что в механизме детерминации преступного поведения доминантой являются не социальные, природные или техногенные факторы, а сугубо биологические, в силу чего преступность

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1982. С. 102.

²⁶ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 15.

²⁷ Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 557.

есть не что иное, «как внутренняя предрасположенность индивида к совершению преступлений, сформировавшееся у него свойство поступать в определенных ситуациях преступно»²⁸.

Существующие подходы к решению проблемы. Имеется достаточно много учений о причинном комплексе преступности. Так, классическая теория связывает этот вопрос с абсолютной свободой воли личности; социологическая – с воздействием общественной среды на личность; биологическая – с влиянием биологии и генетики и т.д. «Их эволюция продолжается до сих пор, и они постепенно стали проникать друг в друга, формируя эклектическую теорию множественности факторов»²⁹. Но, невзирая на столь правовой политеизм, увы, ни в одном из них не дана развернутая картина причин преступности. И это естественно, поскольку, во-первых, какими бы ни были те или иные учения убедительными, со временем в них выявляются отдельные шероховатости, а порой и ошибочные константы.

Во-вторых, не существует исследований, свободных от тех или иных пробелов и изъянов. «Пределы истины каждого научного утверждения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»³⁰. Иными словами, наука с момента своего возникновения находится в вечном круговороте ментальной энергии, и это непостоянство невозможно остановить, так как без него остановится прогресс. Как писал Б.Н. Чичерин, «наука тогда только идет твердым шагом и выверенным путем, когда она не начинает всякий раз сызнова, а примыкает к работам предшествующих поколений, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложным, восполняя проблемы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало проверку логики и опыта»³¹.

В-третьих, нельзя забывать, что наука развивается спиралевидно, где новый виток развития опирается на достижения и промахи предыдущих, в силу чего любая теория, какой бы она ни была совершенной, в последующем может быть опровергнута. Все это позволяет сказать, что абсолютной

истины в науке (прежде всего в общественных) не бывает, в силу чего ни одно из существующих воззрений на причинный комплекс преступности не может быть принято за истину в последней инстанции.

С учетом вышеизложенного предпримем попытку кратко поразмышлять над некоторыми из них.

Начнем с антропологического подхода. Во второй половине XIX в. Ч. Ломброзо выдвинул доктрину прирожденного преступника, согласно которой преступниками не становятся, а рождаются. В рамках этой доктрины он разработал систему антропологических признаков, наличие которых, по его мнению, позволяет идентифицировать потенциального преступника еще до совершения им преступления. Такими признаками он считал сплюснутый нос, длинные пальцы, редкую бороду, низкий лоб, большие челюсти и другие внешние признаки, посредством которых попытался доказать наличие корреляции между анатомическими и физиологическими особенностями человека и его склонностью к совершению преступлений. При этом Ломброзо считал преступников «особой разновидностью рода человечества, особым ненормальным существом, наделенным специфическими аномалиями»³², которые к тому же, по его мнению, носят наследственный характер. Правда, в дальнейшем он несколько раз вносил коррективы в свое учение, но в целом это не меняло его сути.

Дело в том, что в своем учении Ломброзо центр тяжести причин преступности переносит с генетических основ этого феномена и его социальных, природных, техногенных и т.д. триггеров на крайне шаткие внешние признаки человека. В этом главная методологическая ошибка незабвенного автора теории «Преступный человек», в которой он за основу причин преступности взял фенотип, а не генотип человека, хотя, как известно, генотип определяет фенотип³³. Вследствие этого заблуждения в его учении форма была принята за содержание и тем самым оставлены в тени генетические предпосылки преступности и ее внешние детерминанты.

Биосоциальный подход³⁴. Учение Ломброзо о преступном человеке, заложившее основу биосоциальной теории преступности, имело как своих

²⁸ Шестаков Д.А. Криминология: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 135, 136. Такого же мнения придерживается и А.Н. Игнатов: «Что касается генетической склонности человека к преступному поведению, ее заложенности в базовых человеческих свойствах, в ментальной и психологической конструкции человека, т.е. в нас самих, то сущность преступности – это врожденное генетическое качество» (см.: Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2016. С. 69).

²⁹ Лунеев В.В. Криминология. М., 2016. С. 45.

³⁰ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

³¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1904. С. 38.

³² Познышев С.В. Предисл. к кн. Э. Ферри «Уголовная социология». М., 1908. С. 10.

³³ См.: Прирожденный преступник: теория Ломброзо. URL: <https://pravo.ru/review/view/140647/> (дата обращения: 21.01.2021).

³⁴ Как отмечает В.Н. Ларин, «биосоциальная теория преступности представляет собой синтез биологических (в том числе антропологических) и социальных причин преступности» (см.: Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // Вопросы рос. юстиции. 2020. № 9).

адептов, так и противников со стороны генетиков, философов, криминологов и т.д. Так, представители советской школы криминологии в категоричной форме выступали против учения о преступном человеке и утверждали, что причины преступности заключаются в пережитках капитализма³⁵. К примеру, И.И. Карпец полагал, что «увлечение патологией, связанной с физиологическими особенностями человеческого организма, приведет в болото биокриминологического лобброзианского толка»³⁶.

Профессор И.С. Ной также категорически выступал против учения о прирожденном преступнике. Однако в отличие от других известных советских криминологов он достаточно оригинально объяснял причины преступности в социалистическом обществе. Так, согласно его гипотезе, «поскольку социалистический строй сам по себе не содержит причин преступности и в социалистическом обществе нет факторов, делающих неизбежными преступные проявления»³⁷, но, тем не менее, она продолжает существовать в СССР, значит, она носит характер не общественного, а биологического явления. Поэтому «независимо от среды человек может не стать ни преступником, ни героем, если родится с иной программой поведения»³⁸. Этими выводами он одновременно «убил двух зайцев»: подверг критике учение Ломброзо и выдвинул собственную гипотезу, согласно которой при социализме причины преступности носят не антропологический и не социологический характер, а исключительно биологический, а социальная среда является лишь их условием. При этом под прирожденной программой человеческого поведения он имел в виду и набор наследственных задатков, в том числе патологического свойства, передаваемых по наследству. Иными словами, И.С. Ной причины преступности видел в плохом наследстве. Не отказывая в наличии внутренней логики в смелой гипотезе незабвенного Иосифа Соломоновича о причинах преступности и не исключая влияния наследственности на поведение личности, вместе с тем это влияние нельзя возвышать в ранг абсолюта. Так, соглашаясь с ним в том, что социальная среда выступает в механизме детерминации преступного поведения лишь как условие, в то же время его утверждение о том, что патологические

свойства личности, в частности неблагоприятная наследственность, являются ведущим звеном в механизме преступного поведения, представляется сомнительным. Ведь наследственность — это совокупность природных свойств организма, полученных от родителей. Отталкиваясь от этой парадигмы, становится очевидным, что, во-первых, не все люди, имеющие отрицательную наследственность, совершают преступления. В качестве иллюстрации к сказанному можно назвать детей, к примеру, таких известных личностей, как писателя Ф. Достоевского, конструктора С. Королева, актера Г. Жженова, полководца К. Рокоссовского и сотни тысяч других, которые, как известно, были ранее судимы, причем, некоторые неоднократно. Но, невзирая на это, их дети были добропорядочными людьми. Во-вторых, если причины преступности в дурном наследстве, то почему тогда из одной парочки близнецов, живших под сердцем ранее судимой матери девять месяцев, впоследствии один стал конструктором, а другой — преступником? В-третьих, даже гипотетически трудно предположить, что свыше 400 млн лиц, ежегодно совершающих в мире преступления³⁹ (речь идет о зарегистрированных деяниях), страдали негативной наследственностью, а их родители имели криминальное прошлое.

В криминологической литературе существуют и другие взгляды на биосоциальные причины преступности, концепция которых основана главным образом на синтезе биологических, антропологических и социальных причин преступности. Поэтому одни авторы связывают биосоциальные причины преступности с т.н. «опасным состоянием личности», другие — с психоаналитическим учением З. Фрейда, третьи — с психопатологическими факторами или наследственной предрасположенностью (О. Лонге, О. Кинберг), четвертые — с расовой теорией или теорией конституционального предрасположения и т.д. Эти учения, как и их принципиальные издержки, достаточно подробно рассмотрены в юридической литературе⁴⁰, что освобождает автора статьи от необходимости вновь возвращаться к этой проблеме.

Социальные причины преступности. Трендом в рассматриваемой проблеме является учение о социальной обусловленности преступности. Ни по одному учению о причине преступности не написано столь великое множество работ, хотя эти произведения содержат, по сути, один и тот же тезис: в механизме детерминации преступного поведения доминантами выступают социальные явления. Так, с незапамятных времен многими исследователями

³⁵ См., напр.: Герцензон А.А. Против биологических причин преступности (очерк первый) // Вопросы предупреждения преступности. М., 1966. Вып. 4. С. 12, 13; Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Указ. соч.

³⁶ Карпец И.И. О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. государство и право. 1964. № 4. С. 96.

³⁷ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 62.

³⁸ Там же. С. 107.

³⁹ См.: В мире каждый час совершается около 200 тысяч преступлений. URL: <https://www.newsru.com/crime/14Apr2004/crime.html> (дата обращения: 22.08.2021).

⁴⁰ См., напр.: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Указ. соч. С. 556.

предпринимаются попытки скрестить преступность и социум. Поэтому придумали формулу – преступность порождена социальными противоречиями.

О социальных причинах преступности писали Аристотель и Платон, Т. Мор и Дидро, Вольтер и Ч. Беккариа. На этот детерминант преступности указывали и такие мыслители, как Локк, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Бентам и др.⁴¹ Например, родоначальник социологической теории преступности А. Кетле писал: «Общество заключает в себе зародыш всех преступлений потому, что в нем заключаются условия, соответствующие их развитию»⁴².

Г. Тард полагал, что рост преступности связан с отрицательным воздействием антиобщественной среды, снижением уровня моральных и культурных традиций, стремлением к власти и непосредственно с самой властью над неограниченными материальными ресурсами⁴³.

В СССР многие ученые тоже видели причины преступности в социальных противоречиях, однако при этом они считали, что преступность хотя и есть негативное социальное явление, но порождена она пережитками капитализма и обострением классовой борьбы⁴⁴.

Не избежали этого искушения и некоторые корифеи советской криминологии. Так, И.И. Карпец и В.Н. Кудрявцев утверждали, что «как следует из историко-материалистического анализа развития человеческого общества, вся история человечества убедительно доказывает, что преступность – социальное, исторически обусловленное явление классового общества»⁴⁵. По мнению советского криминолога А.А. Герцензона, «поскольку преступность является социально обусловленной, то нет необходимости вообще даже пытаться искать биологические истоки поведения, это ведет к игнорированию реальной природы преступления, которое является

социальным явлением и должно порождаться социальными же причинами»⁴⁶.

Теория «социального конструкта». Привычка априори верить всему заморскому, безоглядно опираться на многие мнимые «европейские ценности», причем, нередко в ущерб собственным непреходящим ценностям, в т.ч. и в сфере права, не учитывать собственные системообразующие компоненты, обусловленные культурно-историческим наследием и духовно-нравственными основами, привела к тому, что в криминологической литературе стран СНГ порой преобладает позиция зарубежных криминологов, мнение которых некоторые постсоветские авторы выдают чуть ли не за божественную истину.

В качестве примера можно сослаться на распространенное на постсоветском пространстве учение о «социальном конструкте», адепты которого не только хвалебными возгласами возвеличивают со страниц криминологической литературы авторов сего учения, которые, кстати, «заимствовали» эту идею у древних римлян, но и выводят из него шокирующую здравый смысл теорему: причины преступности в законодателе. Так, считая, что преступность есть не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер, Б. Спиноза писал: «Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт. В естественном состоянии нельзя представить себе преступление; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно»⁴⁷. Голландский криминолог Л. Халсман пошел еще дальше. По его мнению, «преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности». В унисон ему твердит М. Робинсон, который полагает, что «понятие преступность есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка (invented) людей»⁴⁸. Такого же мнения придерживался и норвежский криминолог Н. Кристи⁴⁹.

⁴¹ См.: Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 19.

⁴² Цит. по: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 2004. С. 47.

⁴³ См.: Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. М., 2010. С. 112.

⁴⁴ Против признания преступности социальным явлением выступает проф. Д.А. Шестаков, по мнению которого «преступность – это сама закономерность, в силу которой извечно совершается множество преступлений, а преступления – внешняя форма ее проявления. Вот почему нельзя в строгом смысле слова именовать преступность явлением» (см.: Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. С. 15, 18).

⁴⁵ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 63, 341.

⁴⁶ Цит. по: Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 330.

⁴⁷ Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 554.

⁴⁸ Цит. по: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова.

⁴⁹ См.: Гилинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня. 2009. С. 331.

Иными словами, получается, что в возникновении и существовании преступности виновен только законодатель. Именно так считает сторонник «социального конструкта» Я.И. Гилинский, с точки зрения которого главная и единственная «причина» преступности – законодатель, сотворивший уголовный закон⁵⁰. Более того, в другом своем произведении он утверждает, что преступность – искусственный социальный конструкт, не имеющий *per se* качественной определенности в реальной действительности⁵¹.

Мягко говоря, это более чем спорное умозаключение. Несмотря на все свое уважение к отдельным адептам этого референта, вместе с тем здравый смысл подсказывает, что эта теория по многим параметрам ошибочна. При этом хочу подчеркнуть, что такая авторская позиция связана не столько с вопросами истинности или приемлемости социального конструкта, сколько с попыткой провести водораздел между ним и теми объективными данными, которыми располагает наука (биология, психология и т.д.) по вопросам, близким к проблемам изучения причин преступности. Полагаю, что такая мысленная демаркация позволит найти «ключ Соломона», которым можно отворить замки хранилища объективного ответа на поставленный вопрос.

Безусловно, нет спора о том, что по форме преступление – социальный конструкт, т.е. результат человеческой деятельности, в процессе которой решается вопрос о том, что признать преступлением, а что – нет. Реализуя эту необходимость и стремясь создать правовые основы противодействия злу, именуемому с середины XVII в. на Руси преступлением, законодатель стремится из бесконечно большого объема анализируемой правовой энтропии, крепко обвившей своими щупальцами все сегменты социума, выбрать наиболее общественно опасные ее виды и облечь их в уголовно-правовую оболочку. Из этого посыла следует, что этиология преступности как многофакторной исторической реальности, носящей к тому же лабильный характер, ни на йоту не зависит от воли законодателя, т.к. она возникла на Земле еще задолго до зарождения в ней государства и права. Это, во-первых.

Во-вторых, принципиальная методологическая ошибка адептов социального конструкта выражается в том, что сторонники этого учения в картине причин преступности фон приняли за фигуру, и на этой основе одна группа из них пришла к выводу, что преступность порождена законодателем,

⁵⁰ Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). С. 34.

⁵¹ См.: Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Росс. ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 382–398.

а другая – негативными социальными явлениями и т.д. Между тем в противостоянии с преступностью социальный конструкт выполняет лишь две операционные функции, причем, с формальной смысловой наполненностью: а) как нормативный регулятор круга деяний, признаваемых в социуме преступлением; б) как правовой механизм воздаяния за преступление, в котором четко очерчены виды наказания, его сроки или размеры, подлежащие применению к виновному за совершение того или иного преступления.

В-третьих, не отказывая в изящности словесной конструкции идиомы «социальный конструкт», вместе с тем сторонники этого тренда в своих исследованиях ставят во главу угла формальный (нормативный) подход к преступлению, а не его сущностную природу, без которой социальный конструкт выглядит полым, ретранслируя лишь известную формулу “Nullum crimen sine lege”. Поэтому если в рассматриваемом вопросе отделить зерно истины от обнимающих его плевел, то станет очевидным, что за пределами этой идиомы остаются такие принципиально важные константы, как причинный комплекс преступности, связь отдельного преступного проявления с природными, социальными и техногенными факторами, роль генетических предпосылок в механизме преступного поведения и т.д.

В-четвертых, ошибочность рассматриваемого концепта видится также и в том, что любой социальный конструкт всегда искусственен. Следовательно, раз преступление – искусственный конструкт, значит его можно изменить, реконструировать или удалить из Уголовного кодекса РФ. А этот постулат применительно ко многим видам умышленных преступлений достаточно утопичен, так как не всех их можно декриминализировать, даже если этого очень захочет законодатель. Здесь имеются в виду насильственные и насильственно-корыстные преступления против личности, повлекшие за собой смерть или причинение тяжких телесных повреждений (убийство, изнасилование и т.д.). Эти деяния всегда считались преступлением и останутся таковыми, пока существует человечество с его нравственными императивами.

В-пятых, нельзя согласиться с адептами социального конструкта и в том, что преступность не имеет качественной определенности в реальной действительности. Это не так. Не углубляясь в философские аспекты рассматриваемого вопроса, лишь отметим, что каждое преступление – это антропогенная данность, оно обладает воспринимаемой сознанием человека качественной определенностью (т.е. оно материально), в силу чего не только отражает устойчивое взаимоотношение своих составных элементов, совокупность которых

отличает его от других объектов (правонарушений), но и, невзирая на изменчивость своего бытия (формы и способы проявления), его матрица остается, по существу, той же, т.к. при всей своей волатильности изменяется лишь вариация проявления преступления. Иными словами, качественное изменение может быть связано как с превращением данного явления в другое, так и с изменением состояния и формы существования в сущность того же предмета. Применительно к преступлению это наглядно демонстрирует его категоризация в Уголовном кодексе РФ – небольшой или средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое. Как известно, их всех связывает один и тот же качественный фактор – признаки и элементы состава преступления. Наконец, нельзя забывать, что «свойство проявляется в способности материальных форм воспроизводить определенность других материальных форм в форме изменения собственной определенности в процессе взаимодействия с ними»⁵².

В свете сказанного возникает вопрос: как можно назвать «социальным конструктом», к примеру, чудовищные деяния садистов и маньяков, совершающих их ради удовлетворения своих маниакально-извращенных желаний (например, Чикатило, Брейвик, Говард, Сливко и др.)?

Думается, что деяний только этих лиц достаточно для выдвижения гипотезы, что не все преступления обусловлены социальным конструктом или господствующими в обществе социально-экономическими противоречиями либо психическими травмами, тяжелым детством и т.д., а вызваны исключительно потребностями. Ведь, как справедливо отмечает Д.А. Шестаков, «улучшение условий человеческой личности в тех странах, где оно имеет место, не обеспечивает ослабление преступности. Ни повышение общего благосостояния, ни расширение свободы и демократии, ни гуманизация государства и ослабление контроля за гражданами не только не уменьшают преступного множества, но, напротив, будут способствовать его увеличению»⁵³.

Как было отмечено выше, человек с момента рождения внутренне запрограммирован законами как добра, так и зла, в т.ч. и криминального характера. Конечно, общество может предпринять превентивные меры против некоторых пороков личности, временно минимизировать их проявление и т.д., а духовный потенциал и культурные институты общества – уменьшить количество совершаемых преступлений. Но полностью вытравить их из

генотипа человека не в состоянии ни медики, ни психоаналитики.

Все это свидетельствует, что причины преступности нельзя списывать на социальный конструкт или на комплекс издержек общества (экономических, социальных и т.д.), а природу преступления привязывать к закону, поскольку подобное понимание рассматриваемого феномена ограничивает поле познания его сущности. Истории человечества не известны общества, которым не был бы присущ феномен преступности, а многие виды преступлений совершались и до возникновения государства, законов, суда и т.д.

Поэтому, не отрицая наличия рационального зерна в учении о «социальном конструкте» некоторых видов преступлений и соглашаясь, что подобные деликты (*crime publicum*) являются продуктом интеллектуальной деятельности человека, в силу чего они могут быть в любое время декриминализованы, вместе с тем нельзя игнорировать и тот очевидный факт, что есть и естественные преступления (*crime naturale*)⁵⁴, которые хотя формально и привязаны к уголовному закону, но автономны от воли законодателя, т.к. являются неременным спутником человеческого бытия, в силу чего общество принуждено сосуществовать с ними. Эти преступления посягают на сущностную природу человека и вневременную ценность его бытия, которые дарованы ему с момента рождения. По этой причине данные ценности неотчуждаемы и неприкосновенны, не могут быть отменены или сужены, а посягательство на них всегда признавалось, признается и будет признаваться преступлением. Другой вопрос, всегда ли законодатель признает те или иные опасные или омерзительные либо деструктивные деяния преступлением или считает, что некоторые из них вписываются в достаточно пеструю мозаику современного «демократического» общества либерального толка, в силу чего отпадает необходимость в их криминализации⁵⁵.

Все это свидетельствует, что в процессе криминализации мы часто имеем дело не только и не столько с сущностными свойствами того или иного негативного общественно опасного деяния, его реальной угрозой для индивидуума, социума

⁵⁴ Термин «естественные преступления» ввел в научный оборот итальянский антрополог Рафаэле Гарофало в своей книге «Криминология», вышедшей в 1885 г.

⁵⁵ Например, в ряде стран мира легализованы однополые браки, эвтаназия и т.д., а в некоторых из них до сих пор изнасилование жены не считается преступлением (см.: *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (*неокриминология*). С. 17). В США в штате Нью-Джерси с августа 2019 г. легализован брак между родными братом и сестрой (см.: В Нью-Джерси легализован брак между родными братом и сестрой. URL: <https://cosmo.kz/v-nyuu-dzhersi-legalizirovan-brak-mezhdu-rodnybratom-i-sestroj/> (дата обращения: 28.04.2021)).

⁵² Ленин В.И. Указ. соч. С. 91.

⁵³ Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. С. 34.

и государства, а главным образом с уровнем нравственного багажа законодателя, его мировоззренческих ценностей и правовой культуры, этнопсихологией и традициями той или иной нации (народа), их морально-нравственными императивами и т.д. Естественно, столь пестрая морально-нравственная панорама не может не отразиться на концепции социологического подхода к объяснению природы преступности. Однако это вовсе не дает оснований и далее сохранять парадигму, согласно которой в механизме преступного поведения доминирующую роль играют социальные причины. Не исключая взаимосвязи причинного комплекса преступности с социальными факторами, вместе с тем полагаем, что такая взаимосвязь не исчерпывает всей глубины рассматриваемого феномена.

Нельзя обойти молчанием еще один недостаток учения о социальной природе причин преступности. Исследования показывают, что в существующих учениях о рассматриваемом феномене допущена досадная методологическая ошибка при определении истоков причин преступности. Как известно, в них таковыми признаются только социальные явления. Так, утверждается, что под детерминантами преступности следует подразумевать комплексы негативных социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность. С этим соглашаются и многие криминологи. Между тем реальная действительность такова, что в механизме детерминации преступного поведения участвуют не только социальные, но и природные, и техногенные факторы и т.д., которые порой становятся пусковым механизмом преступления⁵⁶.

Этот далеко не полный перечень недостатков в существующих учениях о социальной природе преступности показывает, что социологический подход к объяснению причин преступности не лишен принципиальных пробелов, в силу чего это учение не может претендовать на незыблемую истину о детерминанте преступности.

Альтернативный взгляд на решение проблемы. Проведенные автором исследования и результаты интроспекций показывают, что нет такого осознанного решения или поступка человека, в т.ч. и криминального характера, которые не были бы продиктованы его потребностями, т.е. психофизиологическим явлением, формирующим мотивацию поведения человека и выступающим внутренним возбудителем его активности. Они предшествуют следствию и запускают причинно-следственную связь. Поэтому исходным фактором, дающим импульс запуску механизма индивидуального преступного поведения, всегда выступает опредмеченная потребность (желание) как

генетически заданная программа, которую невозможно «стереть» с матрицы человека.

Таким образом, становится очевидным, что доминантой (двигателем) индивидуального преступного поведения выступает неудовлетворенная потребность. Нельзя забывать, что «та или иная область только тогда является причиной конфликта (а преступление есть разновидность социального конфликта. — Х.А.), когда она выступает для его субъектов как потребность»⁵⁷. При этом она может быть приобретенной или генетически заданной, позитивной или извращенной, разумной или мнимой, реальной или воображаемой, устойчивой или ситуативной, явной или латентной; обусловлена биологической природой человека (в т.ч. инстинктом) или его честолюбием; формироваться под влиянием непредвиденных обстоятельств или источника повышенной виктимности; может быть постоянной или волатильной; продиктована экономическими неурядицами или чувством мести за поруганную честь и т.д.

Иными словами, «все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); «духовных» или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям)⁵⁸.

Порой потребность может характеризоваться и такими генетически запрограммированными побуждениями, как страсть к разрушению жизни, стремление ситуативного доминирования или к неограниченной власти над другим живым существом, преследовать целью избавиться от ненавистных лиц определенной национальности, оставить след в истории (синдром Герострата), поиск личной славы (синдром Чепмана — убийца Джона Леннона), самовыражение (синдром Чикатило), самоутверждение (синдром Раскольникова), носить агрессивный или альтруистический характер (синдром Деточкина) и т.д. По мере удовлетворения одних потребностей у человека возникают другие.

Из этого следует, что потребности человека носят перманентный характер. Однако, невзирая на всю бесконечность потребностей, в т.ч. и пагубные страсти, их можно условно подразделить на четыре группы:

⁵⁷ Зеленков М. Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). М., 2011. С. 35.

⁵⁸ См.: Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). С. 165.

контролируемые (избрание партнера для совместной супружеской жизни, выбор формы отдыха, средства передвижения и т.д.);

инстинктивные (дышать, спать, принимать пищу, воду, двигаться, отправлять естественные надобности и т.д.);

неконтролируемые (педофилия, клептомания, каннибализм, гомосексуализм, лунатизм, садизм, пиромания, наркозависимость и т.д.);

коммуникативно-подражательные (стремление повторить поступок другого);

рефлекторные (мгновенная реакция на опасность в экстремальных ситуациях).

Как видим, потребность есть не что иное, как опредмеченная «нужда в чем-то или ком-то, желание иметь что-то или обладать чем-то. Она определяет избирательность восприятия мира, фиксируя внимание человека на тех объектах, которые имеют способность утолять потребности, то есть, это движущая сила человеческой активности, причина многих наших действий и поступков»⁵⁹. Иными словами, как писал И. Бентам, «стремления основной массы людей во все времена направлены на удовлетворение потребностей при испытании минимальных страданий и лишений»⁶⁰. При этом та или иная потребность, ставшая пусковым механизмом мотивации преступного поведения, порой бывает переплетена с иными факторами ментального, социального, природного и т.д. характера (к примеру, похоть и самоутверждение). Поэтому возможны одномоментные «сосуществования» разнотипных потребностей, в т.ч. и в механизме индивидуального преступного поведения.

Конечно, автор статьи далек от мысли, что неудовлетворенная потребность всегда порождает преступление. Это, естественно, не так. Но в то же время одно несомненно: каждое конкретное умышленное преступление есть непосредственный результат реализации той или иной неудовлетворенной потребности человека, так как даже гипотетически трудно представить тот или иной поступок, решение или действие человека, которые не были бы мотивированы теми или иными его потребностями. Это позволяет предположить, что неудовлетворенная потребность является универсальной причиной всех без исключения умышленных преступлений.

* * *

Таким образом, данные, полученные в ходе исследования проблем патогенеза преступности

⁵⁹ Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/node47.html> (дата обращения: 01.08.2021).

⁶⁰ Цит. по: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Указ. соч. С. 557.

и этиологии преступного поведения, дают основание для выдвижения следующих выводов:

1) в человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от противоправных деяний, так как такое поведение является потенциальным свойством каждого, заложенным в его жизненную программу;

2) многие виды индивидуального преступного поведения не являются продуктом социального конструкта. Они есть исторически обусловленная объективная закономерность, утвердившаяся задолго до возникновения государства и права, в силу чего этиология и бытие многих видов умышленных преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя;

3) существует универсальная причина преступности в мире, и она отнюдь не заключена в окружающих человека реальностях, т.к. таится в самом *Homo sapiens*⁶¹;

4) корень детерминанта преступности носит бинарный характер и состоит из двух нелинейных компонентов: генетических и внешних факторов, процесс слияния которых в интегрированное единство порождает неприсущее им в отдельности качество (синергетический эффект) – конкретное преступление;

5) мотивацией всех умышленных преступлений выступает неудовлетворенная потребность различного уровня и этиологии, реализовать которую виновный не смог (не захотел) в рамках правового поля. Все остальные факторы экономического, социального и т.д. характера, влияющие или участвующие в формировании преступной мотивации, являются факультативными;

6) в механизме индивидуального преступного поведения потребности играют роль доминанты. Что же касается внешних факторов (естественных, техногенных, социальных), то они в механизме детерминации преступного поведения играют лишь сопутствующую роль (повод, условия и т.д.).

С учетом вышеизложенного можно с высокой долей вероятности предположить, что:

причины преступности гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им конкретное преступление – это не что иное, как генетически обусловленный опредмеченный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в геноме *Homo sapiens* в alertном состоянии, который активизируется при сцеплении с определенными внешними факторами

⁶¹ Как справедливо отмечает И.М. Рагимов, «причина преступного поведения находится не вовне, а внутри самого человека, так как склонность к злу, греху, преступлению заложена в душе человека» (см.: Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020. С. 160, 161).

природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог или не захотел реализовать в рамках закона.

Как видно из приведенной выше гипотезы, без соприкосновения с внешними факторами естественного, техногенного или социального характера генетически заданный поведенческий акт деструктивно-волевого характера не может активироваться, т.к. «в самом состоянии потребности предмет, способный удовлетворить эту потребность, не отражен, не зафиксирован. Но когда такой предмет обнаруживается, психика отражает его, и образ этого предмета может стать мотивом поведения»⁶². Поэтому роль таких внешних факторов, как повод для преступления, условия, способствующие его совершению, и т.д., не менее значима, чем генетические предпосылки⁶³.

Словом, ничто из этого (т.е. генетического или социального, техногенного или природного фактора) не первично, но в то же время и те, и другие одинаково важны. В этом и проявляется бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения⁶⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик Вячеслав Степин: станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции? URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.09.2020).
2. *Амосов Н.М.* Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.
3. *Бастрыкин А.И.* Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0
4. *Васильченко М.* Человек не контролирует себя полностью. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (дата обращения: 07.05.2021).
5. *Герцензон А.А.* Против биологических причин преступности (очерк первый) // Вопросы предупреждения преступности. М., 1966. Вып. 4. С. 12, 13.
6. *Гилинский Я.И.* Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Росс. ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 382–398.
7. *Гилинский Я.И.* Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня. 2009. С. 331.
8. *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021. С. 5, 6, 17, 34, 165.
9. *Горшенков Г.Н.* Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 163, 174.
10. *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2008. С. 9.
11. *Давыдова Ю.Д., Литвинов С.С., Еникеева Р.Ф. и др.* Современные представления о генетике агрессивного поведения // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. Т. 22. № 6.
12. *Достоевский Ф.М.* Униженные и оскорбленные. Роман. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (дата обращения: 12.05.2021).
13. *Драгович А.Ю., Боринская С.А.* Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. № 12.
14. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 15, 63, 341.
15. *Зеленков М.Ю.* Социальная конфликтология (базовый курс). М., 2011. С. 33, 35.
16. *Игнатов А.Н.* О биосоциальной природе преступности // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2016. С. 69.
17. Ид, Эго и Супер-Эго, защитные механизмы или теория Фрейда. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (дата обращения: 08.01.2021).
18. *Карпец И.И.* О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. государство и право. 1964. № 4. С. 96.
19. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 330.
20. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 2004. С. 47.

⁶² Общая психология: психология личности: учеб. издание. Раздел: Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (дата обращения: 27.08.2021).

⁶³ Как пишет М.Ю. Зеленков, «поводом для конфликта служит явление, которое способствует его возникновению, но не определяет появление конфликта с необходимостью. В отличие от причины, повод возникает случайно и может создаваться искусственно, как говорят, “на пустом месте”. Причина же отражает закономерную связь вещей» (см.: *Зеленков М.Ю.* Указ. соч. С. 33).

⁶⁴ Естественно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все неизведанные пласты патогенеза преступности и этиологии преступного поведения, детально раскрыть механизм индивидуального преступного поведения, обосновать аргументы автора по тем или иным выдвинутым положениям и т.д. Однако, невзирая на это, нельзя исключить, что статья будет воспринята читателями амбивалентно.

Эти опасения усиливаются еще и тем, что в ней содержится ряд авторских допущений, привносящих в рассматриваемую проблему нестандартные подходы, суждения и выводы, которые по многим параметрам не согласуются с устоявшимися в криминологии парадигмами. Поэтому автор с благодарностью примет любые конструктивные замечания и рекомендации читателей по содержанию вынесенных на обсуждение юридической общественности узловых моментов концепции предложенной доктрины.

REFERENCES

21. Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 19.
22. Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // Вопросы рос. юстиции. 2020. № 9.
23. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91, 137.
24. Лунеев В.В. Криминология. М., 2016. С. 45.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1982. С. 102.
27. Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.
28. Медведев Ю. Сам себе зомби. Что на самом деле управляет поступками человека. URL: <https://tg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (дата обращения: 21.03.2021).
29. Мор Т. Утопия. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (дата обращения: 09.06.2021).
30. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 62, 107.
31. Общая психология: психология личности: учеб. издание. Раздел: Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (дата обращения: 27.08.2021).
32. Пинкер Ст. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.
33. Познышев С.В. Предисл. к кн. Э. Ферри «Уголовная социология». М., 1908. С. 10.
34. Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020. С. 160, 161.
35. Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 554.
36. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. М., 2010. С. 112.
37. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2008. С. 11.
38. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
39. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1904. С. 38.
40. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 556, 557.
41. Шестаков Д.А. Криминология: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 135, 136.
42. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 15, 17, 18, 34.
1. Academician Vyacheslav Stepin: will a person become an intermediate link on the way to another thinking substance? URL: <https://iz.ru/news/350395> (accessed: 30.09.2020) (in Russ.).
2. Amosov N.M. Modeling of thinking and psyche. Kiev, 1965. P. 96 (in Russ.).
3. Bastrykin A.I. Review of the book by Professor I.M. Ragimov "Religion and Punishment" (St. Petersburg, 2020.— 217 p.) // State and Law. 2021. No. 4. P. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0 (in Russ.).
4. Vasilchenko M. A person does not control himself completely. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (accessed: 07.05.2021) (in Russ.).
5. Herzenzon A.A. Against biological causes of crime (first essay) // Issues of crime prevention. M., 1966. Issue 4. P. 12, 13 (in Russ.).
6. Gilinsky Ya. I. Genesis of crime. The problem of causality in criminology // Russ. yearbook of Criminal Law. 2007. No. 2. P. 382—398 (in Russ.).
7. Gilinsky Ya. I. The construction of deviance: problematization of the problem // Petersburg Sociology today. 2009. P. 331 (in Russ.).
8. Gilinsky Ya. I. Criminology of postmodernity (neocriminology). SPb., 2021. P. 5, 6, 17, 34, 165 (in Russ.).
9. Gorshenkov G.N. Sketches about life and criminological creativity. N. Novgorod, 2017. P. 163, 174 (in Russ.).
10. Huseynov A.A. Great prophets and thinkers: Moral teachings from Moses to the present day. M., 2008. P. 9 (in Russ.).
11. Davydova Yu. D., Litvinov S.S., Enikeeva R.F., etc. Modern ideas about the genetics of aggressive behavior // Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding. 2018. Vol. 22. No. 6 (in Russ.).
12. Dostoevsky F.M. Humiliated and insulted. Roman. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (accessed: 12.05.2021) (in Russ.).
13. Dragovich A. Yu., Borinskaya S.A. Genetic and genomic basis of aggressive human behavior // Genetics. 2019. No. 12 (in Russ.).
14. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetics, behavior, responsibility. About the nature of antisocial acts and ways to prevent them. 2nd ed., reprint and additional. M., 1989. P. 15, 63, 341 (in Russ.).
15. Zelenkov M. Yu. Social conflictology (basic course). M., 2011. P. 33, 35 (in Russ.).
16. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime // Herald of St. Petersburg State University. Ser. 14. Law. 2016. P. 69 (in Russ.).

17. Id, Ego and Super-Ego, defense mechanisms or Freud's theory. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (accessed: 08.01.2021) (in Russ.).
18. *Karpets I.I.* On methodology in criminal law and criminological research // *Sov. State and Law*. 1964. No. 4. P. 96 (in Russ.).
19. *Criminology* / under the general editorship of A.I. Dolgova. M., 2001. P. 330 (in Russ.).
20. *Criminology* / under the editorship of V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. M., 2004. P. 47 (in Russ.).
21. *Criminology: textbook* / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneev. M., 2004. P. 19 (in Russ.).
22. *Larin V.N.* On the genealogy of the biosocial theory of the criminal personality // *Russ. questions justice*. 2020. No. 9 (in Russ.).
23. *Lenin V.I.* Materialism and empiriocriticism // *Lenin V.I. The Complete Works*. Vol. 18. P. 91, 137 (in Russ.).
24. *Luneev V.V.* *Criminology*. M., 2016. P. 45 (in Russ.).
25. *Marx K., Engels F.* Selected letters. M., 1948. P. 104 (in Russ.).
26. *Marx K., Engels F.* *Essays*. M., 1982. Vol. 20. P. 102 (in Russ.).
27. *Maslov V.A.* The doctrine of Gabriel Tarde about the personality of a criminal // *Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3 (37). P. 112 (in Russ.).
28. *Medvedev Yu.* He's a zombie to himself. What actually governs a person's actions. URL: <https://rg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (accessed: 21.03.2021) (in Russ.).
29. *More T.* Utopia. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (accessed: 09.06.2021) (in Russ.).
30. *Noy I.S.* Methodological problems of Soviet criminology. Saratov, 1975. P. 62, 107 (in Russ.).
31. *General psychology: psychology of personality: studies*. edition. Section: The concepts of "motivation", "need", "motive". URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (accessed: 27.08.2021) (in Russ.).
32. *Pinker St.* Blank sheet. Human nature. Who and why refuses to recognize it today / transl. from English. M., 2018. P. 520 (in Russ.).
33. *Poznyshev S.V.* Preface to the book by E. Ferry "Criminal Sociology". M., 1908. P. 10 (in Russ.).
34. *Rahimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020. P. 160, 161 (in Russ.).
35. *Spinoza B.* Selected works. M., 1957. Vol. 1. P. 554 (in Russ.).
36. *Tard G.* The criminal and the crime. Comparative crime. Crime of the crowd. M., 2010. P. 112 (in Russ.).
37. *Freud S.* Psychology of the unconscious. M., 2008. P. 11 (in Russ.).
38. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. M., 1994 (in Russ.).
39. *Chicherin B.N.* Philosophy of Law. M., 1904. P. 38 (in Russ.).
40. *Shalagin A.E., Khrustaleva O.N.* Theories of criminal behavior: from the origins to the present // *Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. Vol. 9. No. 4. P. 556, 557 (in Russ.).
41. *Shestakov D.A.* *Criminology: studies for universities*. 2nd ed., reprint. SPb., 2006. P. 135, 136 (in Russ.).
42. *Shestakov D.A.* Crime theory and fundamentals of branch criminology. SPb., 2015. P. 15, 17, 18, 34 (in Russ.).

Сведения об авторе

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович — доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований; Азербайджанская Республика, г. Баку

Authors' information

ALIKPEROV Khanlar Dzh. — Doctor of Law, Professor, Director of the Centre of Legal Researches; Baku, the Republic of Azerbaijan

ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

© 2022 г. С. О. Шохин^{1, *}, Е. В. Кудряшова^{2, **}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

²Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва;
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

*E-mail: doctorsos07@rambler.ru

**E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru

Поступила в редакцию 21.09.2021 г.

Аннотация. Феномен документов стратегического планирования просуществовал в российской правовой системе уже более пяти лет, но по-прежнему вопрос правовой природы этого явления остается актуальным. Исследование показывает, что большинство документов стратегического планирования относятся к источникам финансового права, как в материальном, так и в формально-юридическом аспекте. Документы стратегического планирования исходят от участников стратегического планирования, которые в основном наделены властными полномочиями. Есть документы стратегического планирования наднационального уровня, и они также могут быть отнесены к источникам финансового права, но на основе традиционных представлений об источниках международного права, не меняя представлений об источнике права в материальном смысле. Планы могут носить характер нормы, соответственно, документы стратегического планирования могут объективизировать нормы в формально-юридическом смысле. Принято различать источники финансового права и источники законодательства. К источникам финансового законодательства можно отнести только узкий круг документов, изданных в традиционной для российской правовой системы форме законодательных и подзаконных актов.

Ключевые слова: источники права, источники финансового права, стратегическое планирование, финансово-плановые акты.

Цитирование: Шохин С. О., Кудряшова Е. В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. 2021. № 1. С. 158–167.

DOI: 10.31857/S102694520018442-7

STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS AS SOURCES OF FINANCIAL LAW

© 2022 S. O. Shokhin^{1, *}, E. V. Kudryashova^{2, **}

¹Moscow State Institute (University) of International Relations
of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

²Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow;
Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

*E-mail: doctorsos07@rambler.ru;

**E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru

Received 21.09.2021

Abstract. The phenomenon of strategic planning documents has existed in Russian legal system already for more than five years, but still the issue of their legal nature is up to date. This study shows that the majority of strategic planning documents pertain to the sources of Financial Law, both in material and formal aspects. Documents of strategic planning derive from the participants of strategic planning process, which are vested with power. There are strategic planning documents on supra-national level, and they are also considered to be sources of Financial Law, but on the traditional basis for International Law without changing the material aspects of law sources. Plans can be legal norms therefore strategic planning documents can objectify legal norms in formal sense. It is common to divide the sources of financial law and sources of financial legislation. Only a narrow range of strategic planning documents, issued in the form of traditional laws and other legal acts can be attributed to sources of financial legislation.

Key words: sources of law, sources of Financial Law, strategic planning, financial-planning acts.

For citation: Shokhin, S.O., Kudryashova, E.V. (2022). Strategic planning documents as sources of Financial Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 158–167.

Стратегическое планирование и управление стало играть важную роль в развитии России с начала XX в. После нескольких десятилетий забвения по политическим причинам планирование стало возвращаться в управленческую практику в его новой – стратегической – парадигме. С принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации») в Российской Федерации формируется система стратегического планирования, которая включает в себя финансовое планирование как одну из составляющих. В этом же Федеральном законе использовалось понятие «документы стратегического планирования».

В Российской Империи, в СССР и в Российской Федерации не было недостатка в исследованиях общих проблем источников права и их отраслевых особенностей². Общие проблемы источников права разрабатывались и в зарубежных публикациях³. Приступая к исследованию категории «документы стратегического планирования», следует напомнить об исследованиях «нетипичных» форм права, в том числе в их соотношении с источниками права в российской и советской юридической науке⁴.

Более узкая отраслевая проблема источников финансового права исследовалась не менее активно. За последние несколько лет проблемам источников финансового права были посвящены многочисленные публикации как в России⁵, так и в странах ближнего зарубежья с аналогичной структурой отраслей права⁶. Несколько актуальных публикаций представляют совершенно новый ракурс проблемы источников финансового права⁷. Однако документы стратегического планирования как источники финансового права не рассматривались в фундаментальных исследованиях. Само понятие «документы стратегического планирования» существует сравнительно недавно, поэтому

⁵ См.: Поветкина Н.А. Источники финансового права: теоретический аспект // Финансовое право. 2011. № 2. С. 17–20; Попондопуло В.Ф. Финансовое право: понятие, природа, источники // Финансовое право. 2020. № 1. С. 8–14; Подшибякина А.А. Понятие и система источников финансового права // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 28–31; Паукова Н.И. Источники финансового права. Курск, 2009; Чужикова Н.И. Теоретический аспект нормативного правового акта в финансовом праве // Финансовое право. 2002. № 2. С. 14–16; Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. Саратов, 2006.

⁶ См., напр.: Гафуров А.Д. Источники финансового права и особенности формирования финансового законодательства развивающихся стран // Вестник Таджикского национального ун-та. 2012. № 3–1. С. 61–70; Хван Л.Б. Проблемы введения обязательных налоговых платежей в Узбекистане // Налоговед. 2011. № 8. С. 76–83.

⁷ См.: Еремин С.Г. Акты «мягкого права» в системе источников финансового права России: концептуальная основа. М., 2020; Кириллова А.Ф. Место судебного прецедента в системе источников финансового права // Финансовое право. 2012. № 11. С. 36–40; Копина А.А. Место судебной практики в системе источников налогового права // Финансовое право. 2008. № 12. С. 22–26; Shashkova A.V. Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K.S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA, 2019. P. 1931–1936; Тарибо Е.В. О влиянии актов конституционного правосудия на российскую правовую систему (на примере налогообложения) // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4. С. 25–31.

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1), ст. 3378.

² Назовем здесь только примеры из каждого периода: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1883; Зивс С.Л. Источники права. М., 1981; Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М., 2018.

³ См., напр.: Hart H.L. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford, 2012; The Rule of Law and the Separation of Powers / ed. R. Bellamy. London, 2005.

⁴ См., напр.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самошенко. М., 1962; Полежаев П.Т., Шелестов В.С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1960. № 10. С. 13; Матненко А.С. Правовое обеспечение плановой деятельности современного российского государства // Lex russica. 2009. № 1. С. 118–120; Давыдов К.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт. Новосибирск, 2020.

исследований такого рода объективно мало и данная статья восполняет пробел в теории финансового права.

Документы стратегического планирования следует считать источниками российского финансового права. Цель настоящего исследования – обосновать эту позицию, а также детализировать ее.

В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные юридические методы, такие как юридико-технический и догматический методы.

Суть отличия стратегическое планирование от всех предыдущих подходов к планированию состоит в том, что акцент здесь сделан на постановку целей, и планирование осуществляется «из будущего в настоящее»: задается желаемое состояние системы в будущем без оглядки на прошлое. В предыдущих вариантах (краткосрочное, долгосрочное планирование) план мог быть представлен как прошлое плюс некоторое улучшение⁸. План мог иметь и более простое содержание – последовательность действий.

С 2005 г. в Российской Федерации было заявлено о внедрении первых приоритетных национальных проектов. Изначально было объявлено о четырех приоритетных направлениях развития: здравоохранение, образование, жильё и сельское хозяйство. Приоритетные национальные проекты стали опытным полигоном для пересмотра всей методологии финансовой деятельности и перехода от управления затратами к управлению результатами. Первые приоритетные национальные проекты остались в политической сфере и не стали источниками финансового права. В то же время они определили финансовую политику и практику проектного управления на последующий период⁹.

На момент появления приоритетных национальных проектов действовал Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»¹⁰, и на его основе издавались разнообразные прогнозы и планы, но в большинстве своем они не имели стратегических характеристик, поэтому их следует выносить в отдельную категорию, теперь уже представляющую исторический интерес.

⁸ См. подр.: *Кудряшова Е. В.* Правовое регулирование стратегического планирования в сфере государственных финансов. М., 2019; *Назаров В. П.* Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // *Власть*. 2007. № 11. С. 3–9.

⁹ См.: *Запольский С. В., Андреева Е. М.* Правовые основы реализации и финансирования национальных проектов // *Юридический мир*. 2020. № 3. С. 50–55; *Запольский С. В.* О финансовой политике Российской Федерации и правовых формах ее глобальной реализации // *Финансовое право*. 2020. № 4. С. 7–11.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 30, ст. 2871.

Приоритетные национальные проекты были инструментами стратегического управления.

Следует упомянуть, что к началу 2000-х годов постепенно в практику входят такие документы, как целевые программы. Их правовой основой был уже утративший юридическую силу Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»¹¹, но до перехода на бюджетирование, ориентированное на результат, они не имели серьезного значения для финансового права. Федеральные целевые программы уже могут рассматриваться как документы стратегического планирования в нынешнем понимании, тем более что они были преобразованы (а возможно, даже переименованы) в государственные программы.

Начиная с 2005 г. массив документов о стратегических целях и задачах для государства и для отдельных участков развития растет. В 2008 г. принимается Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р¹²). Издаются стратегические указы Президента РФ.

Набор документов стратегического планирования не ограничивается перечисленными в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Продолжают действовать разнообразные концепции, доктрины, стратегии, программы, проекты (планы), которые были приняты до принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», и теперь попадают в категорию документы стратегического планирования. Помимо этого, еще до принятия рамочного нормативного правового акта в Российской Федерации сформировалась параллельная система стратегических указов Президента РФ¹³. Как теоретики, так и практики, исходя из содержания последних, относят их к документам стратегического планирования. Фактически в Российской Федерации сложилась дуалистичная структура стратегического

¹¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 34, ст. 3540.

¹² См.: СЗ РФ. 2008. № 47, ст. 5489.

¹³ Их иногда называют «майскими указами», т.к. Президент РФ издавал их вскоре после вступления в должность (см., напр.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (частично утратил силу)). Текущий стратегический указ – Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

планирования¹⁴, которая поддерживается уже около десятка лет, хотя и имеет ряд недостатков.

Понятие документа стратегического планирования появилось только в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В нем определен документ стратегического планирования как «документированную информацию, разрабатываемую, рассматриваемую и утверждаемую (одобряемую) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования».

Анализ документов стратегического планирования и его законодательное определение указывают на то, что содержание документов стратегического планирования – это постановка целей и задач неопределенному кругу лиц. Их содержание не сводится к простому информированию. Документы стратегического планирования не информируют, а задают параметры измерения системы (отрасли, бюджетной системы, социально-экономического развития и т.д.) в определенной точке будущего. К этим параметрам системы надлежит стремиться неограниченному кругу лиц. Пожалуй, только прогнозы могут рассматриваться как информация, но в то же время информация обязательная и безальтернативная в ряде случаев.

Источники права принято понимать двояко¹⁵: в материальном аспекте – источник, откуда исходит воля, творящая право (сила, создающая право), и в формально-юридическом – объективизация права в конкретных формах.

Применительно к документам стратегического планирования как источникам права в материальном смысле проблему представляет тот факт, что Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» оперирует еще одним неопределенным с юридической точки зрения понятием – «участники стратегического планирования». Как следует из Закона, документы стратегического планирования исходят от участников стратегического планирования. Фактически можно говорить, что участники стратегического планирования совпадают с субъектами, наделенными властными полномочиями. Все же за счет особого понятия «участник стратегического планирования» категория «документы

стратегического планирования» оказывается шире категории «источники финансового права». В том случае, если документы стратегического планирования исходят от наделенного государственно-властными полномочиями или полномочиями местной власти субъекта, они не отличаются от прочих источников права в материальном аспекте.

Материальный аспект источников права вновь выходит на первый план и в зарубежной литературе, обсуждается, насколько право может твориться, помимо суверена, наднациональными образованиями, а также транснациональными компаниями. Не поддерживая позицию о допущении источника права вне суверенитета государства, в рамках традиционного подхода мы допускаем для документов стратегического планирования возможность их наднационального характера.

Стратегическое планирование играло значительную роль в определенный период развития интеграционных процессов в Евроазиатском Экономическом Союзе, и отчасти его значение сохраняется и ныне¹⁶. Документы, воплощающие стратегическое планирование в рамках ЕАЭС, очевидно, выпадают из сферы действия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», но они имеют схожие с российскими документами стратегического планирования характеристики.

Продолжается работа по созданию единого рынка финансовых услуг и соответствующие документы издаются на уровне ЕАЭС. Например, Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС, определяя основные цели, задачи и ключевые направления формирования общего рынка с указанием этапов и мероприятий по их реализации по своему содержанию попадает в категорию документов стратегического планирования. Детальная оценка стратегических документов ЕАЭС может привести к выводу, что их следует считать источниками российского финансового права как документы международных организаций со всеми ограничениями, которые были выработаны для их оценки¹⁷.

Документы стратегического планирования как источники права в формально-юридическом ключе следует рассмотреть детальнее. Здесь необходимо

¹⁶ См.: *Shokhin S., Kudryashova E.* Macroeconomic coordination in the Eurasian Economic Union: strategic aspects // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 38–52.

¹⁷ См.: *Kasyanov R., Kriger A.* Towards single market in financial services: highlights of the EU and the EAEU financial markets regulation // *Russian Law Journal*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 111–137; *Kasyanov R.* The EU experience as a model for the development of single financial market regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // *European Company and Financial Law Review*. 2019. Vol. 16. No. 5. P. 592–621.

¹⁴ См.: *Shokhin S.O., Kudryashova E.V.* The dualistic Model of Strategic Planning – Russian Experience / *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association (IBIMA)*. Granada, 2020. P. 1419–1425.

¹⁵ См.: *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства // *Правоведение*. 1998. С. 64, 65.

выяснить насколько документы стратегического планирования могут иметь нормативный характер, поскольку источник права чаще всего понимается именно как объективизация норм права, «нормативность» называют в качестве особенностей финансового права¹⁸. Необходимо также отграничить их как форму права от форм выражения прочего социального регулирования, например, от политических текстов.

Документы стратегического планирования — это планы с самым разнообразным содержанием: набор финансовых показателей, схемы развития городов (градостроительный план), набор целей и задач и так далее. Вопрос о нормативно-правовом характере планов был подробно изучен в исследованиях и советского периода, и современными авторами¹⁹. Ученые сошлись во мнении, что план может представлять собой норму права, не являясь набором индивидуальных предписаний. План направлен на изменение системы в целом — это первый уровень регулирования, второй уровень — это акты, конкретизирующие план. Наличие второго уровня регулирования не умаляет нормативный характер плана и не делает его необязательным. Понятие «документы стратегического планирования» пересекается с понятием «финансово-плановые акты»²⁰.

План нормативного характера, включающий цели и задачи, отличается от политических документов. Политические призывы не конкретны, издаются в произвольной форме и не порождают прав и обязанностей. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» устанавливает правовые рамки для принятия документов стратегического планирования и в совокупности с другими федеральными законами делает их содержание альтернативным для неограниченного круга лиц.

В то же время для финансового права документы стратегического планирования даже с политическим содержанием могут быть причислены к источникам финансового права²¹ ввиду следующей позиции.

Конституционный Суд РФ сформировал позицию, что дискреция законодателя в финансовой сфере связана целями и задачами единой финансовой политики. В Постановлении Конституционного

Суда РФ № 12-П от 17 июня 2004 г. № 12-П²² указано, что «федеральный законодатель, осуществляя финансовое регулирование на основе Конституции Российской Федерации, имеет дискреционные полномочия в выборе правовых средств, что позволяет ему учитывать всю совокупность социально-экономических, иных факторов развития Российской Федерации. Отсюда следует, что нормы права, в том числе финансового, проявляют свое регулятивное воздействие на бюджетные отношения не сами по себе, а в связи с целями государственной экономической политики, включая финансовую политику и финансовое регулирование в их конституционно-правовом смысле. На этой основе в Российской Федерации как правовом социальном государстве гарантируются надлежащие финансовые условия осуществления программ социального развития, обеспечения прав и свобод человека и гражданина». Отсюда документы стратегического планирования, определяющие финансовую политику Российской Федерации, ограничивают дискрецию законодателя, в этом смысле являются источником права — источником, на который опирался Конституционный Суд РФ.

Документы стратегического планирования объективизируют волю и целеполагание, исходящее от субъектов, обладающих властными полномочиями. В силу процедур, установленных в законодательстве, документ стратегического планирования обязателен к применению. Например, нельзя составить проект бюджета на основе данных из других источников, нежели бюджетный прогноз. В ходе финансового контроля эффективность использования средств будет оцениваться, исходя из целей и задач, поставленных в документах стратегического планирования, а не произвольно заявленных в других источниках.

Достаточно сложным представляется вопрос о юридической силе документов стратегического планирования, но для оценки их как источников права эта проблема второстепенная. Нам не известна такая позиция, когда наличие юридической силы было бы обязательной характеристикой источника права. Нормативные акты, утратившие силу, или акты спорного характера, принимаемые в турбулентных политических и исторических условиях вновь созданными органами, легитимность которых не признана в какой-то момент, продолжают считаться источниками права. Поэтому для решения вопроса об отнесении документов стратегического планирования к источникам финансового права мы считаем проблему их юридической силы факультативной, равно как и решение вопроса об их иерархии. Однако сделаем несколько замечаний по этому поводу.

¹⁸ См.: Грачева Е. Ю. К вопросу о сущности финансового права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 26–32.

¹⁹ См.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самошенко; Матненко А.С. Указ. соч. С. 118–120.

²⁰ Кудряшова Е. В. Финансово-плановые акты // Финансовое право. 2017. № 1. С. 7–9.

²¹ См.: Запольский С. В. Указ. соч. С. 7–11.

²² См.: СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2803.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не ограничивает возможности придания документам стратегического планирования юридической силы. Характеристика «документ стратегического планирования» скорее относится к содержанию, чем к форме. Он может принимать форму послания, утверждаться органами власти, одобряться органами государственной (муниципальной) власти и органами власти с особым независимым статусом (Центральный банк РФ) и так далее. Юридическая сила документа стратегического планирования будет зависеть от его формы, процедуры его издания²³ и компетенции издающего органа. В теоретических трудах, а затем и в практике устоялась позиция, что план и акт об его утверждении представляют собой единое целое²⁴. Аналогичным образом документы стратегического планирования также составляют единое целое с актом, его утверждающим.

В рамках данного исследования нужно определить, какие из документов стратегического планирования относятся к источникам финансового права, а какие из них остаются за пределами отрасли финансового права. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» выстраивает взаимосвязанную систему стратегического планирования, интегрируя в нее финансовое планирование. В Законе несколько раз подчеркивается включенность финансов в систему стратегического планирования. Интеграция финансов проводится через принцип ресурсной обеспеченности. Принцип ресурсной обеспеченности означает, что при разработке и утверждении документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования, должны быть определены источники финансового и иного ресурсного обеспечения мероприятий, предусмотренных этими документами²⁵. Специально подчеркивается необходимость координации государственного и муниципального стратегического управления с мерами бюджетной политики — это одна из задач стратегического планирования.

Большинство документов стратегического планирования, включая отраслевые и территориальные, влияют на финансовые правоотношения в условиях реализации концепции управления

²³ См.: Давыдов К. В. Указ. соч.; *Его же*. Административное усмотрение: ошибки правового регулирования и правоприменения (сравнительно-правовой аспект) // Государство и право. 2018. № 7. С. 39–48.

²⁴ См.: Ноздрачев А. Ф. Государственное планирование и правовое регулирование. М., 1982. С. 23

²⁵ Принцип ресурсной обеспеченности связан с принципом плановости финансовой деятельности государства (см.: Кудряшова Е. В. Принцип финансовой обеспеченности публичного планирования в Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 7. С. 11–14).

результатами или «бюджетирования, ориентированного на результат». Результаты коррелируют с целями и задачами, которые как раз объективируются в разнообразных документах стратегического планирования. Это проявляется в процессе проведения финансового контроля. В части постановки целей и задач, подлежащих обеспечению финансовыми ресурсами, большинство документов стратегического планирования служат источниками финансового права.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» дает нам примеры документов стратегического планирования, которые не только через цели и задачи связаны с финансами, но и полностью посвящены финансовой деятельности государства и местного самоуправления.

Важное значение в финансовой сфере имеет Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Оно входит в список документов, на которых основывается проект федерального бюджета. До 1 января 2015 г.²⁶ Президент РФ оглашал специальный документ — Бюджетное послание Президента Российской Федерации, но эта практика подвергалась критике в научных публикациях за дополнительное влияние внеконституционного характера исполнительной власти на законодательную²⁷ и теперь прекращена. Послание Президента РФ Федеральному Собранию реализует целеполагание на краткосрочный период в один год и доносит стратегические цели, подлежащие реализации в этом периоде.

На всех трех уровнях власти составляются бюджетные прогнозы. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» передает регулирование бюджетных прогнозов в сферу бюджетного законодательства. Наряду с прогнозом социально-экономического развития бюджетный прогноз входит в список необходимых для составления проектов бюджетов документов. Прогноз информирует о возможных и предположительно достижимых показателях, на которые должен ориентироваться бюджетный процесс. На показатели прогноза опираются в составлении и реализации своих финансовых документов участники бюджетного процесса, а также другие заинтересованные субъекты. Хотя показатели являются ориентировочными и не обязательными, именно они используются на официальном уровне. Альтернативный прогноз не может быть положен в основу проектов бюджетов, как следует из бюджетного законодательства.

²⁶ Статья 170 БК РФ утратила силу согласно Федеральному закону от 04.10.2014 г. № 283-ФЗ.

²⁷ См.: Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014.

Участниками стратегического планирования одобряются основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации, основные направления бюджетной и налоговой политики субъектов Российской Федерации, основные направления бюджетной и налоговой политики муниципальных образований. Данные документы также используются для составления проектов бюджетов.

В условиях реализации концепции бюджетирования, ориентированного на результат, важными для финансового права документами стратегического планирования стали государственные программы Российской Федерации, государственные программы субъектов Российской Федерации и муниципальные программы. Государственные и муниципальные программы пришли на смену целевым программам каждого уровня власти. С переходом к программно-целевому бюджетированию государственные программы стали основным инструментом в процессе государственного финансирования, особенно в отношении бюджета развития. Государственные и муниципальные программы разрабатываются и реализуются во взаимосвязи, исходя из текущих и перспективных целей государственной финансовой политики. Объем бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение реализации государственных (муниципальных) программ утверждается законом (решением) о бюджете по соответствующей каждой программе целевой статье расходов бюджета в соответствии с утвердившим программу нормативным правовым актом Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, правовым актом местной администрации муниципального образования. В публикациях часто можно встретить выражение «бюджет программ» — настолько значимое место программы занимают в бюджетном процессе.

Государственная программа Российской Федерации представляет собой документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий (результатов), взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики по соответствующим направлениям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации²⁸.

²⁸ См.: постановление Правительства РФ от 26.05.2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации», утвердившее Положение о системе управления государственными программами Российской Федерации // СЗ РФ. 2021. № 23, ст. 4042.

Мы обсуждали проблему источников финансового права, но есть и более узкая категория — источники финансового законодательства, которая более значима с точки зрения практики²⁹. Если для источников права вопрос о юридической силе факультативен, то применительно к источникам финансового законодательства он ключевой. Здесь следует сказать, что к источникам финансового законодательства могут быть отнесены только те документы стратегического планирования, которые либо составляют непосредственное содержание традиционных для российской правовой системы законодательных и подзаконных актов, либо утверждены ими. Все прочие документы стратегического планирования (например, основные направления политики или послание Президента РФ) не следует считать источниками финансового законодательства.

Феномен документов стратегического планирования просуществовал в российском законодательстве и практике уже более пяти лет. Вместе с тем по-прежнему документы стратегического планирования заслуживают критики. Стройной и иерархичной системы стратегических документов так и не сложилось.

Проблема юридического значения документов стратегического планирования наиболее остро стоит в финансово-правовой сфере. Не случайно Министерство финансов РФ в 2018 г. внесло предложение оптимизировать документы стратегического планирования, поскольку их стало сложно понимать. Предложено было оставить только стратегические указы Президента РФ как «корневые» документы стратегического планирования, фактически являющиеся наиболее важными для министерств и ведомств³⁰. Предложение Министерства финансов РФ не было поддержано и конкретных шагов по систематизации документов стратегического планирования предпринято не было. Решение проблемы упорядочивания стратегических документов оставили до внедрения новых технологий (например, искусственного интеллекта). В этой ситуации наше исследование и позиция являются важными не только для теории, но и для практики.

На основе приведенных рассуждений документы стратегического планирования следует относить к источникам права. К источникам финансового

²⁹ См.: Соколова Э.Д. О соотношении понятий «источники финансового права» и «финансовое законодательство» // Вестник СГАП. 2010. № 2. С. 113–117; Омелёхина Н.В. Кодификация финансового законодательства как способ ликвидации пробелов в праве // Финансовое право. 2020. № 7. С. 3–10; Махерова И.В. К вопросу о понятии закона как источника финансового права // Финансовое право. 2008. № 12. С. 10–14.

³⁰ См.: Дьячков В. Достаточно одного указа // Коммерсантъ. 2018. 29 июня.

права относятся документы стратегического планирования, содержание которых непосредственно касается финансов. Помимо этого, к источникам финансового права относится большинство документов стратегического планирования, содержащие цели и задачи, впоследствии воплощаемые в результатах, достигаемых с использованием соответствующих финансовых ресурсов. Только узкий круг документов стратегического планирования, изданных в форме традиционных для российской правовой системы нормативных актов относится к источникам финансового законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гафуров А. Д.* Источники финансового права и особенности формирования финансового законодательства развивающихся стран // Вестник Таджикского национального ун-та. 2012. № 3–1. С. 61–70.
2. *Грачева Е. Ю.* К вопросу о сущности финансового права // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 26–32.
3. *Давыдов К. В.* Административное усмотрение: ошибки правового регулирования и правоприменения (сравнительно-правовой аспект) // Государство и право. 2018. № 7. С. 39–48.
4. *Давыдов К. В.* Административные процедуры: российский и зарубежный опыт. Новосибирск, 2020.
5. *Дьячков В.* Достаточно одного указа // Коммерсантъ. 2018. 29 июня.
6. *Еремин С. Г.* Акты «мягкого права» в системе источников финансового права России: концептуальная основа. М., 2020.
7. *Запольский С. В.* О финансовой политике Российской Федерации и правовых формах ее глобальной реализации // Финансовое право. 2020. № 4. С. 7–11.
8. *Запольский С. В., Андреева Е. М.* Правовые основы реализации и финансирования национальных проектов // Юридический мир. 2020. № 3. С. 50–55.
9. *Зивс С. Л.* Источники права. М., 1981.
10. *Кириллова А. Ф.* Место судебного прецедента в системе источников финансового права // Финансовое право. 2012. № 11. С. 36–40.
11. *Копина А. А.* Место судебной практики в системе источников налогового права // Финансовое право. 2008. № 12. С. 22–26.
12. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1883.
13. *Кудряшова Е. В.* Правовое регулирование стратегического планирования в сфере государственных финансов. М., 2019.
14. *Кудряшова Е. В.* Принцип финансовой обеспеченности публичного планирования в Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 7. С. 11–14.
15. *Кудряшова Е. В.* Финансово-плановые акты // Финансовое право. 2017. № 1. С. 7–9.
16. *Магазинер Я. М.* Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1998. С. 64, 65.
17. *Марченко М. Н.* Источники права: учеб. пособие. М., 2018.
18. *Матненко А. С.* Правовое обеспечение плановой деятельности современного российского государства // Lex russica. 2009. № 1. С. 118–120.
19. *Махерова И. В.* К вопросу о понятии закона как источника финансового права // Финансовое право. 2008. № 12. С. 10–14.
20. *Назаров В. П.* Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // Власть. 2007. № 11. С. 3–9.
21. *Ноздрачев А. Ф.* Государственное планирование и правовое регулирование. М., 1982. С. 23.
22. *Омельхина Н. В.* Кодификация финансового законодательства как способ ликвидации пробелов в праве // Финансовое право. 2020. № 7. С. 3–10.
23. *Пастушенко Е. Н.* Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. Саратов, 2006.
24. *Паукова Н. И.* Источники финансового права. Курск, 2009.
25. *Поветкина Н. А.* Источники финансового права: теоретический аспект // Финансовое право. 2011. № 2. С. 17–20.
26. *Подшибякина А. А.* Понятие и система источников финансового права // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 28–31.
27. *Полежаев П. Т., Шелестов В. С.* О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1960. № 10. С. 13.
28. *Попондопуло В. Ф.* Финансовое право: понятие, природа, источники // Финансовое право. 2020. № 1. С. 8–14.
29. Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014.
30. *Соколова Э. Д.* О соотношении понятий «источники финансового права» и «финансовое законодательство» // Вестник СГАП. 2010. № 2. С. 113–117.
31. *Тарибо Е. В.* О влиянии актов конституционно-государственного правосудия на российскую правовую систему (на примере налогообложения) // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4. С. 25–31.

32. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. М., 1962.
33. *Хван Л. Б.* Проблемы введения обязательных налоговых платежей в Узбекистане // *Налоговед.* 2011. № 8. С. 76–83.
34. *Чужикова Н. И.* Теоретический аспект нормативного правового акта в финансовом праве // *Финансовое право.* 2002. № 2. С. 14–16.
35. *Hart H. L.* *The Concept of Law.* 3rd ed. Oxford, 2012.
36. *Kasyanov R.* The EU experience as a model for the development of single financial market regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // *European Company and Financial Law Review.* 2019. Vol. 16. No. 5. P. 592–621.
37. *Kasyanov R., Kriger A.* Towards single market in financial services: highlights of the EU and the EAEU financial markets regulation // *Russian Law Journal.* 2020. Vol. 8. No. 1. P. 111–137.
38. *Shashkova A. V.* Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K. S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA, 2019. P. 1931–1936.
39. *Shokhin S., Kudryashova E.* Macroeconomic coordination in the Eurasian Economic Union: strategic aspects // *Russian Law Journal.* 2019. Vol. 7. No. 3. P. 38–52.
40. *Shokhin S. O., Kudryashova E. V.* The dualistic Model of Strategic Planning – Russian Experience / Proceedings of the 36th International Business Information Management Association (IBIMA). Granada, 2020. P. 1419–1425.
41. *The Rule of Law and the Separation of Powers* / ed. R. Bellamy. London, 2005.
6. *Eremin S. G.* Acts of soft law in the system of Financial Law sources in Russia: conceptual basis. М., 2020 (in Russ.).
7. *Zapolsky S. V.* On the financial policy in Russian Federation and legal forms of its global implementation // *Financial Law.* No. 4. P. 7–11 (in Russ.).
8. *Zapolsky S. V., Andreeva E. M.* Legal basis of realization and financing of national projects // *Judicial world.* 2020. No. 3. P. 50–55 (in Russ.).
9. *Zivs S. L.* Sources of law. М., 1981 (in Russ.).
10. *Kirillova A. F.* The place of judicial precedent in the system of sources of Financial Law // *Financial Law.* 2012. No. 11. P. 36–40 (in Russ.).
11. *Kopina A. A.* The place of judicial practice in the system of Financial Law sources // *Financial Law.* 2008. No. 12. P. 22–26 (in Russ.).
12. *Korkunov N. M.* The lectures on the General theory of law. SPb., 1883 (in Russ.).
13. *Kudryashova E. V.* Legal regulation of strategic planning in the field of public finance. М., 2019 (in Russ.).
14. *Kudryashova E. V.* The principle of financial security of public planning in the Russian Federation // *Financial Law.* 2010. No. 7. P. 11–14 (in Russ.).
15. *Kudryashova E. V.* Financial-planning acts // *Financial Law.* 2017. No. 1. P. 7–9 (in Russ.).
16. *Magaziner Ya. M.* General theory of law based on Soviet legislation // *Jurisprudence.* 1998. P. 64, 65 (in Russ.).
17. *Marchenko M. N.* Sources of law: textbook. М., 2018 (in Russ.).
18. *Matnenko A. S.* Legal support of the planned activity of the modern Russian state // *Lex russica.* 2009. No. 1. P. 118–120 (in Russ.).
19. *Makherova I. V.* To the question about the notion of law as a Financial Law source // *Financial Law.* 2008. No. 12. P. 10–14 (in Russ.).
20. *Nazarov V. P.* Strategic planning: now or again later? // *Power.* 2007. No. 11. P. 3–9 (in Russ.).
21. *Nozdrachev A. F.* State planning and legal regulation. М., 1982 (in Russ.).
22. *Omelekhina N. V.* Codification of financial laws as a means of legal gap liquidation // *Financial Law.* 2020. No. 7. P. 3–10 (in Russ.).
23. *Pastushekno E. N.* Legal acts of Central bank of Russian Federation: financial law aspects of theory. Saratov, 2006 (in Russ.).
24. *Paukova N. I.* Sources of Financial Law. Kursk, 2009 (in Russ.).
25. *Povetkina N. A.* Sources of the Financial Law: theoretical aspects // *Financial Law.* 2011. No. 2. P. 17–20 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Gafurov A. D.* Sources of Financial Law and special features of financial legislation formation in developing countries // *Herald of Tadjik National University.* 2012. No. 3–1. P. 61–70 (in Russ.).
2. *Gracheva E. Yu.* To the question of the nature of Financial Law // *Herald of Kutafin Moscow State University.* 2020. No. 9. P. 26–32 (in Russ.).
3. *Davydov K. V.* Administrative discretion: errors of legal regulation and enforcement (comparative analysis) // *State and Law.* 2018. No. 7. P. 39–48 (in Russ.).
4. *Davydov K. V.* Administrative procedures: Russian and foreign experience. Novosibirsk, 2020 (in Russ.).
5. *Dyachkov V.* One decree is enough // *Kommersant.* 2018. June 29.

26. *Podshibyakina A.A.* Concept and system of sources of Financial Law // Legal Herald of the Kuban State University. 2012. No. 4. P. 28–31 (in Russ.).
27. *Polezhaev P.T., Shelestov V.S.* On the correlation between legal and technical norms in socialistic society // Sov. State and Law. 1960. No. 10. P. 13 (in Russ.).
28. *Popondopulo V.F.* Financial Law: Notion, Nature, Sources // Financial Law. 2020. No. 1. P. 8–14 (in Russ.).
29. Modern problems of the organization of public power / ed. S.A. Avakian. M., 2014 (in Russ.).
30. *Sokolova E.D.* About parity of concepts of the “Financial Law” and “financial legislation” // Herald of the Saratov State Academy of Law. 2010. No. 2. P. 113–117 (in Russ.).
31. *Taribo E.V.* On constitutional justice acts impact on Russian legal system (example of taxation) // Journal of Constitutional Justice. 2012. No. 4. P. 25–31 (in Russ.).
32. Theoretical issues of systematization of Soviet legislation / ed. by S.N. Bratus’ and I.S. Samoshchenko. M., 1962 (in Russ.).
33. *Khvan L.B.* Problems of introduction of taxes in Uzbekistan // Nalogoved. 2011. No. 8. P. 76–83 (in Russ.).
34. *Chuzhikova N.I.* Theoretical aspect of legal normative act in Financial Law // Financial Law. 2002. No. 2. P. 14–16 (in Russ.).
35. *Hart H.L.* The Concept of Law. 3rd ed. Oxford, 2012.
36. *Kasyanov R.* The EU experience as a model for the development of single financial market regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // European Company and Financial Law Review. 2019. Vol. 16. No. 5. P. 592–621.
37. *Kasyanov R., Kriger A.* Towards single market in financial services: highlights of the EU and the EAEU financial markets regulation // Russian Law Journal. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 111–137.
38. *Shashkova A.V.* Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K.S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA, 2019. P. 1931–1936.
39. *Shokhin S., Kudryashova E.* Macroeconomic coordination in the Eurasian Economic Union: strategic aspects // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 38–52.
40. *Shokhin S.O., Kudryashova E.V.* The dualistic Model of Strategic Planning – Russian Experience / Proceedings of the 36th International Business Information Management Association (IBIMA). Granada, 2020. P. 1419–1425.
41. The Rule of Law and the Separation of Powers / ed. R. Bellamy. London, 2005.

Сведения об авторах**ШОХИН Сергей Олегович** –

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры административного и финансового права, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454 г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76
 Researcher ID: С-5244-2018
 РИНЦ Author ID: 483526 (SPIN-код: 8830-9932)
 ORCID: 0000-0002-2777-3615

КУДРЯШОВА Екатерина Валерьевна –

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34; Сибирский университет потребительской кооперации; 630087 г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 26
 Researcher ID: D-2011-2009
 РИНЦ Author ID: 358757 (SPIN-код: 7017-2770)
 ORCID: 0000-0002-7029-5794

Authors’ information**SHOKHIN Sergey O.** –

Doctor of Law, Professor, Department of Administrative and Financial Law, Department of Private International and Civil Law of Moscow State Institute (University) of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation; 76 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia

KUDRYASHOVA Ekaterina V. –

Doctor of Law, associate Professor, Head researcher of Department of Financial, Tax and Budget Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia; Siberian University of Consumer Cooperation; 26 Karl Marks ave., 630087 Novosibirsk, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DEFINITION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM:
A CRITICAL APPROACH

© 2022 V. V. Arkhipov^{1, *}, A. V. Gracheva^{1, **}, V. B. Naumov^{2, 3, ***},
T. A. Polyakova^{2, ****}, A. V. Minbaleev^{2, 4, *****}

¹Saint Petersburg State University

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

³Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPC RAS)

⁴Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

*E-mail: vladislav.arkhipov@gmail.com

**E-mail: anastasia.v.gracheva@gmail.com

***E-mail: nau@russianlaw.net

****E-mail: polyakova_ta@mail.ru

*****E-mail: alexmin@bk.ru

Received 15.11.2021

Abstract. The article addresses the normative definition of artificial intelligence as provided in the Russian legislation by 2021 in the context of general approach to this term. Authors identify principal legally significant features of artificial intelligence that include autonomy of functioning (complete or relative), the ability to find solutions (including without predetermined algorithms) and “inorganic” nature that imply – strictly from formal legal, and not factual, perspective – potential risk and, subsequently, potential danger of artificial intelligence to be understood in formalized legal sense. The authors take into consideration examples of approaches to defining the term in the world, raise criticism of the existing definition and suggest more concise approach based on defining artificial intelligence as an information system (in formal legal sense) which provides the function of forming algorithms for solving problems different from those laid down by the system developers, including artificial neural network.

Key words: law, artificial intelligence, definition, neural network.

For citation: Arkhipov, V.V., Gracheva, A.V., Naumov, V.B., Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. (2022). Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 168–178.

The article was prepared within the framework of the thematic research plan of the Institute of Digital Environment Law, National Research University “Higher School of Economics”.

DOI: 10.31857/S102694520018288-7

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

© 2022 г. В. В. Архипов^{1,*}, А. В. Грачева^{1,**}, В. Б. Наумов^{2,3,***},
Т. А. Полякова^{2,****}, А. В. Минбалеев^{2,4,*****}

¹Санкт-Петербургский государственный университет

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

³Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук (СПИИРАН)

⁴Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: vladislav.arkhipov@gmail.com

**E-mail: anastasia.v.gracheva@gmail.com

***E-mail: nau@russianlaw.net

****E-mail: polyakova_ta@mail.ru

*****E-mail: alexmin@bk.ru

Поступила в редакцию 15.11.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается нормативное определение искусственного интеллекта, сформулированное в российском законодательстве к 2021 г. в контексте общего подхода к данному термину. Авторы выделяют основные юридически значимые признаки искусственного интеллекта, к которым относятся автономность функционирования (полная или относительная), способность находить решения (в том числе без заранее заложенных разработчиком алгоритмов) и «неорганическая» природа, предполагающая — строго с формально-юридической, а не фактической точки зрения — потенциальный риск и, соответственно, потенциальную опасность искусственного интеллекта для понимания его в формально-юридическом смысле. Авторы рассматривают примеры существующих в мире подходов к определению данного термина, подвергают критике действующее определение и предлагают более емкий подход, основанный на определении искусственного интеллекта как информационной системы (в формально-юридическом смысле), обеспечивающей функцию формирования алгоритмов решения задач, отличных от заложенных разработчиками системы, в том числе с помощью искусственной нейронной сети.

Ключевые слова: право, искусственный интеллект, определение, нейронная сеть.

Цитирование: Arkhipov, V.V., Gracheva, A.V., Naumov, V.B., Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. (2022). Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 168–178.

Статья подготовлена в рамках тематического плана исследований Института права цифровой среды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

1. Introduction

1.1. Scope, purpose and methodology of the paper

The normative definition of artificial intelligence (hereinafter, “AI”) was established in Russia at the level of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030, approved by the Presidential Decree No. 490 of 10 October 2019 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (hereinafter, the “National Strategy”)¹. According to Paragraph “a” Part 5 of the

National Strategy, “artificial intelligence [is] a set of technological solutions that allows to imitate the cognitive functions of a human being (including self-learning and search for solutions without a predetermined algorithm) and obtain results when performing specific tasks, comparable, at least, with the results of human intellectual activity. The set of technological solutions includes information and communication infrastructure, software (including that which uses machine learning methods), processes and services to process data and search for solutions”. In addition, the National Strategy enshrines a number of

¹ See: National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030, approved by the Presidential Decree No. 490 of 10 October 2019 “On the development of artificial

intelligence in the Russian Federation” // “ConsultantPlus” legal reference system (in Russian) (accessed: 2021 August 23).

basic principles for the development and use of AI technologies, namely the principles of protecting human rights and freedoms, security, transparency, technological sovereignty, the integrity of the innovation cycle, reasonable economy, and supporting competition. For the purposes of this paper and taking into account the application of the formal-dogmatic method, it should be noted that the National Strategy has not only legal goals, but also a number of others, including economic and political. As a consequence, individual principles are aimed not only and not so much at the legal aspects of AI, but at the priorities of politics, economics and/or other institutional areas. The principles of protection of human rights and freedoms, security and transparency should be attributed to the principles that are directly related to the field of law. At the same time, the principle of protection of human rights and freedoms is a universal and general legal principle.

That said, the authors of this work believe that the definition of AI, presented in the National Strategy and subsequently reproduced in other normative documents of the Russian Federation, although not being fundamentally flawed (in the light of general approaches to the understanding of artificial intelligence), can be improved and perhaps made more concise. This is due to the need for a clearer definition and delineation of the use of AI in various aspects of public life.

The main problems with the abovementioned definition are the lack of specificity of artificial intelligence as a high-risk technology, and the legislator's focus on artificial intelligence as solely an imitation of human cognitive abilities, resulting in tasks close to the results of the human brain. This approach blurs the legal concept and causes difficulties at the stage of law enforcement. Thus, the purpose of this article is to reconstruct the concept of artificial intelligence for the Russian legal system based on the following principal methods of research:

1. Dialectical development is a method that helps trace the evolution of the formal definition of AI from the purely technical approach, which is fundamental to today's legal definition of AI, to a more versatile approach that takes into account not only the purposes of technical standardization and regulation, but also legal and ethical frameworks. The expansion of the scientific concepts of AI, the experience of making definitions in this category in other countries' laws, and the emerging Russian and International Law enforcement practices determine a novel approach to defining AI. This, in turn, creates a methodological need for a better legal definition of AI.

2. Comparative legal method based on the comparison of legal phenomena of the same order, belonging to different legal systems, in order to identify similarities and differences between them. The use of the comparative legal method makes it possible to establish which of the recommendations already developed in foreign legal science and practice can be used in the study focused on the domestic legal reality.

Such borrowings should not be arbitrary and should be directly or indirectly justified, including in a deductive way (if in foreign doctrine and practice they are a direct consequence of the same principles that apply in the Russian Federation, including cases of obligations arising from common for the objects of comparison international treaties) or essential similarity of social and economic conditions, to which such principles or recommendations are oriented.

3. Formal-legal (dogmatic) method, which includes two ways of reasoning: deductive-axiomatic and hypothetical-deductive. The deductive-axiomatic method is based on accepting the provisions of positive law as axioms and consistently applying the techniques of legal interpretation. The hypothetical-deductive method is similar to the deductive-axiomatic method, but it involves positing a hypothesis about the possible end result of legal interpretation, which is refuted or confirmed through legal argumentation. The use of the formal-legal method allows to determine the positive legal regulation of certain public relations at a particular moment, as well as to identify gaps in the law and (or) lack of formal certainty of the studied legal norms in relation to the subject of research.

1.2. Literature review in relation to the paper

The main challenge in the legal definition of AI posed by this paper is to identify all the specific criteria that determine the concept and its high-risk nature. For this purpose, the authors address the legal and policy debates. G. Hallevy defines AI "as having some human skills and being capable of an imperfect and incomplete imitation of the human mind"². J. Turner speaks of the possibility of having moral rights for the artificial intelligence³. J.P. Günther argues, that the main purpose of AI is to reproduce human procedures of solving problems on computers, i.e. human intelligence⁴.

J. Schuett deduces three possible types of definitions of AI (through the Turing test, through the notion of intelligent agent, and the field of intelligent machine development) and concludes that the legal definitions of AI are highly over-inclusive, vague, not comprehensive and impractical⁵.

Other authors⁶ argues that the definition of AI is still necessary for legal practice and therefore it should not be based on a comparison of AI with human cognitive skills

² Hallevy G. When robots kill: artificial intelligence under Criminal Law. Boston (2013).

³ See: Turner J. Robot rules: regulating artificial intelligence. London (2019).

⁴ See: Günther J.P. Roboter und rechtliche Verantwortung. München (2016).

⁵ See: Schuett J. Defining the scope of AI regulations, <https://arxiv.org/abs/1909.01095> (accessed: 2021 August 23).

⁶ See: Simmler M., Markwalder N. Roboter in der Verantwortung? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 129(1), 20–47 (2017); Scherer M.U. Regulating artificial intelligence systems: risks, challenges, competencies, and strategies // Harv. JL & Tech 29(2), 353–400 (2015).

but rather on AI features and technical characteristics, in particular the criterion of autonomy, and risks associated with AI technologies as such. The authors of this paper argue for this position and follow its argument.

In addition, it should be noted that one of the criteria proposed by legal scholars to define artificial intelligence – the imitation of human cognitive skills – is a rather ambiguous issue in various fields of scientific knowledge other than law. Therefore, the authors take into account the following debates.

For instance, experts in semiotics and semantics emphasize that the identification of artificial intelligence with the human mind is a common linguistic and semantic error. There are two, often related, processes: “personification of a mechanism (robot, automaton, computer) and objectification, depersonification of an organism / person (a human being)”⁷.

Some specialists in the field of information technology claim that “attempts to formalize and generalize these efforts, although potentially of great scientific value, have not led to breakthrough results, as they proceeded from the idea that the process of solving “intellectual tasks” must imitate (i.e. be similar to) similar human activities in every respect”⁸. On the contrary, they emphasize that “the greatest practical successes have been achieved using methods that are not inherent to man in principle, but are based on the use of ‘brute force computing’, or in other words, the ability to quickly go through various solutions with the aid of high-performance computers”⁹.

Psychologists also explain that claims that machines have and imitate cognitive skills and properties are a very dangerous idea in the long run. For example, McDermott requires artificial intelligence researchers to demonstrate that their software actually implements these psychological properties (in particular, attributing joy to a robot hoover) before using psychological terms in scientific articles¹⁰. D. Proudfoot even introduces the notion of a “forensic anthropomorphism problem”, which is this: the anthropomorphisation of artificial intelligence risks introducing bias (in favour of the machine) into judgements about machine intelligence¹¹.

⁷ Volkov V.V. Artificial Intelligence and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguo-mental aspects) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika 11(4), 745–759 (2020).

⁸ Kalyaev I., Zaborovskij V. Artificial Intelligence: from metaphor to technical solutions // Control Engineering Rusia 83(5), 26–31 (2019).

⁹ Ibid.

¹⁰ See: McDermott D. Artificial intelligence meets natural stupidity. SIGART Newsletter 57, 4–9 (1976).

¹¹ See: Proudfoot D. Anthropomorphism and AI: Turing’s much misunderstood imitation game // Artificial intelligence 175(5–6), 950–957 (2011).

2. Understanding AI in the context of law

2.1. General approach to the term “artificial intelligence”

The words “artificial intelligence” has firmly entered the modern language, but they can be used in different, albeit related, senses, and therefore need to be specified. Some authors relate the appearance of these words in the sense of designating one of the disciplines of computer science to 1956¹². Subsequently, one of the main meanings of these words became not so much a designation of the field of knowledge, but rather a designation of various technologies involving automated computer actions. In its broadest sense, the words “artificial intelligence” are used more as a rhetorical device designed to dramatize the use of computer technology, behind which an ordinary algorithm or computer program is hidden, and therefore in its strict scientific sense it is redundant in this usage. At the same time, with a certain approach the use of these words can make sense.

R. Susskind once pointed out as a shortcoming of these words that it is “used in many ways and is often wielded as no more than a rather blunt marketing weapon or as a part of an alerting headline or tweet”¹³. At the same time, he suggests that there are two possible approaches to defining AI in a more or less rigorous sense: “architectural” and “functional”. The definition of AI in terms of the architectural approach implies a reference to the technology used (during the “first wave” of AI development such technologies were based on the principle of building explicit software algorithms, and during the “second wave” – on neural networks and machine learning). From a functional perspective, AI is defined by the fact of using software systems to perform those tasks that traditionally required the application of human thinking¹⁴ regardless of technology. While we agree with the author that it is the functional approach to defining AI that is most relevant to legal research, we emphasize that it does not override the need to consider the architectural features of individual AI technologies, as they can have a significant impact on legal issues.

One such technology, in particular, is neural networks that involve machine learning. We believe that we should agree with those authors who associate the general interest in the problems of AI precisely with these technologies¹⁵ – this is confirmed by individual studies in the field of legal informatics, noted in the next section of this paper. We believe that for the purposes of legal research it is not advisable to focus on the “architectural” technical definition of neural networks in detail – for the purposes

¹² See: Hunter D. The death of the legal profession and the future of law // UNSW Law Journal 43(4), 1199–1225 (2020).

¹³ Susskind R.E. Online courts and the future of justice. Oxford (2019).

¹⁴ See: *ibid.*

¹⁵ See: Hunter D. *Op. cit.*

of this study it is the “functional” approach that defines the legally significant principles of this technology that matters. The following is fundamentally important in it: unlike the “first wave” expert systems (according to R. Susskind’s conditional periodization), neural networks do not have a predetermined algorithm in the strict sense, but “learn” from big data, selected to be processed by such a system. At the same time, neural networks can operate on any data, including legal data, in order to establish dependencies between them¹⁶.

As D. Hunter notes, “*at its core, deep learning is a statistical method for classifying patterns, based on large amounts of sample data, using neural networks with multiple layers*”¹⁷. In other words, by default a neural network not only does not have a predetermined algorithm understood literally (which could, for example, reproduce the logic of legal reasoning, as was considered in the legal analysis of the particularities of the possible use of expert systems during the “first wave” of AI), but it also does not operate in a way that can be correlated with the logic of any decision in the strict sense: machine learning-based neural networks, at first sight, do not even remotely simulate the logical reasoning. The principle underlying the functioning of a neural network can thus be described as prediction based on *sui generis* statistical analysis. This seems important in order to understand how exactly a neural network can “make a decision” – on the principle of predicting what the corresponding decision should be, based on already available examples. Of course, a combination of the “first” and the “second wave” AI technologies is not technically excluded, but if we imagine a hypothetical technological solution based solely on a neural network with machine learning, the conclusions it provides can be likened to learning a foreign language not in a deductive way in school, but by imitating and mimicking foreigners during personal immersion in a language environment¹⁸.

2.2. Principal legal features of artificial intelligence

The totality of legal norms aimed at regulating social relations in connection with and about artificial intelligence will have to represent an inter-branch institute (implying a number of institutional legal principles). As noted, for example, by D.A. Lipinsky and O.E. Repeteva, “a legal institution is characterized by the presence of some obligatory features: homogeneity of regulated sphere of social relations; an independent subject of legal regulation; a single function; the presence of norms similarly regulating a given relation; legal unity of norms, etc.”¹⁹. According to A.V. Polyakov and E.V. Timoshina, “[i]nstitution of law is a stable group of legal norms regulating a certain kind

of qualitatively homogeneous public relations”²⁰. At this point any statements about “the law of AI” as a part of positive law in general or as a certain already established legal institution in particular will obviously be premature due to the fact that even in cases where such legal regulation exists, it is usually fragmentary in nature, which follows from the application of the comparative legal method. Nevertheless, using the method of theoretical modeling, we can note that the relations in connection with and about the application of AI technologies will meet the signs of a legal institution, and this legal institution will be inter-branch. Institute of “law of AI” meets the above substantive criteria (in particular, homogeneity [potentially] regulated sphere of social relations and the presence of an independent subject of legal regulation) and, subject to a systematic approach to legislative technique, will meet the formal-legal criteria, such as the presence of norms, similarly regulating this relation, legal unity of norms, etc.

Besides, the relative isolation of AI as a technology makes it an independent thing under law that pertains to the functioning of multiple special entities under law; this is an important trait of AI. Besides, whether AI can be an entity under law is a question currently subject to much discussion. A number of rights and responsibilities are associated with AI. Therefore, we are observing the emergence of relatively well-defined legal relations that pertain to the creation and operation of AI. In addition, this newly emerging institution has a system of institutional principles of its own; these principles are indicative of the risky nature of the technology and reflect the need to enshrine in law the constraints and prohibitions, assumptions and special experimental permits applicable to the use of AI. Some of such principles stem indeed from the fact that AI is a digital technology; however, others are AI-specific.

The interdisciplinary nature of the institution is determined by the “architectural” legally significant features of AI, which include the autonomy of functioning (complete or relative), the ability to find solutions (based on both predetermined algorithms and without them – the latter feature must be considered as more important since it permits to distinguish AI from mere automated solutions with traceable internal logic) and the “inorganic” nature. We believe that these two qualities are on the same logical level and cannot be reduced to one another, while the other qualities (e.g., potential danger in certain areas or opaqueness of the sequence of search for solutions in certain contexts) are the consequence of these qualities. For example, the relative autonomy of operation may be characteristic of many devices and mechanisms, including vending machines well known to civil law. However, vending machines are not necessarily characterized by the ability to search for solutions (if they do not use AI in the sense of this study). The ability to search for solutions is

¹⁶ See: Hunter D. Op. cit.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ See: Susskind R.E. Op. cit.

¹⁹ Lipinsky D.A., Repeteva O.E. On the inter-branch institution of legal liability // *Yuridicheskaya Mysl'* 4(96), 24–32 (2016).

²⁰ Polyakov A.V., Timoshina E.V. General theory of law. St. Petersburg (2005).

Table 1

Definitions of artificial intelligence in different legal systems

Country	Definition
United Kingdom	“AI is understood as technologies with the ability to perform tasks that would otherwise require human intelligence, such as visual perception, speech recognition, and language translation” ²¹ .
USA	“AI means a variety of information processing techniques and technologies used to perform a goal-oriented task and the means to reason in the pursuit of that task” ²² . “The term “artificial intelligence” includes the following (a) Any artificial systems that perform tasks under varying and unpredictable circumstances, without significant human oversight, or that can learn from their experience and improve their performance. Such systems may be developed in computer software, physical hardware, or other contexts not yet contemplated. They may solve tasks requiring human-like perception, cognition, planning, learning, communication, or physical action. In general, the more human-like the system within the context of its tasks, the more it can be said to use AI. (b) Systems that think like humans, such as cognitive architectures and neural networks. (c) Systems that act like humans, such as systems that can pass the Turing test or other comparable test via natural language processing, knowledge representation, automated reasoning, and learning. (d) A set of techniques, including machine learning, that seek to approximate some cognitive task. (e) Systems that act rationally, such as intelligent software agents and embodied robots that achieve goals via perception, planning, reasoning, learning, communicating, decision making, and acting” ²³ .
European Union	“‘artificial intelligence system’ (AI system) means software that is developed with one or more of the techniques and approaches and can, for a given set of human-defined objectives, generate outputs such as content, predictions, recommendations, or decisions influencing the environments they interact with” ²⁴ .
Germany	“AI systems are human-designed intelligent systems consisting of hardware and/or software components that aim to solve complex problems and tasks in interaction with and for the digital or physical world” ²⁵ .
China	“AI has become a new engine for economic development. As the core driver of a new round of industrial change, artificial intelligence will further unleash the enormous energy accumulated in previous scientific and technological revolutions and industrial changes, and create a new powerful engine that will reconfigure all aspects of economic activities such as production, distribution, exchange and consumption, forming new intelligent demands in various fields from macro to micro, giving rise to new technologies, new products, new industries, new business models and new modes, triggering major changes in the economic structure” ²⁶ .
France	“the part of intelligence delegated under the term AI is the learning intelligence based on the analysis of data provided to the AI, (machine learning or deep learning for example) requiring data processing capacities. The key technological elements of AI are therefore, on the one hand, the collection, veracity, reliability, organization, security and traceability of data and, on the other hand, the construction of learning algorithms adapted to provide simulation, prediction and control models for industrial systems” ²⁷ .
Estonia	“‘Kratt’ in the framework of this project, meaning practical applications based on AI technologies (in the narrow meaning of AI) performing a specific function” ²⁸ .

not possible without autonomy but distinguishes AI and devices with AI from other software and from other devices, respectively. The feature of inorganic nature is formal, but logically necessary, because autonomy and the ability to search for solutions without this feature can themselves characterize humans as well.

Further, from the combination of the features of autonomy and the ability to find solutions, follows another fundamental quality – the potentially risky nature of AI technologies. It is too early to qualify this quality directly as “real [not potential] risky nature” or to qualify AI as a “source of increased danger”, because (a) not every AI technology has a real, and not potential, risky nature, and (b) not every example of risky

nature can be legally qualified without doubt as a source of increased danger. Both the real risky nature and the danger are determined by the field of use of AI technologies, which, in turn, determines whether the use of AI in a given case is socially and legally significant. So, for example, the use of artificial intelligence technologies in

²¹ Industrial Strategy. Building a Britain fit for the future, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/664563/industrial-strategy-white-paper-web-ready-version.pdf (accessed: 2021 August 23).

²² NIST. U.S. LEADERSHIP IN AI: A Plan for Federal Engagement in Developing Technical Standards and Related Tools, https://www.nist.gov/system/files/documents/2019/08/10/ai_standards_fedengagement_plan_9aug2019.pdf (accessed: 2021 August 23).

²³ H.R.4625 – FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017, <https://www.congress.gov/bills/115/congress/house-bill/4625/text> (accessed: 2021 August 23).

²⁴ Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (accessed: 2021 August 23).

²⁵ Deutscher Bundestag Drucksache 19/23700 19. Wahlperiode 28.10.2020 Unterrichtung der Enquete-Kommission Künstliche Intelligenz – Gesellschaftliche Verantwortung und wirtschaftliche, soziale und ökologische Potenziale, <https://dserver.bundestag.de/btd/19/237/1923700.pdf#page=51&zoom=100,82,166> (accessed: 2021 August 23).

²⁶ Plan for the Development of New Generation Artificial Intelligence (Guo Fa [2017] No. 35), http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 2021 August 23).

²⁷ Definition Intelligence Artificielle dans les systems industriels de production, <http://www.industrie-dufutur.org/content/uploads/2019/02/Intelligence-Artificielle-AIF-Janvier-2019.pdf> (accessed: 2021 August 23).

²⁸ Report of Estonia’s AI Taskforce, https://f98cc689-5814-47ec-86b3-db505a7c3978.filesusr.com/ugd/7df26f_486454c9f32340b28206e140350159cf.pdf (accessed: 2021 August 23).

“ordinary” (not associated with professional cybersports with high investments and not associated with the circulation of virtual items for real money) computer games may conditionally qualify only as potentially risky in nature (i.e. simply a game with AI, as a rule, rather than something leading to socially significant consequences). The same can be said, for example, of the use of AI technologies to create works of art. However, the use of AI technologies in securities trading is already characterized by its real risky nature, although this quality cannot yet be called “dangerous” in many cases (in the sense of the genuine concept of sources of increased danger, for example). Finally, the use of AI technologies in self-driving cars would already be “dangerous” in the complete sense of the word. Nevertheless, this is consistent with the proposed general concept of the key legally significant qualities of AI technologies: autonomy, solution-seeking ability and inorganic nature define a potentially risky nature that may become “real” and even apparently imply “increased danger”.

2.3. Examples of approaches to defining the term in the world

Many countries (e.g. USA, China, France, etc., see *table 1* below) mention in draft, industrial and/or strategic documents that artificial intelligence may develop to a “strong” form, but despite this they conceptually proceed from its “weak” version (according to J. Searle) to address today’s problems. This primarily affects the configuration of possible legal relations, where the subjects of law are understood to be exclusively persons recognized as such by law who are directly or indirectly associated with AI, and the object is either AI in general, or specific methods or types of systems.

As for regulation, not all countries see the need to establish definitions of the object of legal relations. One can find (1) a broad approach to the definition, (2) a narrow one detailing all technologies and methods, (3) a refusal to formulate a precise definition. A different classification of the definition of the object could be: (1) linguistic approach (referring to a dictionary or field of scientific knowledge), (2) technical approach (referring to a technical definition), (3) sociological approach (understanding AI through a set of consequences and effects on society).

2.4. Criticisms of the existing legal definition of artificial intelligence

Among other examples from Russian legal system, a representative definition of AI that is consonant with the one from the National Strategy, is contained in the Federal Law “On conducting an experiment on the establishment of special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and

Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law ‘On Personal Data’” of 24 April 2020 No. 123-FZ²⁹.

Based on the definition presented in the Federal Law of 24 April 2020 No. 123-FZ, AI, which is subject to regulation, is characterized by the following: (1) the ability to imitate human cognitive functions (self-learning and search for solutions without a predetermined algorithm), (2) the ability to obtain, when performing specific tasks, results comparable to or superior to the results of human intellectual activity.

First, here AI is defined through its similarity to human cognitive abilities, which in itself is quite controversial. A. Turing wrote about AI’s imitation of human cognitive abilities, proposing a mental experiment that later became known as the Turing test³⁰. However, e.g. B. Whitby relates this test to the history of science due to its emphasis on imitation of human behavior, which does not correspond to the modern challenges of AI³¹. Jordan Pollack said that the big mistake scientists make is assuming that human intelligence is the greatest intelligence there is, and so he urged the science of AI to focus on “meaningless intelligence”³². Turing’s test for detecting artificial intelligence’s imitation of human abilities, as D. Proudfoot suggests, can only uncover the human tendency to anthropomorphize artificial systems, and no more³³.

Moreover, the notion of “intelligence” and the possibilities of its imitation through various mechanisms has changed considerably in the course of the development of scientific knowledge. “Practically until the middle of the nineteenth century, simple counting tasks seemed to be quite intelligent”³⁴. Therefore, it seems difficult to formulate an exhaustive and consistent list of legal criteria for classifying artificial intelligence as a machine that imitates human cognitive abilities.

As a result, if we turn to the experience of foreign countries, the reference to human cognitive abilities is often found only in strategic or advisory documents. The only exception is the US bill³⁵, which proposes to introduce, among other things, such definitions of artificial intelligence as “a set of methods, including machine learning, that aims to approximate some cognitive task”, “systems that think like humans, such as cognitive architectures and neural networks”. However, most countries define artificial

²⁹ See: “ConsultantPlus” legal reference system (in Russ.) (accessed: 2021 August 23).

³⁰ See: Turing A. Can machines think? Moscow (1960).

³¹ See: Whitby B. The Turing test: AI’s biggest blind alley? // *Machines and thought: the legacy of Alan Turing* (1), 53–62 (1996).

³² Pollack J.B. Mindless intelligence // *IEEE Intelligent Systems*. (21)3, 50–56 (2006).

³³ See: Proudfoot D. Op. cit.

³⁴ Kalyaev I., Zaborovskij V. Op. cit.

³⁵ See: H.R.4625 – FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017, <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (accessed: 2021 August 23).

intelligence through specific technical methods and the results that can be obtained from them.

Secondly, it is not clear from the definition what are the signs of the results of human intellectual activity, how to make a comparison for sufficient intelligence of such systems. Moreover, self-learning and finding solutions without a predetermined algorithm are not human cognitive functions. For example, the American Psychiatric Association's Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders lists the following as cognitive functions: integrated attention, perception and psychomotor function, learning and memory, speech, executive functions, and social intelligence³⁶. These criteria are used, for example, in assessing the level of dementia. The concepts of "self-learning" and "search for solutions without a predetermined algorithm" belong to the field of information technology, outside the scope of which the definition of human cognitive functions is concerned.

Third, the related notion of "artificial intelligence technology" in this law is an example of a *circulus vitiosus* (vicious circle), a logical fallacy in which a statement is inferred from itself: "[A]rtificial intelligence technologies are technologies based on the use of artificial intelligence (including computer vision, natural language processing, speech recognition and synthesis, intelligent decision support, and advanced artificial intelligence techniques)". At the same time, it remains unclear what methods are advanced, this attribute is not disclosed, in contrast to the National Strategy.

Fourth, if we turn to foreign definitions in the bills under consideration today in the United States and Europe, we find that artificial intelligence is described through a set of specific methods that are used to create a technical solution. For example, in the European Union's proposal, "'artificial intelligence system' (AI system) means software that is developed with one or more of the techniques and approaches (i.e., machine learning, deep learning, logic, knowledge-based approaches, and statistical methods) and can, for a given set of human-defined objectives, generate outputs such as content, predictions, recommendations, or decisions influencing the environments they interact with".

Thus, for the purposes of normative legal regulation, it is proposed to provide a refined concept of AI instead of the one borrowed from the National Strategy. At the same time, such notion should be based on a set of considerations that (1) reflect the attitude to the specific methods and approaches to the creation of AI to be regulated (machine and deep learning and/or statistical approaches and/or logical approaches), (2) take into account different types of AI classifications (hardware/software, inorganic/organic/mixed), and (3) contain a clear typification by the degree of its autonomy. Among other things, it is advisable to introduce the concept of "the

result of artificial intelligence", which can be understood as information, forecasts, recommendations and decisions, depending on the purpose and purpose of the system. In view of the necessity for the legal definition to be clear, concise and corresponding to the principle of formal certainty, such definition itself, however, must not necessarily be overloaded with the considerations that precede it – in contrast, it can be expressed in quite a short way.

Fifth, the National Strategy's definition of AI is based on a technological view of this technology; to be applied properly, this definition needs to be systematically interpreted in conjunction with several other definitions: technological solution, information and communication infrastructure, machine learning methods, etc. Some of these are set forth in the National Strategy, some are made in standards, and some are not legally enshrined in any social or technical regulations.

3. Proposals based on the research results

Taking into account all of the considerations provided above, it is acceptable to consider several possible options to improve the definition of AI. Thus, the first option, which can be provisionally characterized as "closed" is: "*Artificial intelligence [is] an information technology, which includes an artificial neural network*". That said, the term "information technology" is used in the meaning of the Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information"³⁷. This approach can be justified by the following methodological considerations: the object should be associated with the most general known object in terms of positive law; the assumption that the neural networks are the only currently significant technology, involving "self-learning"; in the definition a neural network should be specified, strictly speaking, as artificial (because natural one belongs to human beings).

At the same time, the main critical argument to this approach is its rigid connection to a particular technology, while the interpretation of the term denoting it can also vary. In this regard, the second option seems more promising, which can be conditionally described as "open": "*Artificial intelligence [is] an information system [in the terminology of the Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information"], which provides the function of forming algorithms for solving problems different from those laid down by the system developers, including the artificial neural network*". Main methodological comments: information system implies a database, which in technical sense is always present in practice (because it implies a data set for machine learning); neural networks are still not the only possible technology, correlated with the concept of AI, so descriptive functional approach is

³⁶ See: Diagnostic and statistical manual of mental disorders. American Psychiatric Association. 2013.

³⁷ See: "ConsultantPlus" legal reference system (in Russ.) (accessed: 2021 August 23).

preferred in the definition, which can “capture” the subsequent technologies.

In addition to the definition of AI, it seems necessary to consider a possible approach to the definition of a robot. Taking into account the research conducted, the principal methodological imperative is that the system of definitions for AI and robotics in this context is built for robots without a biological component (i.e., so-called “cyborgs” are beyond the scope of this study). Robots should also be distinguished from automata (“simple automata”) characterized by the absence of uncertainty in the operation of algorithms. At the same time, it seems correct to connect the definition of robot with the object interacting with the material world, otherwise the category “robot” would be redundant in relation to the category of AI. The common usage of the word “robot” is not decisive in this case. For the purposes of this paper’s proposal, the category “robot” should be associated with “*physical component of AI control*”. Under this approach, any robot implies AI, but not any AI implies a robotic component.

The challenges of making a legal construct of such concepts as artificial intelligence or robot result in the proposed definitions failing to fully cover all the peculiarities of such and carry a risk of being interpreted too broadly in implementation and in law enforcement³⁸. It is important to decide which level of regulation, in the system of which branches of law and what kind of legal acts should contain such definitions.

Many researchers maintain the position that in Russia it is necessary to promptly adopt the corresponding federal law. Thus, it is proposed to develop a draft law “On the basis for regulating the use of artificial intelligence and robotics technologies”³⁹, where, along with the terminological base, it is proposed to include sections and chapters defining:

Principles of legal regulation, including principles of legal regulation of machine learning;

State policy and functions of the authorized body in the field of artificial intelligence and robotics;

(3) International cooperation and definition of the scope of the law;

(4) The legal status of entities in the field of creation and use of artificial intelligence and robotics technologies;

(5) Access and processing of confidential information, including for the purposes of machine learning and technology security;

(6) Identification of technologies and systems of artificial intelligence and robotics; (7) Fundamentals of standardization and development of self-regulation;

(8) Physical and information security;

(9) Liability of subjects of legal relations, including the basics of liability insurance.

At the same time, in the current conditions, it seems premature to endow AI systems and robots with limited legal personality until the appearance of a “strong AI”. Nevertheless, defining these concepts in a Federal Law seems to be the most probable but not the only solution. A Federal Law could make a general definition to describe AI as a type of information system. The sub-varieties could be described in substatutory documents. Perhaps the concepts of artificial intelligence and robot should be defined in technical standards, as those adapt faster to technological progress, whereas legal frameworks could simply refer to the applicable technical standards. Other solutions could exist, too.

REFERENCES

1. Definition Intelligence Artificielle dans les systems industriels de production, <http://www.industrie-dufutur.org/content/uploads/2019/02/Intelligence-Artificielle-AIF-Janvier-2019.pdf> (accessed: 2021 August 23).
2. Digital transformation: challenges to law and the vectors of scientific research / T.A. Polyakov, A.V. Minvaleev [and others]. Moscow, 2020 (in Russ.).
3. *Günther J.P.* Roboter und rechtliche Verantwortung. München (2016).
4. *Hallevey G.* When robots kill: artificial intelligence under Criminal Law. Boston (2013).
5. *Hunter D.* The death of the legal profession and the future of law // UNSW Law Journal 43(4), 1199–1225 (2020).
6. *Kalyaev I., Zaborovskij V.* Artificial Intelligence: from metaphor to technical solutions // Control Engineering Russia 83(5), 26–31 (2019) (in Russ.).
7. Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence systems and robotic technology: history, modern status, and development prospects / ed. by V.B. Naumov. St. Petersburg, 2020 (in Russ.).
8. *Lipinsky D.A., Repeteva O.E.* On the inter-branch institution of legal liability // Yuridicheskaya Mysl’ 4(96), 24–32 (2016) (in Russ.).
9. *McDermott D.* Artificial intelligence meets natural stupidity. SIGART Newsletter 57, 4–9 (1976).
10. *Pollack J.B.* Mindless intelligence // IEEE Intelligent Systems. (21)3, 50–56 (2006).

³⁸ See: Digital transformation: challenges to law and the vectors of scientific research / T.A. Polyakov, A.V. Minvaleev [and others]. Moscow, 2020; *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the conditions of the civilizational crisis and digital transformation // State and Law, No. 5, 75–87 (2020).

³⁹ Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence systems and robotic technology: history, modern status, and development prospects / ed. by V.B. Naumov. St. Petersburg, 2020.

11. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* General theory of law. St. Petersburg (2005) (in Russ.).
12. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the conditions of the civilizational crisis and digital transformation // *State and Law*, No. 5, 75–87 (2020) (in Russ.).
13. *Proudfoot D.* Anthropomorphism and AI: Turing's much misunderstood imitation game // *Artificial intelligence* 175(5–6), 950–957 (2011).
14. Report of Estonia's AI Taskforce, https://f98cc689-5814-47ec-86b3-db505a7c3978.filesusr.com/ugd/7df26f_486454c9f32340b28206e140350159cf.pdf (accessed: 2021 August 23).
15. *Scherer M.U.* Regulating artificial intelligence systems: risks, challenges, competencies, and strategies // *Harv. JL & Tech* 29(2), 353–400 (2015).
16. *Schuett J.* Defining the scope of AI regulations, <https://arxiv.org/abs/1909.01095> (accessed: 2021 August 23).
17. *Simmler M., Markwalder N.* Roboter in der Verantwortung? // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 129(1), 20–47 (2017).
18. *Susskind R.E.* Online courts and the future of justice. Oxford (2019).
19. *Turing A.* Can machines think? Moscow (1960) (in Russ.).
20. *Turner J.* Robot rules: regulating artificial intelligence. London (2019).
21. *Volkov V.V.* Artificial Intelligence and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguo-mental aspects) // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* 11(4), 745–759 (2020) (in Russ.).
22. *Whitby B.* The Turing test: AI's biggest blind alley? // *Machines and thought: the legacy of Alan Turing* (1), 53–62 (1996).

Сведения об авторах

АРХИПОВ Владислав Владимирович –

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
 SPIN-код: 1715-5893, AuthorID: 197523
 ORCID: 0000-0003-4566-1454

ГРАЧЕВА Анастасия Вячеславовна –

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
 SPIN-код: 1350-8296, AuthorID: 1025107
 ORCID: 0000-0002-2320-8053

НАУМОВ Виктор Борисович –

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; главный научный сотрудник Лаборатории прикладной информатики и проблем информатизации общества Санкт-Петербургского федерального исследовательского центра РАН; 199178 г. Санкт-Петербург, 14-я линия В.О., д. 39
 SPIN-код: 5729-5413, AuthorID: 6101
 ORCID: 0000-0003-3453-6703

Authors' information

ARKHIPOV Vladislav V. –

Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russia

GRACHEVA Anastasia V. –

lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russia

NAUMOV Victor B. –

Doctor of Law, associate Professor, chief researcher of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; chief researcher of the Laboratory of applied informatics and problems of society informatization of the St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 39, 14th line of V.I., 199178 St. Petersburg, Russia

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 4224-3174, AuthorID: 732015
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123001 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 7148-1527, AuthorID: 651824
ORCID: 0000-0001-5995-1802

POLYAKOVA Tatyana A. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, chief researcher, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. – Doctor of Law, associate Professor, Head Department of Information Law and digital technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123001 Moscow, Russia; chief researcher, Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ: ИЗ НАФТА В USMCA

© 2022 г. А. А. Дементьев

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва

E-mail: dementev-aa@outlook.com

Поступила в редакцию 15.09.2020 г.

Аннотация. Международные интеграционные объединения и соглашения играют большую роль как в развитии, так и в стабилизации экономических отношений в различных регионах мира. В статье рассматривается историческое становление Соглашения о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), анализируются проблемы данного Соглашения, которые привели к его пересмотру и созданию нового Соглашения. Автором также проводится анализ положений нового Соглашения между США, Канадой и Мексикой (USMCA) и сравнение с прежним соглашением, предлагается видение перспектив развития экономических отношений в регионе после вступления USMCA в силу.

Ключевые слова: международное экономическое право, НАФТА, USMCA, интеграция, трудовые права, производство, торговля, зоны свободной торговли, инвестиции, цифровизация.

Цитирование: Дементьев А.А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA // Государство и право. 2022. № 1. С. 179–187.

DOI: 10.31857/S102694520011081-0

REBIRTH OF INTEGRATION: FROM NAFTA TO USMCA

© 2022 А. А. Dementev

Peoples' friendship University of Russia (RUDN), Moscow

E-mail: dementev-aa@outlook.com

Received 15.09.2020

Abstract. International integration associations and agreements play an important role both in the development and in the stabilization of economic relations in various regions of the world. The article examines the historical formation of the Agreement of the North American Free Trade Area (NAFTA), analyzes the problems of this Agreement, which led to its revision and the creation of a new agreement. The author also analyzes the provisions of the new agreement between the United States, Canada and Mexico (USMCA) and compares it with the old Agreement, and also offers a vision of the prospects for the development of economic relations in the region after the entry into force of the USMCA.

Key words: International Economic Law, NAFTA, USMCA, integration, labor rights, production, trade, free trade zones, investments, digitalization.

For citation: Dementev, A.A. (2022). Rebirth of integration: from NAFTA to USMCA // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 179–187.

Экономические отношения все больше тяготеют к регулированию в рамках региональных экономических интеграционных объединений. Подобных интеграционных объединений становится все больше, а существующие расширяются в географическом и в юрисдикционном плане.

В настоящее время существует множество региональных интеграционных объединений, таких как Европейский Союз (ЕС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и др. Все они относятся к одному типу интеграционных объединений государств, однако в отдельности каждое из них характеризуется своей спецификой, что можно продемонстрировать на примере НАФТА, правовая основа которого была заложена в 1988 г. в Соглашении о создании американо-канадской зоны свободной торговли¹. Данное Соглашение привлекло внимание Мексики, которая стремилась к преодолению экономического упадка, прежде всего, из-за долгового бремени. США как участник данного Соглашения тоже были заинтересованы вовлечь своего южного соседа в это Соглашение с целью расширения пространства его действия. В последствии указанное двустороннее соглашение просуществовало недолго, сменившись в 1994 г. Соглашением о НАФТА. Совокупность ВВП входящих в НАФТА трех государств составляет значительный процент мирового ВВП².

НАФТА относится к категории зон свободной торговли. В доктринальном понимании зона свободной торговли является малым по степени интеграции объединением и подразумевает наличие двух следующих элементов интеграции: отмену таможенных пошлин, налогов, сборов и отмену количественных ограничений во взаимной торговле³. Однако НАФТА имеет еще несколько элементов интеграции, а именно: установление на территории государств – членов национального режима для инвестиций из других государств – членов объединения; недискриминационный подход к участию североамериканских компаний в системе государственных закупок на общегосударственном уровне; либерализация торговли некоторыми видами

услуг (телекоммуникационными, финансовыми и др.); введение частичной мобильности рабочей силы; защита прав интеллектуальной собственности; ограничение применения ряда мер нетарифной защиты – санитарных и фитосанитарных норм; наличие двух дополнительных соглашений к учредительному Соглашению 1994 г., регулирующих вопросы трудовых отношений и экологии⁴.

Среди исследователей преобладает мнение об односторонней выгоде США от участия в НАФТА⁵, с чем мы не можем согласиться исходя из той позиции, что НАФТА предоставляет возможности для экономик Канады и Мексики, которые большую часть своего экспорта поставляют в США. При этом следует учитывать и политико-экономическую зависимость региона в целом от США, из-за чего Канада и Мексика уже давно являются связанными с Соединенными Штатами Америки во многих сферах.

Каково нынешнее состояние интеграционных показателей НАФТА на момент прекращения его существования? Начнем с изменений парадигмы товарных отношений между тремя участницами объединения. Если раньше основу товарного обмена составляла готовая продукция и полуфабрикаты, то с 2013 г. наблюдается увеличение интеграционного (совместного) производства товаров, где важную роль играют ТНК, для которых подобное интернациональное объединение несет прямые выгоды.

В первую очередь стоит показать положительные аспекты создания и функционирования НАФТА. Через либерализацию торговых отношений в рамках интеграционного объединения общий объем торговли между тремя государствами к моменту начала переговоров о модернизации НАФТА в 2018 г. вырос более чем в три раза и составлял более 1 млрд долл., что является более 80% всего торгового оборота этих государств⁶. В результате этого совокупный ВВП вырос более чем в два раза⁷, были созданы более 40 млн рабочих мест⁸. Однако данный факт с течением времени стал одним из краеугольных камней в негативной позиции по отношению к НАФТА Соединенных Штатов Америки, что будет рассмотрено далее.

¹ См. подр.: Официальный сайт Правительства Канады. Canada-U.S. Free Trade Agreement 1988. URL: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/united_states-etats_unis/fta-ale/background-contexte.aspx?lang=eng

² См. подр.: Официальный сайт Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

³ См. подр.: Шумилов В. М. Международное экономическое право: учеб. для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 291–350.

⁴ См.: Североамериканское соглашение о свободной торговле 1994 г. // Официальный сайт Секретариата НАФТА // <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement>

⁵ См.: Комкова Е. Г. Перспективы НАФТА // США, Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 2. С. 5–19.

⁶ См.: Dr. Laura G. Murillo. The economic impact of NAFTA // Houston Hispanic Chamber of commerce, 2016. P. 3.

⁷ См.: Официальный информационный портал НАФТА // http://www.naftanow.org/about/results/default_en.asp

⁸ См.: там же.

Ликвидация таможенных пошлин во взаимной торговле привела к понижению цен на товары, что положительно сказалось на покупательской способности населения государств – членов НАФТА.

США и Канада получили дополнительный толчок в развитии аграрного сектора экономики путем расширения поставок на территорию Мексики, которая и до создания НАФТА была зависима от экспорта сельскохозяйственной, в первую очередь зерновой, продукции⁹.

Одна из отличительных черт НАФТА – упрощение режима иностранных инвестиций в государствах-членах в результате отмены или снижения барьеров для входа на их рынки, чему посвящена гл. 3 Соглашения о создании НАФТА¹⁰. Глава 4 Соглашения определяет «правила происхождения», которые делают рынок региона более привлекательным для инвесторов из государств, не являющихся членами НАФТА. Основные же положения, касающиеся непосредственно инвестиций изложены в главе 11 Соглашения. В частности, в ст. 1102 и 1103 устанавливаются национальный режим и режим наибольшего благоприятствования в отношении инвесторов и инвестиций¹¹, причем как для членов НАФТА, так и для внешних инвесторов. Для членов выбирается тот режим, который является наиболее льготным в каждом отдельном случае. В ст. 1139 определены «инвестиции», которые широко истолковываются и включают в себя непосредственно предприятия и их ценные бумаги, любые вложения, которые позволяют собственнику любого предприятия получать доходы от такого предприятия, любые активы (материальные и нематериальные), некоторые виды портфельных вложений и др.¹² Соглашением был отменен верхний предел доли собственности иностранного инвестора в предприятии. В результате упрощения режима совокупный приток прямых иностранных инвестиций превысил 700 млрд долл.¹³

В Соглашении о НАФТА (гл. 11) предусмотрена возможность заинтересованных сторон (инвесторов) воспользоваться одним из трех существующих международных механизмов разрешения инвестиционных споров: разрешение спора в соответствии

⁹ См.: Даркин А. В. Интеграция в рамках НАФТА // Научный электронный журнал «Региональные исследования». 2010. № 2. С. 10.

¹⁰ См.: Официальный сайт Секретариата НАФТА // <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement>

¹¹ См.: URL: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement?mvid=1&ecid=539c50ef-51c1-489b-808b-9e20c9872d25#A1101>

¹² См.: там же.

¹³ См.: Официальный информационный портал НАФТА // http://www.naftanow.org/about/results/default_en.asp

с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. (Вашингтон)¹⁴; с Правилами процедуры арбитражного производства Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) 1968 г.¹⁵; с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), пересмотренным в 2010 г.¹⁶ Важность третьего механизма заключается в наличии у инвесторов права оспаривать решения и акты государств – членов НАФТА и требовать компенсации ущерба, понесенного ими в результате таких решений.

С институциональной точки зрения важно отметить, что благодаря НАФТА Мексика и Канада получили, во-первых, возможность выбирать специальный механизм разрешения торговых споров в своем регионе (из установленных Соглашением вариантов), а во-вторых, некую защиту от протекционизма США в отношении своих производителей. Хотя, разумеется, этот механизм работает в обе стороны, то есть может повлечь негативные последствия для каждой из сторон. Так, в деле *Metalclad против Мексики*¹⁷ (спор рассматривался по правилам МЦУИС) последней пришлось выплатить компании почти 17 млн долл., что достаточно обременительно для государства со слабой экономикой.

На протяжении почти четверти века НАФТА оставалась крупнейшим интеграционным объединением, однако проблемы экономического и социального характера привели к снижению эффективности НАФТА. Среди основных проблем можно выделить экономический кризис 2008 г., т.н. «уплотнение экономических границ» США в целях борьбы с терроризмом и его финансированием, усиливающаяся конкуренция КНР, а также других стран Латинской Америки.

Проблемы, перед которыми оказалась НАФТА были следующие: потеря США рабочих мест из-за того, что рабочая сила на территории Мексики объективно дешевле, чем в США и крупные производители, вывезли часть своего производства в Мексику, пользуясь льготными условиями, предоставляемыми НАФТА, а некоторые другие производители прибегали к угрозам принятия такого решения с целью понижения заработной платы

¹⁴ В официальных источниках не публиковалась.

¹⁵ См.: ICSID Arbitration Rules. International Centre for Settlement, Washington // ICSID/15, April 2006. P. 99.

¹⁶ См.: Официальный сайт ЮНСИТРАЛ // <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf>

¹⁷ См.: *Metalclad Corporation v. The United Mexican States*, ICSID Case № ARB(AF)/97/1

рабочим на территории США¹⁸. В этом контексте следует напомнить, что еще до начала переговоров о создании НАФТА, в Мексике, на границе с США появились предприятия, работающие по т.н. программе «Макиладора». Сутью этой программы является то, что компании США вывозят производственные мощности на территорию Мексики, где путем привлечения местной рабочей силы, создается продукция, которая в большей степени уходит на экспорт (обратно в США). США в данном случае получает выгоду за счет создания дешевой продукции, которая реализуется на их же территории¹⁹. После вступления в силу НАФТА, которая сняла торговые барьеры, эта программа стала расширяться, что привело к двум основным результатам: большое количество внутренних мигрантов в Мексике, которые переезжали к границе; повсеместное нарушение трудовых прав мексиканцев, которые работали на этих предприятиях, в частности путем увеличения продолжительности рабочего дня и дискриминацией по гендерному признаку²⁰. Одновременно с этим увеличивается поток экономических мигрантов из Мексики в США.

Мексика тоже столкнулась с проблемами, исходящими из участия в НАФТА: в результате действия Соглашения северные партнеры начали экспортировать зерновую продукцию по цене ниже, чем в Мексике, что привело к потере большого количества рабочих мест ввиду разорения ферм; мексиканские фермеры попытались решить данную проблему путем применения большого количества пестицидов и иных химикатов для удешевления продукции, что в итоге привело к серьезным последствиям для экологии региона²¹.

Проблемой также оставалось неучастие Мексики в Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г., что уменьшало возможности институциональной защиты инвесторов.

В этот же период в регионе намечается устойчивый процесс заключения международных соглашений и создания новых интеграционных

объединений, что приводит к одновременному регулированию одних и тех же вопросов как на трехстороннем уровне в рамках НАФТА, так и на двухстороннем между ними. Кроме того, всеми тремя членами НАФТА предпринимались неоднократные попытки одностороннего расширения Объединения путем заключения отдельных соглашений о зонах свободной торговли с государствами региона. Например, все три государства — члена НАФТА по отдельности заключили соглашения о зонах свободной торговли с Чили, а США имеет соглашение о зоне свободной торговли со странами Центральной Америки и Доминиканской Республики (ЦАФТА-ДР) 2004 г.²² Сами по себе эти соглашения не расширяют НАФТА, однако показывают стремление всех трех государств к установлению новых интеграционных связей.

НАФТА в своем продвинутом соглашении, тем не менее, отставало от новых веяний в торговле и экономике в целом, например оно отстало в деле цифровизации. В качестве примера можно привести такие примеры: защита данных и конфиденциальность в Сети; кибербезопасность, электронная коммерция; робототехника; технологии, построенные на нейросетях и искусственном интеллекте. Причем важным является не только само правовое регулирование этих вопросов, но также и их влияние на поведение потребителей, корпоративные стратегии, создание рабочих мест и развитие навыков.

Все эти и другие негативные факторы привели к кризису НАФТА, к обострению проблем, присущих данному объединению, к негативным оценкам как со стороны государств-членов, так и их частных секторов.

После прихода к власти в США Дональда Трампа в 2017 г. Соединенные Штаты Америки в его лице начали открытую критику НАФТА, говоря о большом количестве минусов для экономики США, а также о том, что основные выгоды от этого «устаревшего» Соглашения получают только Канада и Мексика. В рамках своей предвыборной кампании Трамп говорил, что «это худшее торговое соглашение, возможно, когда-либо подписанное где-либо, но, конечно, когда-либо подписанное в этой стране»²³.

Таким образом, сложилась ситуация, когда, с одной стороны, НАФТА в целом подтолкнула вперед экономику региона и всех трех его участников, а с другой — США уже не устраивало НАФТА,

¹⁸ См. подр.: *Amadeo Kimberly*. “Six Problems With NAFTA”. *The Balance*, 25 June 2019. URL: <https://www.thebalance.com/disadvantages-of-nafta-3306273>

¹⁹ См. подр.: Department of Commerce’s Program to Promote Relocation of U.S. Industry: Hearing Before the Subcommittee on Commerce, Transportation, and Tourism of the Committee on Energy and Commerce, House of Representatives, Ninety-ninth Congress, Second Session, December 10, 1986, Volume 4. U.S. Government Printing office.

²⁰ См. подр.: *Amadeo, Kimberly*. Op. cit.

²¹ См.: *John J. Audley, Demetrios G. Papademetriou, Sandra Polaski, Scott Vaughan*. NAFTA’s Promise and Reality: lessons from Mexico for the hemisphere // *Carnegie Endowment*. 2004. P. 63.

²² См.: *Шеров-Игнатъев В.Г., Катыхиева О.В.* Страны Центральной Америки: место в интеграционных процессах. In *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго междунар. форума* // Гамма. 2015. С. 338–348.

²³ Информационно-новостной сайт *WSJ/Opinion* // <https://www.wsj.com/articles/trumps-nafta-mistakes-are-huge-1475444724>

рассматривая его как не способное к модернизации, причем в первую очередь по сугубо политическим причинам.

Такая ситуация способствовала дискуссии с участием государств – членов НАФТА, представителей частного сектора и ученых по вопросам модернизации НАФТА. Одной из таких идей было создание таможенного союза. Однако Канада, в частности, негативно относилась к подобным идеям, особенно учитывая, что и создание НАФТА в 1994 г. трактовалось ей как радикальный шаг. Создание же интеграционного объединения воспринимается ею как покушение на суверенитет со стороны южного соседа.

Вероятность создания нового интеграционного объединения (как многие его называли НАФТА-2) была, пожалуй, наименее ожидаемой из всех возможных. Тем не менее во многом благодаря новой власти США именно такой процесс начал свое осуществление в 2017 г.

США и Мексика инициировали процесс переговоров по созданию нового соглашения о зоне свободной торговли в начале 2017 г., однако непосредственно начались они в августе 2017 г. Переговоры были разбиты на семь раундов: два в Мексике, два в Канаде и три в США. Процесс переговоров шел тяжело, с переносом сроков, явным протекционистским характером со стороны Соединенных Штатов Америки. Если рассмотреть позиции, с которыми государства выходили на переговоры в 2017 г., то можно точно представить себе отношение этих государств к Соглашению в целом и к своим «контрагентам». Основной целью США было следующее: фундаментальное сокращение торгового дефицита США, уменьшение нелегальной миграции и увеличение рабочих мест. Канада, в свою очередь, активно настаивала на сохранении договоренностей об охране экологии, а также на включении в новое соглашение пунктов о гендерных вопросах. Мексика же, краеугольным камнем выделяла миграционные вопросы, а также настаивала на улучшении положений, связанных с аграрным и автомобильным секторами экономики. В процессе этих переговоров государства-участники решили выработать новое Соглашение, которое после его ратификации всеми государствами должно заменить собой Соглашение о НАФТА²⁴.

Переговоры по принятию нового торгового соглашения между США, Канадой и Мексикой, которое получило название USMCA (The Agreement between the United States of America, the United Mexican States,

²⁴ См. подр.: Новая НАФТА: свободная торговля под прицелом протекционизма // Официальный сайт Российского совета по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytically-and-comments/columns/united-states/novoe-nafta-svoobodnaya-torgovlya-pod-pritselom-protetsionizma/>

and Canada), завершились в конце 2018 г. Подписание USMCA состоялось 30 ноября 2018 г.²⁵

После подписания, однако, Соглашение встретило критику в правительстве США. В результате чего 10 декабря 2019 г. был представлен Протокол к новому Соглашению, который изменил ряд положений и, который был вновь подписан государствами-членами.

USMCA в основном следует установкам НАФТА, но вносит значительные изменения, однако эти изменения по сравнению с НАФТА (введенными им изменениям) носят модернизационный характер, который нацелен на соответствие торговых отношений в регионе новым вызовам. Они относятся к автомобильным правилам происхождения, урегулированию споров между инвестором и государством, защите интеллектуальной собственности, цифровой торговле и защите трудовых прав и окружающей среды.

Остановимся подробнее на ключевых аспектах нового Соглашения.

В связи с тенденциями цифровизации экономики в Соглашении были включены новые главы (гл. 19 и 20 USMCA), касающаяся интеллектуальной собственности. В гл. 20 имеется отсылка к существующим универсальным международно-правовым актам об интеллектуальной собственности. Причем, с одной стороны, п. 20.7 говорит о признании и прямом действии таких актов, как Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.²⁶, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г.²⁷, Договор по авторскому праву Международной организации по защите интеллектуальной собственности (ВОИС) 1996 г.²⁸, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 г.²⁹ Ратификации со стороны государств-членов также подлежал ряд других актов, таких как Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1986 г.³⁰, Будапештский договор о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры 1977 г.³¹, Брюссельская конвенция о рас-

²⁵ См.: Официальный сайт Организации американских государств // http://www.sice.oas.org/TPD/USMCA/USMCA_e.ASP

²⁶ См.: Официальный сайт ВОИС // https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/paris/summary_paris.html

²⁷ См.: URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698

²⁸ См.: URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/index.html>

²⁹ См.: URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wppt/index.html>

³⁰ См.: URL: https://www.wipo.int/madrid/ru/legal_texts/protocol/madrid_protocol.htm

³¹ См.: Официальный сайт ВОИС // <https://www.wipo.int/treaties/ru/registration/budapest/index.html>

пространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники 1979 г.³² и др.³³

В п. 20.5 устанавливается обязательность применения национального режима в отношении авторских и смежных прав и предоставления адекватных мер по их защите.

По сравнению с НАФТА в USMCA предусмотрены следующие меры по всестороннему обеспечению выполнения положений любого торгового соглашения:

полномочия *ex officio* для сотрудников правоохранительных органов по пресечению предполагаемых контрафактных или пиратских товаров на каждом этапе въезда, выезда и транзита через территорию любой Стороны;

признание того, что процедуры защиты прав интеллектуальной собственности должны быть доступны для цифровой среды в случае нарушения прав на товарный знак и авторских прав или смежных прав;

значимые уголовные санкции и административные штрафы за несанкционированную видеозапись фильмов, которые являются значительным источником пиратских онлайн фильмов;

гражданская и уголовная ответственность за кражу спутникового и кабельного сигнала;

широкая защита от кражи коммерческой тайны, в т.ч. от государственных предприятий (п. 20.83).

Установками гл. 19 являются в первую очередь снятие таможенных пошлин в отношении цифровых продуктов, к которым относятся электронные книги, видео, музыка, программное обеспечение и другие продукты, а также применение на цифровом рынке принудительных мер защиты потребителей, в т.ч. в отношении персональных данных.

Еще одна важная новелла USMCA – финансовый сектор. Обновленная гл. 17 включает обязательства по либерализации рынков финансовых услуг и созданию равных условий для финансовых учреждений США, Канады и Мексики, инвесторов и инвестиций в финансовые учреждения, а также трансграничной торговли финансовыми услугами.

Проблему переноса производства из США в Мексику предусмотрено решить путем изменения правил происхождения товаров, а именно установление минимального предела по происхождению компонентов готовой продукции на уровне 75%, т.е., например, для

возможности беспошлинного экспорта автомобилей (из Мексики в США), в т.ч. по программе «Макиладора», 75% их внутренних компонентов должны быть произведены на территории Соединенных Штатов Америки (гл. 5).

Еще в рамках переговоров США удалось сделать канадский рынок молочных продуктов открытым для американских фермеров. Канадский рынок молочных продуктов представляет из себя жесткую с правовой точки зрения структуру, в которой устанавливается максимальный предел ввозимой молочной продукции на территорию Канады. Хотя в целом эта структура продолжит существовать, Канада предоставит большие льготы американским фермерам США на поставку сухого молока, концентрата молочного протеина и других подобных продуктов (гл. 4).

Соединенные Штаты Америки неоднократно пытались исключить из Соглашения о НАФТА гл. 19, которая закрепляла специальный процесс разрешения споров по антидемпинговым и компенсационным обязательствам государств-членов. Канаде удалось отстоять данную главу в новом Соглашении, т.к. альтернативой такому механизму было бы разрешение таких споров в судах США (гл. 31). В то же время USMCA изменил механизм урегулирования споров, чтобы сделать трудным для любой стороны блокирование формирования группы арбитров. В соответствии с НАФТА для Соединенных Штатов Америки было возможно отложить или заблокировать разбирательство по урегулированию споров против них, просто отказавшись назначать кандидатов, подлежащих внесению в постоянные списки потенциальных участников разбирательства, как того требует гл. 20 НАФТА³⁴. Из-за таких действий США не раз удавалось откладывать судебные разбирательства на 15 и более месяцев или полностью блокировать их. Согласно USMCA Соединенные Штаты Америки могут по-прежнему отказываться назначать своих 10 членов группы, но это больше не будет блокировать формирование всей группы (гл. 31). Это само по себе есть значительное улучшение.

USMCA вносит ряд существенных изменений в экологические и трудовые нормы, которые стали проблемными в НАФТА, особенно в отношении Мексики. Например, USMCA предусматривает, что мексиканские грузовики, которые пересекают границу с Соединенными Штатами Америки, должны соответствовать строгим правилам безопасности, а мексиканские рабочие должны иметь

³² См.: URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/brussels/index.html>

³³ См.: The Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada, Chapter 20, art. 20.7 // Официальный сайт Торгового представительства США // <https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/FTA/USMCA/Text/20-Intellectual-Property-Rights.pdf>

³⁴ См.: Североамериканское соглашение о свободной торговле 1994 г. // Официальный сайт Секретариата НАФТА // <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement?mvid=1&secid=ed3bd8c9-2d73-45fb-9241-d66364f8037a>

больше возможностей для организации и формирования профсоюзов.

Как и в случае с интеллектуальной собственностью, следует отметить, что экологические положения USMCA усиливаются с включением в USMCA списка из семи многосторонних природоохранных соглашений (МПС), таких, например, как Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. В случае конфликта между положениями USMCA и этими конвенциями последние будут иметь преимущественную силу. Положение позволяет добавлять дополнительные МПС в будущем (гл. 24).

Глава о труде включает в себя Приложение о представителе трудящихся в коллективных переговорах в Мексике, в соответствии с которым Мексика принимает конкретные законодательные меры для обеспечения эффективного признания права на коллективные переговоры. Глава 23 USMCA требует от Сторон принятия и соблюдения на уровне законодательства и на практике трудовых прав, признанных Международной организацией труда, для эффективного обеспечения соблюдения своего законодательства о труде, а также для того, чтобы не отказываться от своего трудового законодательства или отступать от него. Здесь, как и в других вопросах, позиция Мексики была слабой. Необходимо учитывать, что более 75% экспорта Мексики идет в США³⁵ (Канада аналогичным образом зависит от рынка США, но имеет более сильный внутренний рынок). Будет ли измененное положение о труде в USMCA функционировать бесперебойно, еще предстоит определить в будущем. Чувствительность проблем Мексики, потенциальная помеха со стороны мексиканских предприятий, которые хотят избежать коллективных переговоров, потому что это приведет к более высоким затратам на заработную плату, может значительно усложнить эффективное внедрение и исполнение³⁶.

Возвращаясь к вопросу разрешения возникающих споров, необходимо, однако, отметить, что гл. 11 НАФТА (о разрешении инвестиционных споров) была практически полностью исключена из нового Соглашения. Предусмотренные в ней правила и процедуры разрешения споров теперь будут возможны только в отношении специфических секторов экономики, а именно: нефтедобывающей и перерабатывающий сектор, сектор энергетики и сектор телекоммуникаций (гл. 31).

Так как цифровизация экономики является вызовом правовому регулированию, в т.ч. универсальному,

³⁵ См. подр.: Официальный сайт Торгового представительства США // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico>

³⁶ См.: *David A. Gantz, Sergio Puig*. The Scorecard of the USMCA Protocol of Amendment, 2019. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-scorecard-of-the-usmca-protocol-of-amendment/>

а также ввиду большого пробела в данном вопросе в НАФТА, в новом Соглашении были также предусмотрены и вопросы цифровизации.

Вопросам цифровой торговли посвящена гл. 19 USMCA. Начинается эта глава, как и остальные, с введения определений ряду понятий, таких как «цифровой продукт», «цифровая подпись», «персональные данные» (или личная информация). Основопологающими положениями же можно обозначить вопросы таможенных процедур в отношении цифровых продуктов, расположении вычислительной техники, предоставления интерактивных компьютерных услуг и сотрудничества государств-членов.

Начнем с таможенных процедур. Пункт 19.3 закрепляет: «Ни одна из Сторон не может налагать таможенные пошлины, сборы или другие сборы на или в связи с импортом или экспортом цифровых продуктов, передаваемых в электронном виде, между лицом одной Стороны и лицом другой Стороны». Однако отметим, что речь здесь идет только о не взимании налогов при перемещении товара через границу. Местные налоги по-прежнему могут взиматься, например, гармонизированный налог с продаж (HST). Таким образом, продавцу товара следует отслеживать изменения в национальном законодательстве для определения конечной стоимости своего цифрового товара, но само перемещение товара облагаться дополнительным налогом уже не будет.

Под «расположением вычислительной техники» следует понимать обязательство лицам иметь представительство в юрисдикции государства (на его территории) с целью осуществления цифровой торговли. Запрет на установление таких обязательств закреплен в п. 19.12 Соглашения. Особенно важным это положение является для транснациональных компаний. Такое изменение в принципах размещения вычислительных средств важно для всех трех государств. Хотя вопросы безопасности также остаются актуальными, вследствие чего, организации должны будут представлять доступ проверяющим и контролирующим органам к любой информации (с учетом защиты личной информации), если они осуществляют цифровую торговлю на территории соответствующего государства (п. 19.12).

В соответствии с положениями п. 19.17 Стороны признают важность предоставления и развития интерактивных компьютерных сервисов, которые обеспечивают устойчивый рост цифровой торговли. Более того, Соглашение устанавливает: «Ни одна из Сторон не может устанавливать ответственность на поставщика или пользователя интерактивных компьютерных сервисов из-за: (а) любых действий, добровольно и добросовестно принятых поставщиком или пользователем для ограничения доступа или доступности материала, доступного посредством его поставки или использования интерактивных компьютерных услуг,

которые поставщик или пользователь считает вредными или нежелательными; или (b) любое действие, предпринятое для включения или предоставления технических средств, которые позволяют поставщику информационного контента или другим лицам ограничивать доступ к материалу, который он считает вредным или нежелательным» (п. 19.17).

Эти положения имеют значение для определения ответственности интернет-платформ (в первую очередь новостных) за размещение материалов третьих лиц. Заметим, что эти положения не будут распространяться на ответственность в соответствии с законодательством государств о защите интеллектуальной собственности, а также не будут применены к Мексике до 2023 г.

Другой важный аспект гл. 19 USMCA — защита персональных данных, что коррелируется с общемировыми тенденциями по обеспечению безопасности таких данных. Пунктом 19.8 закрепляется, что «каждая Сторона принимает или поддерживает правовую основу, обеспечивающую защиту персональных данных пользователей цифровой торговли. При разработке этой правовой базы каждая Сторона должна учитывать принципы и руководящие указания соответствующих международных структур, таких как Рамочное соглашение по защите персональных данных АТЭС и Рекомендация Совета ОЭСР относительно Руководства, регулирующего защиту конфиденциальности и трансграничных потоков персональных данных (2013 г.)». Сами по себе подобные отсылки к соглашениям и руководствам уже демонстрируют положительное развитие Соглашения по сравнению с предшественником. Дополнительно, далее в этой же статье уточняется о какой «правовой основе» идет речь. Понимается под такой основой перечень принципов, куда входят ограничение использования, прозрачность, ограничение на сбор, а также необходимость обеспечения соразмерности при ограничении трансграничного перемещения данных и т.п.

В вопросах координации и сотрудничества (п. 19.14 Соглашения) также имеются отсылки к АТЭС, а именно к введению в перспективе регуляционных механизмов, основанных на Правилах трансграничной передачи персональных данных АТЭС 2011 г. Многие вопросы, такие как кибербезопасность, защита потребителей, предотвращение спама и т.п., являются частью национального законодательства государств — членов USMCA. Именно поэтому будет интересно посмотреть к какому универсальному механизму смогут прийти Стороны Соглашения в рамках сотрудничества, закрепленного в гл. 19.

На протяжении 2019 г. USMCA проходило всесторонние обсуждения в государствах, особенно в США. Палата представителей США одобрила Соглашение между США, Мексикой и Канадой с подавляющим

перевесом. 16 января 2020 г. Сенат США также одобрил Соглашение³⁷.

Новое Соглашение вступило в силу с 1 июля 2020 г. Одновременно со вступлением Соглашения в силу Таможенно-пограничная служба США открыла Центр USMCA для координации исполнения Соглашения.

Будет ли USMCA в целом лучше или хуже, чем НАФТА, не будет полностью ясно, пока USMCA не начнут применять на практике, и различные заинтересованные стороны (включая производителей автомобилей и соответствующие профсоюзы Соединенных Штатов Америки и Мексики) могут давать различные оценки, как позитивные, так и негативные. Реальные результаты можно будет обнаружить через 5–7 лет после вступления Соглашения в силу, хотя и можно проводить ежегодные срезы по основным экономическим показателям, что позволит выявить те или иные тенденции. Что, пожалуй, наиболее важно для трех сторон НАФТА и их заинтересованных операторов, так это то, что USMCA гарантирует, что беспрошленная торговля без квот в Северной Америке будет продолжаться 16 лет, именно на такой срок заключено новое Соглашение после первичной ревизии через 6 лет после вступления Соглашения в силу (п. 34.7 гл. 34). Этот срок более чем достаточен, чтобы успела смениться власть в доминирующем государстве региона.

В сухом остатке для Канады Соглашение USMCA в итоговом варианте не играет большой роли по сравнению с НАФТА. Для Мексики, несмотря на то что она разделяет некоторые из заложенных целей, Соглашение является более противоречивым из-за положений о принудительном исполнении труда, в том числе механизма быстрого реагирования для конкретных учреждений и положения в исполнительном акте о создании специальных трудовых консулов, которые должны быть размещены в посольстве США и консульствах США в Мексике, чтобы контролировать нарушения Соглашения (п. 23.14 гл. 23). Эта особенность вызвала значительное беспокойство в Мексике. К счастью, спор был быстро разрешен, когда Соединенные Штаты Америки предоставили мексиканским дипломатам заверения в том, что трудовые консулы будут соблюдать все мексиканские законы и не будут рассматриваться как «инспекторы труда»³⁸.

* * *

В качестве основного вывода необходимо отметить, что для экономической обстановки и международной торговли в регионе USMCA, измененная Протоколом, является улучшением по сравнению

³⁷ См.: The Washington post: “Senate approves new North American trade deal with Canada and Mexico”. URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2020/01/16/senate-approves-new-usmca-trade-deal-with-canada-mexico/>

³⁸ David A. Gantz, Sergio Puig. Op. cit.

с НАФТА. Межгосударственные механизмы разрешения споров, касающиеся изменений в цифровой торговле и интеллектуальной собственности, также, на наш взгляд, представляют собой весьма желательные улучшения и дополнения. В то время как USMCA отстает от правил происхождения НАФТА, защиты инвесторов или предсказуемости, в целом это, вероятно, будет выгодно для государств-членов и большинства частных заинтересованных сторон. Быстрое вступление Соглашения в силу должно устранить многие неопределенности среди североамериканских предприятий относительно будущего НАФТА, т.к. прежнее соглашение уже не действует в регионе. В завершение нельзя не отметить, что новое Соглашение, которое заменило НАФТА, отличается навязанным протекционизмом со стороны Соединенных Штатов Америки. Тем не менее стоит воспринимать его принятие положительно, т.к. альтернативой, если бы Канада и Мексика не стали идти на уступки, возможно бы стал односторонний отказ от участия в НАФТА США без создания какого-либо иного механизма регулирования торговли в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даркин А.В. Интеграция в рамках НАФТА // Научный электронный журнал «Региональные исследования». 2010. № 2. С. 10.
2. Комкова Е.Г. Перспективы НАФТА // США, Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 2. С. 5–19.
3. Шеров-Игнатъев В.Г., Катышева О.В. Страны Центральной Америки: место в интеграционных процессах. In Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго междунар. форума // Гамма. 2015. С. 338–348.
4. Шумилов В.М. Международное экономическое право: учеб. для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 291–350.
5. Amadeo Kimberly. “Six Problems With NAFTA”. The Balance, 25 June 2019. URL: <https://www.thebalance.com/disadvantages-of-nafta-3306273>
6. David A. Gantz, Sergio Puig. The Scorecard of the USMCA Protocol of Amendment, 2019. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-scorecard-of-the-usmca-protocol-of-amendment/>
7. Dr. Laura G. Murillo. The economic impact of NAFTA // Houston Hispanic Chamber of commerce, 2016. P. 3.
8. John J. Audley, Demetrios G. Papademetriou, Sandra Polaski, Scott Vaughan. NAFTA’s Promise and Reality: lessons from Mexico for the hemisphere // Carnegie Endowment. 2004. P. 63.

REFERENCES

1. Darkin A. V. Integration within the framework of NAFTA // Scientific electronic journal “Regional Studies”. 2010. No. 2. P. 10 (in Russ.).
2. Komkova E. G. Prospects of NAFTA // USA and Canada: economics, politics, culture. 2018. No. 2. P. 5–19 (in Russ.).
3. Sherov-Ignatiev V. G., Katyshcheva O. V. Countries of Central America: a place in integration processes. In Russia and Iberoamerica in a Globalizing World: Past and Present: Reports and Materials of the Second International Forum // Gamma. 2015. P. 338–348 (in Russ.).
4. Shumilov V. M. International Economic Law: textbook for masters. 6th ed., rev. and add. M., 2019. P. 291–350 (in Russ.).
5. Amadeo Kimberly. “Six Problems With NAFTA”. The Balance, 25 June 2019. URL: <https://www.thebalance.com/disadvantages-of-nafta-3306273>
6. David A. Gantz, Sergio Puig. The Scorecard of the USMCA Protocol of Amendment, 2019. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-scorecard-of-the-usmca-protocol-of-amendment/>
7. Dr. Laura G. Murillo. The economic impact of NAFTA // Houston Hispanic Chamber of commerce, 2016. P. 3.
8. John J. Audley, Demetrios G. Papademetriou, Sandra Polaski, Scott Vaughan. NAFTA’s Promise and Reality: lessons from Mexico for the hemisphere // Carnegie Endowment. 2004. P. 63.

Сведения об авторе

ДЕМЕНТЬЕВ Андрей Андреевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Authors’ information

DEMENTEV Andrey A. – PhD in Law, senior lecturer of the Department of International Law of Peoples’ University of Russia (RUDN); 6 Mikluho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОВЕТСКОГО АГРАРНОГО СТРОЯ (1917 – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х ГОДОВ): ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2022 г. Л. Г. Берлявский

*Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»,
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: berlg@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.11.2020 г.

Аннотация. В статье исследуется становление государственно-правовых основ советского аграрного строя. Основы аграрного строя СССР были закреплены в конституциях и иных актах конституционного значения. Многие проблемы современной деревни коренятся в советской эпохе и связаны с коллективизацией и устройством колхозов как компонентов административно-командной системы, оказывавшей негативное влияние на право, экономику и общество. Поэтому исследование данных закономерностей создает условия для разработки механизмов эффективного государственно-правового регулирования аграрных и смежных с ними общественных отношений.

Ключевые слова: основы аграрного строя, Советское государство, коллективизация, государственно-правовое регулирование.

Цитирование: Берлявский Л. Г. Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя (1917 – вторая половина 1930-х годов): обзор исследований // Государство и право. 2022. № 1. С. 188–202.

DOI: 10.31857/S102694520018443-8

FORMATION OF STATE-LEGAL BASES THE SOVIET AGRARIAN SYSTEM (1917 – THE SECOND HALF OF THE 1930^s): A REVIEW OF RESEARCH

© 2022 L. G. Berlyavsky

*Rostov state Economic University “RINH”;
Don state Technical University, Rostov-on-Don*

E-mail: berlg@yandex.ru

Received 25.11.2020

Abstract. The article examines the formation of the state-legal bases of the Soviet agrarian system. The foundations of the agrarian system of the USSR were enshrined in constitutions and other acts of constitutional significance. Many problems of the modern village are rooted in the Soviet era and are associated with collectivization and the organization of collective farms as components of the administrative and command system, which had a negative impact on law, economy and society. Therefore, the study of these patterns creates conditions for the development of mechanisms for effective state-legal regulation of agricultural and related public relations.

Key words: bases of the agrarian system, the Soviet state, collectivization, state and legal regulation.

For citation: Berlyavsky, L. G. (2022). Formation of state-legal bases the Soviet agrarian system (1917 – the second half of the 1930^s): a review of research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 188–202.

В январе 2022 г. исполнилось 92 года со дня подписания постановления ЦК КПСС «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹, которое положило начало принятию значительного массива нормативных актов, коренным образом изменивших аграрный строй СССР.

Объективный анализ государственно-правовых основ советского аграрного строя актуален как для науки конституционного права, так и для историко-правовой науки. Сложно понять особенности развития конституционного права на нынешнем этапе, абстрагируясь от его историко-правовых аспектов, с помощью которых можно получить ясное представление об отечественной конституционно-правовой традиции и ее истоках².

Цель настоящего исследования — анализ научных работ по истории развития аграрных отношений, а также сочинений по вопросам формирования правовой основы регулирования этих отношений.

В государствоведении все больше сторонников приобретает точка зрения о том, что история отечественного государства и права советского периода должна составлять часть основы для изучения и преподавания конституционного права Российской Федерации³. Без объективного освещения истории правовой мысли, чему должна предшествовать «инвентаризация» всего созданного в области юриспруденции, трудно понять, как мы оказались там, где мы находимся⁴.

Исследование государственно-правовых основ аграрного строя советского периода осложняется факторами, на которые в свое время указал О.И. Чистяков: с одной стороны, старые концепции кажутся уже неприемлемыми, с другой стороны, новые еще не созданы, если не считать чисто пропагандистских писаний. Не решены до конца и проблемы источников, хотя архивы вроде бы и приоткрылись. С этим связана тенденция к отказу от исследований по данному периоду⁵.

Одной из причин было широкое распространение в советской науке государственного права

метода, сформулированного П.И. Стучкой в его работе «Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР», а именно последовательное противопоставление нашего государства государственному строю буржуазии и резкое осуждение всякого сближения в этом отношении⁶.

При этом юристы-государствоведы согласны в том, что наука российского конституционного права исчерпала свои аргументы, критикуя советское государственное право⁷. По вышеуказанным причинам отсутствуют монографические работы по государственно-правовым основам аграрного строя, сложившимся в 1917–1941 гг.⁸

В Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р, указано, что Российская Федерация не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий. Вследствие репрессий страна пережила масштабные социальные катаклизмы, в числе трагедий названы: коллективизация, повлекшая за собой многочисленные жертвы среди высланных и раскулаченных, а также разрушение индивидуального крестьянского хозяйства, которое было основой экономики на протяжении веков; связанный с насильственной коллективизацией голод, унесший жизни миллионов людей⁹.

⁶ См.: Стучка П.И. Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. М.—Л., 1929. С. 7.

⁷ См.: Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 131; Колушин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 20.

⁸ Отдельные аспекты темы рассмотрены в следующих статьях: Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Колхозное право в СССР в 30-е годы XX века // История государства и права. 2014. № 12. С. 19–24; Берлявский Л.Г. «Конституция гражданской войны»: 100 лет Конституции РСФСР 1918 года // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 38–43; *Его же*. Категория «революционное правосознание» в советском государственном праве // История государства и права. 2019. № 8. С. 10–15; Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Категория «лишенец» в советском избирательном праве // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 37–40; *Их же*. Проект Конституции СССР 1936 г. и его обсуждение сельским населением // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 76–80; Памятники российского права: в 35 т.: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2016. Т. 23. Первые декреты советской власти / под общ. ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова; т. 24. Конституции СССР и РСФСР / под ред. Р.Л. Хачатурова; т. 25. Природоохранное и природоохранное законодательство РСФСР / под общ. ред. С.А. Боголюбова, Р.Л. Хачатурова.

⁹ См.: СЗ РФ. 2015. № 34, ст. 4930.

¹ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. С. 85, 86.

² См.: Пашенцев Д.А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (К 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 90–96.

³ См.: Худненко Л.А. Актуальные проблемы преподавания конституционного и муниципального права: обзор // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 18. С. 38.

⁴ См.: Скрипильев Е.А. К разработке истории советского правоведения // Государство и право. 1992. № 12. С. 30, 37.

⁵ См.: Чистяков О.И. Избр. труды. М., 2008. С. 64.

Основы аграрного строя государства¹⁰ закрепляются его конституцией и иными актами. Существенные черты аграрного строя, как правило, включаются в состав важнейшего института конституционного права — основ конституционного строя. В словосочетании «Основной Закон» аккумулируются представления о законе, который закрепляет основы политической, экономической, социальной и духовной систем общества, взаимоотношений личности и государства¹¹.

Производственные отношения в сельском хозяйстве, связанные с системой землевладения и землепользования в советский период регламентировались как конституционными нормами, так и нормами других отраслей права (гражданского, административного), а также формировавшегося в тот период времени колхозного права. При этом определяющее значение имели также решения ЦК КПСС.

Процесс формирования основ аграрного строя следует относить уже к провозгласившему национализацию всего земельного фонда и конфискацию помещичьих земель Декрету о земле от 26 октября 1917 г.¹², к первым годам существования советской власти, его становление продолжалось до начала Великой Отечественной войны.

Как представляется, эта точка зрения не противоречит мнению о более позднем формировании, в частности, основ колхозного права, а логично дополняет его. Здесь следует принять во внимание тот непреложный факт, что советские партийно-государственные деятели с момента прихода к власти и вплоть до крушения советской системы декларировали недопустимость частной собственности и выступали за примат общественных, коллективных форм земледелия. Данные принципы соблюдались нерушимо, несмотря на то что могли допускаться определенные политически обусловленные уступки в отношении индивидуальных форм хозяйствования, как это было в период новой экономической политики (нэпа).

Основы аграрного строя начинают формироваться с октября 1917 г., со второй половины — конца 1920-х годов этот процесс существенно ускоряется, а в 1930-х годах достигает апогея в связи с полной «победой колхозного строя», занявшего доминирующие позиции в советском сельском хозяйстве. Разумеется, и впоследствии колхозное

право как отрасль советского права развивалось, но столь интенсивного роста и кардинальных изменений, как в эпоху «великого перелома», уже не наблюдалось.

При этом, анализируя содержание наиболее важных нормативных правовых актов и учитывая отраженные в них ведущие установки партийно-государственного руководства в отношении формирования основ аграрного строя, можно выделить два своеобразных пика коллективизации и, соответственно, развития колхозного права.

Первым таким пиком является период Гражданской войны, когда была предпринята попытка как можно скорее реализовать идею масштабного насаждения в деревне коллективных форм сельхозпроизводства, заявив об этом в принятом 14 февраля 1919 г. Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию¹³. Данная попытка оказалась неудачной в связи с массовым сопротивлением крестьянства и отсутствием материальной базы, необходимой для организации эффективного функционирования крупных сельскохозяйственных предприятий. К началу 1920-х годов партийно-государственному руководству пришлось на время отказаться от идеи сплошной коллективизации сельского хозяйства.

«Великий перелом» конца 1920-х — начала 1930-х годов стал вторым проявлением устремлений провести коллективизацию и, соответственно, новым пиком развития основ аграрного строя. При этом необходимо учесть, что советские лидеры и правоведы, формулируя принципы социалистического государственного права, неоднократно выступали за применение принудительных мер по отношению к крестьянству.

На начальном этапе освоения темы М.А. Рейснер настаивал на том, что принуждение становится необходимым спутником переходного периода от старого общественного строя к новому обществу, что крестьяне в советах применяли террор по отношению к самим себе и своим собратьям. Проразверстка характеризовалась им как «несомненно террор по отношению к крестьянству, террор производственного характера»¹⁴. Анализируя ст. 3 и 9

¹³ См.: СУ РСФСР. 1919. № 4, ст. 43.

¹⁴ Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. М., 1923. С. 275, 276. По мнению автора, «радикальности цели соответствует и радикальность средств. Революционная энергия пролетарской диктатуры особенно в начале переворота поэтому должна достигнуть чрезвычайного напряжения. Не только должны быть применены политические средства, но должны быть применены во всей возможной полноте и силе». Вполне допустимыми признавались им такие меры, как взятие заложников, реквизиции, изоляция в концентрационных лагерях (см.: там же. С. 272, 275, 323, 324).

¹⁰ Аграрный строй — это совокупность исторически определенных производственных отношений в сельском хозяйстве, связанная с системой землевладения и землепользования (см.: БСЭ. 3-е изд. М., 1969. Т. 1).

¹¹ См.: Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 54.

¹² См.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 3.

Конституции РСФСР 1918 г., он выделял «диктаторский боевой характер», заложенный в данных установлениях. При этом в высшей степени ненаучным он считал утверждение тех, кто предполагал, будто бы основой советской власти является исключительно террор, поскольку за террором здесь стоят громадные массы трудящихся¹⁵.

В 20–30-е годы при внешнем сохранении системы советской власти в стране развернулась острая политическая борьба, исходом которой стало складывание тоталитаризма¹⁶. При этом ожидания, что Конституция СССР 1936 г. «приведет к демократии, не оправдались. Вскоре после ее принятия началась новая волна террора, воочию показавшая всему миру, что Сталинская конституция — не более чем ширма для режима, не признававшего для себя никаких правовых рамок»¹⁷.

Комплексный подход к изучению элементов конституционного строя, системное представление об их взаимосвязи являются важными, поскольку в исследуемый период в советском законодательстве и юридической науке сложилось устойчивое представление о нерасчлененности органов власти (отрицание концепции разделения властей), о единстве партийного и государственного руководства, о кардинальной взаимосвязи избирательных и земельных прав сельского труженика, об унифицированных организационно-правовых формах коллективного аграрного производства (колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции).

Необходимо также учесть, что источниками государственного права является не только конституция, но и другие важнейшие государственно-правовые акты, иначе говоря, государственно-правовые нормы содержатся не только в конституции, но и в других источниках государственного (конституционного) права¹⁸. Поскольку в исследуемый период основы аграрного строя определялись как конституциями РСФСР и СССР, так и иными актами конституционного значения, земельными кодексами, примерными уставами колхозов, партийно-государственными документами, доктринальными источниками, целесообразно вести речь о становлении государственно-правовых основ советского аграрного строя.

¹⁵ См.: *Рейснер М.А.* Указ. соч. С. 297. Л.Д. Троцкий в 1923 г. утверждал, что революция, применяющая страшный меч террора, оберегает свое государственное право (см.: *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 156, 157).

¹⁶ См.: *Краснов Ю.К.* Государственное право России. История и современность. М., 2002. С. 145.

¹⁷ *Страшун Б.А.* Историко-правовой комментарий // Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 90.

¹⁸ См.: *Писарев А.Н.* Актуальные проблемы конституционного права Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2016. С. 12.

На основании представленных подходов возможно дать следующее определение. **Советский аграрный строй** представляет собой специфические общественные отношения, связанные с землевладением и землепользованием. Под **государственно-правовыми основами советского аграрного строя** понимаются нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения, связанные с землевладением и землепользованием, а также же документы, отражающие аграрную политику СССР на разных этапах развития.

При этом устойчивость советского строя напрямую зависела от взаимоотношений государства с крестьянством. Возможность и методы реформирования аграрного сектора определяли дальнейшие тенденции развития отечественного права¹⁹.

Коллективное хозяйство (колхоз) являлось ведущим элементом советского аграрного строя, одной из организационно-правовых форм хозяйствования на селе с первых лет советской власти. В конце 20-х годов в СССР развернулась сплошная коллективизация сельского хозяйства, кардинально изменившая характер аграрного строя.

Основы аграрного строя были фундаментом регулирования правового статуса не только колхозов, но и личных подсобных хозяйств колхозников, единоличных хозяйств в коллективизированной деревне, совхозов (советских хозяйств), машинно-тракторных станций — государственных сельскохозяйственных предприятий, а также их правоотношений с государственными органами.

На протяжении 30-х годов подавляющее большинство крестьян были вовлечены в повсеместно создававшиеся во время коллективизации колхозы. Коллективное хозяйство превратилось в доминирующую форму организации аграрного производства в СССР. С этого времени в законодательстве и практике правоприменения понятия «советский аграрный строй» и «колхозный строй» отождествляются.

Непосредственная взаимосвязь государственно-правовых основ советского аграрного строя и развития колхозного права проистекала из т.н. широкого понимания государственного права, в которое могли быть включены практически все отрасли советского права. Сформулировано оно было в докладе на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) А.Я. Вышинским, который особо настаивал на том, что колхозное право является элементом советского государственного права (земельная собственность, основы землепользования, а равно пользование недрами, лесами и водами, государственное планирование в области колхозного

¹⁹ См.: *Курицын В.М.* История государства и права России 1929–1940 гг. М., 1998. С. 9.

строительства, государственные обязательства колхозов и проч.) и советского гражданского права (договоры, имущественные правоотношения, семейное, наследственное право и т.д.)²⁰.

Переход к массовой коллективизации в конце 20-х годов связан со свертыванием нэпа и утверждением у власти сталинской группы в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР. Последовавшие затем бурные и трагические процессы в советской деревне, форсированная индустриализация, массовые репрессии привели к формированию социально-экономической и политической системы, которая вызывает особый интерес у исследователей. Важнейшей составляющей этой системы была жесткая централизация и огромная роль субъективного фактора, личности Сталина, имевшего неограниченную власть²¹.

По утверждению И.А. Исаева, на рубеже 20–30-х годов в стране сформировалась тоталитарная система власти. Предпосылкой ее возникновения стала монополия большевистской партии на власть, возникшая еще летом 1918 г., когда в стране осталась единственная правящая партия. После ликвидации оппозиции ее власть стала бесконтрольной²².

В качестве причин кардинального изменения аграрного строя на рубеже 20–30-х годов в юридической и исторической науке указываются ориентация партийно-государственного руководства на ускоренные темпы модернизации, отказ от кооперативных идей организационно-производственной школы экономистов-аграрников во главе с А.В. Чаевым и Н.Д. Кондратьевым²³, поражение «правого уклона» в правящей партии (А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, М.П. Томский и их сторонники).

²⁰ См.: *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права: доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 91, 92, 108.

²¹ См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 640, 641; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 7; см. также: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; *Его же.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

²² См.: *Исаев И.А.* Указ. соч. С. 239.

²³ Представитель Наркомата земледелия в составе общеплановой комиссии при Совете Труда и Оборона, проф. А.В. Чаев отстаивал многообразие форм кооперации, модели агрокомбинатов, выступал за углубленный анализ перспектив семейных крестьянских хозяйств. По его мнению, «кооперация делается одной из основ нашей экономической политики», развитие кооперации во многом совпадало с развитием социализма (см.: *Чаев А.В.* Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 3, 77; *Его же.* Крестьянское хозяйство. М., 1989).

И.В. Сталин подверг резкой критике отстаиваемую «правыми» концепцию вращивания кулака в социализм²⁴, а в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. — теории «равновесия» социалистического и несоциалистического секторов народного хозяйства, «самотека» в социалистическом строительстве, «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства²⁵. При этом народный комиссар юстиции Н.В. Крыленко характеризовал борьбу с кулацким сопротивлением как один из самых ответственных участков политического и хозяйственного фронта²⁶.

Все это так или иначе было связано с отказом партийно-государственного руководства от идеологии и принципов новой экономической политики (нэпа) в аграрной сфере. В докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 г. И.В. Сталин утверждал, что «мы имеем теперь последний период нэпа, конец нэпа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства»²⁷.

Нынешние специалисты по нэпу пришли к выводу, что коллективизация была действительно жесточайшим экспериментом над большинством народа, но это был единственный путь, с одной стороны, изъять необходимые средства на индустриализацию и радикальное повышение обороноспособности (внешних источников не было) страны, а с другой — создать крупные хозяйства, способные быстро вобрать достижения индустриализации, внедрить их на селе. Любая постепенная кооперация снизу могла растянуться на десятилетия, но у страны этого времени не было. Реальной исторической альтернативой «советскому тоталитаризму» в 30-е годы была крестьянская Россия, обреченная в ближайшей перспективе на гибель в столкновении с индустриальной Европой²⁸.

²⁴ См.: *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (стенограмма) // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 241–245.

²⁵ См.: *Сталин И.В.* К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Там же. С. 307–316.

²⁶ См.: *Крыленко Н.В.* Формы классово-борьбы на данном этапе. М., 1933. С. 26, 27.

²⁷ *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. С. 547.

²⁸ См.: НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. Следует иметь в виду, что нэп в экономическом плане вовсе не был периодом бескризисного развития. Национальный доход в СССР в 1928 г. не только не превышал уровень 1913 г., как было принято считать, но на 12% был ниже его. Объективно складывалась ситуация практического застоя, поскольку рост национального дохода оказывался меньше, чем рост населения (2%) (см.: *Ханин Г.* Почему и когда погиб нэп. Размышления экономиста // ЭКО. 1989. № 10. С. 17, 78).

В 30-х годах был дан импульс развитию колхозного права — отрасли советского права, регулировавшей создание и функционирование преобразованного коллективизацией сельского хозяйства, все многообразие правоотношений государства и колхозов, администраций и рядовых членов коллективных хозяйств, практически все стороны жизни и деятельности колхозного крестьянства и колхозной деревни в целом.

В историческом плане бытие колхозного права оказалось кратковременным: данная отрасль разделила судьбу коллективных хозяйств и самого СССР, исчезнув вместе с ними в гигантских потрясениях начала 90-х годов, в который раз изменивших не только социально-экономическое и общественно-политическое устройство аграрного сектора, но и общий вектор развития нашей страны. Российское аграрное, земельное и кооперативное право имеют мало общего с советским колхозным правом, в отличие от других отраслей отечественного права, в развитии которых просматривается преемственность с советским периодом.

Тем не менее всестороннее исследование факторов эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя, равно как и разнообразных аспектов его содержания, выступают в качестве актуальной научной задачи и в наши дни. Значимость этого определяется рядом существенных факторов.

Прежде всего следует принять во внимание тот факт, что в 20–30-х годах СССР являлся аграрно-индустриальной страной, в которой крестьянство составляло значительную часть населения. По разным данным, в 1939 г. удельный вес колхозников среди граждан СССР (не считая иных категорий сельских жителей) составлял от 42.3% до 47.2%²⁹.

В самой коллективизированной деревне колхозники решительно преобладали: в массе сельского населения их удельный вес доходил до 71%, а среди лиц, непосредственно занятых сельскохозяйственным производством, они безусловно доминировали, ибо к 1939 г. советское крестьянство «на 90% стало колхозным»³⁰. Тем самым в 30-х годах колхозное право регулировало производственную и социальную жизнь значительной части советского населения и преобладающей — населения деревни.

Процесс формирования государственно-правовых основ советского аграрного строя проходил параллельно с политическими репрессиями,

²⁹ См.: *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 114; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов / отв. ред. В.М. Селунская. М., 1979. С. 261.

³⁰ Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов / отв. ред. В.М. Селунская. С. 259, 260.

обрушенными сталинским режимом на сельское население, и был нацелен на выполнение такой важной задачи, как максимально полное подчинение крестьянства диктату государства. В постсоветский период карательные и чрезмерно этатистские доминанты колхозного законодательства правомерно подвергаются критике.

Говоря об осмыслении в научной литературе основ аграрного строя, следует отметить, что такая деятельность развернулась уже в 20–30-х годах одновременно со становлением колхозной системы и соответствующей отрасли советского законодательства.

В частности, в период реализации политики нэпа сельскохозяйственным коллективом (колхозом) считалось объединение земледельцев для коллективного (общественного) ведения сельского хозяйства. С колхозом отождествлялись три вида подобного рода хозяйств: 1) сельскохозяйственная коммуна, исключительный приоритет которой подчеркивался; 2) сельскохозяйственная артель, которая «объединяет своих членов на ведении общего хозяйства на объединенных земельных участках»; 3) товарищество по общественной обработке земли³¹.

В 30-х годах работы по государственно-правовым основам аграрного строя были представлены публикациями в различных периодических изданиях, таких как «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», «На фронте коллективизации», «За темпы, качество, проверку», «Деревенский юрист», «На аграрном фронте», «Арбитраж», «Бюллетень Госарбитража», «Советская юстиция»³².

Издавались также брошюры и небольшие по объему монографии, посвященные разнообразным вопросам правового регулирования коллективизации, правового положения колхозов, систематизации колхозного права³³. Определенное внимание правовой тематике уделяли и авторы многочисленных обзорных работ, в которых освещались процессы создания и укрепления коллективных

³¹ См.: Коллективы сельскохозяйственные // Энциклопедия государства и права / под ред. П.И. Стучки. М., 1925–26. Т. 2. С. 446, 450.

³² Прежнее название «Еженедельник советской юстиции», ныне — «Российская юстиция» (см. об этом, напр.: *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 76–78).

³³ См.: *Новицкий И.Б.* Правовое положение сельскохозяйственных коллективов. М., 1929; *Дембо Л.И.* Колхозное строительство и его правовые формы. Л., 1930; *Озерецковский Н.* Колхозное законодательство: Систематическое изложение. М., 1931; и др.

хозяйств как в рамках всего СССР, так и в границах отдельных республик, краев, областей³⁴.

В 30-х годах изучение основ аграрного строя проводилось с позиций главным образом комментирования тех или иных нормативно-правовых актов, имевших важное или определяющее значение в процессе формирования колхозно-совхозной системы хозяйствования на селе и колхозного права³⁵.

Например, в изданной в 1939 г. обзорной монографии «Победы социалистического сельского хозяйства» специально подчеркивалось выдающееся значение в деле укрепления колхозного строя таких нормативных актов, как постановление от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности» и Примерный устав сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г., приводилась характеристика этих документов и указывалось, каким образом те или иные их нормы оказывали благотворное воздействие на состояние коллективных хозяйств³⁶.

Как отмечалось впоследствии, «правоведы кадили Сталину в отношении его политически вредного, юридически безграмотного и по существу террористического закона» от 7 августа 1932 г.³⁷

В тогдашней юридической литературе утверждалось, что колхозы, которые получили землю на правах пожизненного пользования для ведения сельского хозяйства, не имели права вступать в какие-либо договорные отношения, связанные с колхозной землей (передача в аренду, купля-продажа, обмен, дарение, залог и т.п.). Земля была изъята из обращения, поэтому заключение различных незаконных соглашений рассматривалось как посягательство на собственность государства³⁸.

На протяжении многих лет земельное право отождествлялось с колхозным правом, а в юридических вузах преподавалась единая дисциплина —

земельно-колхозное право. Зачастую земельное и колхозное право рассматривались как особые области гражданского права³⁹.

В 30-х — начале 50-х годов процессу изучения данных проблем были присущи активная политизация и администрирование, что далеко не лучшим образом сказывалось на результатах научной деятельности и судьбах тех или иных ученых — правоведов, высказывавших мнения, отличные от официальной позиции. Так, по обоснованному утверждению И.Ф. Панкратова, неправильным и неприемлемым было отношение к научным трудам А.Г. Гойхбарга⁴⁰, И.И. Евтихиева, Б.С. Мартынова, И.Б. Новицкого, Л.И. Дембо и ряда других авторов. Наряду с аргументированной критикой ошибочных положений, содержащихся в трудах указанных исследователей, их работы, нередко без достаточных оснований, расценивались как полностью антисоветские, написанные с буржуазными, антимарксистскими и антиленинскими позициями⁴¹.

Во второй половине 60-х годов первым актом самостоятельной отрасли колхозного законодательства было принято считать постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах»⁴². Постановление закрепляло добровольный характер членства крестьян в коллективных хозяйствах, признавало недопустимым какое-либо принуждение или искусственное форсирование в создании колхозов. В нем подчеркивалась необходимость развития более сложных форм производственного кооперирования, в т.ч. сельскохозяйственных артелей. Избирать эти формы должны были сами крестьяне⁴³.

В период перестройки обращалось внимание на то, что «устав колхоза — обязательный признак кооператива». Для оказания помощи в его разработке и принятии издавались примерные (типовые) уставы, которые до 30-х годов они имели значение образцов, рекомендательных документов и не были обязательны для колхозов. В дальнейшем в связи с проведением сплошной коллективизации и внедрением административно-командных методов управления примерные уставы сельскохозяйственной артели стали приниматься центральными органами управления сельским хозяйством

³⁴ См.: *Власов М.* Коллективизация советской деревни. М., 1930; *Елизаров Н.В.* Ликвидация кулачества как класса. М., 1930; *Алексеев А.И.* Сельскохозяйственная артель — основное звено коллективизации. М.—Л., 1931; *Анисимов Н.И.* Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; *Альфийш С.Д.* Победа колхозного строя. Саратов, 1939; *Лантев И.* Советское крестьянство. М., 1939; и др.

³⁵ См.: К урокам колхозной кампании 1929/30 г. // Сов. государство и революция права. 1930. № 4. С. 3—18; *Гришин З., Луцкий М.* Сельсовет и колхозное строительство // Сов. государство и революция права. 1930. № 5—6. С. 269—279; *Казанцев Н.* К вопросу о предмете и системе науки колхозного права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 49—59; *Дембо Л.* Колхозное право в третьей пятилетке // Сов. государство и право. 1939. № 4. С. 50—58; и др.

³⁶ См.: Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 23, 24, 26, 27.

³⁷ См.: *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 32.

³⁸ См.: *Индыченко П.Д.* Новое в земельном и колхозном законодательстве (за 1939 г.) // Ученые записки Укр. ин-та юрид. наук. М., 1940. С. 44.

³⁹ См.: *Рускол А.А.* Предмет и система земельного права // Труды первой научной сессии Всесоюзного ин-та юридических наук (27 янв.—3 февр. 1939 г.) / под ред. И.Т. Голякова. М., 1940. С. 415, 416.

⁴⁰ См., напр.: *Кроткова Н.В.* Указ. соч. С. 73, 79.

⁴¹ См.: *Панкратов И.Ф.* Развитие науки колхозного права в СССР, 1929—1938 гг. // Правоведение. 1962. № 2. С. 79, 80.

⁴² См.: СЗ СССР. 1927. № 15, ст. 161.

⁴³ См.: История государства и права СССР / отв. ред. Г.С. Калинин. М., 1966. Ч. 2 (советский период). С. 275.

и утверждаться государственными органами. Последнее придавало им силу партийных директив и одновременно юридических актов, обязательных не только для колхозов и колхозников, но и для иных организаций и граждан. Поэтому суд и прокуратура, осуществляя надзор за законностью, ссылались на Примерный устав колхоза как источник права⁴⁴.

В советской научной литературе всячески обобщались идеи о том, что сложившееся в 30-х годах XX в. колхозное право являлось продуктом продуманной, перспективной политики Советского государства, что таковое полностью соответствовало интересам и потребностям не только коллективных хозяйств, но и массы рядовых сельских тружеников, и советского общества в целом. Подчеркивалось, что разрабатывавшиеся в СССР в конце 20–30-х годов нормативные правовые акты оказывали позитивное воздействие как на функционирование колхозов, так и на состояние колхозной деревни, на жизнедеятельность колхозников⁴⁵. Получил широкое распространение и не подвергался критике тезис о колхозной демократии как одной из форм подлинного народовластия на селе.

В постсоветской правовой науке оценки советского аграрного строя были далеко не столь единодушны, но вместе с тем большинство авторов правомерно указывают на то, что главной целью колхозного права являлось укрепление коллективных хозяйств, их правового статуса⁴⁶ и лишь затем – улучшение положения рядовых аграриев.

Оценивая развитие колхозного права, коллектив историков отечественного государства и права отмечал, что в партийных документах провозглашался принцип добровольности, хотя это было в большей мере декларацией. По идее гражданин мог вступить в колхоз, мог и выйти из него.

⁴⁴ См.: Бушуев С.В. Примерный устав колхоза в системе источников колхозного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 7.

⁴⁵ См.: Аббаскулиев А.Д. Колхозное право в период сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1930–1934 гг.: по материалам Азербайджанской ССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973; Бороданов Н.М. Возникновение и развитие права приусадебного землепользования колхозных дворов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1959; Ильин И.К. Основные вопросы колхозного права в период борьбы за сплошную коллективизацию сельского хозяйства, 1930–1934 годы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955; История государства и права СССР / под ред. А.И. Денисова. М., 1947. Ч. 2. С. 155–163; Колотинская Е.Н. Колхозный двор: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951; Петров В.Н. Колхозное право в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 годы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952; Смирнов А.В. Понятие колхозного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952; и др.

⁴⁶ См.: История отечественного государства и права / под ред. Ю.П. Титова. М., 1999. С. 408.

В последнем случае он, однако, не получал обратно прежний участок земли, вошедший в состав общештатного фонда, который законодательством признавался неуменьшаемым⁴⁷. Подчеркивается уникальная, исключительно служебная роль колхозного права, поскольку происходившие в стране изменения в социально-экономической сфере определяли изменения в праве⁴⁸.

Характерной чертой советского законодательства 30-х годов считается усиление его жесткости, порой даже жестокости⁴⁹. К числу наиболее рестрикционных актов исследователи справедливо причисляют упомянутое постановление от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности», оставшееся в народной памяти как закон о «пяти колосках». Этот и подобные ему нормативные правовые акты оцениваются предельно критично и большинством авторов решительно осуждаются⁵⁰.

В частности, обращается внимание на «юридическую безграмотность» данного постановления, поскольку максимально жесткие наказания здесь предусматривались за любые хищения вне зависимости от их размеров⁵¹. Законодатель не учитывал того, что для многих миллионов людей, находившихся в тягчайшей нужде и стоявших порой на грани голодной смерти, кара за хищение была предпочтительнее верной гибели, собственной или близких⁵².

Как считает канадский исследователь П. Соломон, сопротивление, с которым судьи встретили появление указанного акта, отражало их внутреннюю борьбу с собственным чувством справедливости. Судьи вышестоящих судов избегали применять его в полном объеме⁵³.

⁴⁷ См.: История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. Ч. 1. С. 321.

⁴⁸ См.: История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 2003. С. 403.

⁴⁹ См.: История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. Ч. 2. С. 305.

⁵⁰ По данному Закону с августа 1932 г. по декабрь 1933 г. осуждены более 125 тыс. человек (см.: История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М., 2013. С. 207).

⁵¹ См.: Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 70.

⁵² См.: Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. 1993. № 1. С. 71.

⁵³ См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 112, 137. По мнению данного автора, достойны признания имена советских юристов П. Стучки, Е. Ширвиндта, И. Булата и А. Винокурова, но прежде всего А. Сольца, который неоднократно выражал протесты по фактам несправедливого осуждения. Звездный час Сольца наступил тогда, когда он почти единолично провел кампанию, в ходе которой убедил Сталина урезать широкое применение Закона от 7 августа 1932 г.

В отличие от советских авторов, отстаивавших тезис о глубоко обоснованном характере советского аграрного строя, колхозного права, представители постсоветской генерации исследователей указывают на ситуативность формирования этой отрасли законодательства, поскольку сталинский режим был вынужден реагировать на социально-экономическое состояние колхозов и совхозов, положение в деревне и настроения сельских жителей. В качестве примера последнего приводятся «неонэпоские» правительственные постановления 1932 г. о разрешении колхозной торговли⁵⁴.

Видный конституционалист С.А. Авакьян уверен в том, что «власть объявила формально добровольную, а на деле принудительную коллективизацию в сельском хозяйстве. Лишь спустя десятилетия сказались ее отрицательные последствия (причем не столько самого кооперирования как идеи, а формы его проведения, отбившей со временем у многих крестьян желание совместно трудиться и возможность чувствовать себя хозяином на земле)». Тогда же, в 30-е годы, организация сельскохозяйственного труда, основанная не только на команде, но и на немалой заботе сверху, на механизации труда, использовании традиций коллективизма русской общины, обеспечила вначале некоторые успехи⁵⁵.

Вместе с тем признается определенная политическая гибкость советских лидеров постреволюционного периода. «Хутора крестьянская масса отвергла еще в 1900-е годы, оказав ожесточенное сопротивление, а колхозы в 1930-е годы в большинстве своем приняла (сопротивление оказалось в основном лишь кулачество)»⁵⁶. В отношении последнего заметим, что против коллективизации выступали и многие середняки.

Обзор научной литературы свидетельствует о существенном падении внимания исследователей к государственно-правовым основам советского аграрного строя, вопросам колхозного права, поскольку последнее неправомерно воспринимается как навсегда канувшее в Лету и не имеющее отношения к реалиям современной деревни. Как правило, освещаются отдельные аспекты аграрно-земельной политики, организационно-правовых основ коллективизации, правоотношений государственных органов с колхозами, совхозами, МТС⁵⁷.

⁵⁴ См.: *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 68, 69.

⁵⁵ См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 224.

⁵⁶ НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 22.

⁵⁷ См.: *Бондырев В.Е.* Влияние уголовного законодательства и практики его применения на развитие экономики в СССР в период 1920–1930 годов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; *Верхогляд Д.А.* Собственность на землю

Наряду с поверхностным и некритичным освещением государственно-правовых основ аграрного строя, характерным для советской научной литературы, наблюдающееся ныне снижение исследовательского интереса к указанной теме порождает многочисленные и обширные пробелы в знаниях о ней и в представлениях о правовых основах развития деревни.

Руководствуясь такими критериями, как содержание составляющих аграрное законодательство важнейших нормативных правовых актов и изменения политического курса в отношении коллективизации, возможно выделить основные этапы формирования основ советского аграрного строя.

В рамках первого этапа (1917 г. – начало 1920-х годов) были определены ведущие направления развития аграрного строя, в соответствии с которыми колхозы понимались как наилучшая из возможных форм организации сельхозпроизводства в социалистическом государстве. Своей напористостью и бескомпромиссностью данный этап формирования социалистических основ аграрного строя вполне соответствовал общей ожесточенности и нетерпимости Гражданской войны, целеустремленности «красногвардейской атаки на капитал» и политики «военного коммунизма».

Второй этап (1920-е годы) совпадает с осуществлением новой экономической политики, в соответствии с которой коллективные формы аграрного

и земельно-правовые отношения в советской и постсоветской России (1917 – начало 2000-х гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014; *Воронин Б.А.* Становление аграрно-правовой науки и актуальные проблемы ее развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2000; *Воронцов С.А.* Становление и развитие земельных отношений в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; *Габитов М.Р.* Аграрные реформы в России и их концепции: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002; *Глебов А.Н.* Правовое регулирование налогообложения крестьянства в 1928–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2012; *Давыдова А.Д.* Права и обязанности членов колхозного двора как своеобразного субъекта гражданского права в советской России // *Право и государство.* 2018. № 2. С. 31–35; *Ее же.* Основания и порядок прекращения деятельности колхозного двора в Советской России, 1917–1977 гг. // *Право и государство.* 2018. № 3. С. 31–38; *Кабанов А.А.* Налоговая политика и налоговая идеология в эволюции государственно-правовой системы России с 1917 по 1992 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008; *Королева Е.В.* Организационно-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Советской России в 20–30-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013; *Кушарова М.П.* История становления и развития аграрного законодательства советского и постсоветского периода (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Мигущенко О.Н.* Правовая основа «закрепощения» колхозного крестьянства в Союзе ССР // *История государства и права.* 2016. № 14. С. 13–17; *Цыганкова А.А.* Реализация аграрно-земельной политики Народным комиссариатом земледелия СССР в период коллективизации сельского хозяйства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011; и др.

производства определялись не как господствующие, а соседствующие с формами индивидуальными. Применительно к основам аграрного строя эти изменения выразились, прежде всего, в декларировании добровольности колхозного движения, законодательном оформлении льгот и преимуществ коллективных хозяйств перед хозяйствами единоличными.

Третий этап связан со сплошной коллективизацией сельского хозяйства в конце 20–30-х годов. В условиях ее подготовки и осуществления, развернувшегося в 1929–1932 гг., был разработан массив нормативных правовых актов, регулировавших самые разные области и аспекты устройства и функционирования повсеместно возникавших коллективных хозяйств. С 1935 г., когда был принят второй, доработанный и уточненный Примерный устав сельскохозяйственной артели⁵⁸, начинается определенная корректировка ранее сформированного корпуса нормативных правовых актов.

На четвертом этапе – во второй половине 30-х годов – активно осуществлялись меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы, что в сфере нормотворчества выразилось в восполнении образовавшихся в законодательстве пробелов.

* * *

В заключение следует заметить, что невнимание к прошлому затрудняет преодоление трудностей настоящего, ибо причинно-следственные связи теснейшим образом связывают и первое, и второе. Вопреки распространенным ошибочным представлениям о том, что современная и ушедшая в прошлое советская деревня кардинально отличны друг от друга и не связаны между собой, оба этих социально-экономических и культурных феномена есть лишь этапы развития единого целого. Многие проблемы нынешней деревни коренятся в советской эпохе и связаны с коллективизацией и устройством колхозов как компонентов административно-командной системы, оказывавшей противоречивое влияние на экономику и общество. Поэтому всесторонне исследование данных закономерностей создает условия для разработки механизмов эффективного правового регулирования аграрных и смежных с ними общественных отношений в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аббаскулиев А.Д.* Колхозное право в период сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1930–1934 гг.: по материалам Азербайджанской ССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.

⁵⁸ См.: СЗ СССР. 1935. № 11, ст. 82.

2. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 224.
3. *Алексеев А.И.* Сельскохозяйственная артель – основное звено коллективизации. М.–Л., 1931.
4. *Альфийш С.Д.* Победа колхозного строя. Саратов, 1939.
5. *Анисимов Н.И.* Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937.
6. *Берлявский Л.Г.* Категория «революционное правосознание» в советском государственном праве // История государства и права. 2019. № 8. С. 10–15.
7. *Берлявский Л.Г.* «Конституция гражданской войны»: 100 лет Конституции РСФСР 1918 года // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 38–43.
8. *Берлявский Л.Г., Бондарев В.А.* Категория «лишениец» в советском избирательном праве // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 37–40.
9. *Берлявский Л.Г., Бондарев В.А.* Колхозное право в СССР в 30-е годы XX века // История государства и права. 2014. № 12. С. 19–24.
10. *Берлявский Л.Г., Бондарев В.А.* Проект Конституции СССР 1936 г. и его обсуждение сельским населением // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 76–80.
11. *Бондырев В.Е.* Влияние уголовного законодательства и практики его применения на развитие экономики в СССР в период 1920–1930 годов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
12. *Бороданов Н.М.* Возникновение и развитие права приусадебного землепользования колхозных дворов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1959.
13. *Бушуев С.В.* Примерный устав колхоза в системе источников колхозного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 7.
14. *Верхогляд Д.А.* Собственность на землю и земельно-правовые отношения в советской и постсоветской России (1917 – начало 2000-х гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
15. *Власов М.* Коллективизация советской деревни. М., 1930.
16. *Воронин Б.А.* Становление аграрно-правовой науки и актуальные проблемы ее развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2000.
17. *Воронцов С.А.* Становление и развитие земельных отношений в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
18. *Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права: доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 91, 92, 108.

19. *Габитов М. Р.* Аграрные реформы в России и их концепции: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.
20. *Глебов А. Н.* Правовое регулирование налогообложения крестьянства в 1928–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
21. *Гринберг М. С.* Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. 1993. № 1. С. 71.
22. *Гришин З., Луцкий М.* Сельсовет и колхозное строительство // Сов. государство и революция права. 1930. № 5–6. С. 269–279.
23. *Давыдова А. Д.* Основания и порядок прекращения деятельности колхозного двора в Советской России, 1917–1977 гг. // Право и государство. 2018. № 3. С. 31–38.
24. *Давыдова А. Д.* Права и обязанности членов колхозного двора как своеобразного субъекта гражданского права в советской России // Право и государство. 2018. № 2. С. 31–35.
25. *Дембо Л. И.* Колхозное строительство и его правовые формы. Л., 1930.
26. *Дембо Л.* Колхозное право в третьей пятилетке // Сов. государство и право. 1939. № 4. С. 50–58.
27. *Елизаров Н. В.* Ликвидация кулачества как класса. М., 1930.
28. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 114.
29. *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 68–70.
30. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 30-х годов / отв. ред. В. М. Селунская. М., 1979. С. 259–261.
31. *Ильин И. К.* Основные вопросы колхозного права в период борьбы за сплошную коллективизацию сельского хозяйства, 1930–1934 годы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955.
32. *Индыченко П. Д.* Новое в земельном и колхозном законодательстве (за 1939 г.) // Ученые записки Укр. ин-та юрид. наук. М., 1940. С. 44.
33. *Исаев И. А.* История государства и права России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 239, 640, 641.
34. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 2003. С. 403.
35. История государства и права СССР / отв. ред. Г. С. Калинин. М., 1966. Ч. 2 (советский период). С. 275.
36. История государства и права СССР / под ред. А. И. Денисова. М., 1947. Ч. 2. С. 155–163.
37. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М., 2013. С. 207.
38. История отечественного государства и права / под ред. Ю. П. Титова. М., 1999. С. 408.
39. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. М., 2002. Ч. 1. С. 321; ч. 2. С. 305.
40. К урокам колхозной кампании 1929/30 г. // Сов. государство и революция права. 1930. № 4. С. 3–18.
41. *Кабанов А. А.* Налоговая политика и налоговая идеология в эволюции государственно-правовой системы России с 1917 по 1992 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
42. *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М, 2013. С. 131.
43. *Казанцев Н.* К вопросу о предмете и системе науки колхозного права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 49–59.
44. Коллективы сельскохозяйственные // Энциклопедия государства и права / под ред. П. И. Стучки. М., 1925–26. Т. 2. С. 446, 450.
45. *Колотинская Е. Н.* Колхозный двор: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951.
46. *Колышин Е. И.* Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 20.
47. *Королева Е. В.* Организационно-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Советской России в 20–30-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013.
48. *Кравец И. А.* Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 54.
49. *Краснов Ю. К.* Государственное право России. История и современность. М., 2002. С. 145.
50. *Кроткова Н. В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 73, 76–79.
51. *Крыленко Н. В.* Формы классовой борьбы на данном этапе. М., 1933. С. 26, 27.
52. *Курицын В. М.* История государства и права России 1929–1940 гг. М., 1998. С. 9.
53. *Кушарова М. П.* История становления и развития аграрного законодательства советского и постсоветского периода (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
54. *Лантев И.* Советское крестьянство. М., 1939.
55. *Мигущенко О. Н.* Правовая основа «закрепощения» колхозного крестьянства в Союзе ССР // История государства и права. 2016. № 14. С. 13–17.

56. *Новицкий И. Б.* Правовое положение сельскохозяйственных коллективов. М., 1929.
57. *Нудненко Л. А.* Актуальные проблемы преподавания конституционного и муниципального права: обзор // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 18. С. 38.
58. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 22.
59. *Озерецковский Н.* Колхозное законодательство: Систематическое изложение. М., 1931.
60. Памятники российского права: в 35 т.: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2016. Т. 23. Первые декреты советской власти / под общ. ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова; т. 24. Конституции СССР и РСФСР / под ред. Р.Л. Хачатурова; т. 25. Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР / под общ. ред. С.А. Боголюбова, Р.Л. Хачатурова.
61. *Панкратов И. Ф.* Развитие науки колхозного права в СССР, 1929–1938 гг. // Правоведение. 1962. № 2. С. 79, 80.
62. *Пашенцев Д. А.* Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (К 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 90–96.
63. *Петров В. Н.* Колхозное право в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 годы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952.
64. *Писарев А. Н.* Актуальные проблемы конституционного права Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2016. С. 12.
65. Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 23, 24, 26, 27.
66. *Рейснер М. А.* Государство буржуазии и РСФСР. М., 1923. С. 272, 275, 276, 297, 323, 324.
67. *Рускол А. А.* Предмет и система земельного права // Труды первой научной сессии Всесоюзного ин-та юридических наук (27 янв. – 3 февр. 1939 г.) / под ред. И.Т. Голякова. М., 1940. С. 415, 416.
68. *Скрипилев Е. А.* К разработке истории советского правоведения // Государство и право. 1992. № 12. С. 30, 32, 37.
69. *Смирнов А. В.* Понятие колхозного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952.
70. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 7.
71. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 112, 137.
72. *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 307–316.
73. *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (стенограмма) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 241–245.
74. *Сталин И. В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 547.
75. *Страшун Б. А.* Историко-правовой комментарий // Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 90.
76. *Стучка П. И.* Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. М.–Л., 1929. С. 7.
77. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 85, 86.
78. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 156, 157.
79. *Ханин Г.* Почему и когда погиб нэп. Размышления экономиста // ЭКО. 1989. № 10. С. 17, 78.
80. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
81. *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
82. *Цыганкова А. А.* Реализация аграрно-земельной политики Народным комиссариатом земледелия СССР в период коллективизации сельского хозяйства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
83. *Чаянов А. В.* Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 3, 77.
84. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.
85. *Чистяков О. И.* Избр. труды. М., 2008. С. 64.

REFERENCES

1. *Abbaskuliyev A. D.* Collective farm law in the period of continuous collectivization of agriculture in 1930–1934: based on the materials of the Azerbaijan SSR: abstract ... PhD in Law. M., 1973 (in Russ.).
2. *Avakian S. A.* Constitutional Law of Russia: studies course: in 2 vols. 2014. Vol. 1. P. 224 (in Russ.).
3. *Alekseev A. I.* Agricultural artel – the main link of collectivization. M.–L., 1931 (in Russ.).
4. *Alfish S. D.* Victory of the collective farm system. Saratov, 1939 (in Russ.).
5. *Anisimov N. I.* Victory of Socialist agriculture. M., 1937 (in Russ.).
6. *Berlyavsky L. G.* Category “revolutionary legal consciousness” in Soviet state law // History of the state and law. 2019. No. 8. P. 10–15 (in Russ.).
7. *Berlyavsky L. G.* “The Constitution of the Civil War”: 100 years of the Constitution of the RSFSR of

- 1918 // Electoral legislation and practice. 2018. No. 4. P. 38–43 (in Russ.).
8. *Berlyavsky L.G., Bondarev V.A.* Category “deprived” in Soviet Electoral Law // Electoral legislation and practice. 2019. No. 2. P. 37–40 (in Russ.).
 9. *Berlyavsky L.G., Bondarev V.A.* Collective farm law in the USSR in the 30s of the XX century // History of the state and law. 2014. No. 12. P. 19–24 (in Russ.).
 10. *Berlyavsky L.G., Bondarev V.A.* The draft Constitution of the USSR of 1936 and its discussion by the rural population // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 10. P. 76–80 (in Russ.).
 11. *Bondyrev V.E.* The influence of criminal legislation and the practice of its application on the development of the economy in the USSR in the period 1920–1930: abstract ... PhD in Law. M., 2015 (in Russ.).
 12. *Borodanov N.M.* The emergence and development of the law of household land use of collective farm yards: abstract ... PhD in Law. M., 1959 (in Russ.).
 13. *Bushuev S.V.* The approximate charter of the collective farm in the system of sources of collective farm law: abstract ... PhD in Law. M., 1989. P. 7 (in Russ.).
 14. *Verkhoglyad D.A.* Land ownership and land-legal relations in Soviet and post-Soviet Russia (1917 – early 2000s): abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2014 (in Russ.).
 15. *Vlasov M.* Collectivization of the Soviet village. M., 1930 (in Russ.).
 16. *Voronin B.A.* Formation of agrarian and legal science and actual problems of its development: abstract ... Doctor of Law. Ufa, 2000 (in Russ.).
 17. *Vorontsov S.A.* Formation and development of land relations in Russia: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2008 (in Russ.).
 18. *Vyshinsky A. Ya.* Main tasks of the science of Soviet socialist law: report of the first Meeting on the science of the Soviet state and law (16–19 July 1938) // Vyshinsky A. Ya. Questions of the theory of state and law. M., 1949. P. 91, 92, 108 (in Russ.).
 19. *Gabitov M.R.* Agrarian reform in Russia and their concept: historical and legal research: abstract ... PhD in Law. Ufa, 2002 (in Russ.).
 20. *Glebov A.N.* Legal regulation of taxation of the peasantry in 1928–1941: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2012 (in Russ.).
 21. *Grinberg M.S.* Criminal Law and mass repressions of the 20s and subsequent years // State and Law. 1993. No. 1. P. 71 (in Russ.).
 22. *Grishin Z., Lutsky M.* Village Council and collective farm construction // Soviet state and the revolution of law. 1930. No. 5–6. P. 269–279 (in Russ.).
 23. *Davydova A.D.* The grounds and procedure for the termination of the activity of the collective farm yard in Soviet Russia, 1917–1977 // Law and the State. 2018. No. 3. P. 31–38 (in Russ.).
 24. *Davydova A.D.* The rights and obligations of members of the collective farm yard as a kind of subject of Civil Law in Soviet Russia // Law and the State. 2018. No. 2. P. 31–35 (in Russ.).
 25. *Dembo L.I.* Collective farm construction and its legal forms. L., 1930 (in Russ.).
 26. *Dembo L.* Collective farm law in the third five-year plan // Soviet state and Law. 1939. No. 4. P. 50–58 (in Russ.).
 27. *Elizarov N.V.* Liquidation of the Kulaks as a class. M., 1930 (in Russ.).
 28. *Zhiromskaya V.B.* Demographic history of Russia in the 1930^s. A look into the unknown. M., 2001. P. 114 (in Russ.).
 29. *Zelenin I.E.* Stalin’s “revolution from above” after the “great turning point”. 1930–1939: policy, implementation, results. M., 2006. P. 68–70 (in Russ.).
 30. Changes in the social structure of Soviet society. 1921 – mid 30^s / ed. V.M. Selunskaya. M., 1979. P. 259–261 (in Russ.).
 31. *Ilyin I.K.* The main issues of collective farm law during the struggle for the complete collectivization of agriculture, 1930–1934: abstract ... PhD in Law. M., 1955 (in Russ.).
 32. *Indychenko P.D.* New in land and collective farm legislation (for 1939) // Scientific notes of the Ukrainian Institute of Law. M., 1940. P. 44 (in Russ.).
 33. *Isaev I.A.* History of the state and law of Russia: studies. 3rd ed., reprint. and ext. M., 2004. P. 239, 640, 641 (in Russ.).
 34. History of state and law of Russia / ed. by Yu. P. Titov. M., 2003. P. 403 (in Russ.).
 35. History of state and law of the USSR / ed. by G.S. Kalinin. M., 1966. Part 2 (Soviet period). P. 275 (in Russ.).
 36. History of the state and law of the USSR / ed. by A.I. Denisov. M., 1947. Part 2. P. 155–163 (in Russ.).
 37. History of the Communist Party of the Soviet Union / res. ed. A.B. Bezborodov; scientific ed. N.V. Eliseeva. M., 2013. P. 207 (in Russ.).
 38. History of Russian state and law / ed. by Yu. P. Titov. M., 1999. P. 408 (in Russ.).
 39. History of Russian state and law: in 2 parts / ed. by O.I. Chistyakov. M., 2002. Part 1. P. 321; part 2. P. 305 (in Russ.).
 40. The lessons collective campaign 1929/30 // Soviet state and revolution law. 1930. No. 4. P. 3–18 (in Russ.).
 41. *Kabanov A.A.* Tax policy and tax ideology in the evolution of the state-legal system of Russia from 1917 to 1992: abstract ... PhD in Law. SPb., 2008 (in Russ.).
 42. *Kabyshev V.T.* With the Constitution for life: elected scientific works. M., 2013. P. 131 (in Russ.).

43. *Kazantsev N.* On the question of the subject and system of the science of collective farm law // *Soviet State and Law*. 1940. No. 3. P. 49–59 (in Russ.).
44. *Agricultural collectives* // *Encyclopedia of State and Law* / ed. by P.I. Stuchka. M., 1925–26. Vol. 2. P. 446, 450 (in Russ.).
45. *Kolotinskaya E.N.* Kolkhoz yard: legal issues: abstract ... PhD in Law. M., 1951 (in Russ.).
46. *Kolyushin E.I.* Constitutional (State) Law of Russia. M., 1999. P. 20 (in Russ.).
47. *Koroleva E.V.* Organizational and legal foundations of collectivization of agriculture in Soviet Russia in the 20–30^s of the XX century: abstract ... PhD in Law. Kursk, 2013 (in Russ.).
48. *Kravets I.A.* The Constitution and the values of constitutionalism as a mega-paradigm // *State and Law*. 2018. No. 12. P. 54 (in Russ.).
49. *Krasnov Yu. K.* State Law of Russia. History and modernity. M., 2002. P. 145 (in Russ.).
50. *Krotkova N.V.* Reflection of the formation of Soviet law and the state apparatus in legal journals of the first decades of Soviet power // *Law and the state: theory and practice*. 2018. No. 2. P. 73, 76–79 (in Russ.).
51. *Krylenko N.V.* Forms of class struggle at this stage. M., 1933. P. 26, 27 (in Russ.).
52. *Kuritsyn V.M.* History of state and law of Russia 1929–1940. M., 1998. P. 9 (in Russ.).
53. *Kucherova M.P.* The history of the formation and development of the agrarian legislation of the Soviet and post-Soviet period (historical and legal research): abstract ... PhD in Law. SPb., 2006 (in Russ.).
54. *Laptev I.* The Soviet peasantry. M., 1939 (in Russ.).
55. *Migushchenko O.N.* The legal basis of the “enslavement” of the collective farm peasantry in the USSR // *History of the state and law*. 2016. No. 14. P. 13–17 (in Russ.).
56. *Novitsky I.B.* The legal status of agricultural collectives. M., 1929 (in Russ.).
57. *Nudnenko L.A.* Actual problems of teaching constitutional and municipal law: review // *Constitutional and Municipal Law*. 2008. No. 18. P. 38 (in Russ.).
58. *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*. M., 2006. P. 22 (in Russ.).
59. *Ozeretskovsky N.* Collective farm legislation: Systematic exposition. M., 1931 (in Russ.).
60. *Monuments of Russian law: in 35 vols: textbook-scientific manual* / under the general editorship of R.L. Khachaturov. M., 2016. Vol. 23. The first decrees of Soviet power / under the general editorship of A.A. Demichev, R.L. Khachaturov; vol. 24. Constitutions of the USSR and the RSFSR / under the editorship of R.L. Khachaturov; vol. 25. Natural resource and environmental legislation of the RSFSR / under the general editorship of S.A. Bogolyubov, R.L. Khachaturov (in Russ.).
61. *Pankratov I.F.* The development of the science of collective farm law in the USSR, 1929–1938. // *Jurisprudence*. 1962. No. 2. P. 79, 80 (in Russ.).
62. *Pashentsev D.A.* The Constitution of the RSFSR of 1918 as a monument of the revolutionary era (To the 100th anniversary of the first Russian Constitution) // *State and Law*. 2018. No. 11. P. 90–96 (in Russ.).
63. *Petrov V.N.* Collective farm law during the struggle for collectivization of agriculture (1930–1934): abstract ... PhD in Law. M., 1952 (in Russ.).
64. *Pisarev A.N.* Actual problems of constitutional law of the Russian Federation: textbook. M., 2016. P. 12 (in Russ.).
65. *Victories of socialist agriculture*. M., 1939. P. 23, 24, 26, 27 (in Russ.).
66. *Reisner M.A.* The state of the bourgeoisie and the RSFSR. M., 1923. P. 272, 275, 276, 297, 323, 324 (in Russ.).
67. *Ruskol A.A.* The subject and system of Land Law // *Proceedings of the first scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences (January 27 – February 3, 1939)* / ed. by I.T. Golyakov. M., 1940. P. 415, 416 (in Russ.).
68. *Skripilev E.A.* To the development of the history of Soviet Jurisprudence // *State and Law*. 1992. No. 12. P. 30, 32, 37 (in Russ.).
69. *Smirnov A.V.* The concept of collective farm legal relations: abstract ... PhD in Law. M., 1952 (in Russ.).
70. *The Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941* / comp. A.V. Kvashonkin, L.P. Kosheleva, L.A. Horn, O.V. Khlevnyuk. M., 1999. P. 7 (in Russ.).
71. *Solomon P.* Soviet justice under Stalin. M., 2008. P. 112, 137 (in Russ.).
72. *Stalin I.V.* To the questions of agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agrarian Marxists on December 27, 1929 // *Stalin I.V. Questions of Leninism*. M., 1953. P. 307–316 (in Russ.).
73. *Stalin I.V.* On the right bias in the CPSU (b). Speech at the plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) in April 1929 (transcript) // *Stalin I.V. Questions of Leninism*. M., 1953. P. 241–245 (in Russ.).
74. *Stalin I.V.* On the draft Constitution of the USSR. Report on the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on 25 November 1936 // *Stalin I.V. Questions of Leninism*. M., 1953. P. 547 (in Russ.).
75. *Strashun B.A.* Legal history review // the Constitution of the Russian Federation. M., 2004. P. 90 (in Russ.).
76. *Stuchka P.I.* The Doctrine of the Soviet state and its Constitution of the USSR and RSFSR. M.–Leningrad, 1929. P. 7 (in Russ.).
77. *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials*. M., 2000. Vol. 2. November 1929 – December 1930. P. 85, 86 (in Russ.).
78. *Trotsky L.D.* Literature and Revolution. M., 1991. P. 156, 157 (in Russ.).

Сведения об авторе

БЕРЛЯВСКИЙ Леонид Гарриевич – кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69; профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета; 344022 г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 162

Authors' information

BERLYAVSKY Leonid G. – PhD in Law, Doctor of History, Professor of Law Faculty, Constitutional and Municipal Law Department of Rostov state Economic University “RINH”; 69 B. Sadovaya str., 344002 Rostov-on-Don, Russia; Professor of the Department of “Civil Law” of the Don state Technical University; 162 Socialisticheskaya str., 344022 Rostov-on-Don, Russia

РОССИЯ – ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ

© 2022 г. Г. М. Вельяминов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: t-gvelyaminov@mail.ru

Поступила в редакцию 22.10.2021 г.

Аннотация. Формально-федеративный статус Российской Федерации деструктивен для ее государственной стабильности и не соответствует традициям единства страны. Территориально-национальные автономные размежевания, особенно в федерации, – верный стимул сепаратизма. Для стабильности и единства государства важно реальное обеспечение равноправия всех составляющих частей государства и всех его граждан в отношении и их национально-цивилизационного окормления независимо от места их проживания в государстве. А в местах компактного проживания тех или иных «нацменьшинств» также логично обеспечение образования на их родных языках.

Ключевые слова: Российская Федерация, федерализм, автономность, сепаратизм, унитарность, конституция, республика.

Цитирование: Вельяминов Г.М. Россия – единая и неделимая // Государство и право. 2022. № 1. С. 203–206.

DOI: 10.31857/S102694520018291-1

RUSSIA – ONE AND INDIVISIBLE

© 2022 G. M. Velyaminov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: t-gvelyaminov@mail.ru

Received 22.10.2021

Abstract. The formal federal status of the Russian Federation is destructive for its state stability, and does not correspond to its traditions of the unity of the country. Territorial-national autonomous divisions, especially in the federation, – are a sure incentive for separatism. For the stability and unity of the State, it is important to ensure the equality of all the constituent parts of the State and all its citizens in relation to their national – civilizational care regardless of their place of residence in the state. And in places of compact residence of “national minorities” as well logical is providing the education in their native languages.

Key words: Russia, federalism, autonomy, separatism, unitarity, Constitution, republic.

For citation: Velyaminov, G.M. (2022). Russia – one and indivisible // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 203–206.

Исторический фон. Можно с достаточной основательностью утверждать, что начальная государственно-политическая история России X – XIV вв. складывалась (используя устоявшиеся понятия и оценки) именно с образования, по сути, конфедерации особого типа, имея в виду т.н. Киевскую Русь, а потом последовательно и Владимиро-Суздальскую Русь. Реальная, хотя и не формальная конфедеративность при этом зиждилась на коллективно «фамильном»

владении одним родом Рюриковичей всей огромной территорией множества русских княжеств (Киевское, Рязанское, Черниговское, Московское, Переяславское, Суздальское, Владимирское и др.). Уникальность состояла в том, что княжества эти не находились в постоянном личном владении того или иного князя и его прямых потомков, но периодически перераспределялись (не всегда мирно) между отдельными лицами на основе фамильно-родового «старшинства»

в ходе и периодически проводимых княжеских съездов. Система эта была исключительно вредоносна для экономического и цивилизационного развития всего государства, ибо каждый новый очередной временщик — князь заинтересован был не в последовательном развитии княжества, а лишь в личной, ненадежно временной его эксплуатации. Не случайно отдельные княжества и назывались при этом «столами», так сказать, местом «кормления».

Очевидно, эта, причем явно уродливая конфедеративность, и была кардинальной основой торжества татаро-монгольского ига. Придя на Русь, Батый встретил здесь не общерусское национальное сопротивление и отпор, а разрозненные очаги сопротивления, а где-то и востребованности «выгод» от помощи со стороны орды во внутрирусских княжеских разборках. Соответственно, и выход из-под ига стал возможен только тогда, когда единое *унитарное* Московское княжество усилилось до того, чтобы освободиться от этого ига.

Этим и окончился единственный период специфической феодально-родовой «конфедеративности» на Руси. Дальнейшая история вплоть до нынешнего времени явно демонстрировала преимущества и успешность унитарной государственности в тех или иных ее обликах.

* * *

Придя в 1917 г. к власти и встав перед задачами государственного строительства, большевики, будучи идейными интернационалистами, прагматически, по сути, смыкались со своими заклятыми врагами-белогвардейцами, исповедовавшими «единую и неделимую» Россию! В то же время, опять же «интернационально», ища политической поддержки у национальных меньшинств, большевики вынуждены были приспособляться и к их центробежным стремлениям выхода из России, как из «тюрьмы народов».

«Баланс» этих противозначных политических парадигм найден был в образовании Союза-федерации как бы «суверенных» национальных республик. Хотя параллельное сосуществование одного или нескольких суверенных государств в другом суверенном государстве абсурдно. Один суверенитет (попросту «верховенство власти») несовместим с другим суверенитетом в одном и том же правовом пространстве.

Фактически же союзные республики контролировались московским федеральным центром посредством жесткой «единой» партийной дисциплины, а при необходимости и силы. Эта самобытная система эффективно работала до тех пор, пока не прогнил и не стал в 80-е годы прошлого века рушиться сам единый партократически «самодержавный» московский центр.

Надо особо отметить, что национально-территориальное размежевание, производившееся большевиками в 20-е годы XX в., происходило отнюдь не в соответствии с реально исторически сложившимися ареалами расселения тех или иных народностей, но открыто и даже «идейно» обосновательно проводилось преимущественно в пользу нацменьшинств в порядке, как бы выравнивая цивилизационный уровень и борьбу с российским «великодержавием».

Конституционный федерализм России. Россия в Конституции РФ (ст. 1) витиевато именуется «государством с республиканской формой правления», а не просто «республикой». Видимо потому, что далее в Конституции появляется термин «республика» применительно к одной из многообразных категорий субъектов всей Федерации. Получалось

бы нелепо: «республики в республике». Но «юридически» все равно именно так и получилось. И это практически вроде бы не столь опасно. Опасен же открытый (и даже «провокативный») путь к свободному выходу как бы суверенных республик из Федерации по опыту и распаду СССР. Иначе — прямой соблазн «наступить на те же самые грабли».

Принципиально важен **субъектный состав Российской Федерации.** Конституция РФ в ст. 65 перечисляет 85 (!) самых разнообразных субъектов Российской Федерации (от «республик» до городов федерального значения). Напомним: федерация в общем понимании объединяет *государства* (штаты, земли, области и т.п.), а не суверенные республики, а также муниципии и города. Обычным является и правовое единообразие, и одинаковый статус членов, субъектов федераций. В Российской Федерации, напротив, статус членов Федерации исключительно разнообразен. В этой связи возникают естественные сомнения в эффективности весьма неординарной федеративности. Если нельзя в одну упряжку запрячь «коня и трепетную лань», не менее странно смотрится и объединение с равными федеративными правами.

Не ясно, что являлось согласно Конституции РФ критерием признания того или иного территориального «образования» достойным субъектом Федерации? Обладают ли эти субъекты правами не только на участие, но и на выход из состава Федерации — тоже не ясно.

Напомним, что в 90-е годы прошлого столетия остро стоял вопрос именно о выходе Татарстана из состава России, и это при том, что чуть не половина населения Татарстана и его столицы Казани были русскими. С трудом удалось погасить эти поползновения посредством заключения в «пожарном» порядке временного соглашения об «особых» правах Татарстана. Не должна бы, кстати, и ныне оставаться без пристального внимания и соответствующей реакции наблюдаемая якобы в кулуарах «Казанского кремля» вовлеченность неких сил в химерические, однако сугубо вредоносные проекты создания пан-тюркского «халифата», в т.ч. и на обширных российских просторах¹.

* * *

Среди 85 субъектов Российской Федерации насчитывается и 22 весьма «разнокалиберных» республики, причем лишь в половине из них преобладает т.н. титульное население. В другой же половине явно иногда многократно преобладает русское население.

Главное же, вообще не ясно, чем реально *конституционно* отличается правоспособность республик или соответственно прав их населения от правоспособности «просто» областей и городов с русским населением? Нелепо и вообще выглядят республики, так сказать, «местные» в республике «федеративной», т.е. в Российской Федерации, а иначе — государства в государстве!

Вообще субъектный состав Федерации в силу ст. 65 Конституции РФ не имеет иных наблюдаемых в мире аналогов подобного многочисленного состава субъектов федераций, да еще и без ясного их правового статуса. По сути, это выглядит как набор совершенно разномастных по характеру, по значению и «весу» не государств или областей, но просто и городов. Не ясно также, кстати, чем отличается «автономная область» от автономного округа,

¹ См.: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/08/16/media-politika-kazanskogo-kremlya-ravnenie-na-turciyu#global-nav>

от «республики» и от просто «области» и т.д. Раз уж эти термины использованы в Конституции РФ, в ней же и именно в ней должно быть определено и их понимание. Не избавляет от таких неопределенностей и ст. 66 Конституции РФ, в которой лишь устанавливается, что тот или иной статус соответствующих субъектов определяется Конституцией РФ. Но в ней как раз этот статус просто декларируется. Неясно, по каким критериям те или иные субъекты Российской Федерации причисляются к *национальным* республикам, причем иногда их титульное по национальности население составляет лишь и до 10–12%, а русское до 70–80% от всего населения. В этом ли уважение статусности национального меньшинства?

* * *

Статья 71 Конституции РФ подробно определяет предметы ведения Российской Федерации как все, казалось бы, мыслимые кардинальные области государственного управления в политической, социальной, экономической, оборонной, судебной и т.п. сферах.

Далее, ст. 72 Конституции РФ определяет предметы *совместного* ведения Российской Федерации и ее субъектов (республики, края, области др.), т.е. компетенции, переплетающейся с компетенцией и Федерации (ст. 71). Как эта совместная компетенция «гладко» осуществляется в жизни, трудно представить себе, хотя и возникает мыслимая аналогия успешного сотрудничества.

Трудно также вообразить себе и предусматриваемую ст. 73 Конституции РФ «полноту государственной власти» у субъектов Российской Федерации «вне пределов ведения», обусловленных уже в ст. 71 и 72, в которых, кажется, представлены все вообще вообразимые сферы государственного управления.

Возникает в результате картина государственного строя, централизованного и свойственного образу унитарного государства, нежели федеративно-децентрализованного.

* * *

Конституция РФ отличается также некоей нестабильностью и многословием. По объему это – обширный нормативный правовой акт с огромными постаейными комментариями в виде решений (заключений) Конституционного Суда РФ, а также со многими поправками, дополнениями и т.п.

Все имеющие место актуальные конституционные неувязки и административные перипетии – незаживающие «родовые» травмы Конституции РФ, быстро «скроенной» и принятой впопыхах 12 декабря 1993 г. меньшинством (менее одной трети!) электората. В связи с чем она и обладает шаткой авторитарностью, что, соответственно, и иллюстрируют перманентные поправки, судебные толкования и т.п.

По сути, территориально-национальные принципы и формы еще советского государственного строительства «благополучно» перекочевали в конституционную структуру Российской Федерации. В то же время иные бывшие советские республики, ушедшие «в свободное плавание», никаких «инонациональных» режимов для территорий у себя «мудро» не завели. Российская Федерация при разделах не обеспечивала соответствующие права для русского населения.

Яркий опыт трансформации национально-территориальных образований бывшего СССР в «готовые» суверенно независимые государства может служить наглядным уроком и для возможных соответствующих эволюций и трансформаций и в Российской Федерации.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, предлагаем заменить действующую Конституцию РФ и сделать новую по-настоящему «живучей» и внятной и, прямо сказать, юридически и политически соответствующей общепринятым конституционным стандартам. Причем, подчеркнем, это не значит превращать такую замену в некую «пожарную» акцию, но имеется в виду выработать без спешки в рамках специальной созданной сугубо авторитетной комиссии – действительно достойный и должительный текст.

Можно возразить: стоит ли «затевать» такого рода юридические преобразования? Но опыт распада СССР подтверждает важность и значимость правовых «скреп» для исторических государственных судеб.

* * *

Представляется, что настало время конституционно отказаться прежде всего от федеративной, по сути, искусственной формы устройства Российской Федерации.

Формально-федеративный статус Российской Федерации деструктивен для ее государственной стабильности и не соответствует традициям единства страны. Ничем не фундирован этот статус ни исторически, ни юридически. Более того, исходя из опыта распада СССР, такой федерализм угрожает национальной катастрофой. Территориально-национальные автономные размежевания, особенно в федерации, – верный стимул сепаратизма.

Есть, между тем, в мире и иные, кроме Российской Федерации, государства с многонациональным составом населения, но сохраняющие при том свой унитарный статус.

Российская Федерация реально управляется из единого центра – Москвы, которая является средоточием всех ипостасей государственной жизни. Москва – столица не только государственная, но и хозяйственно-экономическая, образовательно-научная, культурная, спортивная и т.д. Это, по сути, абсолютный центр управления всей жизнедеятельностью государства. И любой административный субъект государства явно «ощущает» управляющую роль Москвы, что естественно именно для унитарного государства.

Пора отходить и от исторически не актуальной уже политики «поощрительных» прав и условий для национальных меньшинств в целях как бы «выравнивания» их цивилизационного уровня посредством выделения формально национальных *республик*, в т.ч. и с преобладающим *русским* населением.

По существу, трактовать равным образом равных административных субъектов государства и граждан юридически и политически было бы лишь справедливо. Надо признать искусственность любых существующих (или возможных) статусных и «ранговых» различий.

* * *

Для стабильности и единства государства важно реальное обеспечение равноправия всех составляющих частей государства и всех его граждан в отношении и их национально-цивилизационного окормления независимо от места их

проживания в государстве. А в местах компактного проживания тех или «нацменьшинств» также обеспечения и образования на их родных языках. «Республиканско-автономный» разнотел сулит лишь разнотел и в таком окормлении.

Российская Федерация «признает исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67 Конституции РФ), иными словами, «унитарность», которая фактически и наблюдается.

Сведения об авторе

ВЕЛЬЯМИНОВ Георгий Михайлович – доктор юридических наук, профессор, инвалид Великой Отечественной войны, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; постоянный арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ [w.site <velyaminovgeorgy.com>](http://w.site<velyaminovgeorgy.com>)

Административно-территориальное обустройство и жизнедеятельность государства видятся нормально зиждимыми на равноправных его административных единицах с равноправным гражданством без выделения особых «республик», но *одинаково* именуемых, к примеру, «земля» (или «землячество», или «край» и т.п.). При этом, возможно, и с традиционными, в т.ч. национальными, наименованиями.

Нам нужна Россия Великая – единая и неделимая!

Authors' information

VELYAMINOV Georgy M. – Doctor of Law, Professor, Disabled veteran of Great Patriotic War, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Permanent Arbitrator at the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

* * *

Указом Президента РФ от 20 января 2022 г. № 16 за большой вклад в развитие науки и многолетнюю добросовестную работу Г.М. Вельяминов награжден ОРДЕНОМ ПОЧЕТА.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук и сотрудники редакции журнала «Государство и право» РАН поздравляют Георгия Михайловича Вельяминова с присвоением высокой государственной награды и желают новых научных свершений!

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННОГО ПРАВА: НОВОЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2022 г. В. М. Корякин

*Российский университет транспорта, г. Москва;
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022 г.

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на второй том фундаментального научного труда «Военное право», предпринятого в 2021–2022 гг. под эгидой Института государства и права Российской академии наук. По замыслу инициаторов издания, коллективная научная монография по военно-правовой проблематике составит три тома. В 2021 г. опубликованы первые два тома: первый – «История и теория военного права»; второй том – «Современное состояние военного права (институты военного права)». Выход в свет третьего тома, посвященного перспективам развития военного права, ожидается в 2022 г. В настоящей статье кратко раскрывается основное содержание второго тома.

Ключевые слова: военное право, военная организация государства, военная служба, статус военнослужащих, материальное и социальное обеспечение военнослужащих, юридическая ответственность, военные аспекты международного права.

Цитирование: Корякин В. М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210.

DOI: 10.31857/S102694520018195-5

THE CURRENT STATE OF MILITARY LAW: A NEW FUNDAMENTAL SCIENTIFIC STUDY

© 2022 V. M. Koryakin

*Russian University of Transport, Moscow;
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Received 10.01.2022

Abstract. The publication is a review of the second volume of the fundamental scientific work “Military Law”, undertaken in 2021–2022 under the auspices of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. According to the initiators of the publication, the collective scientific monograph on military-legal issues will be three volumes. In 2021, the first two volumes were published: the first – “The history and theory of Military Law”; the second volume – “The current state of Military Law (institutes of Military Law)”. The publication of the third volume, devoted to the prospects for the development of Military Law, is expected in 2022. This article briefly reveals the main content of the second volume.

Key words: Military Law, military organization of the state, military service, status of military personnel, material and social security of military personnel, legal responsibility, military aspects of International Law.

For citation: Koryakin, V.M. (2022). The current state of Military Law: a new fundamental scientific study // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 207–210.

До недавних пор теоретические проблемы военного права как науки и как комплексной отрасли отечественной правовой системы рассматривались преимущественно в рамках многочисленных научных статей, а также в учебных изданиях (учебниках, учебных и учебно-методических пособиях), опубликованных в разные годы в нашей стране как в советский, так и в постсоветский период. Целостного же монографического, фундаментального научного исследования по военному праву, в котором освещались бы теоретические проблемы военного права и перспективы его развития, до сегодняшнего времени не предпринималось. Однако потребность в таком научном исследовании явно назрела, поскольку новые вызовы и угрозы национальной безопасности России, возникшие в XXI в., требуют пересмотра сложившихся представлений о военном праве и его роли в системе правового обеспечения обороны страны и военной безопасности государства.

Эту исключительно важную миссию взял на себя авторский коллектив трехтомного научного труда «Военное право», издаваемого под эгидой ведущей юридической научной организации — Института государства и права Российской академии наук. Издание осуществляется под общей редакцией известных специалистов в области военного права: А.Н. Савенкова, директора Института государства и права РАН, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, и А.В. Кудашкина, руководителя отделения военного права Академии военных наук, д-ра юрид. наук, проф.

В 2021 г. вышли в свет первые две книги трилогии: в первой рассмотрены проблемы истории и теории военного права¹; во второй — современное состояние военного права². Исходя из традиционного деления отраслей права на общую и особенную части, первый том следует рассматривать как общую часть военного права, второй — как особенную. Научные рецензии на первый том монографии были опубликованы ранее в ведущих военно-правовых изданиях³. Настоящая публикация раскрывает содержание второй части указанного научного издания.

Второй том монографии «Военное право» посвящен основным правовым институтам, составляющим особенную часть военного права России. Структурно он состоит из введения и предисловия, а также из четырех разделов, включающих 15 глав.

Во **введении** отмечается, что второй том монографии является логическим продолжением первого. Продолжая логику предпринятого исследования, второй том имеет с первым сквозную нумерацию разделов и глав. При этом подчеркивается, что авторы не ставили задачу охватить и описать все существующие направления науки военного права⁴. Но все, что уже сделано, показывает, что значитель-

ный массив задуманного и большая часть работы находится в стадии завершения.

В **предисловии** дана развернутая характеристика военного права как науки. В этой своей ипостаси оно представляет собой упорядоченную систему знаний о правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в сфере военной деятельности государства, и изучает правовые нормы и институты военного права как комплексной отрасли отечественной правовой системы, правотворческую и правоприменительную деятельность государства и его институтов по обеспечению обороны страны и военной безопасности Российской Федерации. Будучи органической составной частью юридической науки, военное право одновременно представляет собой относительно самостоятельный сегмент *военной науки*, под которой понимается система знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы.

В предисловии дан краткий исторический очерк становления и развития науки военного права, приведена количественная и качественная характеристика диссертаций по военному праву и военным аспектам иных юридических наук, подготовленных и защищенных в СССР, государствах — членах СНГ и в Российской Федерации в период с 1941 г. по июль 2021 г. В частности, указывается, что всего за названный период защищена 551 диссертация по научной специальности «Военное право», в т.ч. 41 — на соискание ученой степени доктора юридических наук. Всего же с учетом диссертаций по военно-правовым проблемам, подготовленных в рамках иных юридических наук, в нашей стране защищено 1211 диссертаций по военно-правовой проблематике. Данные цифры позволяют с оптимизмом смотреть на будущее военно-юридической науки, поскольку интерес к данной области научного знания не ослабевает.

В **первом разделе** второго тома (по общей нумерации трехтомника — разд. III) дается научный анализ таких важнейших подотраслей военного права, как *военная служба и статус военнослужащих*. Это наиболее объемный раздел, включающий *восемь глав*, состоящих из *31 параграфа*. Здесь рассмотрены следующие институты и подинституты военного права:

комплектование военной организации государства личным составом (воинская обязанность и формы ее реализации; добровольное поступление на военную службу; комплектование гражданским персоналом);

военная служба в Российской Федерации (понятие военной службы и ее виды; военная служба как вид государственной службы; принципы военной службы; военно-служебные отношения; особенности воинских правоотношений в военное время и в боевой обстановке);

военнослужащий как субъект права (военнослужащие и их статус; права и обязанности военнослужащих; запреты и ограничения, связанные с военной службой);

юридическая ответственность военнослужащих (понятие юридической ответственности военнослужащих; дисциплинарная, административная, гражданско-правовая, материальная и уголовная ответственность военнослужащих; особенности юридической ответственности военнослужащих в военное время и в боевой обстановке; исполнение уголовных наказаний в отношении военнослужащих);

социально-правовое обеспечение военнослужащих, лиц, проходивших военную службу, и членов их семей

¹ См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). — 566 с.

² См.: там же. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — 888 с.

³ См.: *Корякин В.М.* Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 10. С. 2–9; *Холиков И.В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // *Военное право*. 2021. № 5. С. 222–228.

⁴ См.: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // *Государство и право*. 2021. № 4. С. 7–34.

(понятие и формы социального обеспечения военнослужащих; гарантии, льготы и компенсации военнослужащих; страхование военнослужащих; пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу, и их семей);

правовые аспекты материального обеспечения военнослужащих (обеспечение денежным довольствием; продовольственное и вещевое обеспечение; жилищно-правовые отношения с участием военнослужащих; медицинское обеспечение и торгово-бытовое обслуживание военнослужащих);

судебная защита прав и законных интересов военнослужащих (защита в гражданском и административном судопроизводстве; судебная защита прав и законных интересов военнослужащих в уголовном судопроизводстве; возмещение вреда, причиненного военнослужащему);

особенности военной службы и статуса военнослужащих в войсках национальной гвардии, иных воинских формированиях и государственных органах Российской Федерации.

Важное место в структуре рецензируемого тома монографии занимает его **второй раздел** (по общей нумерации – разд. IV), в котором рассматриваются вопросы *правоприменительной и правоохранительной деятельности в военной организации государства*.

Раздел состоит из *двух глав*.

Первая из них посвящена анализу проблем предупреждения правонарушений военнослужащих. Здесь рассматриваются такие важные вопросы военного права, как законность, правопорядок и воинская дисциплина; уголовно-процессуальный статус органов дознания в Вооруженных Силах РФ и их уголовно-процессуальная деятельность; предупреждение правонарушений органами военной юстиции.

Вторая глава второго раздела рецензируемой книги – вопросам организации и деятельности органов военной юстиции, каковыми являются военные суды Российской Федерации, органы военной прокуратуры, военные следственные органы Следственного комитета РФ, юридическая служба Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов.

Третий раздел тома (по общей нумерации – разд. V) именован «*Правовое положение военных организаций и организаций ОПК и организационно-правовые основы их деятельности*». Он включает *три главы*, в которых раскрывается содержание таких областей правового регулирования нормами военного права, как:

а) правовое положение военных организаций (понятие, разновидности военных организаций и особенности их участия в различных видах правоотношений; юридическая личность военных учреждений и унитарных предприятий военного ведомства; правовой режим имущества военных организаций; понятие войскового (корабельного) хозяйства и правовые основы организации его ведения);

б) правовое обеспечение экономической деятельности военных организаций (правовое обеспечение финансовой деятельности военных организаций; финансовое обеспечение, бюджетный (бухгалтерский) учет и налогообложение военных организаций; защита прав военных организаций в арбитражном процессе);

в) правовые основы деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса (понятие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и его структура, виды

организаций ОПК; особенности управления организациями ОПК; правовые формы деятельности организаций ОПК по исполнению государственного оборонного заказа; санкционные режимы, действующие в отношении российских организаций оборонного комплекса).

В четвертом, заключительном, разделе второго тома монографии рассматриваются *военные аспекты международного права и военное право зарубежных государств*. Здесь анализируются такие военные аспекты международного права, как международно-правовые формы военного сотрудничества, военно-техническое сотрудничество государств, международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право, правовые основы пребывания войск за границей и их участия в миротворческой деятельности, международное морское право, международное воздушное и космическое право.

Отдельному исследованию в данном разделе подвергнуты институты военного права ведущих зарубежных государств – США, Германии, Великобритании, Франции.

Уже одно перечисление основных тем, освещенных во втором томе, показывает масштаб и фундаментальность проведенного исследования и подтверждает основной признак военного права как отрасли права и отрасли научного знания – его комплексность.

Важно заметить, что значительный массив военно-правовой информации носит закрытый, не подлежащий разглашению характер ввиду ее отнесения к сведениям ограниченного распространения. В связи с этим, по нашему мнению, для более полного видения всей совокупности военно-правовых проблем целесообразно было бы подготовить и издать отдельной книгой научный труд по военному праву по закрытой тематике с указанием соответствующего грифа секретности. Безусловно, такое издание должно быть осуществлено с соблюдением соответствующих правил, а его авторы должны иметь оформленный в установленном порядке допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Как представляется, такой научный труд вполне по силам было бы осуществить в Военном университете Минобороны России, который располагает соответствующей и материальной, и кадровой базой для проведения такого рода военно-правовых исследований. Именно здесь создан и успешно функционирует единственный в России специальный диссертационный совет по научной специальности «Военное право».

Обзор рецензируемого научного труда был бы неполным без краткой количественной и качественной характеристики его авторского коллектива, включающего 36 авторов. В их числе – 15 докторов юридических наук, из которых 10 человек защитили диссертации по научной специальности «Военное право»; 20 кандидатов юридических наук, 17 из них являются авторами диссертаций по научной специальности «Военное право». В числе авторов – член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, пять заслуженных юристов РФ. Как видно, научный потенциал авторского коллектива рецензируемого научного издания весьма высок, здесь нет случайных людей, все авторы – признанные специалисты в области военного права.

Показательным является представительство в авторском коллективе научных и образовательных организаций России. Более трети членов коллектива представляют Военный университет Министерства обороны РФ, что вполне объяснимо, поскольку в данном военном образовательном учреждении более полувека функционирует научная школа военного права, действует соответствующий диссертационный

совет. Авторский коллектив монографии представлен также учеными ведущих юридических вузов страны: Института государства и права РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова (юридический факультет), Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российского государственного университета правосудия, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Разнообразна и ведомственная принадлежность авторов: Минобороны России, Росгвардия, ФСБ России, МЧС России, а также Верховный Суд РФ, АО «Рособоронэкспорт», иные органы и организации.

Все это свидетельствует об объективности и достоверности результатов научного исследования, представленных в монографии.

* * *

Таким образом, отечественная юридическая наука в 2021 г. пополнилась новым весьма значительным фундаментальным научным трудом, который востребован как научными работниками, так и специалистами-практиками, занимающимися правотворческой и правоприменительной деятельностью в области правового обеспечения обороны страны и военной безопасности государства.

В текущем году ожидается выход в свет третьего тома монографии, который будет посвящен основным проблемам и перспективным направлениям военно-правовых исследований. Поэтому мы еще вернемся к этой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория во-

Сведения об авторе

КОРЯКИН Виктор Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Российского университета транспорта; 127994 г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 4; профессор 25-й кафедры Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

енного права (с предисловием); т. II: Современное состояние военного права (институты военного права).

2. *Корякин В.М.* Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2021. № 10. С. 2–9.
3. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.
4. *Холиков И.В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5. С. 222–228.

REFERENCES

1. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I: History and theory of Military Law (with a preface); vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law) (in Russ.).
2. *Koryakin V.M.* Military Law in the XXI century: a fundamental study of modern problems of Military Law // Law in the Armed Forces – military legal review. 2021. No. 10. P. 2–9 (in Russ.).
3. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 7–34 (in Russ.).
4. *Kholikov I.V.* History and theory of Military Law: the first fundamental research // Military Law. 2021. No. 5. P. 222–228 (in Russ.).

Authors' information

KORYAKIN Viktor M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department “Civil Law, Private International Law and Civil Procedure” of the Russian University of Transport; 9–4 Obratsova str., 127994 Moscow, Russia; Professor of the 25th Department of Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

**ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РАН С ГЛУБОКИМ
ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕТ О КОНЧИНЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО, ДОКТОРА
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
НАУКИ РФ, ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛУНЕЕВА**

6 января 2022 г. на 90-м году ушел из жизни выдающийся советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии Российской Федерации по науке и технике Виктор Васильевич Лунеев.

Отечественное и мировое юридическое сообщество понесло невосполнимую утрату, не стало выдающегося ученого и педагога в области юридической науки и ее правоприменения. Виктор Васильевич Лунеев по праву считался основоположником отечественной школы криминологии и юридической статистики, им не только многое сделано для развития этих областей и уголовного права в целом, но и для становления в стенах Института государства и права одной из лучших отечественных юридических школ и подготовки многих поколений высокопрофессиональных российских правоведов.

По окончании в 1962 г. военно-юридического факультета на протяжении ряда лет проходил службу в органах военной прокуратуры. В 1970 г., после защиты (без отрыва от военной службы) кандидатской диссертации на тему «Мотивация воинских преступлений», он назначен на кафедру уголовного права и процесса военно-юридического

факультета Военно-политической академии, где преподавал криминологию, уголовное право, юридическую статистику и проводил криминологические исследования в сфере проблем борьбы с преступностью в Вооруженных Силах. В 1980 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих».

Более 30 лет научная и трудовая деятельность В.В. Лунеева связана с Институтом государства и права РАН, где он возглавил сектор уголовного права и криминологии. С 1998 г. руководил Московским исследовательским центром по проблемам организованной преступности и коррупции, организованном на базе Института.

Фундаментальные научные труды и исследовательская работа В.В. Лунеева составляют гордость Института и основу его академических традиций. Его опыт и знания были востребованы при разработке ряда основополагающих законов страны, в т.ч. проектов отечественных Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, и многих других. Благодаря его усилиям успешно развивалось международное сотрудничество в области криминологии

и противодействия преступности, решен ряд актуальных задач совершенствования российского законодательства.

Виктор Васильевич Лунеев – автор свыше 300 фундаментальных научных, научно-публицистических и учебных работ. Среди них, безусловно, «Советская криминология» (1978), «Мотивация преступного поведения» (1991), «Курс мировой и российской криминологии» (2015) и др. Многие из которых переизданы несколько раз, десятки его работ изданы за рубежом.

Подготовленная В. В. Лунеевым монография «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» не только получила высокую оценку зарубежного и российского научного сообщества, но и включена в библиографию ведущих университетов мира. В 1999 г. за цикл работ «Мировые, региональные и российские тенденции преступности XX века» В. В. Лунееву присуждена Государственная премия Российской Федерации по науке и технике.

Виктор Васильевич активно и плодотворно работал в составе общественно-консультативного совета РАН, Экспертного совета Комитета по безопасности и Комиссии по борьбе с коррупцией Государственной Думы РФ, Комиссии

при Президенте РФ по государственным премиям, редколлегии журнала «Государство и право» РАН и других юридических журналов, ряда диссертационных советов.

Большое внимание В. В. Лунеев уделял подготовке научных и научно-педагогических кадров. Под его руководством успешно подготовлены и защищены десятки диссертационных исследований.

Испытываю особую гордость и чувство огромной благодарности Виктору Васильевичу Лунееву, который все эти годы являлся для меня не только научным наставником и старшим товарищем, но и Учителем с большой буквы этого слова.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет, редакционная коллегия и сотрудники редакции журнала «Государство и право» РАН выражают глубочайшие соболезнования родным, близким и коллегам Виктора Васильевича Лунеева. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах!

**Директор Института государства и права
Российской академии наук,
член-корреспондент РАН
А. Н. Савенков**

**УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ
УЧЕНЫЙ-ПРАВОВЕД, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ ПЕРЕВАЛОВ**

7 января 2022 г. на 81-м году скончался выдающийся советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории государства и права Уральского государственного юридического университета Виктор Дмитриевич Перевалов.

Юридическое сообщество страны потеряло выдающегося ученого и педагога в области юридической науки, которым многое сделано не только для ее развития, но и становления одной из лучших отечественных школ права и подготовки в ее стенах высокопрофессиональных российских правоведов.

Фундаментальные научные труды и исследовательская работа В.Д. Перевалова стали одним из слагаемых становления фундамента правовых основ в российском обществе. Его опыт и знания были востребованы при разработке проекта Конституции РФ и других основополагающих законов страны, благодаря его усилиям успешно развивалось международное сотрудничество в области юриспруденции, консолидированы интеллектуальные и организационные ресурсы для решения актуальных задач практического применения правовых норм, совершенствования российского законодательства. В.Д. Перевалов известен как авторитетный ученый, блестящий юрист, талантливый организатор, высококлассный специалист в области высшего

юридического образования как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

Виктор Дмитриевич Перевалов родился 6 ноября 1941 г. в с. Большая Грязнуха Каменского района Свердловской области. Свою биографию Виктор Дмитриевич сделал сам: от разнорабочего и токаря-инструментальщика до ректора известного российского вуза, президента Российского союза юристов.

В 1968 г. окончил Свердловский юридический институт. Уже во время обучения были изданы первые публикации его научных работ. После окончания института поступил в аспирантуру по кафедре теории государства и права и под руководством Сергея Сергеевича Алексея в 1972 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а в 1987 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Вся профессиональная деятельность В.Д. Перевалова неразрывно связана со Свердловским юридическим институтом — Уральской государственной юридической академией — Уральским государственным юридическим университетом. Более полувека он проработал на кафедре теории государства и права, пройдя путь от преподавателя до заведующего кафедрой, с 1988 г. — проректор вуза по научной работе, с 2001 г. — ректор УрГЮА, с 2007 г. — Президент УрГЮА-УрГЮУ.

В.Д. Перевалов – выдающийся ученый, известный специалист в области теории государства и права. Им опубликовано более 200 научных трудов, в числе которых монографии, статьи, учебники по теории государства и права, политологии, конституционному праву. Под его руководством и научным консультированием защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций. Ученики Виктора Дмитриевича трудятся в правоохранительных органах и юридических службах во всех уголках нашей страны.

Свои профессиональные знания и навыки он успешно применял на практике, работая в составе научно-консультативных советов и комиссий Генеральной прокуратуры и Минюста России, неоднократно выступал в качестве эксперта при подготовке законопроектов федерального уровня.

В.Д. Перевалов стоял у истоков создания Европейско-Азиатского правового конгресса, учрежденного Ассоциацией юристов России в 2007 г. и ставшего визитной карточкой России в мировом юридическом сообществе. Будучи председателем Исполнительного комитета, Виктор Дмитриевич принимал непосредственное участие в подготовке к проведению ежегодных сессий Европейско-Азиатского правового конгресса, руководил Координационным центром Института права БРИКС, нацеленного на развитие академического сотрудничества между учебными заведениями Бразилии, России, Индии, Китая, Республики Южная Африка.

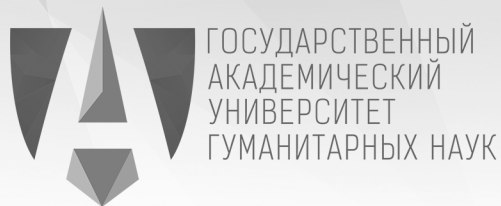
Заслуги В.Д. Перевалова нашли широкое признание в нашей стране и за ее пределами. Он награжден орденами

Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, более 20 медалями, удостоен званий «Заслуженный юрист Российской Федерации», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», «Почетный сотрудник МВД России» и других профессиональных и научных наград. В.Д. Перевалов в 2005 г. в Оксфорде получил международную награду «Объединённая Европа», в 2013 г. стал лауреатом Высшей юридической премии «Юрист года», в 2017 г. – лауреатом Всероссийской премии им. С.С. Алексеева «За заслуги в юриспруденции».

Жизнь Виктора Дмитриевича Перевалова есть подтверждение лучших традиций нашей страны и ее правовой науки. Свои энергию и патриотизм он посвятил их защите, обеспечению национальной безопасности, созданию лучших научных школ. Жил смело и решительно, как диктовали ему ум и сердце.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет, редакционная коллегия и сотрудники редакции журнала «Государство и право» РАН выражают глубочайшие соболезнования родным, близким и коллегам Виктора Дмитриевича Перевалова в связи с его кончиной.

**Директор Института государства и права
Российской академии наук,
член-корреспондент РАН
А.Н. Савенков**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01

**Юриспруденция
(гражданско-правовой
профиль)**

МАГИСТРАТУРА
40.04.01

**Правовое обеспечение
предпринимательской
деятельности**

АСПИРАНТУРА
40.06.01

**Теория и история права
и государства; история
правовых учений**
**Гражданское право;
предпринимательское право;
семейное право; международное
частное право**

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).